PN 677
.K5
1869

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

C9R

C4R

ОЧЕРКИ

изъ

ИСТОРІИ

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. КИРПИЧНИКОВА.

11

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП. У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1869.

1-25

496
1025

ОЧЕРКИ

изъ

ИСТОРІИ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Рес 73

Kirpichnikov, Aleksandr Ivanovich.
Ocherki iz istorii srednevekovoi literatury.

ОЧЕРКИ

изъ

ИСТОРІИ

СРЕДНЕВѢКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. КИРПИЧНИКОВА.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП. У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1869.

PN677
.K5
1869

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Хотя всеобщая литература, какъ самостоятельный предметъ, входящій въ кругъ общаго образованія, существуетъ у насъ очень недавно, однако всѣмъ понятна ея необходимость.

Только народная наша поэзія имѣетъ право назваться вполнѣ самостоятельной, но и ея пониманіе обусловливается знакомствомъ съ поэтическими вымыслами другихъ странъ; исторія допетровской литературы раздѣляется многими на періоды по тѣмъ литературамъ, которыя имѣли на нее вліяніе, а съ Петра начинается эпоха подражанія. Сознаніе этой зависимости было причиною появленія переводовъ нѣсколькихъ популярныхъ сочиненій по литературѣ новой, но средніе вѣка остались въ сторонѣ, такъ что человѣкъ, мало знакомый съ новыми языками и желающій нѣсколько познакомиться съ поэзіей этой эпохи, могъ имѣть подъ руками только старинный переводъ Вильменя, а между тѣмъ всякій понимаетъ, что безъ знакомства съ средними вѣками, хотя бы самаго поверхностнаго, нельзя уяснить себѣ многія явленія новой литературы. Мы рѣшились, на сколько хватитъ умѣнья и силъ, пополнить этотъ недостатокъ.

Предлагаемая книга не есть диссертація, и мы отказываемся заранѣе отъ всякаго притязанія на самостоятельность изслѣдованія; въ этой книгѣ читатель не найдетъ ни одного новаго, отъисканнаго авторомъ факта, ни одного новаго взгляда; и факты и выводы, здѣсь приведенные, спеціалистъ встрѣчалъ уже во множествѣ иностранныхъ сочиненій, и преимущественно тѣхъ, которые на западѣ считаются популярными; трудъ автора состоялъ только въ собираніи и группировкѣ ихъ. Вслѣдствіе этого, мы почти не дѣлаемъ здѣсь ссылокъ, которыя, по большей части, существуютъ только какъ ученый аппаратъ, и приводимъ цитаты только изъ памятниковъ.

Книга наша можетъ только *познакомить* съ нѣкоторыми сторонами средневѣковой литературы, но *изучать* ее по ней невозможно; поэтому мы охотно сознаемся, что памятники древненѣмецкіе и древнефранцузскіе переведены нами не съ подлинниковъ, а съ переводовъ, и что иногда переводъ замѣняется пересказомъ.

А. Кирпичниковъ.

Москва. Іюня 10.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Германцы. Скандинавы; образъ ихъ жизни. Пѣсни древней Эдды миѳическія, нравственныя и героическія. Новая Эдда. Вользунга сага. Нибелунги. 1

Глава II. Романы о рыцаряхъ Круглаго Стола Литература предмета. Судьбы Кельтовъ. Хроника Монмоута. Жизнь Мерлина. Разсказы изъ Красной Книги. Романы де Труа. Вольфрамъ Эшенбахъ. Прозаическіе романы. . 84

Глава III. Драма въ средніе вѣка. Общія замѣчанія. Мистерія Воскресенія. Чудо Богородицы. Росвита. 206

Глава IV. Латинскіе сборники. Поученіе клерику. Римскія Дѣянія. Разговоръ о чудесахъ. 255

ГЛАВА I.

Во всемірной исторіи, также какъ и въ природѣ, все подвержено закону жизни человѣческой: цѣлые народы и ихъ идеи, исполнивъ свою задачу въ культурѣ человѣчества, доходятъ до старости и разложенія. Античный міръ, справедливо пользующійся доселѣ великимъ уваженіемъ и привлекающій къ себѣ по преимуществу передъ всѣми другими эпохами вниманіе мыслящаго человѣка, послѣ Р. Хр. завершилъ кругъ своего развитія. Много сдѣлали Греки и Римляне для великой идеи міроваго прогресса, но ихъ не миновалъ тотъ рокъ, который царитъ надъ богами Гомера. Идея красоты, разработанная Греками, идея закона и политики, разработанная Римлянами, никогда не потеряютъ для потомства своего значенія. Но во 2 в. всѣмъ было ясно, что время гибели не далеко. Въ исторіи мало картинъ, сколько нибудь приближающихся, по тягостному впечатлѣнію, ими производимому, къ тому, что изображаетъ намъ великій Тацитъ въ столицѣ міра. Читая его правдивый разсказъ, лишенный почти всякихъ украшеній, мы чувствуемъ ангела смерти, который носится надъ міровымъ городомъ. Сатиры Ювенала, грязныя повѣсти Петронія дополняютъ намъ рѣзкими чертами эту страшную картину. На улицахъ Рима все кипитъ жизнью: множество праздниковъ, тріумфальныхъ шествій и торжествъ даютъ возможность огромной толпѣ горожанъ весело проводить

свой день на широкихъ улицахъ, построенныхъ Нерономъ. Великолѣпные дворцы богачей, отдѣланные съ необыкновенной роскошью греческими архитекторами, представляютъ блестящую декорацію; на улицахъ тѣснится въ праздничныхъ одеждахъ толпа простыхъ людей, пришедшихъ сюда смотрѣть тріумфальное шествіе полководца императора, который ведетъ за собою нѣсколько тысячъ плѣнныхъ въ невиданныхъ одеждахъ, съ невиданнымъ оружіемъ; за ними несутъ добытыя храбростью Римлянъ ихъ сокровища и рѣдкости; послы отдаленныхъ варварскихъ народовъ идутъ въ національныхъ одеждахъ пасть къ ногамъ повелителя Рима, который для своихъ Римлянъ есть только первый гражданинъ ихъ города. Отсюда народъ пойдетъ или въ театръ, или циркъ, на представленія, стоющія нѣсколько миліоновъ сестерцій, гдѣ бѣдныхъ гражданъ даромъ накормятъ, одѣнутъ и угостятъ невиданнымъ зрѣлищемъ, и все это, повидимому, безъ малѣйшаго отягощенія для казны. Дворцы богачей заключаютъ внутри себя всѣ богатства духовной и матеріальной культуры: мраморные фонтаны украшены богатыми греческими барельефами, статуи великихъ художниковъ, тѣ статуи, до которыхъ современное намъ искусство не въ состояніи достигнуть, тамъ стоятъ во множествѣ; богатыя библіотеки, иногда изъ нѣсколькихъ тысячъ свитковъ, находятся почти во всякомъ домѣ. Всякій богачъ держитъ при себѣ одного или нѣсколькихъ ученыхъ, которые излагаютъ ему всѣ философскія системы, критикуютъ Гомера и Софокла, проявляютъ необыкновенную умственную ловкость въ спорѣ о днѣ рожденія Геркулеса. Во внѣшнемъ убранствѣ покоевъ видны богатства и роскошь, въ наше время почти неслыханныя. Владѣтель этого—римскій патрицій, въ дорогой, изящно сшитой одеждѣ, съ расчесанными и подвитыми греческимъ парикмахеромъ волосами, облитый азіатскими духами, фунтъ которыхъ стоитъ дороже пяти рабовъ, представляется своимъ кліентамъ и рабамъ почти богомъ, — такъ недоступенъ онъ несчастіямъ смертныхъ. Вся жизнь

его, повидимому, есть рядъ непрерывно измѣняющихся наслажденій.

Но оберните медаль, и вы увидите во всемъ ложь и обманъ. Эта разодѣтая толпа на половину состоитъ изъ людей, которые, лишившись подачекъ правительства, завтра же перемрутъ съ голоду.

Что есть истина? спросилъ Пилатъ Христа и, не дожидаясь отъ него отвѣта, перешелъ къ народу. Въ этомъ глубоко трагическимъ вопросѣ скрыта вся катастрофа древняго міра. Истины не было ни въ политикѣ, ни въ наукѣ, ни въ религіи, ни въ нравственности. Лучшіе люди имперіи, какъ Тацитъ и Ювеналъ, искали ея въ римской старинѣ, но возвратъ къ старому въ исторіи невозможенъ; судьба гнала ее впередъ, а для Римлянина ничего не было впереди. Многіе не переживали такого ужаснаго нравственнаго положенія и самовольно прекращали всѣ счеты съ надоѣвшей имъ жизнью. Число самоубійстъ умножалось день ото дня. Лишали себя жизни не голодные бѣдняки, предпочитавшіе быструю смерть долгимъ страданіямъ, но молодые аристократы, которымъ судьба дала всѣ средства для наслажденій. Они убивали себя не въ припадкѣ отчаянія, подходящаго къ сумашествію, но спокойно, послѣ веселаго пира выпивали кубокъ яду, или, весело разговаривая съ друзьями, отворяли себѣ жилы въ теплой водѣ. Они не бѣжали отъ жизни, какъ отъ чего нибудь страшнаго, но бросали ее, какъ наскучившую игрушку. Масса, народъ, безъ сомнѣнія, есть главный элементъ въ исторіи, но въ извѣстную эпоху цивилизаціи передовые люди служатъ лучшимъ мѣриломъ. Въ Римѣ императорскомъ передовые люди отказались отъ цивилизаціи и прогресса. Старый, обветшавшій міръ медленно разрушался; на сцену исторіи должны были выступить новые народы, чтобы обновить и освѣжить ее.

На дальнемъ Сѣверѣ, въ глубинѣ дѣвственныхъ лѣсовъ, уже нѣсколько столѣтій жили Германцы. Они познакомили

Римъ съ собою еще во время республики, когда стремились съ альпійскихъ вершинъ на огромныхъ деревянныхъ щитахъ своихъ, великаны сѣвера, покрытые звѣриными шкурами, съ головами, украшенными рогами быка, зубами медвѣдя, съ тяжелыми дубинами въ рукахъ. Когда издали они впервые свой страшный воинскій крикъ, похожій скорѣе на звѣриный ревъ, чѣмъ на человѣческій звукъ, когда съ воинской яростью бросились они въ безпорядкѣ на мечи и копья Римлянъ, ободряемые криками и заклинаніями полуобнаженныхъ женщинъ, съ распущенными волосами, — въ первый разъ дрогнули побѣдоносные римскіе легіоны. Старѣющійся древній міръ какъ бы предчувствовалъ, что онъ скоро уступитъ мѣсто страшнымъ сѣвернымъ варварамъ. Но намъ теперь Германцы этого періода не кажутся такъ звѣрообразными, какъ показались они солдатамъ Марія. Самъ Тацитъ отнесся съ сочувствіемъ къ этому простому, грубому, но дѣвственно чистому народу. Онъ не зналъ, конечно, той великой роли, которую пришлось играть ему. Онъ указывалъ Римлянамъ на нихъ, какъ на образецъ для подражанія, какъ на примѣръ, который можетъ исправить испорченные нравы его согражданъ. Цѣль его не была достигнута, но его книга о Германіи открываетъ намъ первую страницу ихъ исторіи. Внѣшняя обстановка древняго Германца не была блестяща и разнообразна. Небольшія, плохо сдѣланныя избы, къ которымъ примыкали всѣ надворныя строенія, не соединялись въ деревни или города, потому что Германецъ не любилъ стѣснять себя близкими сосѣдями. Грубо сдѣланная домашняя утварь была не многочисленна; Германецъ не былъ разборчивъ и довольствовался кускомъ мяса, изжареннымъ на угольяхъ и кружкой пива. Одежда плохо защищала его отъ сѣверныхъ холодовъ; дѣти вовсе обходились безъ нея, и взрослые часто нагіе лежали передъ костромъ. Всѣ домашнія работы лежали на женщинахъ; мужъ занимался только войною, игрою въ кости и пьянствомъ. Чѣмъ же былъ страшенъ этотъ грубый народъ Римлянамъ? Сила, передъ которой всегда склоняются и умъ, и

цивилизація, если только не принимать ее въ узкомъ значеніи физической силы.

Но картина, нарисованная Тацитомъ, не полна во многихъ отношеніяхъ: какъ человѣкъ чужой, не знающій даже языка того народа, который онъ описывалъ, онъ останавливается почти исключительно на внѣшней сторонѣ жизни, да и ту описываетъ очень кратко, а другихъ источниковъ одинаковой древности нѣтъ; позднѣйшіе застаютъ Германцевъ уже сильно измѣнившимися подъ вліяніемъ римской цивилизаціи; Германцы скоро выучились пить вино, носить дорогія платья, скоро проникло сюда Христіанство, и древній Германецъ изчезъ навсегда. Гдѣ же средства познакомиться съ нимъ въ древнѣйшей формѣ?

По древнесѣверному преданію въ незапамятныя времена, одно изъ германскихъ племенъ, пришедшее изъ Азіи подъ предводительствомъ Одина и 12 начальниковъ, проникло на сѣверъ: это племя называлось Скандинавы. Страна, въ которую пришли они, была бѣдна и холодна; имъ пришлось вести борьбу и съ природой, и съ дикими Финнами и Лапландцами, первоначальнами поселенцами. Эта борьба и невозможность чужеземнаго вліянія долго держала ихъ въ состояніи первоначальной грубости и силы; нельзя сказать, чтобъ у нихъ не было прогресса и цивилизаціи; Скандинавъ X вѣка во многомъ отличался отъ своего предка II или III вѣка: онъ былъ несравненно умнѣй, развитѣй и гуманнѣй его; но эта цивилизація была своя, національная нѣмецкая. Такимъ образомъ знакомство съ образомъ жизни и понятіями Скандинава объяснитъ и дополнитъ намъ то довольно смутное понятіе, которое на основаніи Тацита можемъ мы составить о творцахъ новой исторіи, а богатая скандинавская поэзія сагъ, пѣсенъ и полумиѳическихъ лѣтописей дастъ возможность составить себѣ довольно полную картину ихъ жизни.

Когда рождался на свѣтъ Скандинавъ, его несли къ отцу и клали передъ нимъ на полъ: отецъ могъ принять и не принять его; въ послѣднемъ случаѣ младенца убивали, но

эти случаи были рѣдки; если же отецъ принималъ его, его окунали въ воду и давали ему имя, а потомъ мать кормила его грудью до тѣхъ поръ, пока онъ могъ ходить; послѣ этого ему давали полную свободу и до совершеннолѣтія не обращали на него вниманія; мальчикъ бѣгалъ, игралъ и дрался съ товарищами; изрѣдка выходилъ къ ребятамъ отецъ или старшій братъ, сажалъ его на лошадь, училъ его прыгать и драться. Богатые люди по большой части отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе бѣднымъ знакомымъ, чтобы они заранѣе пріучались переносить голодъ, холодъ и нужду. Въ дѣтскихъ играхъ ребенокъ выбиралъ себѣ друга, съ которымъ онъ иногда заключалъ, при извѣстныхъ обрядахъ, побратимство на всю жизнь; такимъ образомъ часто бѣдные ярлы (дворяне) бывали побратимами могучихъ королей. Вотъ ребенокъ сталъ уже юношей и ему пріискиваютъ невѣсту; если ея родители согласны, назначается обрученье, на которомъ женихъ и невѣста, стоя въ кружкѣ другихъ людей, изъявляли свое согласіе; потомъ женихъ сажалъ невѣсту на колѣни и цѣловалъ ее. Сватьба освящалась молотомъ; старшему родственнику невѣсты женихъ платилъ за невѣсту выкупъ, а невѣста приносила съ собою въ домъ мужа приданое, которое навсегда оставалось ея собственностью и обезпечивало ея положеніе. Женщина въ Скандинавіи стояла выше, чѣмъ въ древнемъ мірѣ, пользовалась большимъ уваженіемъ; скандинавскія женщины достойны были своего высокого положенія: и въ сагахъ, и въ исторіи мы находимъ доказательства ихъ вѣрности; такъ въ Вользунга-сага жена, отмстивъ своему мужу за убитыхъ имъ ея родственниковъ, нѣжно прощается съ братомъ, который поджегъ его дворецъ, а умирать идетъ все же вмѣстѣ съ мужемъ; вообще германская жена, даже въ ту грубую эпоху, когда только физическая сила доставляетъ господство, совсѣмъ не похожа на слабыхъ женъ ахейскихъ, которыя имѣютъ значеніе только по отношенію къ мущинамъ; она дѣйствуетъ сама, по собственной волѣ и часто составляетъ центръ саги. Женившись Норманнъ

становился полноправнымъ гражданиномъ своей страны; если онъ оставался дома и не посвящалъ себя исключительно войнѣ, его главнымъ занятіемъ становилось скотоводство; съ домашними животными онъ жилъ, какъ съ друзьями; кони, коровы, быки и собаки играютъ не послѣднюю роль въ миѳологіи и сагахъ; но духъ предпріимчивости даже и не воина гналъ изъ дома, и торговля, преимущественно морская, сопряженная со множествомъ опасностей, пользовалась большимъ уваженіемъ; купцы бывали при случаѣ и морскими разбойниками—этого никто не считалъ за безчестіе. Корабль украшался съ возможной роскошью, и въ сагахъ его хозяинъ обращается съ нимъ, какъ съ живымъ человѣкомъ. Дома Скандинавъ жилъ очень просто: одна изба служила вмѣсто всѣхъ отдѣльныхъ строеній, которыя явились въ послѣдствіи; она состояла изъ одной большой комнаты, къ которой съ боковъ примыкали 2 маленькія спальни; въ залѣ сидѣли мущины и женщины; здѣсь ѣли и пили, работали, и здѣсь же находился очагъ; ѣда и питье отличались той же простотой: мясо, которое брали руками, хлѣбъ, и творогъ служили почти единственными блюдами; сыворотка и пиво—питьемъ; столъ былъ обыкновенно довольно скуденъ и немногосложенъ; только въ праздникъ все измѣнялось: залу чистили, на глиняный полъ стлали ковры, коврами и оружіемъ украшали стѣны; гости собирались рано, и съ полудня начинался обѣдъ, послѣ котораго мущины не вставали изъ за стола; кружки съ пивомъ—напиткомъ боговъ, а иногда и съ виномъ все чаще и чаще обходили пирующихъ, и веселье кончалось опьянѣніемъ гостей и хозяевъ. Кромѣ праздниковъ, Скандинавъ отлагалъ свою обычную умѣренность и бережливость въ случаѣ прибытія путешественника; гостепріимство было настолько народною чертою, что въ теплое время дверь стояла постоянно отворенною; всякій пришелецъ принимался какъ дорогой, давно ожидаемый гость; хотя бы то было въ глухую полночь, хозяинъ вставалъ и выходилъ къ нему, обсушивалъ его платье, кормилъ и поилъ его

всѣмъ, что было лучшаго въ домѣ и укладывалъ спать; если тотъ хотѣлъ отправиться на слѣдующее утро, хозяинъ заставлялъ его взять подарокъ. Даже злѣйшему врагу нельзя было отказать въ ночлегѣ и ужинѣ; хозяинъ могъ только быть съ нимъ не очень любезнымъ; но и такихъ примѣровъ немного въ сагахъ. «Я знаю, что вы злые люди, говоритъ хозяинъ, но все равно: ужинайте и переночуйте у меня.» Другой, принимая своихъ враговъ и опасаясь, чтобъ они не приняли его любезность за желаніе мириться, угощаетъ ихъ только творогомъ и сывороткой и говоритъ;» «по нашему это блюдо называется негостепріимствомъ.»

Скандинавы были высокіе, широкоплечіе, мускулистые люди; они легко переносили холодъ и голодъ, легко вылѣчивались отъ ранъ и казалось, самой природой были созданы для войны. Даже красавицы всегда отдавали преимущество сильному воину съ загорѣлымъ и покрытымъ рубцами лицомъ, съ грубыми и покрытыми кровью руками передъ красавчиками съ нѣжными, бѣлыми членами. Война была праздникомъ для Норманна и его священной обязанностью; въ рай—Валгаллу получалъ доступъ только тотъ, кто палъ въ бою; трусость, несмотря на всѣ другія добродѣтели, неминуемо влекла въ темную Гелу—адъ. Сѣверныя саги наполнены примѣрами неустрашимости передъ лицемъ смерти. Послѣднія слова Рагнара Лодброка были: часы жизни протекли; я хочу умереть смѣясь! Палатка Хрольфа окружена врагами въ то время, когда король пируетъ съ своими людьми. Къ нему приходитъ посланный сказать, чтобъ онъ готовился къ смерти. Король говоритъ своимъ: «берите кубки, пейте и веселитесь, покажите, какъ умираютъ люди Хрольфа.» Когда Торгейръ узналъ объ убійствѣ отца, онъ нисколько не измѣнился; онъ не покраснѣлъ, говоритъ о немъ пѣсня, потому что гнѣвъ не ударилъ ему въ голову, не поблѣднѣлъ, потому что гнѣвъ не упалъ ему на ноги: его сердце было безкровно, потому не могло трепетать; оно было выковано лучшимъ кузнецомъ въ мірѣ. Враги разрѣзали ему грудь, чтобы видѣть сердце

его; оно было величиною съ орѣхъ, твердо, какъ металлъ, и безъ крови. Когда Олафъ Тригвасонъ грозилъ смертію Свену, если онъ не приметъ крещенія, то онъ сказалъ: ты можешь поступать, какъ тебѣ угодно; я уже старъ, мнѣ все равно умирать; немного раньше, или немного позднѣе, не все ли равно? Во время одного путешествія Хальфа поднялась страшная буря; корабль могъ спастись только смертію извѣстной части путешественниковъ. Не зачѣмъ было кидать жребій, потому что всѣ добровольно вызвались на эту смерть; многимъ непріятнѣе было остаться, чѣмъ умереть. Всего страшнѣе для сѣвернаго человѣка была смерть на постелѣ. «Всякая опасность, говорилъ онъ, имѣетъ 2 стороны: или я останусь въ живыхъ, или умру.» Эрекъ попался въ плѣнъ; король предложилъ ему миръ, жизнь и свою дочь въ замужество; тотъ отказался отъ всѣхъ этихъ благъ и просилъ только одного: скорѣйшей смерти. Іомсъ—викинги сидѣли всѣ въ рядъ и по очереди подходили къ Торкелю, который отрубалъ имъ головы. Когда Торкель спросилъ четвертаго, какъ ему нравится смерть, тотъ сказалъ: ничего; она постигла моего отца, и я долженъ умереть. Одинъ изъ нихъ захотѣлъ узнать, правда ли, что человѣкъ нѣсколько времени послѣ смерти сохраняетъ сознаніе; для этого онъ взялъ въ руку ножъ и обѣщалъ поднять его, когда у него отрубятъ голову. Сёрли побѣжденъ своимъ противникомъ Хёгни, и тотъ пригнулъ его колѣномъ къ землѣ. Побѣдитель сказалъ: «еслибъ у меня былъ мечъ, я бы пронзилъ тебя; подожди меня, пока я схожу за нимъ; я хочу узнать, правду ли говорятъ, что ты храбрѣйшій изъ людей.» Сёрли смирно лежалъ на землѣ, ожидая возвращенія противника.

Храбро погибающій Скандинавъ утѣшался еще той мыслію, что и на землѣ имя его не умретъ, а будетъ прославлено скальдами. Скальды не воспитывались въ школахъ; они первоначально почерпали свое вдохновеніе въ чисто народной поэзіи; впослѣдствіи, когда они проводили всю жизнь при дворахъ королей, они сдѣлались пѣвцами, вполнѣ

искусственными; они сочиняли на заданныя темы и старались превзойти одинъ другаго въ скорости; достоинство пѣсни измѣрялось количествомъ и сколько возможно большимъ числомъ описательныхъ выраженій и фигуръ, съ которыми мы познакомимся ниже. Въ періодъ паденія поэзіи скальдовъ продолжала развиваться сага, изъ которой мы узнаемъ, какъ Скандинавъ представлялъ себѣ міръ.

Скандинавъ представлялъ себѣ землю въ видѣ окруженнаго моремъ круга, за эмблему котораго принимался змѣй, и раздѣлялъ ее на три части: первая изъ нихъ, ближайшая къ океану, называется Утгардъ,—въ ней поселились великаны; на границѣ Утгарда находится отдѣленный отъ него высокой стѣною Мидгардъ — мѣстопребываніе людей; за нимъ въ самой серединѣ лежитъ Азгардъ, наименьшій по занимаемому имъ пространству,—въ немъ живутъ боги, или Асы. Надъ всей землею разстилается сводъ небесный, какъ шатеръ, и прикрѣпляется къ ней четырьмя концами; у каждаго изъ нихъ сидитъ по карлику,—одинъ называется Остри, другой—Вестри, третій—Нордри, четвертый—Судри. Другое преданіе утверждаетъ, что земля покоится на крѣпкомъ ясенѣ Игдразилѣ, вершина котораго разстилается по небу, а корни расходятся по тремъ различнымъ направленіямъ,—одинъ изъ нихъ направляется въ туманный, подземный міръ, другой проходитъ въ царство великановъ, третій идетъ по направленію къ Азгарду; у каждаго изъ этихъ трехъ корней течетъ источникъ живой воды. Ясень уподобляется почетному мѣсту въ домѣ, а вся вселенная представляется Скандинаву въ видѣ зданія и раздѣляется на девять частей; у ясеня находится жилище Асовъ; на сѣверѣ отъ нихъ живутъ нечистые злые духи и черные эльфы; къ востоку лежитъ жилище Вановъ; за ними царство великановъ; между Азгеймомъ и Вангеймомъ живутъ прекрасные свѣтлые эльфы; югъ и западъ занимаютъ люди; надъ каждымъ изъ девяти міровъ простирается свое, особое отъ прочихъ небо. Подъ самымъ суровымъ изъ нихъ жилъ Скандинавъ.

Наставалъ часъ смерти. Норманнъ прощался съ близкими и поручалъ свой духъ Одину. Въ тотъ же день трупъ обмывали, остригали ему волосы и ногти, покрывали его плащами, давали ему оружіе и деньги, подрывали порогъ у двери и выносили его вонъ. Самое погребеніе совершалось въ разныя эпохи разными способами: трупъ на лодкѣ спускали въ море, сжигали его на кострѣ, вмѣстѣ съ конемъ, соколомъ и собакой, а иногда и съ женою, если она того пожелаетъ, или зарывали его въ землю. Черезъ нѣсколько дней наслѣдникъ дѣлалъ пиръ всѣмъ друзьямъ и родственникамъ покойнаго; большое мѣсто въ палатѣ оставалось незанято, а наслѣдникъ сидѣлъ на скамейкѣ у ногъ его. Начиналось угощеніе, и гости славили умершаго.

Такъ жилъ и умиралъ въ своей холодной мрачной родинѣ Скандинавъ. И родина сильно вліяла на него: холодный климатъ, непродолжительность теплаго лѣта, непроизводительность скандинавской почвы, все, однимъ словомъ, способствовало къ тому, чтобы развить въ немъ силу, энергію, упорство, страсть къ борьбѣ; но вся эта обстановка не убила въ немъ ни болѣе мягкихъ, поэтическихъ сторонъ, ни умственныхъ способностей, которыя росли и развивались и достигали необыкновенной глубины. Полнаго своего развитія они достигли лишь вслѣдствіе столкновенія съ другими, чуждыми имъ народами.

Почти таковы были и другіе Германцы, вступившіе въ борьбу съ ослабѣвшими Римлянами. Исходъ не могъ быть сомнителенъ, не смотря на все превосходство Римлянъ въ отношеніи ума, развитія и военнаго искусства. Прежде чѣмъ Германцы успѣли стать твердою ногой на почвѣ всемірной монархіи, Римляне принуждены были дать имъ мѣсто въ своихъ легіонахъ. Мало по малу варварскій элементъ получалъ перевѣсъ надъ римскимъ: молодой Германецъ, попавшій въ Римъ или Константинополь, не терявшій природной силы своего духа, скоро усвоивалъ себѣ всѣ плоды римской цивилизаціи и потомъ становился самъ страшнымъ врагомъ своихъ воспитателей. Христіанство подтачивало

внутренніе столбы древняго міра; варвары разбивали его стѣны. Древность, не смотря на всю свою силу, не выдержала этого двойнаго напора, и, наконецъ, пала, похоронивши подъ своими развалинами, какъ казалось, все пріобрѣтенное съ такимъ трудомъ. На арену исторіи выступили другіе народы и идеи.

Когда на развалинахъ римской имперіи начали возникать новыя государства, и короли, подчинявшіеся остаткамъ римской цивилизаціи, стали подчинять себѣ свободныя племена, когда самый могущественный изъ нихъ Карлъ Великій, обративъ огнемъ и мечемъ Саксонцевъ къ христіанству, уничтожилъ на материкѣ послѣдніе остатки древней, чисто національной жизни, Скандинавы все еще оставались свободными, продолжали приносить жертвы Одину и продолжали жить по старому закону. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, они дольше всѣхъ другихъ племенъ сохранили національную религію, національную поэзію. Отъ нихъ дошла до насъ цѣлая литература, возникшая во времена дохристіанскія, во главѣ которой стоятъ *двѣ Эдды*; изъ нихъ первая есть собраніе пѣсенъ о богахъ и герояхъ, вторая—изложеніе миѳологіи и героологіи.

Въ IX вѣкѣ во всѣхъ скандинавскихъ странахъ (Швеціи, Даніи, Норвегіи) возникаютъ смуты по поводу того, что короли начинаютъ собираніе земель и приступаютъ къ разрушенію стараго порядка вещей, по которому король былъ только начальникъ дружины и первый между равными. Ярлы — норвежскіе дворяне, не желая подчиняться новому порядку переселяются въ отдаленную Исландію. Это обособленіе не только дало имъ возможность сохранить первоначальную чистоту языка, но и на долго сохранить свою религію и преданія предковъ, такъ что христіанство застало на Исландіи своеобразную цивилизацію, выросшую на чисто - народной основѣ, и потому не могло истребить сразу глубоко укоренившееся уваженіе къ старинѣ. Бѣдность страны не могла возбудить зависти завоевателей. Вмѣстѣ съ обособленіемъ Исландцевъ, она возбуждала фантазію,

такъ какъ человѣкъ, неудовлетворенный въ дѣйствительности, въ области воображенія ищетъ себѣ опоры. Лѣтомъ Норманнъ—купецъ, или викингъ, рыскалъ по морю, а въ длинную зиму сидѣлъ онъ дома. Всѣмъ этимъ условіямъ вмѣстѣ мы одолжены сохраненіемъ великихъ памятниковъ нѣмецкаго духа. Языческая поэзія Исландіи раздѣляется на три главные отдѣла: 1) Эпосъ миѳо-дидактическій, 2) сказанія о герояхъ (эпико-лирическая народная поэзія) и 3) пѣсни скальдовъ (искусственная поэзія). Первые два отдѣла заключаются въ одномъ собраніи, которое называется:

Эдда Семунда Вѣщаго.

Семундъ,—сынъ священника Сигфуса, (христіанство было признано господствующей религіею еще въ 1000 году) поэтъ и историкъ, родился между 1054 и 1057 г. Еще мальчикомъ началъ онъ усердно заниматься и былъ, кажется, въ Римѣ. Возвратившись съ своимъ родственникомъ, епископомъ Іономъ — Одмундсономъ, знаменитымъ противникомъ язычества, получившимъ даже впослѣдствіи мѣстную канонизацію, въ 1076 г., онъ поселился въ Одди, гдѣ жилъ его отецъ, сдѣлался священникомъ и открылъ школу. Семидесяти лѣтъ отъ роду написалъ онъ исторію норвежскихъ королей отъ Гаральда Прекрасноволосаго до Магнуса Добраго. Онъ не походилъ на дядю въ его отношеніи къ старинѣ и народности и, будучи христіаниномъ, свято чтилъ національное сокровище предковъ. Самая важная его заслуга есть собраніе пѣсенъ Эдды.

Римское духовенство не высылало сюда миссіонеровъ, и по принятіи христіанства сюда не заходили римскіе епископы,—вотъ почему священники исландскіе стояли близко къ народу. Семундъ представляетъ намъ явленіе въ высшей степени отрадное и поучительное. Будучи человѣкомъ образованнымъ своего времени, онъ не только не промѣнялъ языка своихъ народныхъ пѣсенъ на ученую латынь

со всей притягательной силой католическаго просвѣщенія; но путешествуя по чужимъ землямъ, помнилъ родныя преданія и сличалъ ихъ съ чужеземными; по крайней мѣрѣ онъ очевидно имѣлъ въ виду родственныя преданія, странствуя по Германіи. Будучи облеченъ въ духовный санъ, онъ успѣлъ соединить въ своихъ обязанностяхъ съ просвѣтителемъ народа, христіанскими идеями, любителя народной дохристіанской старины. Семундъ не авторъ пѣсенъ; онъ только собиратель ихъ; судя по ихъ правильной формѣ и лирическому тону, онѣ не могутъ быть названы вполнѣ народными и есть, вѣроятно, произведенія древнихъ скальдовъ, только построенныя на народныхъ вѣрованіяхъ.

Первыя пѣсни Эдды Семунда знакомятъ насъ съ древнескандинавской миѳологіей, естественно весьма близкой къ миѳологіи германской. Хотя миѳологія есть наука совершенно самостоятельная и не можетъ входить, какъ часть, въ исторію литературы, тѣмъ не менѣе по необходимости мы должны здѣсь коснуться этой обширной и чрезвычайно интересной области. Въ миѳѣ заключается вся духовная жизнь первоначальнаго человѣка; тамъ его вѣрованія, взгляды, понятія, убѣжденія и вся его мудрость; какже можетъ не возбудить интереса изслѣдованіе миѳа? Къ несчастію вопросъ о началѣ миѳа неразрѣшенъ до сихъ поръ положительно. Въ старину считали всѣ миѳы вздорнымъ вымысломъ, къ которому слѣдуетъ отнестись съ презрѣніемъ, если они не выражены въ изящной, художественной формѣ; потомъ явилась на свѣтъ теорія историческая, приверженцы которой объясняли всѣ миѳы историческими фактами; доведенная до крайности эта теорія теперь представляется смѣшною, и странно думать, что Зевесъ былъ древній царь Пелазговъ, но многія объясненія этой исторіи вошли почти во всеобщее употребленіе: какъ напр. Геркулесъ признается вездѣ за историческаго героя. Этой теоріи помогали 2 обстоятельства: во 1-хъ всякій народъ послѣ принятія христіанства (или послѣ паденія древней

религіи по какой-либо другой причинѣ), не желая совсѣмъ разстаться съ старыми богами, начинаетъ считать ихъ за лица историческія, снимая съ нихъ покровъ божественности; такъ въ XIII вѣкѣ на Исландіи полагали, что Одинъ и его Асы есть предводители Готовъ; и во 2-хъ отъ боговъ часто бываетъ очень трудно отличить героевъ, которые несомнѣнно принадлежатъ исторіи. Теперь болѣе въ ходу сравнительно новая теорія — *естественная*. На основаніи ея миѳы объясняются какъ выраженіе дѣйствій, происходящихъ въ природѣ. Мы и теперь говоримъ: «*солнце заходитъ, восходитъ*», какъ будто считаемъ его живымъ существомъ; первоначальный человѣкъ былъ убѣжденъ въ его волѣ и разумѣ, и ему стоило только пожелать для него другое, болѣе поэтическое названіе, и зерно миѳа готово; человѣкъ хочетъ сказать: взошедшее солнце изсушило воду; онъ называетъ солнце геркулесомъ и говоритъ: Геркулесъ убилъ Гидру (ὕδωρ = вода). Многіе миѳы, напр, о Прозерпинѣ и др. сами напрашиваются на подобное объясненіе, но другіе съ трудомъ поддаются ему. Эта теорія, проведенная насильственно и послѣдовательно вездѣ, также, какъ и прежняя, во многихъ случаяхъ кажется странною; по ней всѣ самые разнообразные миѳы, всѣ сказки сводятся къ одному объясненію борьбы зимы съ лѣтомъ, громовой тучѣ и немногимъ другимъ явленіямъ, и когда она берется за миѳы о герояхъ, многія несомнѣнно историческія имена объясняются также аллегоріей. Тѣмъ не менѣе она даетъ единственно возможныя объясненія; но не все можетъ объяснить она: есть миѳы, указывающіе прямо на олицетвореніе нравственныхъ понятій и есть миѳы начала историческаго.

Какъ ребенокъ, такъ и первобытный человѣкъ все, его окружающее, уподобляетъ себѣ, всему придаетъ душу, волю и свободу дѣйствій; въ его глазахъ солнце, мѣсяцъ, вѣтеръ и проч. суть такія же существа, какъ и онъ самъ, только обладающія особой силой, которую они могутъ проявлять въ благо или во вредъ ему т. е. они есть боги.

Съ другой стороны всѣ нравственныя понятія рисуются въ его воображеніи также въ видѣ живыхъ существъ, потому что онъ можетъ думать только картинами. Первоначальные миѳы коротки и немногосложны; но потомъ они все болѣе и болѣе распространяются, и самъ народъ забываетъ ихъ первоначальный смыслъ. Начинается историческая жизнь, являются герои, воспоминаніе объ которыхъ облекается готовыми, поэтическими красками, взятыми отъ миѳовъ; многіе изъ нихъ вслѣдствіе какого либо внѣшняго признака иногда смѣшиваются съ богами и, благодаря паденію старой вѣры, они дѣлаются носителями древнихъ миѳовъ. Но если народъ и до принятія христіянства будетъ значительно развитъ, въ его миѳахъ окажется сильнѣе другихъ элементъ научный, философскій; въ нихъ онъ будетъ искать отвѣта на всѣ вопросы о началѣ міра, о землѣ, о небѣ и т. д., которые занимаютъ его.

На первыхъ страницахъ Эдды, за которой давностью утверждено имя Семундовой, находимъ мы именно космогоническія пѣсни, въ очень странной и часто темной формѣ, соотвѣтствующей темнотѣ самыхъ вопросовъ.

1-ая и самая знаменитая изъ космогоническихъ пѣсенъ Эдды есть Волуспа. Мы не приводимъ перевода, потому что онъ помѣщенъ во 2-ой части Хрест. Галахова. Вёла или Вала есть названіе вѣщей женщины, знающей прошедшее и будущее, которую съ почтеніемъ слушали Германцы; валы родственны норнамъ, богинямъ судьбы, и валькиріямъ, вѣщимъ дѣвамъ. Въ началѣ, пригласивъ всѣхъ людей (дѣтей Геймдаля) слушать ея вѣщія изрѣченія, Вала говоритъ о созданіи міра, о погибели невинности первыхъ существъ, о созданіи карликовъ и людей, о первомъ убійствѣ изъ за золота, о приближающейся гибели міра, о смерти Бальдура, о признакахъ конца міра, и о гибели его и возрожденіи. Вся пѣсня составлена языкомъ темнымъ, пророческимъ, вполнѣ приличнымъ для Валы, но затруднительнымъ для толкователей. Въ Волуспѣ заключается какъ бы конспектъ всей Сѣверной миѳологіи;

подробности устройства міра объясняютъ 2 слѣдующія пѣсни.

2-ая пѣсня—Гримнисмаль принадлежитъ къ числу космогоническихъ пѣсенъ. Эпическая ея часть заключается въ предисловіи, написанномъ прозой; пѣсня же скорѣе можетъ быть отнесена къ разряду лирическихъ. Содержаніе ея слѣдующее. Одинъ король имѣетъ двухъ сыновей — Агнара и Гейрёдра. Когда они оба были мальчиками, они играя сѣли въ лодку, и вѣтеръ пригналъ ихъ къ чужой землѣ. Они попали въ одну хижину. Хозяйка любила Агнара, а хозяинъ Гейрёдра. Крестьянинъ далъ имъ весной корабль и сопрождалъ ихъ съ женой до берега. Тамъ далъ онъ Гейрёдру мудрый совѣтъ. Братья сѣли на корабль и пріѣхали домой. Соскочивши съ корабля на землю, Гейрёдръ отпихнулъ брата назадъ, сказавъ: «ступай во власть злыхъ духовъ!» Отецъ его уже умеръ, и онъ сталъ царствовать. Одинъ и Фригга сидѣли и смотрѣли на землю. Одинъ похвалился передъ женой, что его любимецъ царствуетъ въ то время, когда Агнаръ уже умеръ. Фригга сказала: «но Гейрёдръ мучитъ своихъ гостей, чтобы у него не было ихъ слишкомъ много». Одинъ рѣшился испытать справедливость ея словъ. Онъ отправляется къ Гейрёдру, но хитрая Фригга предупредила Гейрёдра, что къ нему придетъ колдунъ; признакъ его тотъ, что ни одна собака не будетъ лаять на него. Когда приходитъ Одинъ, Гейрёдръ приказываетъ схватить его и посадить между двумя кострами. Восемь дней и восемь ночей выноситъ онъ эту пытку. Надъ нимъ наконецъ сжалился Агнаръ — сынъ Гейрёдра. Онъ приходитъ къ Гримнеру (такъ назвалъ себя Одинъ), утоляетъ его жажду и жалуется на несправедливость отца. Съ этого мѣста собственно начинается пѣсня. Одинъ, описывая свои мученія, какъ бы въ противоположность, говоритъ о жилищахъ боговъ. Потомъ, перечисляя свои имена, Одинъ открываетъ себя. Гейрёдръ сидѣлъ въ это время съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ. Когда онъ узналъ о присутствіи Одина въ своемъ жилищѣ, онъ быстро

вскакиваетъ съ своего мѣста и падаетъ на мечъ. Агнаръ дѣлается королемъ.

3-я пѣснь — *Вафтруднисмаль* также не эпическая по содержанію. Главная ея часть — состязаніе въ мудрости между Одиномъ и великаномъ. Состязаніе въ мудрости во всей средневѣковой литературѣ чрезвычайно распространено. Народъ, неимѣвшій учебниковъ, по свойственной человѣку любознательности, чувствовалъ особенную склонность къ тѣмъ произведеніямъ фантазіи, которыя могли занимать его умъ. Въ Вафтруднисмалѣ Одинъ, вопреки совѣтамъ Фригги, отправляется къ турсу (великану) Вафтрудниру, чтобы состязаться съ нимъ въ мудрости.

Одинъ. Посовѣтуй мнѣ, Фригга! Мнѣ хочется отправиться къ жилищамъ Вафтруднира, потому что велико мое желаніе состязаться со всезнающимъ Іотомъ въ ученіи доміровомъ. *Фригга*. Я совѣтую тебѣ остаться здѣсь въ жилищѣ Асовъ, потому что я не знаю никого изъ племени Іотовъ сильнѣе Вафтруднира. *Одинъ*. Много узналъ я, много испыталъ, много спрашивалъ у мудрыхъ; теперь хочу я знать, что дѣлается въ жилищѣ Вафтруднира. *Фригга*. Счастливо отправляйся, счастливо возвращайся. Да будетъ счастливъ твой путь! Пусть охраняетъ тебя твоя мудрость, отецъ міра, чтобы ты могъ состязаться рѣчью съ великаномъ.

Тогда пошелъ Одинъ испытать мудрость всезнающаго Іота. Онъ пришелъ къ жилищу отца Ильза.

Одинъ. Будъ счастливъ, Вафтрудниръ! я пришелъ въ твое жилище, чтобы видѣть тебя. Сначала я хочу узнать — мудръ ли ты, есть ли ты всезнающій Іотъ.

Вафтрудниръ. Кто этотъ мужъ, который обращаетъ ко мнѣ слово въ моемъ жилищѣ? Никогда ты не выйдешь отсюда, если не отвѣтишь на четыре вопроса.

Одинъ. Ганградръ называюсь я; жадно прошелъ я дорогу къ твоему дому. Много прошелъ я, о великанъ; такъ сильно желалъ я тебя видѣть.

Вафтрудниръ. Что же стоишь ты и говоришь на дорогѣ, Ганградръ? садись въ залѣ; тогда будетъ извѣстно, кто изъ насъ мудръ. — Одинъ отказывается отъ предложенія и остается на порогѣ. Тогда Вафтрудниръ спрашиваетъ сначала, какъ называется лошадь, которая производитъ день у людей; какъ называется конь, приносящій ночь, какъ называется источникъ, отдѣляющій сыновъ великановъ отъ боговъ, наконецъ, поле, на которомъ Суртуръ сразится съ богами. Когда Одинъ отвѣтилъ на всѣ эти вопросы, Вафтрудниръ приглашаетъ его садиться, принимаетъ его вызовъ и ставитъ объ закладъ свою голову. Ганградръ-Одинъ начинаетъ первый предлагать вопросы. Онъ спрашиваетъ о сотвореніи міра, происхожденіи мѣсяца, о томъ, кто сотворилъ лѣто и зиму, кто старше между Асами, потомъ онъ спрашиваетъ объ участи перваго великана и т. д. Вафтрудниръ отвѣтилъ на всѣ его вопросы. Пораженный такою мудростью, Одинъ наконецъ спрашиваетъ великана, откуда онъ почерпнулъ всѣ эти свѣдѣнія. Тотъ отвѣчаетъ ему, что былъ на всѣхъ девяти мірахъ и спускался въ царство мертвыхъ. «Кто», спрашиваетъ далѣе Ганградръ, останется въ живыхъ въ то время, какъ наступитъ длинная зима, откуда явится новое солнце, когда Фенриръ проглотитъ существующее; какія дѣвушки будутъ путешествовать въ то время по морю; кто изъ боговъ будетъ сильнѣе по сожженіи міра, что́ станется съ Одиномъ. Вафтрудниръ отвѣчаетъ и на это. «А что», спросилъ богъ великана, «сказалъ Одинъ на ухо сыну, въ то время, какъ тотъ взбирался на костеръ?» — «Никто не вѣдаетъ того, что ты сказалъ ему въ первый день творенья», воскликнулъ великанъ, «въ послѣдній разъ передъ своею смертью я возвѣщалъ о томъ, что будетъ; вижу теперь, что говорилъ съ Одиномъ, мудрѣйшимъ изъ всѣхъ живущихъ на землѣ». Вафтрудниръ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и потерялъ голову.

Эти три пѣсни чисто космогоническаго содержанія и съ остальными въ связи не находятся; во внутреннемъ же

смыслѣ имѣютъ сходство со многими сагами, въ которыхъ также какъ въ «Голубиной книгѣ», высшая мудрость излагается въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Другія миѳическія пѣсни древней Эдды или стоятъ отдѣльно, или же распадаются на группы. Первая группа обнимаетъ пѣсни, относящіяся къ смерти Бальдура, свѣтлаго сына Одина, представителя идеальной стороны скандинавскихъ боговъ, которая всегда бываетъ связана съ гибелью боговъ, тогда какъ гибель добраго элемента по глубоко-мудрому представленію миѳологіи влечетъ за собой разрушеніе всего стараго порядка. Первая пѣснь, относящаяся къ этому циклу, Hrafnagaldr Odins, въ высшей степени непонятна. Одинъ исландскій ученый 10 лѣтъ трудился надъ нею и не могъ достигнуть никакихъ результатовъ. Общій смыслъ ея: боги знаютъ приближающуюся смерть Бальдура и нигдѣ не могутъ найти утѣшенія.

2-я пѣснь слѣдующаго содержанія:

Боги въ одну ночь опечалены тяжкимъ сномъ, который угрожаетъ гибелью всѣмъ имъ и въ особенности доброму Бальдуру. Собравшись на совѣтѣ, они прежде посылаютъ Одинова ворона къ карликамъ, чтобы узнать о значеніи сна; но объясненіе тѣхъ темно и непонятно и само похоже на сонъ. Тогда Одинъ посылаетъ трехъ боговъ: Геймдаля, Локки и Браги къ источнику мудрости узнать будущность. Но Вардъ молчалъ на всѣ ихъ вопросы, и его слезы снова указываютъ на какую-то угрожающую бѣду. На другое утро встаетъ Одинъ, сѣдлаетъ своего добраго коня Слейпнира и ѣдетъ въ Нифльгеймъ. Двое идутъ вмѣстѣ: у нихъ три глаза, десять ногъ и одинъ хвостъ. Знаете ли вы, кто это? Это Одинъ на своемъ конѣ, т. е. у него одинъ глазъ, а у Слейпнира восемь ногъ.

Передъ домомъ Геллы на встрѣчу вышла собака съ окровавленной грудью, съ раскрытой пастью; она громко лаяла. Одинъ ѣхалъ, и земля вокругъ дома Геллы дрожала подъ копытами его коня. Онъ подъѣхалъ къ восточному входу, гдѣ на холмѣ находилось жилище прорицательницы Валы.

Одинъ запѣлъ мудрую пѣснь, произнесъ заклинанія, и Вала, сказала: «снѣгъ хлесталъ меня, дождь струился по мнѣ, роса падала на меня; я давно была мертвою. Кто жъ заклинаетъ меня, кто прерываетъ мой покой?» Одинъ сказалъ: «я — Вегтамъ, сынъ Вальтама; отвѣчай на мои вопросы. Для кого украшены кольцами сѣдалища въ подземномъ мірѣ, для кого выложены золотомъ постели?» Вала отвѣчала: «все это приготовлено Бальдуру; Асы потеряютъ его; ты принудилъ меня сказать это; теперь я замолчу». Одинъ сказалъ: «ты не можешь молчать: я буду допрашивать тебя до тѣхъ поръ, пока не узнаю всего. Кто убьетъ Бальдура?» Вала отвѣчала: «Гедеръ убьетъ Бальдура и отправитъ его въ Геллу. Ты принудилъ меня отвѣчать, теперь я замолчу». Одинъ сказалъ: «ты не можешь молчать: я буду допрашивать тебя до тѣхъ поръ, пока не узнаю всего. Кто отомститъ Гедеру и убьетъ убійцу Бальдура?» Вала отвѣчала: «Риндуръ отомститъ за Бальдура; онъ не умоетъ рукъ и не причешетъ волосъ до тѣхъ поръ, пока не отомститъ за Бальдура; имѣя отъ роду одну ночь, онъ отомститъ за Бальдура. Ты принудилъ меня отвѣчать, теперь я замолчу». Одинъ сказалъ: «ты не можешь молчать: я буду допрашивать тебя до тѣхъ поръ, пока не узнаю всего. Кто та женщина, которая не будетъ оплакивать смерти Бальдура? Отвѣчай мнѣ на это: ты не можешь заснуть раньше». Вала отвѣчала: «по этому вопросу узнаю, что ты не Вегтамъ, какъ говорилъ, но Одинъ, властитель міра! Поѣзжай домой и хвастайся тѣмъ, что допросилъ меня. Теперь никто уже не разбудитъ меня до кончины міра и освобожденія Локки». Съ такими неутѣшительными извѣстіями воротился Одинъ въ Азгардъ. Но онъ утаилъ отъ боговъ то, что узналъ, чтобы не опечалить ихъ, а отвратить этого было уже невозможно.

Дальнѣйшая судьба Бальдура разсказана такъ: боги, незнавшіе еще того, что предсказала Одину Вала, задумали защищать Бальдура и рѣшились водворить миръ между всѣми существами, чтобы помѣшать имъ повредить Бальдуру.

Фригга должна взять съ нихъ клятву. Фригга отправилась и взяла клятву съ огня, воды, желѣза и другихъ металловъ, съ каменьевъ, земли, кустовъ, деревьевъ, со всевозможныхъ болѣзней, птицъ, звѣрей, ядовъ и червей, — въ томъ, что они не будутъ вредить Бальдуру. Узнавъ о томъ, что Фригга исполнила ихъ рѣшеніе, боги возвеселились и начали играть съ Бальдуромъ, пуская въ него копья и оружія, бросая въ него камнями; но ничто не вредило Бальдуру, потому что и копье, и оружіе и камень поклялись не причинять ему никакой боли.

Радость боговъ раздосадовала злаго Локки. Онъ обратился въ старуху, пришелъ къ Фриггѣ и спросилъ: «что значитъ, что боги такъ радуются?» Фригга отвѣчала: «такъ какъ Бальдуръ видѣлъ сонъ, предвѣщавшій ему бѣду, то я отправилась ко всѣмъ существамъ и взяла съ нихъ клятву не вредить Бальдуру: боги и радуются тому, что ни копье, ни оружіе, ни камень не могутъ вредить богу весны.» Локки спросилъ: «всѣ ли существа заключили союзъ мира?» Фригга сказала: «къ востоку отъ Валгаллы ростетъ молодой отпрыскъ — омела, который показался мнѣ слишкомъ юнымъ для того, чтобы брать съ него клятву.» Услыхавъ объ этомъ, Локки отправился туда, гдѣ росла омела, срѣзалъ ее и возвратился съ нею. Боги все еще играли, только старый Гердеръ стоялъ поодаль отъ ихъ круга, потому что былъ слѣпъ. Къ нему то подошелъ Локки и сказалъ: «что же это ты стоишь здѣсь одинъ и не оказываешь подобно другимъ богамъ, чести Бальдуру?» Гердеръ отвѣчалъ: «я не вижу гдѣ стоитъ Бальдуръ, потому что я слѣпъ, да мнѣ и нечѣмъ бросить въ него» Локки сказалъ: «я позабочусь обо всемъ: направлю твою руку; а вотъ и стрѣла, которую я тебѣ принесъ.» Съ этими словами онъ подалъ Гердеру таинственную омелу, который принялъ ее, ничего не подозрѣвая. «Дѣлай, какъ и другіе, сказалъ Локки: стрѣляй туда.» Гердеръ бросилъ вѣтку, и пораженный Бальдуръ упалъ мертвый на землю. Тогда между богами поднялся страшный плачъ, такой, что никто не могъ выра-

зить другому, какъ ему было тяжело; сильнѣй же всѣхъ горевалъ Одинъ.

Когда печаль поутихла немного и боги опомнились, то Фригга сказала, что тотъ, кто хочетъ заслужить ея любовь и милость, долженъ отправиться въ подземное царство, чтобы спросить у Геллы, не возвратитъ ли она Бальдура. Братъ Бальдура — Гельмотъ вызвался на это, Одинъ далъ ему своего быстраго восьминогаго коня Слейпнира, и тотъ отправился въ путь. Боги, между тѣмъ отнесли на морской берегъ трупъ Бальдура. Самый большой изъ кораблей, принадлежавшихъ Бальдуру назывался Ring-horn; его то они хотѣли употребить для погребенія. Они старались столкнуть его въ море, но онъ стоялъ неподвижно. Тогда они отправили пословъ въ страну великановъ просить попомощи у великанши Hyrrokin. Она пріѣхала на дикомъ волкѣ, котораго сдерживала и погоняла змѣей. Она сошла съ волка, подошла къ кораблю и такъ толкнула его, что онъ съ перваго же удара такъ скоро пустился по морю, что изъ парусовъ посыпались искры, а земля задрожала. Торъ такъ разсердился на нее за это, что схватилъ свой молотъ: хотѣлъ тотчасъ же разбить ей голову, но остальные боги просили пощадить ее. Тѣло Бальдура положили для сожженія на корабль. Увидавъ эти приготовленія, супруга Бальдура, цвѣтущая Нонна, умерла съ горя. Ея трупъ былъ также положенъ на костеръ, и тогда уже зажгли огонь. Подошелъ Торъ и подалъ знакъ своимъ молотомъ, но такъ какъ подъ его ногами вертѣлся въ это время карликъ Литцъ, то онъ толкнулъ его ногой въ пламя, и тотъ сгорѣлъ.

На сожиганіе тѣла Бальдура собралось много народу: прежде всего Одинъ съ своей супругою Фриггой, валькиріями и воронами — потомъ Фрея съ кабаномъ, называемымъ «золотая щетина» или «жадный зубъ» потомъ Геймдаль на своемъ конѣ и Фрея съ своими кошками; наконецъ явилось многочисленное племя водяныхъ и горныхъ великановъ. Одинъ положилъ на костеръ прекрасное кольцо,

имѣвшее драгоцѣнное свойство производить восемь такихъ же прекрасныхъ колецъ черезъ 9 ночей. Конь Бальдура со всею его сбруею былъ также положенъ на костеръ.

Гельмотъ между тѣмъ ѣхалъ 9 ночей по глубокимъ, темнымъ долинамъ, въ которыхъ ничего не было видно, до тѣхъ поръ, пока не достигъ моста Геллы, выложеннаго золотомъ. Дѣва Мадгундъ охраняла этотъ мостъ Она спросила Гельмота о родѣ и имени и сказала «вчера ѣхало по мосту пять мертвецовъ, но подъ ними не было такого грома, какъ отъ тебя одного. Ты не похожъ на мертвеца: зачѣмъ же ты ѣдешь по дорогѣ въ Геллу?» Гельмотъ отвѣчалъ: «я ѣду въ Геллу, чтобы отъискать Бальдура. Не видала ли ты его по дорогѣ въ Геллу?» Мадгундъ сказала, что Бальдуръ ѣхалъ дѣйствительно черезъ мостъ Геллы и что дорога туда идетъ на сѣверъ. Гельмотъ поѣхалъ тогда дальше, до тѣхъ поръ пока не достигъ ограды Геллы. Онъ соскочилъ съ коня, привязалъ покрѣпче сѣдло, сѣлъ снова и такъ сильно пришпорилъ коня, что тотъ, не прикасаясь къ рѣшеткѣ, перепрыгнулъ черезъ нее. Тамъ увидѣлъ онъ брата Бальдура, сидящаго на почетномъ мѣстѣ и переночевалъ тамъ. На слѣдующее утро онъ потребовалъ, чтобы Гелла отпустила съ нимъ брата и сказалъ при этомъ, въ какую глубокую печаль повергла боговъ смерть Бальдура. Гелла отвѣчала: «мы увидимъ, такъ ли любятъ Бальдура всѣ существа, какъ говорятъ, и если всѣ вещи въ мірѣ, какъ живыя и мертвыя, такъ плачутъ о немъ, то онъ долженъ возвратиться къ богамъ. Но если хотя одно изъ нихъ не будетъ плакать, то Бальдуръ останется у меня въ подземномъ мірѣ». Гельмотъ всталъ; Бальдуръ послѣдовалъ за нимъ, взялъ золотое кольце, чтобы послать его Одину на память. Нонна послала Фриггѣ одежду и другіе подарки, а Фюлла—золотое кольцо. Гельмотъ простился, отправился снова въ путь и пріѣхалъ къ богамъ; онъ разсказалъ имъ обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ.

Боги разослали по всему свѣту пословъ съ приказаніемъ всѣмъ существамъ выплакать Бальдура изъ ада. Всѣ пла-

кали: и люди, и звѣри, и земля, и камни, и металлы, и деревья,—всѣ они плакали и на многихъ изъ нихъ до сихъ поръ еще не высохли слезы. Возвращаясь назадъ, увѣренные въ томъ, что исполнили возложенное на нихъ порученіе, они увидали въ одной пещерѣ женщину, великаншу, по имени Daut; они просили и ее поплакать о Бальдурѣ. Но она отвѣчала: «Daute не плачетъ о смерти Бальдура: онъ никогда не былъ полезенъ ей—ни въ жизни, ни въ смерти. Пусть же оставитъ Гелла его у себя»! Такъ добрый, свѣтлый Бальдуръ долженъ остаться въ темной Геллѣ. Видъ великанши принялъ Локки. Онъ причинилъ смерть Бальдуру; онъ же способствовалъ его пребыванію въ подземномъ мірѣ.

Слѣдующія 4 пѣсни принадлежатъ къ циклу Тора, который, какъ богъ земледѣлія, является любимцемъ сѣверныхъ поэтовъ. Сюда принадлежитъ возвращеніе молота (hamars heimt).

Когда Доннеръ (такъ по нѣм. называется Торъ) однажды проснулся, онъ тщетно искалъ своего молота; онъ бѣсился, борода его ощетинилась, онъ качалъ головою, искалъ его вездѣ, но нигдѣ не находилъ. Это ему казалось большой потерей для боговъ, потому что, гдѣ было имъ взять такое прекрасное оружіе противъ враждебныхъ великановъ. Доннеръ пошелъ искать хитраго Локки и сказалъ ему: «случилось неслыханное бѣдствіе: молотъ украденъ у боговъ. Ищи его на небѣ, на землѣ и между великанами. Въ состояніи ли ты найти его?» Локки занялъ у Фреи ея прекрасную соколиную одежду, скользнулъ въ нее и шумно полетѣлъ, чтобы съискать молотъ. Онъ тотчасъ же попалъ на вѣрный слѣдъ, именно къ князю великановъ, Друму (или Триму), который былъ занятъ тѣмъ, что украшалъ своихъ собакъ золотыми ошейниками и расчесывалъ гривы своихъ коней. Когда онъ увидалъ Локки, онъ спросилъ: «что привело тебя въ страну великановъ? Что дѣлается новаго у Асовъ? что у Эльфовъ?» Локки отвѣчалъ: «тамъ недобрыя вѣсти: у Доннера укра-

денъ его молотъ. Слышалъ ли ты объ этомъ». Друмъ признался, что онъ самъ укралъ молотъ Доннера и спряталъ его въ землю на разстояніи восьмидневнаго пути. «Ты можешь долго искать его, пока найдешь», сказалъ онъ. Отдать онъ рѣшался его только съ условіемъ, что Фрея сдѣлается его женою. Съ этимъ мало утѣшительнымъ отвѣтомъ Локки возвратился въ Азгардъ. Онъ разсказалъ Доннеру, что молотъ находится во власти Друма, который выдастъ его только въ томъ случаѣ, если Фрея сдѣлается его женою. Доннеръ и Локки отправились въ прекрасные покои богини и Доннеръ сказалъ: «надѣнь только, Фрея, твое подвѣнечное платье, мы поѣдемъ вмѣстѣ въ страну великановъ: ты получишь тамъ мужа». Фрея очень разсердилась, когда услышала дерзкое предложеніе великана. Они созвали, вслѣдъ за тѣмъ, боговъ на собраніе для совѣщанія о томъ, что дѣлать. Хеймдаль мудрый далъ совѣтъ, что нужно воспользоваться желаніемъ великана, чтобы обмануть его: Доннеръ долженъ былъ надѣть платье Фреи, отправиться къ Друму и попробовать, не удастся ли такимъ образомъ отнять необходимый молотъ. Доннеръ сильно противился предложенію надѣть женское платье; но, когда Локки ему представилъ, что нужно отнять молотъ во всякомъ случаѣ, потому что иначе великаны прогонятъ боговъ изъ Азгарда и будутъ одни жить тамъ, Доннеръ согласился. Онъ надѣлъ широкую льняную одежду Фрейи, украсился ея блестящимъ ожерельемъ и со звономъ прикрѣпивъ ключи къ поясу, покрылъ голову покрываломъ. Локки сказалъ: «я хочу въ качествѣ твоей служанки идти въ страну великановъ», и также надѣлъ женское платье. Запрягли козловъ; оба съ громомъ уѣхали въ страну великановъ. Друмъ былъ чрезвычайно радъ прибытію своей божественной невѣсты, созвалъ всѣхъ великановъ и сказалъ: «радуйтесь со мною, украшайте покои и приведите невѣсту сюда. Я богатый человѣкъ: много моихъ златорогихъ коровъ и быковъ вечеромъ съ поля возвращаются и домъ мой полонъ сокровищъ. Но одного не доста-

вало для моего счастья, и это теперь сбудется: Фрея, прекрасноногая дочь Недра, сдѣлается моей женою!» Друмъ далъ въ честь Фреи прекрасный пиръ, на который пріѣхало много гостей. Доннеръ сидѣлъ за столомъ и съѣлъ за обѣдомъ цѣлаго быка, восемь семгъ, все печеніе и все сладкое, что было на столѣ для женщинъ, и выпилъ притомъ три бочки сладкаго меда. Этотъ страшный аппетитъ и большая жажда его прекрасной невѣсты показались великану Друму немного сомнительными, и онъ сказалъ: «никогда я не видалъ, чтобы женщина больше пила и ѣла». Локки умѣлъ однако успокоить Друма. Онъ сказалъ: «твоя невѣста 8 дней ничего не ѣла, ни пила; таково было ея желаніе придти въ страну великановъ и къ тебѣ» Это обрадовало Друма, и онъ хотѣлъ въ награду за любовь поцѣловать свою невѣсту; но, когда поднялъ покрывало, онъ ужаснулся, взглянувъ въ блестящіе глаза Доннера. «Что это, сказалъ онъ: мнѣ кажется, что глаза Фреи горящіе уголья». Локки съумѣлъ успокоить Друма и отвѣтилъ: «твоя невѣста три ночи не спала: таково было ея стремленіе придти въ страну великановъ и къ тебѣ; отъ того глаза ея и горятъ». Пришла старая сестра Друма и спросила себѣ подарокъ отъ невѣсты великановъ — золотыя кольца, чтобы пріобрѣсти ея любовь и довѣріе. Доннеръ покачалъ головою. Друмъ вѣрилъ всему, что ему сказали и отправился на свадебный пиръ. «Принесите молотъ», закричалъ онъ, «положите его Фреѣ на колѣни». Это сдѣлалось. Доннеръ былъ радъ отъ всего сердца, когда увидалъ раздробителя; онъ схватилъ его и убилъ великана Друма со всѣмъ его племенемъ. Онъ убилъ также старую сестру Друма, которая просила подарокъ: ударами молота заплатилъ онъ за подарокъ. Такимъ образомъ Доннеръ опять досталъ свой молотъ.

Вотъ какъ по естественной теоріи объясняется этотъ миѳъ: Тримъ (Thrymr) означаетъ шумъ, и глава турсовъ, слѣдовательно, есть владѣтель шумныхъ зимнихъ бурь. На горныхъ высотахъ, гдѣ вѣчно свищетъ вѣтеръ, лежитъ его

царство; его лошади и собаки принадлежатъ къ его бурной охотѣ (у всѣхъ германскихъ племенъ до позднѣйшаго времени сохранилась вѣра въ дикаго охотника, представляющаго бурю); его златорогія коровы и черные быки — темныя тучи, освѣщенныя по краямъ. Великанъ зимы лишаетъ оружія бога грома; 8 дней пути означаютъ 8 мѣсяцевъ зимы. Приходитъ время когда Торъ пробуждается и ищетъ своего оружія; это время совпадаетъ съ возвращеніемъ домой охоты Трима; тогда дѣлается видна Фрея, свѣтлое весеннее небо; поэтому она принимаетъ участіе въ миѳѣ. Сила лѣта, въ формѣ весны отправляется добывать молотъ; его пожирающая сила и его блескъ видны еще во время пира; потомъ однимъ ударомъ (ударъ грома) онъ окончательно разбиваютъ враждебныя природѣ силы. Сестра его есть бѣдность, которую приноситъ зима.

Пѣснь о Харбардѣ указываетъ на противоположность между Одиномъ (богомъ войны) и Торомъ (богомъ земледѣлія); главная мысль ея, которой, безъ сомнѣнія, не могли объяснить и самые пѣвцы, есть та, что война вредитъ земледѣлію. Вотъ ея содержаніе:

Торъ возвратился съ своей обычной поѣздки, которую предпринималъ ежегодно на востокъ и нашелъ на своемъ пути проливъ, чрезъ который не могъ перейти. На другомъ берегу стоялъ перевозчикъ съ лодкой, не обращая на Тора вниманія, который закричалъ: «кто ты тамъ, что ты не трогаешься съ мѣста меня перевезти?» Перевозчикъ отвѣчалъ: «кто ты, что такъ кричишь и шумишь?» Тутъ начались между обоими лицами, Торомъ съ одной стороны и перевозчикомъ съ другой, слѣдующіе насмѣшливые переговоры.

Торъ. Перевези меня черезъ рѣку, перевозчикъ, я щедро вознагражу тебя кушаньями, — такими хорошими, какихъ я могу себѣ только представить: селедкой и овсянымъ киселемъ. Я самъ утромъ передъ отъѣздомъ ихъ испробовалъ; однако у меня еще много провизіи въ корзинкѣ за спиной. —

Харбардъ. Что ты такъ похваляешься своею пищею! Я думаю, что тебѣ приходится худо и что нѣтъ у тебя больше заботливой матери.

Торъ. Что ты мнѣ сообщаешь за горькое извѣстіе? Развѣ мать моя умерла?

Харбардъ. Ну, да. Я такъ думаю; потому что не похоже на то, чтобъ ты былъ въ хорошемъ положеніи: босой стоишь ты тамъ, не имѣя даже приличной одежды. Ты оборванецъ; поэтому я заключаю, что у тебя нѣтъ бережливой матери.

Торъ. Хорошо. Перевези меня только... кому принадлежитъ лодка, которою ты управляешь? Ужъ она, навѣрное не твоя собственность?

Харбардъ. Хидольфъ, умный герой,—хозяинъ лодки; онъ просилъ меня управлять ею вмѣсто него; но онъ предупредилъ меня не перевозить бродягъ и лошадиныхъ воровъ, а только людей честныхъ и такихъ, которыхъ я уже давно знаю. Поэтому, если ты хочешь быть перевезеннымъ, то назови мнѣ твое имя и скажи кто ты такой.

Торъ. Я скажу тебѣ мое имя, хотя я и во враждѣ съ людьми этой страны: я Торъ, сынъ Одина, и силою моего молота и руки защищаю боговъ. Но теперь я спрашиваю: кто же ты такой?

Харб. Я—Харбардъ, если ты хочешь знать мое имя: я никогда не скрываю своего имени.

Т. Къ чему же скрывать имя, если ты ни въ чемъ не виновенъ.

Х. Я ни въ чемъ не виновенъ; но жизнь, мнѣ кажется не безъ опасности отъ такого бродяги, какъ ты. Только въ томъ случаѣ, если близость моей смерти мнѣ извѣстна, я тебя не боюсь.

Т. Мнѣ не хочется идти бродомъ: боюсь намочить платье. Но еслибы я былъ на той сторонѣ пролива, я заплатилъ бы тебѣ, клеветникъ, за твои рѣчи моимъ молотомъ.

Х. Перейди только;—я остаюсь и жду тебя: ты удостовѣришься въ томъ, что съ тѣхъ, поръ, какъ ты убилъ Руигнера, ни одинъ болѣе жестокій врагъ тебѣ не попадался.

Т. Ты самъ напоминаешь объ одномъ изъ моихъ героическихъ подвиговъ, что я убилъ молотомъ Руигнера, великана съ каменной головой и каменнымъ сердцемъ; какіе подвиги совершалъ ты между тѣмъ, Харбардъ?

Х. Я былъ пять лѣтъ на островѣ Альгрюнъ у Фіольвара. Тамъ мы сражались и убивали множество враговъ, занимались шутками и дѣлали предложенія дѣвушкамъ. Что дѣлалъ ты, между тѣмъ, Торъ?

Т. Я убилъ Тіасси, надменнаго великана, который похитилъ у насъ Ідуну съ яблоками. Глаза его я бросилъ на небо: они сдѣлались звѣздами и своимъ свѣтомъ славятъ людямъ мои подвиги. Что дѣлалъ ты, между тѣмъ, Харбардъ?

Х. Я перехитрилъ великана Лебардъ: онъ подарилъ мнѣ волшебную лозу; я и отнялъ у него умъ.

Т. Вотъ и ясно, что неблагодарность есть награда мира.

Х. Такъ это и должно быть; съ одного дерева нужно срѣзать вѣтку, чтобы привить къ другому. Что дѣлалъ ты, между тѣмъ, Торъ?

Т. Я сражался противъ великановъ и убилъ многихъ; потому что они чрезвычайно размножились бы, еслибъ всѣ остались живы; они вытѣснили бы боговъ изъ неба, а людей изъ Митгарда. Что дѣлалъ ты, между тѣмъ, Харбардъ?

Х. Я былъ между тѣмъ въ Валландѣ, нарушилъ миръ и ссорилъ князей, которыхъ я послалъ къ Одину въ Валгаллу, потому что Одинъ принимаетъ князей, падшихъ въ битвахъ, а ты, Торъ, слугъ.

Т. Ты бы иначе распредѣлилъ людей между богами, если бы отъ тебя зависѣло.

Х. У одного недостатокъ въ одномъ, а другаго въ другомъ: у меня нѣтъ власти, а у тебя, Торъ, хотя и есть власть, но нѣтъ храбрости. Ты, вѣдь залѣзъ отъ страху въ перчатку Скримера, трясся какъ хвостъ ягненка, не посмѣлъ даже чихнуть или вздохнуть, боясь, что услышитъ карликъ.

Т. Харбардъ, я послалъ бы тебя въ адъ за твои рѣчи, если бы я былъ на той сторонѣ!

Х. Что тебѣ надо на той сторонѣ, гдѣ тебѣ нечего дѣлать? что ты сдѣлалъ еще, Торъ!

Т. Я былъ на востокѣ, укротилъ потокъ и сдѣлалъ черезъ него мостъ. Тутъ напали на меня сыновья великановъ; они бросали въ меня камнями, но это мнѣ не повредило: я оборотился на нихъ съ такою силой, что они должны были просить о мирѣ. Что же ты сдѣлалъ, между тѣмъ Харбардъ?

Х. Я былъ на востокѣ у одной дѣвушки, прекрасной какъ золото и бѣлой, какъ снѣгъ,—ее бы я охотно увезъ отъ отца,

Т. Это твое желаніе я долженъ похвалить, я бы помогъ тебѣ въ томъ.

Х. Я бы тебѣ и повѣрилъ, а ты обманулъ бы меня!

Т. Что же, ты думаешь, что я, какъ старый ссохшійся башмакъ жму людямъ пятки? Но скажи откуда у тебя берутся всѣ эти насмѣшливыя рѣчи? Худшихъ я никогда не слыхивалъ.

Х. Они у меня отъ старыхъ людей, которые живутъ въ лѣсу.

Т. Мертвыхъ ты называешь старыми, а лѣса ихъ жилищами.

Х. Я такъ полагаю.

Т. За твои умныя слова ты дорого поплатишься, если я перейду бродомъ. Ты заревешь какъ волъ, когда я поражу тебя моимъ молотомъ.

Х. Поди лучше домой, Торъ, и карауль свою жену.

Т. Я знаю, что мнѣ этого не нужно.

Х. Я знаю, что тебѣ нужно. Ты не стоялъ бы здѣсь такъ долго, еслибы зналъ, что я знаю.

Т. Ты задержалъ меня такъ долго своими рѣчами.

Х. Я этому не виноватъ, что могущій Торъ допускаетъ, чтобъ ему отказывали въ перевозѣ.

Х. Я совѣтую тебѣ грести сюда и перевезти меня.

Х. Я совѣтую тебѣ идти домой—я не пріѣду за тобой.

Т. Такъ покажи мнѣ по крайней мѣрѣ дорогу.

Х. Я окажу тебѣ эту маловажную услугу, потому что ты такъ скроменъ. Иди налѣво, тогда придешь ты къ своей матери.

Т. Сегодня приду я?

Х. Когда ты поспѣшишь, то придешь еще сегодня съ западомъ солнца.

Т. Я припомню тебѣ отказанную переправу и насмѣшливыя рѣчи при другой встрѣчѣ.

Х. Иди только,—я тебя не боюсь.

Такъ Торъ долженъ былъ отправиться. Онъ худо наградилъ бы Харбарда, еслибъ перевозчикъ не былъ самъ отецъ-Одинъ, который не хотѣлъ, чтобы увеличилось своеволіе сына.

Время дѣйствія есть начало весны; потому богъ земледѣлія является оборваннымъ; онъ, податель всякихъ благъ, теперь обѣднялъ и обѣщается угостить *завтра*; онъ пострадалъ отъ дѣтей Сваранга т. е. отъ града.

Пѣснь о Всезнайкѣ (Alvismal) считаютъ позднѣйшей передѣлкой или подражаніемъ пѣсни о Вафтруднирѣ; различныя названія служили образцемъ для позднѣйшихъ искусственныхъ скальдовъ.

Дочь Тора, Труда, была помолвлена за карлика Всезнайку въ отсутствіе своего отца. Карликъ просилъ невѣсту поторопиться отъѣздомъ; потому что, говорилъ онъ, хотя я и не слишкомъ нетерпѣливъ, но дома все таки спокойнѣе. Въ это время внезапно возвратившійся Торъ удивляется совершившемуся безъ его вѣдома обрученію дочери съ блѣдноносымъ карломъ; спрашиваетъ послѣдняго не очень дружелюбно, кто онъ такой, и говоритъ, что онъ не для него готовилъ такую невѣсту. «Меня зовутъ Всезнайкой», отвѣчаетъ карликъ, «у меня есть каменный домъ подъ землею», и прибавляетъ далѣе, что не слѣдуетъ нарушать союза, такъ какъ онъ уже заключенъ. Торъ грозитъ нарушить его, говоря, что только отецъ имѣетъ право распоряжаться судьбою своихъ дѣтей и что онъ не получитъ никогда невѣсты безъ его согласія. Такъ какъ карликъ хвастается тѣмъ,

что знаетъ весь свѣтъ и все, существующее въ немъ, то Торъ обѣщаетъ ему руку дочери въ томъ случаѣ, если онъ отвѣтитъ на всѣ его вопросы. Вслѣдъ за тѣмъ Торъ спрашиваетъ, а Всезнайка отвѣчаетъ.

Т. Отвѣчай мнѣ, Всезнайка, такъ какъ тебѣ извѣстны всѣ существа: какъ называется кормилица земля въ различныхъ странахъ?

В. Землею называютъ ее люди, асы зовутъ ее лугомъ, ваны—дорогой; вѣчнозеленою называютъ ее великаны, а эльфы—ростомъ.

Торъ спрашиваетъ далѣе, какъ называется въ разныхъ странахъ небо.

В. Оно называется небомъ у людей, кровлей—у боговъ, гонителемъ вѣтровъ—у вановъ, вершиною—у великановъ, свѣтлымъ шлемомъ у эльфовъ, производителемъ росы—у карликовъ.

Т. Какъ называется мѣсяцъ во всѣхъ странахъ?

В. Люди называютъ его мѣсяцемъ, боги—кругомъ; въ Геллѣ называютъ его вертящимся колесомъ, у великановъ быстрымъ, у карликовъ—свѣтомъ, у эльфовъ—мѣриломъ года.

Т. Какъ называютъ всеосвѣщающее солнце въ разныхъ странахъ?

В. Люди называютъ его солнцемъ, боги—звѣздой, карлики—врагомъ карловъ, великаны—свѣтлымъ глазомъ, эльфы—блестящимъ кругомъ, асы всесвѣтлымъ.

Т. Какъ называютъ въ разныхъ странахъ туманныя облака?

В. У людей они называются облаками, у боговъ—оросителями, у вановъ—вѣтряными кораблями, у великановъ—подателями дождя, непогодой у эльфовъ, туманнымъ шлемомъ въ Геллѣ.

Т. Какъ называется во всѣхъ странахъ далеко вѣющій вѣтеръ?

В. Онъ называется вѣтромъ у людей, волненіемъ—у вановъ, шумомъ у эльфовъ, воемъ въ Геллѣ.

Т. Какъ называется спокойный воздухъ во всѣхъ странахъ?

В. Люди называютъ его воздухомъ, боги—спокойствіемъ, ваны безвѣтріемъ, великаны—жаромъ, эльфы—утреннимъ миромъ, карлики—страной веселья.

Т. Какъ называется во всѣхъ странахъ море, по которому ѣздятъ люди?

В. Оно называется моремъ у людей, гладью—у боговъ, волною—у вановъ, страной угрей у великановъ, водянымъ сокровищемъ у эльфовъ, высокой волной у карликовъ.

Т. Какъ называется во всѣхъ странахъ огонь, свѣтящій людямъ?

В. Онъ называется огнемъ у людей, пламенемъ у боговъ, волнующейся теплотой у вановъ, зажигателемъ у карликовъ, опустошителемъ въ Геллѣ.

Т. Какъ называется вѣчно-растущій лѣсъ во всѣхъ странахъ?

В. Онъ называется лѣсомъ у людей, волосами земли—у боговъ, горнымъ мохомъ въ Геллѣ, топливомъ у великановъ, прекрасной вѣткой у эльфовъ, кустарникомъ у вановъ.

Т. Какъ называется ночь во всѣхъ странахъ?

В. Она называется ночью у людей, покровомъ у асовъ, мракомъ у великановъ, пріятнымъ сномъ у эльфовъ, другомъ сновидѣній у карликовъ.

Т. Какъ называется посѣвъ во всѣхъ странахъ?

В. Онъ называется посѣвомъ у людей, сѣменемъ у боговъ, ростомъ—у вановъ, пищей—у великановъ, волной стеблей въ Геллѣ.

Т. Какъ называется эль, который пьютъ во всѣхъ странахъ?

В. Элемъ называютъ его люди, боги—пивомъ, ваны—сокомъ, великаны—свѣтлой струей, въ Геллѣ называютъ его медомъ; пей его, говорятъ сыновья Суттунга.

Торъ удивился такимъ неистощимымъ познаніямъ у карлика; но Всезнайка не воспользовался выигрышемъ заклада, потому что Торъ распрашивалъ его до тѣхъ поръ, пока

взошло солнце, предатель карликовъ, по выраженію Всезнайки, и не облило его лучами своего свѣта. Такъ и окаменѣлъ опасавшійся свѣта Всезнайка, какъ это всегда случается съ карликами, когда на нихъ упадетъ лучъ солнца. По объясненію Уланда, дочь Тора есть зерно, находящееся первоначально во власти мрака; дневной свѣтъ убиваетъ карлика т. е. зерно возвращается на свѣтъ.

Hymisqvida—пѣснь о Химирѣ. Боги собираются въ гости къ Oegir'у, богу моря, пить пиво, (онъ принадлежитъ не къ Асамъ, а къ потомкамъ Имира; сюда же относятся Thyr, Niordi и др.), но у него нѣтъ котла, чтобы угостить ихъ. Thyr (по Уланду—смѣлая мысль) подстрекаетъ Тора отправиться къ его отцу Химиру, у котораго есть необыкновенный котелъ. Торъ показываетъ свою силу Химиру, беретъ котелъ, убиваетъ догоняющихъ его великановъ и возвращается къ богамъ. Съ тѣхъ поръ каждую осень у боговъ пиршество. Слѣдовательно начало осенняго праздника принадлежитъ богамъ.

Химиръ есть зима, а котелъ по Уланду изображаетъ море.

Oegisdreka (приглашеніе Ögира) имѣетъ внѣшнюю связь съ предъидущею пѣснью. Пока Торъ ходитъ за котломъ, и боги ожидаютъ его, приходитъ Локки, уже прежде поссорившійся съ богами. Локки входитъ къ Ögиру и спрашиваетъ, чѣмъ занимаются безъ него боги. Узнавъ, что они хвалятся своими подвигами, онъ является въ ихъ собраніе. Боги замолкли. Локки напоминаетъ Одину о братскомъ союзѣ, который они когда-то заключили и требуетъ себѣ мѣста и меду. Когда его желаніе исполнено, онъ начинаетъ поносить боговъ и богинь; упрекаетъ послѣднихъ въ незаконной любви. Фригга говоритъ: «еслибы былъ живъ мой сынъ Бальдуръ, то этого не случилось бы». Наконецъ возвращается Торъ, ходившій за котломъ. И его упрекаетъ Локки въ трусости, припоминаетъ ему, какъ онъ прятался въ перчатку Скримира. Торъ грозитъ ему своимъ молотомъ. Лок-

ки говоритъ: «одного только тебя боюсь я» и уходитъ изъ собранія.

Теорія естественнаго объясненія миѳовъ здѣсь ясно доходитъ до крайности. «Дѣло происходитъ послѣ смерти Бальдура, т. е. послѣ поворота солнца, во второй половинѣ лѣта, когда жаръ, олицетворенный въ видѣ Локки, угрожаетъ истребленіемъ всему хорошему. Только Торъ своимъ молотомъ-грозою можетъ сдѣлать его безвреднымъ для земли и ея обитателей».

Объясненіе слишкомъ искусственно: оно все построено на одномъ намекѣ Фригги: едва ли Скандинавы такъ могли бояться солнечнаго жара. Едва ли не удобнѣе видѣть въ Локки олицетвореніе нравственнаго зла, прирожденнаго старому порядку вещей. Упреки, дѣлаемые имъ богамъ, передъ которыми замолкаютъ они, какъ справедливо уличенные, указываютъ также на несоотвѣтствіе идеаловъ этого порядка и прекрасно объясняютъ вѣру въ его разрушеніе.

Гавамаль, или высокая пѣснь, не имѣетъ, подобно предъидущимъ, чисто миѳическаго характера: это собраніе нравственныхъ правилъ, высшихъ принциповъ, которые управляли жизнью древнихъ Скандинавовъ. Теперь, когда наука такъ рѣзко отдѣлилась отъ поэзіи, едва ли кому придетъ охота излагать этику (науку нравственности) въ стихотворной формѣ; но въ раннюю эпоху развитія человѣчества, вся его духовная жизнь проявлялась въ пѣсняхъ: въ ней, какъ въ клубкѣ, спутанъ зародышъ наукъ и всего, чѣмъ живетъ духовная сторона человѣка. Поэтому, даже въ эпоху гораздо позднѣйшую, поученіе у всѣхъ народовъ находитъ мѣсто въ литературѣ, направленной исключительно къ забавамъ. Этимъ объясняется распространеніе поученія отъ отца къ сыну въ нашей древней литературѣ. Такія пѣсни, какъ Гавамаль, интересны потому, что въ нихъ мы знакомимся съ древнимъ человѣкомъ съ самой интересной для насъ стороны. Познаніе идеаловъ извѣстной эпохи также важно, если еще не важнѣе познанія фактовъ дѣйствительной его жизни.

Совѣты идутъ отъ лица Одина, какъ это показываютъ намеки на миѳологію. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ, особенно характеристичные.

«Подходя къ чужому дому, стань прежде на порогѣ, потому что не знаешь, что найдешь тамъ. Благо дающему! Пришелъ гость; гдѣ долженъ онъ сѣсть? Тяжело дышатъ пришедшіе издалека. Замерзшій путешественникъ желаетъ согрѣться; освѣжи платье тому, кто прошелъ по скаламъ; ему нужны вода и полотенце. Послѣ хорошей встрѣчи можно потребовать слова отъ гостя. Умъ нуженъ въ далекомъ пути, да и осторожность тоже не лишняя. Кто уменъ и скупъ на слова, тотъ рѣдко вредитъ себѣ. Предусмотрительный человѣкъ, придя на пиръ, молчитъ: онъ слушаетъ, осматриваетъ все и умно разсуждаетъ про себя объ этомъ. Благо тому, кто пріобрѣтаетъ себѣ похвалу; благо тому, кто самъ себѣ можетъ совѣтовать, потому что чужіе совѣты чаще вредятъ. Мудрость и знаніе помогаютъ на чужбинѣ лучше золота. Плохой спутникъ въ дорогѣ — страсть къ пьянству, потому что, чѣмъ больше пьетъ человѣкъ, тѣмъ меньше пользуется онъ своимъ разсудкомъ. Молчаливъ, уменъ, искусенъ въ битвѣ долженъ быть княжескій сынъ. Избѣгая битвъ, недостойный человѣкъ думаетъ прожить вѣчно; хотя мечъ и пощадитъ его, но старость все таки не оставитъ въ покоѣ. Придя на пиръ, дуракъ таращитъ глаза и болтаетъ; его глупость проявляется по мѣрѣ того, какъ онъ выпиваетъ свою долю вина. Всевѣдущъ только тотъ, кто много путешествовалъ и много испыталъ,— тотъ, кто умомъ своимъ присутствуетъ всюду, насколько это доступно его уму. Берись за кубокъ, но опустошай его умѣренно; говори умно, или молчи. Глупецъ думаетъ, что къ нему расположенъ всякій, кто только улыбается ему; глупецъ воображаетъ, что къ нему расположенъ всякій, кто не противорѣчитъ ему; но стоитъ ему явиться на судъ, и онъ увидитъ, какъ мало у него поддержки. Глупому человѣку лучше всего молчать, пришедши въ гости; его глупость остается незамѣтна, пока онъ молчитъ. Но тотъ, кто

мало знаетъ, не знаетъ, къ несчастію и того, когда ему слѣдуетъ молчать. Мудрымъ считаетъ себя тотъ, кто умѣетъ спрашивать и отвѣчать; но живя съ людьми, нельзя не выказать своего невѣжества. Не насмѣхайся въ глаза надъ человѣкомъ, который довѣрчиво ищетъ у тебя защиты. Случается часто, что прежніе друзья ссорятся за столомъ; эта ссора будетъ длиться вѣчно; гость будетъ сердиться на гостя. Отправляясь не къ задушевному другу, захвати съ собою закуску: иначе ты проголодаешься и не будешь въ состояніи говорить. Мы вѣчно обходимъ жилище недруга, хотя оно и стояло бы по дорогѣ; дорога же, ведущая къ другу, всегда намъ кажется прямою. Ты можешь навѣстить кого нибудь, но не гостить тамъ постоянно: мы становимся равнодушны къ тому, кто долго живетъ съ нами. Ты господинъ въ своемъ домѣ, какъ бы онъ ни былъ малъ. Лучше имѣть соломенную крышу и пару козъ, чѣмъ просить милостыню. Сердце обливается кровью у того, кто принужденъ выпрашивать себѣ постоянно кусокъ хлѣба. Не дѣлай шагу безъ оружія въ чистомъ полѣ: никто не знаетъ, какъ скоро понадобится ему мечъ. Я не видалъ ни одного щедраго человѣка, которому былъ бы непріятенъ подарокъ. Друзья должны дарить другъ друга самымъ лучшимъ оружіемъ и одеждой. Взаимные подарки кладутъ основаніе дружбѣ, если ничто другое ей не мѣшаетъ. Надо отвѣчать на дружбу дружбою, на подарокъ такимъ же подаркомъ. Герой долженъ платить насмѣшкой за насмѣшку, ложью за несправедливость. Другъ долженъ платить дружбой другу и его друзьямъ; сходиться же съ друзьями врага не слѣдуетъ никому. Если ты знаешь друга, которому довѣряешь и отъ котораго много ожидаешь, то дари его и посѣщай его домъ; если же знаешь человѣка, которому недовѣряешь, но отъ котораго ждешь много, но будь съ нимъ кротокъ на словахъ; на несправедливость же отвѣчай ложью. Если знаешь человѣка, которому мало довѣряешь, потому что онъ кажется тебѣ подозрительнымъ,—отъ тебя зависитъ насмѣхаться надъ нимъ или нѣтъ; но во всякомъ случаѣ

обращаться съ нимъ слѣдуетъ такъ, какъ онъ самъ обращается съ тобой. Въ молодости я былъ одинокъ; я былъ счастливъ, встрѣтивъ кого нибудь: одинъ человѣкъ составляетъ утѣшеніе для другаго. Счастливъ человѣкъ, который не обращаетъ вниманія на заботы; но трусъ боится всего и скупится на подарки. Подарокъ не всегда долженъ быть большимъ: благодарность пріобрѣтается и немногимъ. Я часто одолжалъ человѣка, дѣлясь съ нимъ кускомъ хлѣба или глоткомъ изъ своего кубка. Человѣкъ долженъ быть умѣренно уменъ, да не заходитъ у него умъ за разумъ; человѣкъ чрезмѣрно умный рѣдко веселится; судьбы своей никто не знаетъ: пусть же никто и не безпокоится о ней. Тотъ долженъ вставать рано, кто хочетъ вернуться съ добычей. Сонному волку рѣдко удается охота, а сонному человѣку битва. Рано долженъ вставать тотъ, у кого мало работниковъ и кто долженъ смотрѣть самъ за своимъ дѣломъ; тотъ, кто поздно встаетъ, упускаетъ многое изъ виду; поспѣшный же человѣкъ дѣлаетъ все на половину. Отправляйся сытымъ и одѣтымъ въ собраніе, не заботясь о прекрасной одеждѣ. Не стыдись ни обуви, ни одежды и не краснѣй за дурную лошадь. Если хочешь повѣрить тайну, такъ повѣряй ее одному: если ее узнаетъ третій, то узнаетъ и весь свѣтъ. Разумный человѣкъ долженъ пользоваться умѣренно своей властью, потому что онъ увидитъ, наживъ себѣ враговъ, что есть сильнѣйшій и надъ сильнымъ. Будь остороженъ и не сразу довѣряйся людямъ: иначе тебѣ придется часто раскаяваться въ сказанныхъ словахъ. Въ одно мѣсто я попадалъ слишкомъ рано, въ другое слишкомъ поздно: пиво было то выпито, то слишкомъ молодо; нелюбимый человѣкъ является всегда не во время. Иногда случалось получать приглашеніе во время; мнѣ предлагали еще два окорока въ томъ домѣ, гдѣ я уже уничтожилъ одинъ. Хвали день вечеромъ, женщину послѣ ея смерти, мечъ послѣ того, какъ узнаешь его достоинство, невѣсту послѣ свадьбы, пиво — послѣ того, какъ его выпьешь. Человѣку пріятнѣе всего огонь и солнце,

когда онъ здоровъ и безпороченъ. На свѣтѣ нѣтъ совершенно несчастныхъ людей; если человѣкъ не пользуется здоровьемъ, то онъ находитъ утѣшеніе въ дѣтяхъ, въ друзьяхъ, въ богатствѣ, въ благодѣяніяхъ. Жизнь хороша даже и въ бѣдности. Я видѣлъ, какъ огонь пожиралъ сокровища богача и какъ смерть стояла за дверями. Хромой можетъ ѣздить, безрукій пасти, глухой пригодится въ битвѣ; лучше быть слѣпымъ, чѣмъ сожженнымъ; мертвый ни на что не годится. Не смѣйся надъ бѣднякомъ: умираетъ скотъ, друзья; очередь дойдетъ и до тебя; не умираетъ лишь слава о человѣческихъ дѣлахъ, не умираетъ также и приговоръ надъ умершимъ. Корабль созданъ для плаванія, щитъ—для защиты, клинокъ—для ударовъ, дѣвушка—для поцѣлуевъ. Пей пиво при огнѣ, бѣгай на конькахъ по льду, коня покупай тощимъ, оружіе заржавленнымъ; береги лошадь въ стойлѣ, а собаку на дворѣ. Мужчина не долженъ довѣрять ни дѣвичьимъ, ни женскимъ рѣчамъ: сердце женщины создано на вертящемся колесѣ; въ груди же ея таится обманъ. Не должно довѣрять ни рано засѣянному полю, ни юному по лѣтамъ ребенку. Посѣвъ требуетъ хорошей погоды, а дитя разума: и то и другое сомнительно. Любовь фальшивой женщины подобна коню фальшивому, необузданному, скользящему по гладкому льду, или кораблю, пущенному по бурному морю, или охотѣ калѣки за козой, взбирающейся на отвѣсную скалу. Хорошія слова есть слѣдствіе дурныхъ мыслей; такимъ образомъ можно обмануть умнаго человѣка. Желающій пріобрѣсть любовь дѣвушки долженъ льстить ей, приносить подарки, хвалить ея красоту; такимъ образомъ можетъ поймать ее.»

Героическая часть Эдды Семунда стоитъ выше въ художественномъ отношеніи, и не требуетъ особыхъ поясненій; ея пѣсни также, какъ и миѳическія, принадлежатъ къ роду смѣшанному; въ первыхъ изъ нихъ, которыя и по самому содержанію ближе къ миѳамъ, чѣмъ къ историческимъ преданіямъ, собиратель въ прозаическомъ предисловіи объясняетъ, какъ было дѣло; пѣсня же является или чисто ли-

рической или въ формѣ діалога; послѣднія, въ которыхъ иногда дѣйствуютъ уже историческія личности, часто приближаются къ эпическимъ народнымъ пѣснямъ.

Пѣсни героическія имѣютъ дѣло, главнымъ образомъ, съ 3-мя героями: вѣщимъ кузнецомъ Виландомъ, Гельги и Зигурдомъ. 1-му посвящены 2 пѣсни, но мы остановимся только на 2-ой, потому что 1-ая есть варіантъ ея начала.

Пѣснь о Волундрѣ. «У Нидудра, короля Сваннода, (Швеціи) было два сына и одна дочь, по имени Баутвильдръ. Были три брата, дѣти короля Финнскаго; одинъ назывался Слягфидръ, другой Эгиль, третій Вölундръ; охотясь за звѣрями, они зашли въ Волчью долину и построили тамъ себѣ дома; тамъ было озеро, называемое Ульфіаръ (волчье озеро). Рано поутру нашли они на берегу воды трехъ дѣвъ, которыя пряли ленъ; около нихъ были лебединыя рубашки. Это были валькиріи. Двѣ изъ нихъ—дочери короля Лаудвера: Хлядгудуръ Сванвитъ (лебедь бѣлая) и Гервöръ Альвитра (премудрая), а третья была Альрунъ, дочь Кіара валландскаго. Братья увели ихъ домой съ собою: Эгиль взялъ Альруну, Слягфидръ — Санвитъ и Вölундръ—Альвитру. Они жили вмѣстѣ 7 зимъ; потомъ женщины улетѣли искать войны и не возвращались назадъ. Тогда Эгиль пошелъ искать Альруну, а Слягфидръ — Сванвитъ, но Вölундръ остался въ Ильфдали. Онъ былъ искуснѣйшій человѣкъ, на сколько извѣстно по древнимъ сказаніямъ». Король Нидудръ велѣлъ его схватить, какъ здѣсь поется:

«Дѣвы летѣли съ юга чрезъ Мирквидръ рѣшать битву. Онѣ сѣли на берегу озера отдыхать: южныя дѣвы пряли дорогой ленъ. Одна изъ нихъ обняла Эгиля, прекрасная бѣлогрудая дѣва, другая была Сванвитъ и носила лебединыя перья: она обняла Слягфидра, а третья ихъ сестра обняла бѣлую шею Вölундра. Они такъ потомъ прожили 7 зимъ, но всю восьмую они проскучали, а на девятую ихъ разлучила нужда. Тогда пришли съ охоты утомленные стрѣлки; Слягфидръ и Эгиль нашли пустыя

залы; выходили, входили и осматривали: Эгиль пошелъ на востокъ за Альруной, а Слягфиндръ на югъ за Сванвитой; одинъ только Вölундръ остался въ Ильфдали. Онъ обивалъ краснымъ золотомъ крѣпкіе камни и нанизывалъ кольца на лыко. Такъ дожидался онъ своей прекрасной жены на случай, если она придетъ. Нидудръ, начальникъ Кіары, услыхалъ, что Вölундръ одинъ живетъ въ Ильфдали. Ночью пришли люди: утыканы гвоздями были ихъ панцыри; ихъ щиты отражали неполную луну. Они перескочили черезъ порогъ залы прошли чрезъ всю залу; увидали кольца, надѣтыя на лыко, всѣхъ числомъ 700, все, что имѣлъ герой. Они сняли ихъ и опять надѣли кромѣ одного, которое оставили у себя. Потомъ пришелъ съ охоты усталый стрѣлокъ, сдѣлавшій большой путь. Онъ подошелъ къ огню жарить мясо медвѣдицы: высоко передъ Вölундромъ горѣли вѣтки тощаго дерева сосны. Онъ, другъ эльфовъ, сѣлъ на медвѣжью шкуру, счелъ кольца: одного недоставало. Онъ подумалъ, что его унесла дочь Лаудвера: прекрасная Альвитуръ возвратилась. Онъ сидѣлъ, пока не заснулъ; но не радостно было его пробужденіе: онъ замѣтилъ на рукахъ у себя тяжелыя узы, а ноги у него были скованы. «Что за люди возложили веревки на благороднаго человѣка и связали меня?» Закричалъ тогда Нидудръ, глава Кіары: «гдѣ добылъ, Вölундръ, царь эльфовъ, наши сокровища въ Ильфдали?» «Здѣсь нѣтъ золота, какъ на дорогѣ Грани; далеко наша земля отъ рейнскихъ горъ; у насъ больше сокровищъ». — Король Нидудръ далъ своей дочери Баутвильдѣ золотое кольцо, которое онъ снялъ съ лыка въ домѣ Вölундра, а самъ онъ взялъ мечъ, который былъ у Вölундра. Тогда королева сказала: «слюнки текутъ у него, когда ему попадается на глаза мечъ, и онъ узнаетъ кольцо Баутвильдуры. Остеръ взглядъ сверкающаго дракона: разрѣжьте ему силу сухожильевъ и посадите потомъ на Саварстадръ». Такъ было сдѣлано, и ему разрѣзали сухожилья на подколѣньяхъ и посадили его на островъ, который былъ передъ землею и назывался Саварстадръ. Тамъ ковалъ онъ ко-

ролю всякія драгоцѣнности; никто не отваживался къ нему ходить, кромѣ короля. Вölундръ сказалъ: «у Нидудра блеститъ на поясѣ мой мечъ, который я наточилъ, какъ могъ лучше, выковалъ какъ можно искуснѣе; этотъ блестящій мечъ унесенъ у меня. Теперь Баутвильда носитъ красное кольцо моей жены: я хочу отмстить за нихъ». Онъ сидѣлъ и не спалъ, а ковалъ молотомъ; скоро надѣлалъ онъ горя Нидудру. Вотъ прибѣжали два молодыхъ сына Нидудра посмотрѣть въ дверь Саварстадра; подошли они къ сундуку и захотѣлось имъ имѣть ключъ; открытъ былъ проклятый сундукъ, и они смотрѣли туда. Много было тамъ ожерелій, какъ показалось мальчикамъ, изъ чистаго, краснаго золота и драгоцѣнностей. «Приходите одни вдвоемъ, приходите на другой день: я дамъ вамъ золота; не говорите ни дѣвушкамъ, ни домашнимъ, никому, что вы здѣсь были». Рано поутру закричалъ одинъ мальчикъ другому, братъ брату: «пойдемъ смотрѣть кольца!» Они подошли къ ящику, пожелали ключа: открытъ стоялъ проклятый; они туда посмотрѣли. Отрѣзалъ онъ головы мальчикамъ и кости ихъ положилъ подъ корыто, а черепа, которые были подъ волосами, оковалъ онъ серебромъ и камнями. Изъ глазъ сдѣлалъ онъ дорогіе каменья и послалъ ихъ злобной женѣ Нидудра, а изъ зубъ ихъ обоихъ сдѣлалъ онъ ожерелье и послалъ его Баутвильдѣ. Тогда начала Баутвильда хвастаться своимъ кольцомъ и когда сломала, отнесла его къ Вölундру и сказала: «я никому не хочу объ этомъ сказать, кромѣ тебя.» Вölундръ сказалъ: «я задѣлаю порчу золотомъ такъ, что кольцо покажется еще прекраснѣе твоему отцу, еще лучше твоей матери, и тебѣ самой — также хорошо. Обманулъ онъ ее медомъ (былъ онъ хитрѣе ее). Дѣва упала на скалѣ и заснула. «Теперь я отомстилъ за зло, за все, кромѣ одного, ужаснаго. Хорошо бы мнѣ было, сказалъ Вölундръ, если бъ я имѣлъ сухожилья, которыя у меня похитили мужи Нидудра.» Со смѣхомъ поднялся Вölундръ въ воздухъ; съ плачемъ пошла съ острова Баутвильда; озабочивало ее удаленіе любезнаго и гнѣвъ ея отца. Стоитъ ко-

варная жена Нидудра и прошла она вдоль залы, но на краю залы сѣла она отдыхать. «Бодрствуешь ли ты, Нидудръ, князь Кіары?» «Вѣчно бодрствую я и безрадостно я засыпаю: я думаю о томъ, что мои сыновья мертвы. У меня замерзла голова отъ твоихъ несчастныхъ совѣтовъ; я хотѣлъ бы теперь поговорить съ Вölундромъ. Скажи мнѣ Вölундръ, царь эльфовъ, что сдѣлалось изъ моихъ юныхъ сыновей?» «Прежде ты мнѣ долженъ дать всякія клятвы у борта корабля и на краю щита, на лопаткѣ лошади и на остріи меча, что ты не убилъ жены, Нидудръ, и не былъ убійцей моей невѣсты. Я, вѣдь, имѣю жену, вамъ родную, и имѣю дитя въ вашемъ домѣ. Поди въ кузницу, которую ты тамъ построилъ, найдешь тамъ тѣла, точащія кровь: я отрѣзалъ головы у твоихъ сыновей и подъ корыто положилъ ихъ кости, а черепа, которые были подъ волосами, оковалъ я сверху серебромъ и послалъ ихъ Нидудру; изъ глазъ сдѣлалъ я дорогіе камни и послалъ ихъ злобной женѣ Нидудра. Изъ зубъ ихъ обоихъ я сдѣлалъ ожерелье и послалъ его Баутвильдѣ. А теперь Баутвильда, единственная дочь васъ обоихъ ходитъ беременная!» «Никогда ты не говорилъ ничего, чтобы меня больше опечалило и никогда не хотѣлъ я жесточе наказать тебя, Вölундръ; но нѣтъ такого высокаго человѣка, который бы снялъ тебя съ лошади, ни такого сильнаго, который сшибъ бы оттуда, гдѣ ты летаешь противъ облаковъ.» Весело Вölундръ поднялся на воздухъ, но невесело смотрѣлъ послѣ того Нидудръ. «Встань, Такрадуръ, лучшій мой слуга! Позови Баутвильду, смуглую красавицу, чтобы она, нарядившись, пришла говорить съ отцемъ. Правда ли, что мнѣ сказали, будто ты и Вölундръ сидѣли вмѣстѣ на островкѣ.» «Правда, Нидудръ, тебѣ сказали, что мы — я и Вölундръ сидѣли на островѣ цѣлый ужасный часъ, чтобъ никогда такого не было. Я не умѣла ему сопротивляться! Я не могла ему противиться.»

Изъ пѣсенъ о Хельги мы изложимъ содержаніе третьей, которая представляетъ лучшій варіантъ и имѣетъ болѣе сходства съ пѣснями о Зигурдѣ.

Король Сигмундъ, сынъ Вользунга, былъ женатъ на Боргхильдѣ; у нихъ былъ сынъ Хельги, котораго воспитывалъ Хагаль; Сигмундъ велъ войну съ Хундингомъ, сосѣднимъ королемъ, у котораго было много сыновей; Хельги, возросши, убилъ Хундинга и оттого получилъ прозваніе убійцы Хундинга. Онъ ѣлъ мясо на берегу съ своей дружиной, когда явилась ему валькирія Сигруна, дочь Хёгни, летавшая по морю и по воздуху; здѣсь они видѣлись въ первый разъ, и Сигруна поздравила его съ побѣдою. За нее скоро посватался Ходбродръ, сынъ короля Гранмара; отецъ передъ войскомъ обѣщалъ ее отдать ему, но Сигруна любила Хельги, который въ это время сражался съ сыновьями Хундинга; она прилетѣла къ нему, приложила его руку къ сердцу и поцѣловала его. Она сказала: «я обѣщана передъ войскомъ Ходбродру, но за другаго хочу я за-мужъ». — «Не бойся гнѣва родственниковъ, ни негодованія твоихъ родныхъ; ты со мною должна жить». Хельги собралъ войско и на корабляхъ явился къ Фрекальштейну; началась страшная буря, но явились 9 валькирій и въ числѣ ихъ Сигруна, и буря прекратилась. Гудмундъ, братъ Ходбродра, выѣхалъ узнать, кто пріѣхалъ на корабляхъ и Синфіотли, бывшій съ Хельги, началъ съ нимъ перебранку, но ей помѣшалъ Хельги: «не лучше ли было бы начать битву и порадовать орловъ, чѣмъ вести безполезный споръ на словахъ». Сыновья Гранмара собрали войско, и къ нимъ присоединился Хёгни съ сыновьями; началась жестокая битва, въ которой погибли Хёгни и его сынъ Браги, и только Дагъ получилъ миръ. Сигруна проходила по полю и увидала Ходбродра, тяжело раненаго. «Не держать тебѣ, сказала она, король Ходбродръ, въ объятіяхъ Сигруны; жизнь кончена; сѣкира приближается къ твоей сѣдой головѣ». Потомъ радостно подошла она къ Хельги. Онъ сказалъ: «не все, милая, произошло по твоему желанію; ножны погрѣшили отчасти: рано у Фрекаштейна пали Браги и Хёгни, и я ихъ убійца». Сигруна горько заплакала, но осталась вѣрна Хельги.

Хельги женился на ней и воспитывалъ дѣтей. Дагъ, между тѣмъ, получилъ отъ Одина копье, которымъ и отомстилъ за отца, убилъ Хельги. Печально приходитъ онъ къ сестрѣ и объявляетъ, что «палъ благороднѣйшій изъ благородныхъ подъ солнцемъ, побѣдитель многихъ князей». Сигруна упрекаетъ его въ нарушеніи клятвы и проклинаетъ; напрасно Дагъ предлагаетъ ей возвратиться домой: Сигрунѣ нѣтъ и не можетъ быть радости послѣ смерти героя. Надъ Хельги насыпали холмъ, а самъ онъ отправился къ Одину, который предложилъ ему раздѣлить съ нимъ владычество въ Валгаллѣ. Однажды служанка Сигруны пошла на его холмъ и увидала Хельги на конѣ съ большой свитой; она сказала объ этомъ Сигрунѣ и та сейчасъ же выбѣжала къ нему. Она несказанно радовалась и цѣловала его; замѣтивъ, что платье его мокро и руки обмерзли, она спросила, что это значитъ? «Ты виновата въ этомъ, отвѣчалъ Хельги; слезы, которыя днемъ и ночью проливаешь ты, падаютъ на мою грудь и мнѣ больно и сыро отъ нихъ». Сигруна больше не плакала, но скоро умерла съ печали.

Слѣдующія 15 пѣсенъ древней Эдды посвящены Нифлунгамъ. Такъ какъ между ними многія противорѣчатъ другъ другу и, не смотря на массу ихъ, общее содержаніе саги остается непонятнымъ, мы изложимъ содержаніе цѣлаго по новой Эддѣ, авторъ которой несомнѣнно пользовался книгой Семунда и слѣдовалъ ей вполнѣ, иногда дополняя смыслъ своими свѣдѣніями, почерпнутыми, конечно, изъ древнихъ источниковъ.

«Говорятъ, что Асы: Одинъ, Локки и Öниръ отправились однажды путешествовать по свѣту. Они пришли къ рѣчкѣ и шли берегомъ до водопада, гдѣ сидѣла выдра и ѣла семгу. Локки схватилъ камень, пустилъ имъ въ выдру и попалъ ей прямо въ голову. Онъ сталъ хвалиться такимъ удачнымъ ударомъ, который доставилъ ему за разъ и выдру и семгу. Захвативши добычу, Асы отправились далѣе и пришли къ дому Грейдмара, прося у него гостепріимства. Они показали ему добычу. Увидѣвъ выдру, Грейдмаръ закри-

чалъ своимъ сыновьямъ Фафниру и Регину, что ихъ братъ Отуръ убитъ. Регинъ и Фафниръ бросились на Асовъ, связали ихъ и сказали, что они убили сына Грейдмара. Въ искупленіе своей вины, Асы предлагали Грейдмару столько золота, сколько онъ потребуетъ. Грейдмаръ потребовалъ столько золота, чтобы наполнить имъ шкуру выдры и обложить ее кругомъ. Одинъ послалъ тогда Локки къ карлику Андвари, который жилъ въ водѣ, подобно рыбѣ. Схвативъ карлика, Локки обѣщалъ освободить его лишь въ томъ случаѣ, если онъ отдастъ ему все свое золото. Карликъ вынесъ ему все золото, но спряталъ небольшое колечко; Локки требовалъ и его. Карликъ просилъ Локки оставить ему кольцо, потому что онъ могъ увеличить имъ свое богатство. Но Локки вырвалъ у него кольцо и ушелъ. Карликъ сказалъ тогда, что это кольцо будетъ приносить смерть своему владѣльцу. «Пусть такъ», возразилъ Локи, «я объявлю объ этомъ его будущему владѣльцу». Локки возвратился къ Грейдмару и показалъ кольцо Одину. Оно такъ понравилось Одину, что онъ оставилъ его у себя, разложивъ остальное золото предъ Грейдмаромъ. Одинъ сталъ наполнять шкуру и окладывать ее сверху золотомъ. Осмотрѣвъ тщательно шкуру, Грейдмаръ, замѣтилъ, что не покрытъ золотомъ волосокъ на бородѣ, и потребовалъ, чтобъ и его покрыли золотомъ. Одинъ вынулъ кольцо, положилъ его на волосокъ и сказалъ, что теперь онъ заплатилъ свой долгъ. Когда Одинъ добылъ копье, а Локки башмаки и имъ уже нечего было больше бояться, Локки сказалъ: «теперь исполнится предсказаніе карлика.» Грейдмаръ взялъ золото въ искупленіе смерти сына, но Фафниръ и Регинъ также стали требовать должной имъ части. Отецъ не далъ имъ ничего, и они убили его за это. Регинъ потребовалъ, чтобы Фафниръ раздѣлилъ съ нимъ пополамъ золото. Фафниръ отказывался и грозилъ брату участью отца, если онъ не замолчитъ. Фафниръ надѣлъ шлемъ, принадлежавшій отцу, Грейдмару и надѣлъ его на голову; отъ этого шлема дрожало все живущее на землѣ. У него было также копье

Гротти, а у Регина—копье Регинъ, съ которымъ онъ убѣжалъ отъ брата. Фафниръ же отправился въ Гнитерхестъ, устроилъ себѣ тамъ логовище, обратился въ дракона и сталъ стеречь золото. Регинъ отправился къ королю Хіальпреку и сдѣлался у него кузнецомъ. Онъ воспиталъ здѣсь молодаго Зигурда, внука Волзунга и Гіордисы. Зигурдъ былъ лучшимъ и храбрѣйшимъ изъ всѣхъ воиновъ своего времени. Регинъ разсказалъ ему о Фафнирѣ, стерегущемъ золото и возбудилъ въ немъ желаніе овладѣть кладомъ. Онъ выковалъ ему мечъ Грамъ, который былъ такъ остръ, что разрѣзалъ овечью шерсть, плывущую противъ теченія. Зигурдъ разрубилъ имъ наковальню Регина. Они отправились тогда въ Нитагейди, гдѣ Зигурдъ выкопалъ яму, и сѣлъ въ нее. Когда Фафниръ пошелъ напиться, Зигурдъ убилъ его. Тогда пришелъ Регинъ, сказалъ ему, что онъ убилъ его брата и потребовалъ, чтобы Зигурдъ вынулъ сердце Фафнира и изжарилъ его на огнѣ. Регинъ напился крови брата и легъ спать. Зигурдъ дотронулся пальцемъ до сердца Фафнира, и обжегся; онъ положилъ палецъ въ ротъ; когда же кровь попала на языкъ, ему сталъ понятенъ говоръ орлицъ, сидѣвшихъ на деревьяхъ. Одна изъ нихъ говорила: «вотъ сидитъ Зигурдъ, обрызганный кровью и жаритъ сердце Фафнира на огнѣ». Другая говорила: «вотъ лежитъ Регинъ и думаетъ, какъ бы обмануть человѣка, который довѣрился ему. Изъ зависти онъ замышляетъ дурныя дѣла и хочетъ отомстить за Фафнира». Зигурдъ подошелъ къ Регину, убилъ его, сѣлъ на жеребца Грани и отправился въ логовище Фафнира. Онъ досталъ кладъ, связалъ его въ узелъ, положилъ на спину Грани, сѣлъ на него и поѣхалъ своей дорогой. Такъ ѣхалъ онъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтилъ домика, стоявшаго на горѣ. Тамъ спала женщина въ шлемѣ и кольчугѣ. Онъ разрубилъ кольчугу; она проснулась и назвала себя Гильдой. Это была валькирія Брунегильда. Зигурдъ поѣхалъ далѣе и пріѣхалъ къ королю Гіуки. Жену его звали Кримгильдой, а дѣтей — Гуннаръ, Хогни, Гудруна и Гудни. Кромѣ нихъ

у него былъ пасынокъ Готторнъ. Зигурдъ остался у короля и просилъ руку Гудруны и побратался съ Гуннеромъ и Хогни. Вскорѣ за тѣмъ Зигурдъ и сыновья Гіуки отправились просить руки Брунегильды, сестры Атли, сына Будлиса. Она сидѣла на Хиндафіалѣ, а въ комнатѣ ея пылалъ огонь. Она поклялась выйдти за-мужъ за того, кто переѣдетъ этотъ огонь. Зигурдъ и Нибелунги въѣхали тогда на гору, и Гуннеръ долженъ былъ проѣхать сквозь пламя. У него былъ конь Готи, который не пошелъ черезъ огонь. Но такъ какъ Грани не хотѣлъ ѣхать ни съ кѣмъ, кромѣ Зигурда, то Зигурдъ помѣнялся видомъ и оружіемъ съ Гуннеромъ. Вечеромъ онъ повѣнчался съ Брунегильдой, но положилъ между ею и собою мечъ. Утромъ онъ подарилъ ей золотое кольцо, взятое Локки у карлика, и взялъ отъ нея на память другое. Потомъ онъ сѣлъ на коня и отправился къ товарищамъ. Каждый изъ нихъ принялъ свой видъ, и всѣ отправились къ Гіуки вмѣстѣ съ Брунегильдой. У Зигурда и Гудруны было двое дѣтей: Зигмунтъ и Свангильда. Брунегильда и Гудруна отправились однажды къ водѣ мыть себѣ волосы. Взойдя въ воду, Брунегильда сказала, что не хочетъ мыть свои волосы водой, которая стекла съ головы Гудруны, потому что она — жена трусливаго мужа. Гудруна стала выше ея и сказала, что становится такъ потому, что ея мужъ не уступитъ въ храбрости ни Гуннеру, ни кому другому, потому что онъ убилъ Фафнира и Регина и овладѣлъ ихъ наслѣдствомъ. «Гуннеръ сдѣлалъ больше, сказала Брунегильда: онъ проѣхалъ черезъ огонь, тогда какъ Зигурдъ не могъ сдѣлать этого». Гудруна разсмѣялась и сказала: «ты хвалишься тѣмъ, что Гуннеръ проѣхалъ черезъ пламя? Я думаю, что переѣхалъ его тотъ, кто далъ мнѣ это кольцо; полученное же тобою кольцо называется Андваранаутъ; я не думаю, что Гуннеръ принесъ его изъ Гнитагейди. Брунегильда замолчала, и придя домой, стала уговаривать Гуннера и Хогни убить Зигурда. Но такъ какъ они побратались съ нимъ, то и подговорили Готторна убить его. Готторнъ напалъ на него ночью, но по-

лучивъ рану, Зигурдъ бросилъ въ него свой мечъ и пронзилъ его насквозь. Такъ погибли Зигурдъ и трехлѣтній сынъ его Зигмундъ; потомъ заколола себя и Брунегильда, которую похоронили вмѣстѣ съ Зигурдомъ. А Гуннеръ и Хögни овладѣли кладомъ и сдѣлались властителями земли.

Король Атли женился на Гудрунѣ и у нихъ были дѣти. Атли пригласилъ къ себѣ Гуннера и Хögни, и они отправились къ нему, но передъ отъѣздомъ спрятали въ Рейнъ наслѣдіе Фафнира, такъ что никто уже не могъ найти его. Атли собралъ войско, сталъ биться противъ Гуннера и Хögни. Взявъ ихъ въ плѣнъ, велѣлъ вырѣзать сердце Хögни, а Гуннера посадить въ змѣиную пещеру. Но Гуннеръ взялъ съ собой арфу и сталъ играть на ней ногами, потому что руки были связаны. Всѣ змѣи заснули; не спала одна ехидна, которая ужалила его въ грудь, заползла въ рану и сосала печень до тѣхъ поръ, пока Гуннеръ не умеръ. Вскорѣ послѣ этого Гудруна убила своихъ сыновей и сдѣлала изъ череповъ кубки, оправивъ ихъ въ золото и серебро, и справила тризну по Нибелунгамъ. На этомъ праздникѣ Гудруна подала королю Атли въ этихъ кубкахъ медъ, смѣшанный съ кровью дѣтей, и, изжаривъ ихъ сердца, предложила ему въ пищу—и потомъ призналась ему во всемъ. Она не поскупилась на медъ, такъ что большая часть гостей заснула. Ночью она отправилась съ сыномъ Хögни къ королю и убила его; потомъ подожгла домъ и сожгла всѣхъ въ немъ находившихся; вслѣдъ за тѣмъ она бросилась въ море, желая погибнуть, но волны принесли ее въ страну короля Іонакура, который женился на ней и имѣлъ трехъ сыновей: Сörли, Хамдира и Эрпа. Всѣ они были черноволосые, какъ всѣ Нибелунги. Тамъ же воспитывалась и Свангильда, дочь Зигурда; она была красивѣйшею изъ женщинъ. О ней узналъ Іормунрекъ, сильнѣйшій изъ королей, и послалъ своего сына просить ея руки. Свангильда согласилась на его требованіе. Но Бики, сопровождавшій его сына, сказалъ, что приличнѣе будетъ ему самому жениться на ней, потому что они оба молоды, а отецъ его уже старъ. Этотъ совѣтъ

вызвалъ всеобщее одобреніе. А Бики объявилъ объ этомъ королю, который велѣлъ повѣсить сына. Тотъ поймалъ ястреба, оборвалъ ему крылья и послалъ къ отцу. Увидавъ это, отецъ вспомнилъ, что у него не останется наслѣдниковъ. Онъ поѣхалъ потомъ на охоту и, увидавъ Свангильду, мывшую себѣ волосы, задавилъ ее конемъ. Узнавъ объ этомъ, Гудруна уговорила сыновей отмстить за дочь. Отправляя ихъ на битву, она дала имъ такіе крѣпкіе шлемы, и кольчуги, что ихъ не могло проколоть ни одно желѣзо. Она посовѣтовала имъ убить Іорманрика ночью; Сёрли и Хамдиръ должны были отрубить ему ноги и руки, а Эрпъ—голову. Дорогой братья спросили Эрпа, какъ онъ будетъ помогать имъ. Онъ отвѣчалъ: «какъ рука ногѣ». Они не хотѣли, чтобы нога помогала рукѣ, и такъ разсердились на мать, принудившую ихъ къ этому, что убили ея любимца Эрпа. Вскорѣ за тѣмъ Сёрли помялъ себѣ ногу и сталъ опираться на руку. «Стало быть рука можетъ помогать ногѣ. Лучше, еслибы Эрпъ былъ живъ», сказалъ Сёрли. Пріѣхавъ къ Іорманрику, они отрубили сонному королю руки и ноги, но проснувшійся король созвалъ подданныхъ. «Если бы живъ былъ Эрпъ, то не уцѣлѣть бы головѣ Іорманрика!» Подданные бросились на братьевъ, но не могли ничего сдѣлать съ ними оружіемъ, Іорманрикъ велѣлъ побить ихъ каменьями. Они умерли, а съ ними прекратился родъ Гіуки.

Одна изъ лучшихъ пѣсенъ древней Эдды о Нифлунгахъ, болѣе другихъ раскрывающая характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ взаимныя отношенія, есть; *3-ья пѣснь о Зигурдѣ, убійцѣ Фафнира*. Приводимъ ее по переводу Эттмюллера (Die Lieder der Edda von den Nibelungen 1837 г.).

Однажды Зигурдъ искалъ Гіуки. Съ браннаго поля возвратился внукъ Вёльзунга. Съ обоими братьями заключилъ онъ союзъ; въ вѣрности клялись храбрые ему; отдавали ему дѣву и много золота, молодую Гудруну, дочь Гіуки; скрѣпили они союзъ виномъ, и вели дружныя рѣчи съ Зи-

гурдомъ, сыновья Гіуки. Потомъ поѣхали на сватовство къ Брунгильдѣ, и рядомъ съ ними ѣхалъ Зигурдъ. Молодой Вользунгъ, искусный боецъ; его была бы она, ему должна она принадлежать. Зигурдъ съ юга тогда положилъ блестящій мечъ посреди ложа; герой не цѣловалъ королевы, предводитель Гіуковъ не держалъ ее въ объятіяхъ; Гуннеру онъ отдалъ дѣву юную; на тѣлѣ ея не было порока, на славѣ ея не было пятна. Тутъ вмѣшались злыя норны. Одиноко на дворѣ сидѣла вечеромъ Брунгильда; начала она говорить быстрыя рѣчи: «я хочу умереть, или держать Зигурда, молодаго героя, въ своихъ объятіяхъ. Въ скоромъ рѣшеніи раскаяваюсь я: его—Гудруна, я—жена Гуннера. Злая норна навела на насъ долгую кручину».—Часто вечеромъ, исполненная злыхъ умысловъ, скользитъ она по ледянымъ горамъ, когда съ Гудруной Зигурдъ идутъ къ ложу, и окутываетъ заботливо платьемъ Зигурдъ, князь мужей, свою милую жену. «Нѣтъ у меня друга, не знаю я радости и много ужаснаго хочу я надѣлать». Начала она склонять къ злодѣйству мужей. «Ты, Гуннеръ, долженъ совсѣмъ лишиться моихъ земель и даже меня. Не мила мнѣ жизнь, князь, у тебя; хочу я назадъ на родину, гдѣ живутъ мои родные. Тамъ буду я оплакивать судьбу свою, покуда Зигурдъ не лишится жизни, и ты не будешь могучимъ княземъ, грозой для многихъ. Пускай сынъ идетъ одной дорогой съ отцемъ; не давайте вы рости волчьему отродью. Кому случалось видѣть, чтобы месть превращалась въ примиреніе при жизни сына». Омрачился Гуннеръ, грустно стало ему, мысль его колебалась, и весь день не сказалъ онъ ни слова, сидѣлъ и не зналъ, на что рѣшиться, что лучше придумать: не ждалъ онъ добра отъ смерти Зигурда. Снова и долго думалъ онъ: (рѣдко случалось, чтобы жены лишали радости властителей). Онъ велѣлъ къ себѣ позвать Хогни на совѣтъ, совсѣмъ отдавался онъ на его судъ. — Гуннеръ сказалъ: «я вѣрно знаю цѣну Брунгильдѣ; дочь Будли—лучшая изъ женщинъ. Я скорѣй готовъ отречься отъ жизни, чѣмъ отказаться отъ нея, ея любви и сокровищъ. Поможешь

ли ты Хогни убить героя? Хорошо бы было завладѣть сокровищемъ Нибелунговъ, и спокойно и вѣрно наслаждаться счастіемъ». Только одно въ отвѣтъ Хогни сказалъ: «не дѣло намъ добывать такимъ путемъ мечемъ своимъ, нарушать клятвы и обѣтъ вѣрности. Не узнаемъ мы на всей землѣ мужей сильнѣе насъ, пока мы четверо будемъ править народомъ, и будетъ живъ онъ, предводитель Гіуковъ. Лучшей родни не увидятъ люди, когда мы пятеро современемъ произведемъ потомство; низвергнуть мы могли бы тогда поколѣніе боговъ. Я вижу, откуда все это пошло. Досада Брунгильды породила это намѣреніе». Гуннеръ сказалъ: «подговоримъ къ злодѣйству младшаго брата, быстраго Хутторма, слабоумнаго. Клятвенные узы его не связываютъ, обѣтъ вѣрности онъ не нарушитъ». Скоро они быстраго уговорили. Въ сердцѣ (Зигурда) остановилась сталь князя. Съ кровати герой поднялся, чтобы отмстить, и взмахнулъ мечемъ на врага.

Хутторма насквозь пронзилъ кровожадный мечъ изъ могучихъ рукъ короля; врага раздѣлилъ ударъ князя: голова и руки его поникли, ноги же упали назадъ. Гудруна уснула беззаботно около Зигурда, а проснулась въ слезахъ и печали, плавая въ свѣжей крови героя. Она такъ громко всплеснула руками, что поднялся герой съ своего ложа: «не печалься такъ сильно, моя Гудруна, у тебя остались еще братья! Еслибы старше былъ мой сынъ, онъ бы могъ скрыться изъ дома враговъ; если бы ты еще вскормила семерыхъ сыновей, ни одинъ такой сильный не будетъ сопровождать героя на поле брани. Знаю я, кто виноватъ въ этомъ злодѣйствѣ. Все придумала одна Брунгильда. Изо всѣхъ мужей она меня любила; Гуннеру же, кромѣ добра, я ничего не дѣлалъ; я защищалъ родню, держалъ клятвы; но я назывался любовникомъ его жены». Тутъ застонала Гудруна, и умеръ король. Такъ сильно Гудруна всплеснула руками, что лошадиное ржаніе разбудило весь домъ, что гуси на дворѣ закричали. Тогда захохотала Брунгильда, Будли дочь, отъ всей души: изъ комнатъ до нея доходилъ

пронзительный крикъ дочери Гіуки. Тогда сказалъ Гуннеръ, храбрый витязь: «не смѣйся такъ сильно, безжалостная женщина! Не выказывай такъ своего злорадства! какъ блеснетъ твой яркій румянецъ, не доброе у тебя на умѣ, какъ будто близка ты къ могилѣ. Довольна бы ты была, если бы передъ твоими глазами мы убили Атли, и ты бы увидала брата, плавающаго въ крови, и перевязывала бы его окровавленныя раны.» Тогда сказала Брунгильда, дочь Будли: «мало боится Атли этой угрозы; проживетъ онъ много времени, и его власть будетъ болѣе твоей. Теперь скажу я тебѣ, Гуннеръ, хотя и самъ ты знаешь, какъ скоро вы рѣшили дѣло. Ребенкомъ была я, не знала ни горя, ни нужды въ домѣ брата. Не гналась я за утреннимъ даромъ, покуда въ Гіукунгѣ не явились къ намъ вы, притѣснители героевъ, трое на коняхъ (хоть бы вы никогда ко мнѣ не приближались!). Я тогда же отдалась повелителю, который весь въ золотѣ сидѣлъ на конѣ Грани; лицемъ на васъ не похожъ былъ онъ, хотя вы и кажетесь властелинами или даже героями. Атли мнѣ, незамужней, отказывалъ въ половинѣ имущества, земли и богатства, со всей добычей и всѣмъ золотомъ, оставленнымъ мнѣ, еще когда ребенкомъ была я, отцемъ моимъ, королемъ Будли. На всѣ стороны мысль моя обращалась. Не знала я,—продолжать ли сражаться, губить людей изъ-за несправедливости брата. Выборъ этотъ будетъ когда нибудь извѣстенъ всему міру, и многимъ мужамъ причинилъ онъ тяжкую скорбь. Въ то время мы коротко съ нимъ сблизились. Меня манило Зигурдово блестящее золото, красныя кольца, которыя приносилъ онъ. Не желала я богатства другаго мужа; одного любила я и никогда не любила другаго. Сердце женское никогда не колебалось. Все это Атли когда нибудь узнаетъ, когда свершится убійство дѣвы. Рѣдко или никогда женщина съ душей не доживетъ до старости, когда тотъ, котораго она любитъ, есть мужъ другой». Всталъ Гуннеръ, утѣха Гіукуновъ, обвилъ руками шею жены, и по очереди всѣ къ ней подходили, отъ всей души желая удержать ее.

Рукой оттолкнула она всѣхъ домашнихъ, не дала себя удержать отъ длинной дороги. И Хögни велѣлъ онъ позвать тогда на совѣтъ.

«Всѣ герои пусть соберутся на совѣщаніе—и твои и мои,—для дѣла важнаго. Удержать надо королеву отъ убійства, чтобы совсѣмъ оно изъ ума у ней вышло». Только одно сказалъ въ отвѣтъ Хögни :«не удерживайте ее отъ дальняго пути, чтобъ никогда она вновь не родилась. Горе съ собой принесла она. Еще на колѣняхъ у матери всѣмъ на несчастье жила она.» Отступилъ отъ героевъ тревожно Гуннеръ, въ то время, какъ госпожа раздавала богатства. — Оглядѣла упадшая духомъ все свое имущество и толпу служительницъ; схватилась за золотую броню; не легко у ней было на сердцѣ, предъ тѣмъ какъ вонзила она себѣ остріе меча. На бокъ упала королева; пронзенная мечемъ, все еще говорила: «пусть слѣдуетъ за мной, кто хочетъ золота; и золотое ожерелье, платья и прозрачныя одѣянія предлагаю я тому, кто умретъ со мною». Всѣ медлили говорить, не зная, что сказать; потомъ отвѣтили: «довольно труповъ.... Мы еще хотимъ жить, должны мы слушать рѣчи властелина.» Послѣ долгихъ думъ опомнилась она и заговорила: «никто, кому тяжело, пусть не отказывается отъ жизни по моей винѣ; только меньше тогда ваше тѣло будетъ блестѣть отъ золота. Деньги и украшенія когда нибудь заставятъ васъ меня искать (за мной пойти). Садись Гуннеръ; я хочу сказать тебѣ: на жизнь не надѣюсь я. Ваши паруса не остановятся въ пескѣ (ваши дѣла не пойдутъ отъ того хуже), еслибъ я даже прежде лишила себя жизни. Родится на свѣтъ дѣвица, мать ее вскормитъ. Свѣтлѣе яснаго, ярче солнечнаго луча будетъ Свангильда. Съ Гудруной подружишься ты, скорѣй, чѣмъ ожидаешь: отдашь ты ее за свободнаго князя. Ловкій стрѣлокъ, что побѣждаетъ людей, будетъ держать ее въ объятіяхъ, Атли, рожденный отъ Будли, братъ мой. Но не по своему желанію она выберетъ его; у повелителя будутъ посѣщать княгиню грустныя мысли объ убитомъ супругѣ. Еще припомнилось мнѣ,

какую участь вы мнѣ готовили, когда обманомъ ранили меня: ни радости въ жизни, ни любви я не знала. Одруну ты любишь, но Атли не хочетъ отдать въ жены тебѣ милую. Въ залѣ вы видитесь часто тайкомъ. Она любитъ тебя, какъ бы и я любила, если бы злыя норны позволили. Атли тебя жестоко накажетъ: броситъ тебя въ тѣсный змѣиный ровъ; но и Атли не пощадитъ судьба, и въ скоромъ времени покончится жизнь и счастіе властителя. Въ кровати злая Гудруна его убьетъ острымъ мечемъ изъ жестокой мести. Лучше бы было нашей сестрѣ послѣдовать теперь за покойнымъ супругомъ, еслибъ дорожила она добрымъ совѣтомъ и мужество ея равнялось моему... Трудно говорить мнѣ. Но не покроется она прахомъ по нашей винѣ; вознесутъ ее высокія волны къ престолу Іонакура. Свангильду, дочь свою отъ перваго мужа, отошлетъ она далеко, и та получитъ смерть отъ совѣтовъ Бикки, потому что Іонмуррекъ на горе ей живетъ. И такъ потомство Зигурда совсѣмъ исчезнетъ. Жену его многое заставитъ слезы проливать. Еще одну просьбу исполни мою,—въ жизни моей она послѣдняя: построй такой огромный замокъ въ полѣ, чтобъ помѣстились въ немъ всѣ мы, съ Зигурдомъ падшіе. Украсьте замокъ палатками и щитами и покрывалами мертвыхъ. По одну руку мою пусть горитъ властитель Гунновъ, по другую — пусть горятъ мои слуги, въ дорогихъ украшеніяхъ, двое въ головахъ, еще двѣ собаки и два ястреба. Тогда будетъ все, какъ слѣдуетъ. Но чтобъ посреди находился между мной и имъ тотъ самый мечъ, могучій и острый, какъ однажды его положили, когда мы оба ложились на одну кровать и когда дали намъ названіе супруговъ. Тамъ не закроются вслѣдъ за княземъ двери залы, блестящія золотомъ, когда моя свита пойдетъ за нимъ. Не бѣдно будетъ шествіе наше: за нимъ послѣдуютъ пять служанокъ, восемь служителей благороднаго происхожденія, мои собственные люди, которыхъ передалъ Будли дочери своей. Много бы еще сказала, еслибъ была въ силахъ говорить, и мечъ бы не мѣшалъ молвить дальше. Языкъ

не повинуется; раны мои болятъ. Правду я говорила, правдиво я умру.

1-я пѣснь о Гудрунѣ. Однажды Гудруна молила о смерти, сидя грустно у ногъ Зигурда (мертваго). Она не рыдала, не ломала рукъ, не плакала, какъ другія жены. Явились князья, чтобъ своей благосклонностью разсѣять ея печальныя думы. Не жаловалась, не плакала Гудруна. Ея сердце отъ лютой тоски почти разрывалося. Жены князей, разукрашенныя золотомъ, блистая изъ далека, сидѣли передъ Гудруной, и каждая изъ нихъ разсказывала о горѣ, когда то ею испытанномъ, самомъ сильномъ. Первая заговорила Гіафлёгъ, сестра Гіуки: «я знаю, что изъ многихъ, я самая несчастная: пять разъ испытала я потерю супруговъ, пережила двухъ дочерей, пятерыхъ сыновей и восемь братьевъ.» Не жаловалась, не плакала Гудруна; такъ сокрушалась она о погибели милаго, такъ печалилась о смерти властелина. Потомъ сказала Герборга, царица Гунландіи: «мое горе еще сильнѣе: у меня семь сыновей и мужъ восьмой убиты въ сраженіи; отецъ и мать и четверо братьевъ погибли въ волнахъ морскихъ. Мнѣ самой пришлось хоронить ихъ и сопровождать ихъ похоронное шествіе. Все это претерпѣла я въ одно полугодіе и некому было утѣшать меня. Вскорѣ послѣ дней траура меня сковали враги и отвели въ плѣнъ. Тамъ, какъ рабыня, я каждый день украшала и убирала жену своего властителя; она мучила меня изъ ревности, и много ударовъ мнѣ расточала. Нигдѣ не видала я милостивѣй господина, но за то и нигдѣ не встрѣчала грознѣй госпожи.»—Не жаловалась, не плакала Гудруна; такъ сокрушалась она о погибели милаго, такъ печалилась о смерти властелина. Тогда сказала Гіульрендъ, дочь Гіуки: «плохо умѣешь, подруга, хотя и умна ты, укрощать печаль молодой жены.» Тутъ она подняла платокъ съ головы князя, сдернула покровъ съ трупа Зигурда и приложила лице его къ колѣнямъ Гудруны: «посмотри на милаго, поцалуй въ уста его, какъ цѣловала, когда живъ былъ онъ». Гудруна подняла голову, оглянулась, увидала

волосы героя засохшими въ крови, свѣтлыя очи властителя лишенными блеска, могучую грудь его—разсѣченною сталью. Назадъ, на мѣсто опрокинулась она. Волосы ея разсыпались, щеки разгорѣлись, и слезы изъ глазъ потекли на колѣни. И плакала Гудруна, дочь Гіуки, и ручьями лилися слезы ея, такъ что закричали гуси на дворѣ, прекрасныя птицы, ею самой вскормленныя. Тогда сказала Гульрендъ, дочь Гіуки: «ваша любовь была изъ самыхъ сильныхъ на землѣ. Ничего тебя, сестра, нигдѣ не занимало, когда не находилась ты вблизи Зигурда.» Тогда сказала Гудруна, дочь Гіуки: «мой Зигурдъ высоко стоялъ надъ сыновьями Гіуки. Какъ драгоцѣнный камень выдается изъ оправы кольца, такъ и мой Зигурдъ блестѣлъ между князьями. Я сама тогда казалась придворнымъ короля выше всякой дѣвы Герьяна (валькиріи). Съ тѣхъ поръ, какъ палъ герой, и я равняюсь силой вѣточкѣ въ ольховомъ лѣсу. Ни на скамьѣ, ни на ложѣ, нигдѣ не слышу болѣе рѣчей моего милаго. Безбожные сыновья Гіуки придумали это злодѣйство, создали сестрѣ своей такое тяжкое горе. Ни земли, ни людей вы не пощадили, забыли вы клятвы свои. Не будешь ты, Гуннеръ, радоваться золоту. Больше веселья въ домѣ было, когда мой Зигурдъ сѣдлалъ Грани, и поѣхали они за злодѣйкой Брунгильдой, всѣмъ на горе».

Брунгильда—лучшій женскій типъ въ скандинавской поэзіи: главная ея особенность — страшная сила, способная развиться только при условіяхъ одного высокаго положенія, которое занимала женщина въ лѣсахъ Германіи. Этотъ смѣхъ надъ собственными страданіями, убійство любимаго человѣка, сосредоточенность страсти на одномъ человѣкѣ и презрѣніе ко всѣмъ другимъ людямъ—вотъ черты этой героини, въ полномъ смыслѣ слова. Ни идеалъ семейной добродѣтели, какъ Андромаха и Антигона, ни идеалъ красоты, какъ Елена, не могутъ сравниться съ этимъ идеаломъ силы. Личность Брунгильды можетъ отчасти объяснить намъ то высокое уваженіе, которымъ пользовалась женщина во времена грубыхъ среднихъ вѣковъ.

Гудруна до сихъ поръ являлась только типомъ семейной добродѣтели, кроткой, всепрощающей. Но судьба заставляетъ ее дѣйствовать подобно Брунгильдѣ. Братья выдаютъ ее за Атли. Двѣ гренландскія пѣсни объ Атли разсказываютъ одинаково въ общихъ чертахъ ея позднѣйшую судьбу.

Гренландія есть южная часть Норвегіи. Неизвѣстно, происходитъ ли названіе этихъ пѣсенъ отъ того, что они были записаны въ Гренландіи, или отъ того, что были сочинены тамъ. — Атли гнѣвается на Гуннера и его братьевъ за смерть Брунгильды, предполагаетъ, что они были причиной этого. Онъ хочетъ отомстить Гіукунгу и овладѣть сокровищемъ Фафнира. Онъ посылаетъ къ нему посланникомъ Винги (по первой пѣснѣ Кнефруда). Винги застаетъ Гіукунговъ на пиру. Сидя съ своей дружиной, пьютъ они сладкій медъ. Онъ приглашаетъ ихъ къ королю Атли и обѣщаетъ имъ много подарковъ. Гуннеръ говоритъ: «у меня много своего оружія и своихъ коней: мнѣ не нужно сокровища Атли». Но онъ не отказывается ѣхать, несмотря на то, что Гудруна, загадочными рунами, даетъ понять ему угрожающую опасность. Что же заставляетъ его принять приглашеніе? Та дикая храбрость берсеркеровъ, вслѣдствіе которой они никакъ не отказывались отъ опасности, хотя бы она и не представляла никакихъ выгодъ. Это презрѣніе къ смерти, рискъ изъ-за риска, существенно отличающіе средневѣковыхъ людей отъ расчетливыхъ Римлянъ и Грековъ въ поэзіи, находитъ себѣ самое полное выраженіе въ этой пѣснѣ, какъ мы увидимъ это далѣе. Жена Хёгни — Костбера, имѣющая даръ предвѣдѣнія, видитъ страшный сонъ, несомнѣнно предсказывающій гибель Гіукунговъ. Жена Гуннера, также вслѣдствіе сна, уговариваетъ Гуннера остаться. «Ты поздно говоришь объ этомъ, отвѣтилъ Гуннеръ: мы должны ѣхать, хотя многое доказываетъ, что жить намъ осталось недолго». Винги клянется въ ихъ безопасности; Гуннеръ не вѣритъ ему, но все таки отправляется съ братомъ и небольшой свитой. Передъ стѣнами города Атли, убѣждаются они, что часъ ихъ насталъ. Чтобы

еще болѣе раздражить Гунновъ, они убиваютъ Винги и потомъ хвалятся этимъ. Передъ воротами начинается неровная битва. Услыхавъ шумъ, Гудруна кидается къ воротамъ. Для смѣлаго дѣла, говоритъ пѣсня, сбросила она платье, схватила обнаженный мечъ и защитила оружіемъ своихъ друзей. Отъ ея руки палъ братъ Атли. «Хороши у меня зятья, говорилъ съ ироніей Атли: они убили сестру мою. И хороша жена!» Битва продолжается. Гуннеръ и Хögни ослабѣли отъ ранъ и должны умереть. Атли требуетъ отъ Гуннера, чтобы онъ сказалъ ему, куда спряталъ кладъ Фафнира. «Когда я буду держать въ рукѣ теплое сердце моего брата Хögни, я скажу вамъ объ этомъ». Атли приказываетъ вырѣзать сердце у Хögни, но Гунны, жалѣя храбраго воина, рѣшились обмануть Гуннера. Въ свитѣ Гіукунговъ былъ Хіалли. Они рѣшились вырѣзать сердце у этого труса. «Дрожитъ оно теперь на блюдѣ, въ его груди дрожало еще болѣе, говоритъ Гуннеръ, это не сердце моего брата.» Во 2-й пѣснѣ Хögни, увидавъ, какъ бился Хіалли подъ ножемъ, какъ кричалъ онъ и молилъ о пощадѣ, прежде чѣмъ желѣзо коснулось его груди, сказалъ: «мнѣ легче самому съиграть въ эту игру. Кому охота слушать такой визгъ! Вотъ моя грудь!» Громко смѣялся онъ, когда ножъ вошелъ въ его тѣло; съ веселымъ смѣхомъ и умеръ онъ. Сердце Хögни принесли къ Гуннеру: не трепетало оно на блюдѣ. «Вотъ это сердце моего храбраго брата, сказалъ Гуннеръ, взявъ его въ руку: не дрожитъ онъ теперь, еще меньше дрожало въ груди его. Теперь я спокоенъ. Я опасался, пока насъ было двое, что тайна клада сдѣлается извѣстна Атли. Теперь не боюсь я этого и ни слова не скажу Атли». Король приказалъ бросить Гуннера въ башню, наполненную змѣями. Руки его были связаны; ногами игралъ онъ на арфѣ и усыпилъ всѣхъ змѣй; только одна ехидна не заснула и высосала его печень. Для свершенія тризны по убитымъ Гуннамъ и Нифлунгамъ, Атли сдѣлалъ пиръ. Гудруна, мстя ему за смерть братьевъ, которые одни оставались ей близкими на землѣ, убила двухъ

своихъ сыновей и дала кровь ихъ, смѣшанную съ медомъ, пить Атли. Потомъ убила его и сожгла дворецъ со всѣми тамъ находящимися.

Вотъ въ главныхъ чертахъ весь составъ древней Эдды: пѣсни о богахъ—эпосъ миѳическій,—въ позднѣйшую эпоху переходитъ въ героическій. Не Одинъ и Торъ, не явленія природы занимаютъ Скандинавовъ, а ихъ собственные герои. Героическій эпосъ въ пѣснѣ о Волундрѣ еще близокъ къ миѳическому, а въ послѣдней пѣсни о Нибелунгахъ онъ близокъ къ исторіи

Въ 1178 г. въ Исландіи родился Снорри, сынъ богатаго Стурлесона. По господствовавшему на островѣ обычаю, онъ воспитывался не дома, а у друга своего отца, Іона, внука Семунда. Такимъ образомъ судьба благопріятствовала тому, что Снорри почувствовалъ уваженіе къ дохристіанской старинѣ. Въ домѣ Іоны нашелъ онъ много старыхъ рукописей; тамъ же вѣроятно отъискалъ онъ и Эдду. Священническій санъ и латинское образованіе не помѣшали ему посвятить много времени на изученіе старины. Плодомъ его работы былъ сборникъ, называвшійся «Новая Эдда.» Первая часть ея близко сходится съ старой Эддой. Первый—большой разсказъ въ прозѣ подъ названіемъ: «Ослѣпленіе Гильфы» заключаетъ въ себѣ подробное обстоятельное изложеніе всѣхъ миѳовъ прежнихъ героическихъ сагъ. Искусственная форма придана самимъ авторомъ. *Содержаніе:* Гильфа, много наслышавшійся о мудрости Асовъ, которыя являются здѣсь скорѣе особо мудрымъ племенемъ, чѣмъ богами, отправляется въ ихъ сторону. Асы ослѣпляютъ его своими чарами и онъ видитъ то, чего не было на самомъ дѣлѣ. Высоко на трехъ престолахъ сидятъ—Вышній, Превышній и Третій. На вопросъ Гильфы, который здѣсь называетъ себя Гандвари (одно изъ именъ Одина, значащее путешественникъ), они разсказываютъ ему первоначально космогонію, т. е. строеніе міра, потомъ о подвигахъ боговъ и, наконецъ, героевъ, отъ боговъ происшедшихъ. Здѣсь еще не видно вліянія новыхъ идей, явившихся на материкѣ. За

этимъ разсказомъ, очень длиннымъ, слѣдуютъ разсказы сходнаго характера, далѣе нѣсколько пѣсенъ скальдовъ и потомъ правила современной піитики. Книга эта, очевидно, должна была служить чѣмъ то въ родѣ учебника для скальдовъ, которымъ она давала и матеріалъ для пѣсенъ, и указаніе на то, какъ надо сочинять ихъ. Въ настоящее время заподозрили Снорра, какъ автора новой Эдды: весьма вѣроятно, судя по разнообразному содержанію, что этотъ сборникъ принадлежитъ не одному лицу и составленъ не сразу; но ослѣпленіе Гильфы, если откинуть плохо вяжущееся начало, представляетъ стройное цѣлое: разсказъ простъ, но ясенъ и хорошъ.

Въ сагахъ, возникшихъ подъ вліяніемъ идей материка, мы остановимся на сагѣ Вёльзунга, которая представляетъ связный разсказъ о всѣхъ происшествіяхъ рода Зигурда. Противъ преданій, извѣстныхъ изъ старой и новой Эдды, здѣсь встрѣчается много измѣненій, изъ которыхъ не всѣ можно объяснить вліяніемъ рыцарской поэзіи; многія прибавленія являются изъ другихъ сагъ, намъ неизвѣстныхъ. Въ первоначальныхъ судьбахъ рода Вёльзунговъ принимаютъ дѣятельное участіе боги и великаны; Зигурдъ, главный герой, является потомкомъ Хельги.

Былъ одинъ человѣкъ называвшійся *Зигъ*; его называли сыномъ Одина. Другой могучій герой былъ *Скаде*, имѣвшій быстроногаго слугу *Бреде*. Зигъ поѣхалъ на охоту съ *Бреде*, но завидуя его удачѣ, убилъ его. Послѣ этого онъ лишился покоя, и Одинъ преслѣдовалъ его до тѣхъ поръ, пока онъ сдѣлалъ военный корабль, съ помощію котораго завоевалъ потомъ Гунниландъ. Въ старости онъ былъ убитъ родственниками своей жены. Но его сынъ, Ререрь, отмстилъ за его смерть. Ререрь не имѣлъ дѣтей; онъ и жена его постоянно молили объ этомъ боговъ. Боги и Одинъ услыхали ихъ просьбу. Одинъ послалъ дочь великана Гримнера, которая бросила яблоко на колѣна его жены. Тогда родился Вёльзунгъ. Онъ скоро сдѣлался сильнымъ мужемъ, женился на дочери великана Гримнера и

родилъ съ нею десять сыновей и одну дочь. Дочь его Зигне вышла замужъ за Сиггейра, короля Готланда. Во время свадебнаго пира пришелъ старый, одноглазый человѣкъ, закутанный въ плащъ (Одинъ); онъ пошелъ въ залу, среди которой стоялъ дубъ, вросшій корнями въ землю; пришлецъ воткнулъ мечъ въ стволъ, въ подарокъ тому, кто сможетъ вытащить его. Сигмундъ, старшій сынъ Вользунга, къ досадѣ Сиггейна, исполнилъ это. Тогда тотъ, пригласивши къ себѣ Вользунга, измѣннически убилъ его, а дѣтей захватилъ въ плѣнъ. Зигне просила не убивать тотчасъ ея братьевъ; ихъ привязали въ лѣсу, куда каждую ночь приходилъ волкъ, пожиравшій одного изъ нихъ. Наконецъ остался одинъ Сигмундъ. Зигне приказала вымазать ему лице медомъ и кусокъ меду положить въ ротъ. Волкъ пришелъ, вылизалъ медъ и въ то время, какъ его языкъ находился во рту Сигмунда, тотъ вцѣпился въ него зубами. Волкъ рвался съ такою силою, что освободилъ его отъ узъ и потомъ погибъ самъ. Сигмундъ убѣжалъ въ пещеру въ лѣсу. Зигне прислала ему на помощь двухъ сыновей, которыхъ онъ и убилъ по совѣту матери, не находя ихъ достаточно сильными. Зигне пришла къ нему въ образѣ колдуньи и родила отъ брата сына Синфіотли. На десятомъ году Синфіотли пришелъ къ отцу, и они вмѣстѣ занимались разбоемъ. Встрѣтивши королевскихъ сыновей, только каждый десятый день бывавшихъ людьми (остальные 9 дней они были волками), они сами сдѣлались волками и бѣгали по лѣсу. Потомъ они сожгли волчью шкуру и снова сдѣлались людьми; пошли къ замку Сиггейра и скрылись тамъ. Имъ измѣнили два маленькіе сына Зигне. Синфіотли убилъ ихъ по желанію матери, но люди Сиггейра связали его, его отца, и бросили въ пещеру. Зигне освободила ихъ оттуда; они подожгли дворецъ; сестра вышла къ Сигмунду, поцѣловала его и возвратилась назадъ, желая умереть вмѣстѣ съ мужемъ, съ которымъ такъ дурно жила она. Сигмундъ возвратился въ отцовское царство, женился на Боркгильдѣ, которая родила ему сына Хельги. Хельги пошелъ на войну

вмѣстѣ съ Синфіотли, убилъ Гундинга и многихъ его сыновей. Онъ встрѣтилъ въ лѣсу Сигруну (Сваву), которая предложила ему освободить ее отъ Ходбрёдра, такъ какъ ему обѣщалъ ее отецъ. Хельги явился съ войскомъ на корабляхъ. У берега они вытерпѣли страшную бурю; наконецъ они высадились. Хельги разбилъ и убилъ Ходбрёдра и женился на Сигрунѣ. — Въ этой сагѣ о немъ больше не упоминается. Синфіотли убилъ брата Боркгильды, которая изъ мести, отравила его. Сигмундъ за это убилъ ее и женился на Хіордигѣ (матери Зигурда), дочери короля Эллини. На Сигмунда напалъ король сосѣдней земли съ своими братьями. Старый Сигмундъ храбро дрался въ битвѣ, пока съ нимъ не встрѣтился одноглазый человѣкъ въ голубомъ плащѣ. Тотъ подставилъ свое копье и Сигмундъ въ куски разбилъ объ него свой мечъ. Тогда палъ Сигмундъ и большая часть его войска. На мѣсто битвы пришла Хіордига и спрашивала, можно ли его вылѣчить. «Я не хочу больше жить, отвѣчалъ Сигмундъ: счастье мое погибло съ тѣхъ поръ, какъ Одинъ сломалъ мой мечъ. Но ты должна собрать его куски и отдать ихъ сыну, котораго носишь подъ сердцемъ». (*)

Хіордига въ домѣ Альфа въ Даніи, родитъ Зигурда и потомъ выходитъ замужъ за Хіальфрека. Регинъ воспитываетъ Зигурда: учитъ его шахматной игрѣ, рунамъ и разнымъ языкамъ. Одинъ во образѣ старика даритъ Зи-

---

(*) Начала саги мы не находимъ въ пѣсняхъ Эдды. Очевидно составитель пользовался какими нибудь древнѣйшими пѣснями, намъ неизвѣстными. Вѣра въ оборотней принадлежитъ древнѣйшимъ преданіямъ, общимъ славянскимъ и нѣмецкимъ племенамъ (срав. съ „Словомъ о полку Игоревѣ“). Одинъ принимаетъ сильное участіе въ судьбахъ рода Зигурда, но всегда приноситъ ему несчастіе. Разсказъ о Зигне и ея отношеніяхъ къ брату въ общихъ чертахъ сходится съ разсказомъ Эдды о Хельги и о Нифлунгахъ. Сестра убиваетъ своихъ дѣтей отъ нелюбимаго мужа и жертвуетъ интересами послѣдняго братьямъ. Хельги является братомъ Зигурда отъ другой матери. Слѣдовательно, два сказанія, первоначально стоявшія, вѣроятно, совершенно отдѣльно, здѣсь сводятся въ одно цѣлое.

гурду коня Грани. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о сокровищѣ Фафнира, согласный съ Эддой, гдѣ вмѣсто орлицъ совѣты Зигурду даютъ ласточки. Первая встрѣча съ Брунгильдой разсказывается согласно съ Эддой. Брунгильда также учитъ его силѣ рунъ; они клянутся во взаимной вѣрности, и Зигурдъ уѣзжаетъ оттуда. Далѣе находится описаніе его наружности, котораго нигдѣ нѣтъ въ Эддѣ, равно какъ ни въ какой другой поэмѣ. На щитѣ Зигурда есть гербъ— темный драконъ; онъ гораздо выше обыкновенныхъ людей. Зигурдъ пріѣзжаетъ къ Хеймеру, женатому на сестрѣ Боркгильды. Туда приходитъ Брунгильда посѣтить своихъ родственниковъ; она вышиваетъ золотомъ подвиги Зигурда, сидя въ башнѣ. Однажды соколъ Зигурда залетѣлъ въ ея окно; Зигурдъ влѣзъ за нимъ, увидѣлъ Брунгильду и ея работу; послѣ этого сдѣлался онъ задумчивъ. Зигурдъ признался своему другу, что эта женщина — красивѣйшая въ мірѣ, и хоть и узналъ, что она любитъ только войну, но рѣшился за нее свататься. Она приняла его очень ласково и подала кубокъ съ виномъ. Зигурдъ схватилъ ее за руку, поцѣловалъ и сказалъ: «никогда не родилась женщина красивѣй тебя.» Здѣсь они и полюбили другъ друга.

Пріѣздъ Зигфрида въ домъ Гіуки, его сватовство и дальнѣйшія событія разсказаны согласно съ Эддой. Сватовство Гуннера за Брунгильду неясно, кажется, для самаго составителя. Ссора двухъ женщинъ не имѣетъ еще христіянской обстановки, полученной впослѣдствіи. Зигфридъ, узнавъ о той любви, которую питаетъ къ нему Брунгильда, приходитъ къ ней и предлагаетъ бросить жену, которую онъ вовсе не любитъ, для нея. Онъ сталъ даже предъ нею на колѣни, но Брунгильда неумолима. Въ этомъ можно видѣть вліяніе рыцарства: Брунгильда—это дама сердца, всегда предпочитаемая заброшенной, забитой женѣ. Мщеніе, совершенное Атли надъ Нифлунгами, разсказывается по Эддѣ, и составитель очень искусно умѣлъ соединить два разнорѣчащіе разсказа о сердцѣ Хёгни въ одинъ; именно, сперва у Хёгни вырѣзываютъ сердце по приказанію Атли; визгъ

Хіалли заставляетъ героя предложить себя, но Гунны не тронули ни его, ни Хіалли. Когда Гуннеръ требуетъ сердца брата, его пробуютъ обмануть сердцемъ труса. Послѣ разсказа о Свангильдѣ дѣло не кончается: слѣдуетъ эпизодъ о малолѣтней дочери Брунгильды и Зигурда, съ которой ея воспитатель Хеймиръ уходитъ на сѣверъ. Онъ несетъ ее съ собою въ рукояткѣ арфы. Его убиваютъ великаны и дочь Зигурда выростаетъ у нихъ, какъ работница.

Вопросъ о томъ вліяніи, какое имѣла сѣверная поэзія на германскую, до сихъ поръ остается неяснымъ. Первые памятники поэзіи нѣмецкой указываютъ намъ на ея существенное отличіе отъ своей старшей сестры. Она имѣетъ чисто историческій характеръ; миѳологія въ чистомъ, не испорченномъ видѣ истреблена христіанствомъ. Только меньшія божества остались въ своей силѣ, но они составляютъ аксессуары поэтическихъ преданій. Древніе боги превратились въ историческихъ героевъ и, утративъ божественныя черты, оставили при себѣ только второстепенныя. Боги отдали то, что оставалось у нихъ, историческимъ лицамъ, но они сдѣлали ихъ не полубогами, а только героями. Правда, Дитрихъ, главный герой сказанія, получилъ отъ Тора способность извергать огонь, но этотъ огонь уже не молнія; вмѣсто миѳологіи здѣсь колдовство. Изучая пѣсни, обработанныя также и на сѣверѣ, мы всего легче можемъ понять разницу въ направленіяхъ той и другой вѣтви поэзіи. Остатки языческой поэзіи, къ которымъ такъ дурно отнеслись первые христіанскіе проповѣдники, утратили свой миѳологическій характеръ и потомъ получили право гражданства. По свидѣтельству Эдингарта, Карлъ В. составилъ первый сборникъ нѣмецкихъ сагъ; онъ не дошелъ до насъ, но искусство писать, распространенное его школами, скоро было употреблено многими для сохраненія этихъ памятниковъ старины. Монахи записывали народныя пѣсни; нѣкоторые передѣлывали ихъ и переводили на латинскій языкъ, но поэзія, въ это время имѣвшая еще чисто народный характеръ, при дворѣ пользовалась плохимъ уваженіемъ. Слага-

тели пѣсенъ и ихъ переводчики не имѣли между собою ничего общаго; монахи только за неимѣніемъ матеріала для легкаго чтенія пользовались эти старьемъ. Время послѣднихъ Каролинговъ не благопріятствовало развитію гражданской жизни, не двинуло впередъ и поэзію; но въ царствованіе саксонской династіи, когда въ Германіи было больше порядка, когда бароны стали понемногу цивилизоваться, когда интересъ войны и грабежа не занималъ всѣхъ постоянно, тогда народные странствующіе пѣвцы находили радушный пріемъ во всякомъ замкѣ, между тѣмъ какъ съ другой стороны явились поэты изъ высшаго сословія, передѣлывавшіе сюжеты классическіе и бретонскіе изъ французской литературы, которая и тогда была законодательницею вкуса. И такъ, въ это время явились двѣ струи поэзіи: одна идетъ изъ народнаго источника, доступная больше вилланамъ, слугамъ бароновъ; другая—образованныхъ рыцарей и дамъ.

Искусственная поэзія является первоначально въ высшемъ сословіи: императоры и короли, герцоги и князья, графы и рыцари—были первыми пѣвцами. Мы имѣемъ пѣсни отъ Генриха VI, сына Барбароссы и многихъ другихъ государей. Лучшіе поэты, какъ Гартманнъ фонъ Ауе, Вольфрамъ Эшенбахъ, Вальтеръ фонъ Фогельвейде принадлежатъ къ рыцарскому сословію. Они пѣли при дворахъ князей, въ блестящемъ собраніи рыцарей и прекрасныхъ дамъ. Ихъ пѣснь разсчитывала поразить блескомъ внѣшнихъ украшеній; предметъ ея былъ радости и страданія любви. Въ эпосѣ они старались занять публику разнообразіемъ приключеній; поэтому имъ всего лучше служили сюжеты иностранные: изъ Франціи и Испаніи и богатаго чудесами Востока выходили ихъ герои, украшенные всѣмъ блескомъ рыцарства. Эта поэзія носитъ прозваніе *рыцарской* или *придворной*, въ противоположность поэзіи *народной*. Въ послѣдней, эпосъ значительно преобладаетъ надъ лирикой; можно даже сказать, что она была исключительно

эпическаго характера. Этотъ характеръ исключалъ субъективность разсказчика, его рефлексію: *я* не входило въ пѣсню, кромѣ введенія, гдѣ пѣвецъ говоритъ: «я слышалъ разсказъ или пѣсню». Народный пѣвецъ не хочетъ поучать, потому что поетъ не новое, никому неизвѣстное, а слышанное имъ много разъ съ самаго дѣтства. Пѣсня имѣетъ цѣль въ самой себѣ: она имѣетъ много прелести, потому что она старина. Подвиги героевъ имѣютъ для народа важное значеніе, потому что говорятъ о его собственномъ происхожденіи; поэтому сюжетъ не можетъ быть взятъ изъ чужой исторіи; народъ ничего не знаетъ о троянскихъ герояхъ и ничего не хочетъ знать; ему нужно сочувствіе къ тому, о комъ поетъ пѣвецъ. Народный эпосъ не воспѣваетъ отдѣльныхъ героевъ: онъ знакомитъ насъ съ цѣлымъ міромъ героевъ и великихъ подвиговъ. Поэтому въ немъ нельзя искать главнаго дѣйствующаго лица, такъ какъ въ Иліадѣ, гдѣ Ахиллесъ не принимаетъ участія во многихъ пѣсняхъ; еще замѣтнѣе это въ нѣмецкомъ эпосѣ. Кого можно назвать главнымъ героемъ Нибелунговъ? Зигфрида? Но онъ умираетъ въ срединѣ пѣсни. Дитриха? Но онъ появляется только во второй половинѣ ея. Причина такого явленія лежитъ въ исторіи народнаго эпоса. Онъ первоначально является въ видѣ многихъ небольшихъ пѣсенъ, которыя, переходя изъ устъ въ уста, мало помалу сливаются въ одномъ общемъ потокѣ. Изъ этихъ камней строилось великолѣпное зданіе, которое стоитъ много вѣковъ, составляя народную гордость. Такихъ потоковъ въ Германіи два: одинъ, по выраженію Вильмара *), несется черезъ скалы, крутясь и пѣнясь — это пѣснь о Нибелунгахъ; другой—ясный и тихій, ровно льется въ своихъ берегахъ — это пѣснь о Гудрунѣ.

Второй разрядъ въ эпическихъ стихотвореніяхъ Германіи составляютъ тѣ, которыя остались въ видѣ отдѣльныхъ пѣсенъ и не слились въ одно цѣлое. Выходя изъ живыхъ, свѣжихъ народныхъ преданій, онѣ заключаютъ въ себѣ высокій, поэтическій интересъ, хотя и заключены сами въ бо-

*) Gesch. Lit.

лѣе узкія границы. Такова Гомерова Одиссея; таковы въ Германіи: отрывокъ о Гильдебрантѣ, Вальтеръ Аквитанскій, выходъ Экки, великанъ Зигенотъ и др. Сюда принадлежатъ нѣкоторыя пѣсни чисто историческаго характера.

Третій разрядъ составляютъ тѣ пѣсни, которыя являются переработкой и распространеніемъ старыхъ древнѣйшихъ пѣсенъ; онѣ подновлены; на нихъ сильно замѣтна рука времени. Древніе герои являются уже въ новомъ видѣ. Примѣръ такой пѣсни въ Германіи представляетъ «Розовый садъ,» гдѣ дѣйствующія лица—Зигфридъ и Дитрихъ въ рыцарскихъ костюмахъ.

Наконецъ поэтическая сага входитъ въ искусственную поэзію. Отдѣльные пѣвцы, воспитавшіеся на поэзіи художественной, принялись за ея обработку. Таковъ «плачъ Кримгильды.» Далѣе является подражаніе, въ которомъ поэзія народная уже окончательно сливается съ искусственной. Всѣ эти пѣсни, какъ первоначальной формаціи, такъ и позднѣйшей, по содержанію дѣлятся обыкновенно на нѣсколько цикловъ, по именамъ племенъ и народовъ. Первый изъ нихъ *нижне-рейнскій* называется также *франкскимъ* его герой—Зигфридъ. Второй—*бургундскій*; его герои: Гунтеръ, Гернотъ и Гизелеръ; мать ихъ Ута, сестра Кримгильда, жена Гунтера — Брунгильда и ихъ вассалы, между которыми главное мѣсто занимаетъ Гагенъ. Сказаніе о герояхъ бургундскаго и франкскаго цикловъ выразилось всего полнѣе и художественнѣе въ большой пѣснѣ о Нибелунгахъ, которая для Нѣмцевъ составляетъ тоже, что Иліада для Грековъ. Много было споровъ о происхожденіи этой пѣсни. Нѣкоторые ученые и во главѣ ихъ Лахманъ доказывали, что эта поэма составилась изъ отдѣльныхъ пѣсенъ, которыя мало по малу сливались въ одно цѣлое. Имя того, кто послѣдній списалъ ихъ и придалъ имъ настоящую форму, разумѣется, не можетъ при такомъ положеніи дѣла представлять особеннаго интереса. Но другая партія, и во главѣ ея Гольцманнъ, опровергали эту теорію пѣсенъ, указывая на необыкновенное единство поэмы, на ея послѣдовательность.

Одинъ поэтъ тоже могъ составить ее только на основаніи народныхъ сказаній. Здѣсь вопросъ объ имени и обстоятельствахъ жизни этого поэта, естественно, возбуждаетъ интересъ. Авторомъ считали то Генриха Офтердингера, то Вальтера Фогельвейде, то Вольфрама Эшенбаха, то Рудольфа Эмскаго, однимъ словомъ почти всѣхъ лучшихъ поэтовъ цвѣтущаго періода нѣмецкой поэзіи. Но все это гипотезы, ни на чемъ не основанныя; ихъ забывали, какъ они только были составлены. Въ «Жалобѣ», составляющей продолженіе Нибелунговъ, лирической поэмѣ, очевидно, позднѣйшаго времени, упоминается про епископа Пильгерина Пассаусскаго, который въ концѣ X в. приказалъ своему писцу Конраду описать, на основаніи народныхъ пѣсенъ, изъ устъ бродячихъ пѣвцевъ, судьбу бургундскихъ героевъ. Нѣкоторые полагали, что этотъ текстъ и дошелъ до насъ въ передѣлкѣ XII в.

И такъ, не смотря на интересъ, возбуждаемый великимъ нѣмецкимъ эпосомъ, 2 важнѣйшіе вопроса его исторіи остаются темными: неизвѣстно, гдѣ впервые возникла основа разсказа, и кто придалъ ей литературную форму. Если нѣмецкіе ученые, болѣе другихъ заинтересованные въ дѣлѣ и владычествующіе въ историческихъ вопросахъ чуждыхъ національностей, не могутъ сказать рѣшительнаго слова, другимъ безполезно даже дѣлать и попытки.

Вотъ вкратцѣ содержаніе поэмы, въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ.

Въ Бургундской землѣ, въ Вормсѣ на Рейнѣ стоялъ старый королевскій замокъ, гдѣ по смерти отца жила юная прекрасная дочь его Кримхильда подъ защитою братьевъ своихъ Гунтера, Гернота и Гизельхера. Ей снится однажды, что она выростила сокола; вдругъ на него спускаются два орла и разрываютъ его своими когтями. Сильно опечаленная Кримхильда разсказываетъ сонъ матери: «соколъ, говоритъ та, означаетъ благороднаго супруга; не дай Богъ, чтобы ты рано его лишилась». Но Кримхильда не хочетъ и слышать о мужѣ; «я схороню свою молодость и красоту,

отвѣчала она, чтобы не пришлось платить страданіемъ за любовь». Такимъ образомъ первое предчувствіе будущей невыразимой боли вкрадывается въ сердце Кримхильды.

Въ это время въ Нидерландахъ въ Ксантенѣ на Рейнѣ жилъ молодой Зигфридъ, сынъ Зигмунда и Зигелинды, еще мальчикомъ названный героемъ, за необычайную силу и смѣлость. Въ лѣта мужества онъ посѣтилъ многія земли, чтобъ испытать свою богатырскую силу, и красота и отвага его возбуждали повсюду всеобщее удивленіе. До него доходятъ слухи о прекрасной Кримхильдѣ и онъ рѣшается отправиться въ Вормсъ просить ея руки. Отецъ и мать неохотно соглашаются на поѣздку, ихъ тѣснитъ дурное предчувствіе, но не смотря на это Зигфридъ уѣзжаетъ въ сопровожденіи 12 рыцарей. Въ Вормсѣ никто не знаетъ прекраснаго юноши. Посылаютъ за Гагеномъ Троней, которому извѣстны всѣ чужія земли; онъ хотя никогда не видалъ юнаго вождя, но тотчасъ признаетъ его за Зигфрида. «Судя по величественной осанкѣ его, прибавляетъ онъ, это тотъ самый Зигфридъ, который покорилъ родъ Нибелунговъ, овладѣлъ ихъ огромнымъ сокровищемъ, отнялъ у карлика Алберихи въ горячемъ бою шапку невидимку, убилъ страшнаго дракона и купался въ его крови, такъ что кожа его съ тѣхъ поръ, неуязвима какъ рогъ; я совѣтую принять его какъ можно лучше, чтобъ не навлечь его неудовольствія.» Зигфрида принимаютъ великолѣпно, для него устраиваютъ веселые праздники и турниры. Кримхильда украдкой любуется въ окно на героя. Зигфридъ цѣлый годъ находился при дворѣ, и ни разу ему не удается видѣть ее.

Вскорѣ король Саксовъ Ліутгеръ вмѣстѣ съ датскимъ королемъ Ліутгастомъ объявляютъ войну Бургундцамъ. Зигфридъ обѣщаетъ помогать Гунтеру, и они вмѣстѣ отправляются въ походъ. Зигфридъ одерживаетъ блистательныя побѣды, и наконецъ приводитъ обоихъ королей плѣнными въ Вормсъ. Когда до Кримхильды доходитъ вѣсть о томъ, какъ отличился Зигфридъ, лице ея отъ радости покрылось яр-

кимъ румянцемъ и она щедро наградила посла. Въ Троицынъ день Гунтеръ въ честь побѣдителей устраиваетъ великолѣпный праздникъ, на который стекаются вельможи близкихъ и дальнихъ странъ; Кримхильда тоже приглашена туда. Сопровождаемая огромной свитой придворныхъ и дамъ, она появляется, блистая юностію, красотою и любовью. Гунтеръ подвелъ Зигфрида къ сестрѣ, онъ рыцарски поклонился ей, «вдругъ ихъ охватилъ могучій пылъ любви, и они украдкой взглянули другъ на друга». Послѣ обѣдни Кримхильда стала благодарить его за помощь, оказанную братьямъ. «Изъ любви къ вамъ я готовъ служить имъ», отвѣчаетъ онъ. По окончаніи празднествъ Зигфридъ проводитъ еще нѣсколько времени при дворѣ Бургундцевъ.

Въ это время по ту сторону моря жила королева Брунгильда чудной красоты и силы. Многіе рыцари добивались ея любви, но она рѣшилась принадлежать только тому, кто побѣдитъ ея въ военныхъ играхъ; побѣжденный же подвергался смерти. Многихъ уже постигла эта печальная доля. Вдругъ Гунтеру вздумалось попытать счастія. Зигфридъ сначала не совѣтуетъ ему ѣхать, но потомъ обѣщаетъ свое содѣйствіе, съ тѣмъ, чтобъ Гунтеръ въ награду отдалъ за него сестру. Они отправляются богато снаряженные, въ великолѣпномъ кораблѣ, и послѣ 12-ти дневнаго путешествія пріѣзжаютъ въ Ценштейнъ, столицу Брунгильды. Красиво возвышаются у берега морскаго ея дворцы и башни, выстроенные изъ зеленаго мрамора. Только одному Зигфриду извѣстенъ этотъ отдаленный замокъ и гордая владѣтельница его. Брунгильда сама слишкомъ хорошо помнитъ Зигфрида; она ласково его привѣтствуетъ и спрашиваетъ о цѣли его прибытія. Зигфридъ отвѣчаетъ: я вассалъ короля Гунтера, который пріѣхалъ къ тебѣ свататься. Тутъ начались приготовленія къ бою. Щитъ Брунгильды былъ такъ великъ, что его едва несли четверо. Потомъ принесли еще копье и камень такой тяжелый, что его могли поднять только 12 человѣкъ. Гунтеръ содрогнулся. Но Зигфридъ, надѣвъ шапку невидимку, поспѣшилъ къ нему на

помощь и дѣйствовалъ за него; Гунтеръ же только для вида махалъ оружіемъ. Не смотря на демонскую силу Брунгильды, она побѣждена и принимаетъ предложеніе Гунтера; начинаютъ готовиться къ отъѣзду, и Зигфридъ, посѣтивъ свое Нибелунгское царство и захвативъ съ собой богатыя сокровища, отправляется впередъ возвѣстить о побѣдѣ и о прибытіи будущей королевы. Радостно приняла его прекрасная Кримхильда. Гунтеръ по прибытіи своемъ домой исполнилъ обѣщаніе, и Кримхильду обручили съ Зигфридомъ. Брунгильда, увидавъ ихъ вмѣстѣ, начала горько плакать. Испуганный Гунтеръ спросилъ о причинѣ ея слезъ. «Я плачу о Кримхильдѣ отвѣчала она, потому что ты отдаешь ее за вассала». Въ свадебный вечеръ Брунгильда еще разъ борется съ Гунтеромъ, который, лишенный на этотъ разъ помощи, долженъ постыдно сдаться. На другой день онъ пристыженный разсказываетъ о томъ Зигфриду; тотъ еще разъ надѣваетъ шапку невидимку, опять побѣждаетъ Брунгильду и беретъ у ней ея поясъ и кольцо, которые даритъ Кримхильдѣ, всѣмъ на погибель.

По окончаніи свадебныхъ пиршествъ, Зигфридъ отправляется съ супругой на родину. Отецъ уступаетъ ему правленіе.

Проходятъ 10 лѣтъ счастливаго супружества, Кримхильда родитъ сына, названнаго въ честь дяди Гунтеромъ, точно также какъ сынъ Гунтера получилъ имя Зигфрида. Но въ сердцѣ могучей Брунгильды и въ 10 лѣтъ не остыла жажда мести. Она считаетъ себя оскорбленной тѣмъ, что Зигфридъ не является ко двору подобно прочимъ вассаламъ; Гунтеръ старается укротить ея гнѣвъ, но она такъ умѣетъ дѣйствовать на Гунтера, что тотъ наконецъ шлетъ пословъ къ Зигфриду и приглашаетъ его на великое празднество. Всѣ въ одинъ голосъ совѣтуютъ Зигфриду принять приглашеніе, и онъ, въ сопровожденіи старика отца и огромной свиты отправляется въ путь. Маленькаго сына они оставляютъ дома. Въ Вормсѣ гостей ожидаетъ блестящій пріемъ; звуки трубъ и флейтъ наполняютъ городъ.

Обѣ королевы сидѣли однажды вмѣстѣ, и Кримхильда начала восхвалять Зигфрида. «Посмотри, какъ онъ красуется, говоритъ она, между героями, какъ мѣсяцъ между звѣздами, Брунгильда на это отвѣчаетъ: «онъ все таки только вассалъ Гунтера и подвластенъ ему». Тогда Кримхильда въ негодованіи восклицаетъ, что докажетъ ей въ тотъ же день, что она не жена вассала, а такая же королева и войдетъ первая въ церковь.

Брунгильда ожидаетъ Кримхильду у собора и когда та приближается, она громко при народѣ велитъ ей остановиться, говоря, что служанка не должна идти впереди госпожи. Тутъ въ первый разъ сильный гнѣвъ вспыхиваетъ въ сердцѣ кроткой Кримхильды: «ты бы лучше молчала, говоритъ она: Зигфридъ тебя любилъ и бросилъ, а потомъ покорилъ для Гунтера, слѣдовательно ты сама была побѣждена подданнымъ»; тотчасъ же она пожалѣла объ обидномъ словѣ и предложила Брунгильдѣ миръ, но оскорбленіе было слишкомъ глубоко, и та не согласилась. При выходѣ изъ собора Брунгильда проситъ ее доказать справедливость своихъ словъ. Тогда Кримхильда показываетъ кольцо и поясъ. Высокомѣріе Брунгильды подавлено, но тѣмъ сильнѣе возстаетъ въ ней жажда мести, и она клянется погубить Зигфрида. Простосердечный Зигфридъ, не подозрѣвая, что ссора эта будетъ началомъ борьбы на жизнь и смерть, и что онъ самъ будетъ ея жертвой, не обращаетъ на нее никакого вниманія и проситъ Гунтера и Брунгильду забыть объ ней. Но Брунгильда не можетъ забыть; тоскуя въ безсильной ярости, сидитъ она одна въ своей комнатѣ; тогда злобный Гагенъ обѣщаетъ отомстить Зигфриду за нее. Ему удается привлечь на свою сторону многихъ героевъ, даже самого Гунтера; только одинъ Гизельхеръ находитъ эту женскую ссору слишкомъ ничтожной, чтобы такой герой, какъ Зигфридъ, лишился изъ-за нея жизни. По совѣту Гагена распространяютъ ложные слухи о войнѣ; Зигфридъ тотчасъ вызывается съ своими Нибелунгами помогать Гунтеру. Коварный Гагенъ самъ отправ-

ляется къ Кримхильдѣ, чтобъ проститься съ ней. Кримхильда, не подозрѣвая въ Гагенѣ злобнаго врага, проситъ его беречь Зигфрида во время похода. «Хотя онъ и неуязвимъ, прибавляетъ она, но въ то время, когда онъ купался въ крови дракона, между плечъ его упалъ липовый листъ, и это мѣсто можно ранить». Она проситъ Гагена защищать это мѣсто на войнѣ и обѣщаетъ обозначить его шелковымъ крестомъ на одеждѣ Зигфрида. Тогда Гагенъ отправилъ ложныхъ пословъ объявить, что король датскій согласенъ на миръ, и посовѣтывалъ Гунтеру устроить охоту. Зигфридъ передъ охотой прощается съ Кримхильдой; зловѣщее предчувствіе мучитъ ее; ей приснилось, что двѣ дикія свиньи гнались за Зигфридомъ на лугу, и что двѣ горы упали на него; она проситъ его остаться; но онъ не обращаетъ вниманія на ея слова. Во время охоты, всѣхъ начинаетъ мучить жажда; вина же нѣтъ по распоряженію Гагена; онъ предлагаетъ отправиться къ колодцу и бѣжать къ нему на перегонку. Зигфридъ первый достигаетъ цѣли и снимаетъ оружіе. Тогда Гагенъ схватываетъ его копье и наноситъ ему смертельную рану въ мѣсто, обозначенное крестомъ. Всѣ рыцари оплакивали смерть героя; даже Гунтеръ почувствовалъ раскаяніе. Нѣкоторые хотѣли скрыть преступленіе и сказать, что разбойники напали на Зигфрида и убили его, только одинъ Гагенъ сохранилъ свою прежнюю отвагу, и взялъ на себя доставить трупъ Зигфрида въ Вормсъ; тамъ онъ велѣлъ его положить въ дверяхъ комнаты Кримхильды.

Ужасна была печаль несчастной Кримхильды; она отсовѣтывала Нибелунгамъ мстить за убитаго государя. Старый Зигмундъ звалъ ее ѣхать съ нимъ, но она отказалась и поручила ему сына.

Такъ жила она въ уединеніи не далеко отъ мѣста, гдѣ былъ похороненъ Зигфридъ и молилась за упокой души его.

Чтобы овладѣть богатствомъ Нибелунговъ, Гагенъ посовѣтовалъ Гунтеру помириться съ сестрой; съ помощію Гернота и Гизельхера это удалось, и она согласилась переве-

сти кладъ Нибелунговъ въ Вормсъ. Онъ состоялъ изъ такого множества драгоцѣнныхъ каменьевъ и золота, что 12 подводъ ѣздили 4 дня и 4 ночи за нимъ чтобъ перевести до кораблей на Рейнѣ. Кримхильда щедро раздавала бѣднымъ и богатымъ свои сокровища; это привлекало многихъ рыцарей, и Гагенъ началъ бояться, что это можетъ послужить для него причиною гибели. По этому онъ погрузилъ сокровище въ Рейнъ, и короли поклялись не открывать никому гдѣ спрятанъ кладъ, пока одинъ изъ нихъ еще живъ: новое горе для Кримхильды. Наконецъ и для нея наступаетъ пора мщенія. Когда Кримхильда уже 13 лѣтъ оплакивала Зигфрида, умираетъ супруга короля Гунновъ Этцеля, и друзья его предлагаютъ ему жениться на Кримхильдѣ. Ридигера фонъ Бехларенъ отправляютъ съ огромною свитою на Рейнъ, чтобъ просить ея руки. Гунтеръ съ радостію принимаетъ предложеніе и обѣщаетъ свое содѣйствіе. Только одинъ Гагенъ, не предвидя ничего добраго, старается отговорить короля отъ этого брака. Но братья, думая, что онъ не желаетъ счастія Кримхильдѣ, не слушаютъ его и передаютъ Кримхильдѣ предложеніе. Она сначала и слышать не хочетъ о новомъ мужѣ; горе о Зигфридѣ наполняетъ ея сердце, но когда Ридигеръ обѣщаетъ мстить за нее всѣмъ, кто причинитъ ей зло, она вдругъ оживляется мыслью о мщеніи и соглашается быть женою Этцеля. Вскорѣ она отправляется въ путь съ огромной свитой. На дорогѣ ихъ встрѣчаетъ Этцель съ множествомъ знаменитыхъ князей. На другой день они отправляются въ Вѣну, гдѣ 7 дней празднуютъ свадьбу съ роскошью и великолѣпіемъ. Но Кримхильда грустна и молчалива посреди шумныхъ пиршествъ; она со слезами вспоминаетъ о прошломъ счастіи. Послѣ свадьбы они ѣдутъ въ замокъ Этцеля, и Кримхильда вступаетъ въ новую землю, скрывая глубочайшую скорбь подъ видомъ спокойствія. Послѣ семи лѣтъ она родитъ сына, но жажда мести не даетъ ей покоя.

Проходитъ еще 6 лѣтъ, всего 26 по смерти Зигфрида. Тутъ она проситъ своего супруга пригласить въ гости ея

родственниковъ; «иначе народъ подумаетъ, что я изгнанница или безродная». Этцель съ радостью соглашается исполнить ея просьбу и немедленно посылаетъ пѣвцовъ Свемелина и Вербелина въ Вормсъ звать въ гости Гунтера и его вассаловъ. Кримхильда имъ въ особенности поручаетъ постараться о томъ, чтобъ пріѣхали всѣ родственники.

Гунтеръ ласково привѣтствуетъ посланныхъ и начинаетъ готовиться въ путь. Гагенъ противится поѣздкѣ, напоминая, что Кримхильда никогда не проститъ имъ смерти Зигфрида; но короли не обращаютъ вниманія на его предостереженія, и Гизельхеръ говоритъ ему, что онъ можетъ остаться, если боится быть убитымъ. Послѣ этого ужъ Гагенъ самъ совѣтуетъ ѣхать, но въ полномъ вооруженіи. 1600 избранныхъ рыцарей и 900 слугъ отправляются подъ предводительствомъ Гагена. Мать Ута, которой приснилось, что вымерли всѣ птицы государства, также пытается отговорить Гунтера, но напрасно.

Въ это время Дунай выступилъ изъ береговъ, и не было парома, чтобы перевезти огромную толпу. Гагенъ, оглядываясь кругомъ, увидалъ вблизи двухъ купающихся водяныхъ нимфъ. Онъ подкрался и унесъ ихъ платья. Тогда одна изъ нихъ сказала: «васъ ожидаютъ большія почести при дворѣ Гунновъ.» Гагенъ обрадованный этими словами возвращаетъ платье. Тогда сказала другая: «возвратитесь, пока еще не поздно; иначе никто изъ вашего огромнаго войска не поѣдетъ назадъ по Дунаю, кромѣ королевскаго капеллана.» Гагенъ сталъ самъ перевозить всю свиту; когда дошла очередь до капеллана, чтобы не дать сбыться предсказанію нимфъ, онъ бросилъ его въ волны, но Богъ спасъ несчастнаго, и онъ благополучно добрался до другаго берега. Тутъ Гагенъ понялъ, что вторая нимфа сказала правду. Претерпѣвъ во время остальнаго путешествія ночью еще нападеніе отъ короля баварскаго Гелфрата, который и былъ убитъ Данквартомъ, они прибыли во владѣнія маркграфа Ридигера фонъ Бехларенъ. Онъ принялъ и угощалъ ихъ по княжески и велѣлъ супругѣ и дочери привѣтство-

вать поцалуемъ королей и ихъ рыцарей Гагена, Данкварта и Фолькера. Когда дочь должна была поцѣловать Гагена, онъ ей показался такимъ страшнымъ, что она поблѣднѣла отъ ужаса, и только по вторичному приказанію отца рѣшилась подойти къ нему. Гости пробыли здѣсь нѣсколько дней; Гизельхера обручили съ дочерью Ридигера, и потомъ всѣ поѣхали ко двору короля Гунновъ. Имъ на встрѣчу поспѣшилъ Дитрихъ Бернскій и предостерегъ ихъ, сказавъ, что Кримхильда еще всякій день оплакиваетъ Зигфрида. Когда они прибыли ко двору, всѣ Гунны собрались посмотрѣть на могучаго Гагена.

Рыцарей и слугъ помѣстили въ гостинницѣ подъ начальствомъ Данкварта; другіе же рыцари отправились во дворецъ Этцеля. Гагенъ съ Фолькеромъ, предвидя неминуемую гибель, поклялись другъ другу въ вѣрности до смерти, и сѣли на скамейку во дворѣ, противъ залы Кримхильды. Когда Кримхильда увидала такъ близко своего смертельнаго врага, въ ней закипѣла злоба, и она залилась слезами. Въ отвѣтъ на вопросы окружающихъ, она стала умолять ихъ отомстить Гагену за нанесенную ей обиду. Шестьдесятъ человѣкъ вызываются убить Гагена и Фолькера и съ самой королевой во главѣ отправляются къ врагамъ. Фолькеръ совѣтуетъ Гагену встать передъ королевой, но тотъ спокойно остается на мѣстѣ и при этомъ кладетъ на колѣни блестящее оружіе, которое тотчасъ узнаетъ Кримхильда: то былъ мечь Зигфрида. Тутъ злоба и скорбь Кримхильды заговорили еще сильнѣй. Она стала упрекать Гагена; тотъ дерзко отвѣчалъ ей. Война была объявлена, но никто изъ людей Кримхильды не осмѣливался напасть на сильныхъ героевъ, и Кримхильда должна была удалиться, не достигнувъ цѣли.

Когда наступила ночь, и Гунтеръ съ своими вассалами легъ спать въ назначенную имъ залу, Гагенъ и Фолькеръ вызвались ихъ сторожить, боясь вторичнаго нападенія. Предосторожность не оказалась лишней. При наступленіи ночи приблизились вооруженные Гунны, но увидѣвъ двухъ стра-

жей, скрылись. На другой день во время турнира, битва опять едва не возгорѣлась, когда Фолькеръ во время игръ убилъ одного рыцаря изъ Гунновъ, но Этцель успѣлъ удержать своихъ.

Когда на другой день шли къ столу, Кримхильда старалась уговорить Дитриха Бернскаго отмстить за нее, но тотъ отказался; тогда она обратилась къ Блёделину, брату Этцеля и, склонивъ его на свою сторону богатыми обѣщаніями, велѣла ему напасть на рыцарей и слугъ, помѣщавшихся въ гостиницѣ; сама же съ Этцелемъ сѣла за столъ и привела съ собой маленькаго сына Ортлиба.

Блёделинъ проникъ въ залу, гдѣ сидѣлъ Данквартъ съ рыцарями, объявляя, что онъ пришелъ мстить за смерть Зигфрида Въ отвѣтъ на это Данквартъ однимъ ударомъ меча срубилъ ему голову. Началось страшное кровопролитіе; къ Гуннамъ на помощь спѣшили все новыя толпы, Бургундцы почти всѣ попадали; наконецъ Данкварту удалось пробраться къ своимъ. Весь въ крови съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ кричитъ онъ у дверей залы брату Гагену: «что вы сидите тутъ, наши всѣ убиты». «Стереги дверь, Данквартъ! отвѣчалъ Гагенъ, чтобы никто не вышелъ изъ залы а мы теперь выпьемъ за умершихъ королевскаго вина.»

Съ этими словами онъ отрубилъ голову невинному ребенку, она покатилась на колѣни матери; потомъ онъ бросился убивать другихъ. Фолькеръ и короли бургундскіе нападаютъ на остальныхъ Гунновъ; происходитъ страшное кровопролитіе; зала наполняется трупами. Кримхильда въ страхѣ проситъ Дитриха Бернскаго защитить ее. Голосъ Дитриха раздается, какъ трубный звукъ по залѣ. Сраженіе на минуту прерывается: Дитрихъ объявляетъ, что не желаетъ приниматъ въ немъ участія и требуетъ, чтобы его выпустили; съ нимъ вмѣстѣ Этцель, Кримхильда и Ридигеръ оставляютъ залу. Но по ихъ уходѣ борьба продолжается еще до тѣхъ поръ, покуда не убиты всѣ люди Этцеля. Послѣ этого Гагенъ и Фолькеръ начинаютъ смѣяться надъ трусостью Этцеля, а потомъ и надъ Кримхильдой;

тогда она обѣщаетъ тому, кто принесетъ ей голову Гагена полный щитъ золота и много земель и замковъ. Эти обѣщанія снова вызываютъ на бой героевъ и Ирингъ Датскій первый рѣшается сразиться съ Гагеномъ; но онъ не въ силахъ одолѣть героя, и бросается на Фолькера и Гернота; наконецъ Гизельхеръ наноситъ ему сильный ударъ, онъ падаетъ, но тотчасъ же снова бросается на Гагена, наноситъ ему рану и бѣжитъ. Кримхильда радостно встрѣчаетъ его, сама снимаетъ съ него щитъ и Ирингъ, отдохнувъ, снова вооружается, чтобы напасть на Гагена. Но на этотъ разъ Гагенъ наноситъ ему такую рану, что онъ падаетъ мертвый. Ирифридъ и Гавартъ бросаются въ залу, чтобъ отмстить за него, но и ихъ постигаетъ таже участь.

Къ вечеру въ залѣ настала страшная тишина; только слышенъ шумъ крови, текущей вдоль желобовъ на дворъ. Усталые Бургундцы требуютъ, чтобъ ихъ выпустили изъ залы для переговоровъ; но Кримхильда боится лишиться своихъ жертвъ. Тутъ юный Гизельхеръ начинаетъ просить сестру освободить ихъ; она соглашается на это только съ условіемъ, чтобъ они выдали Гагена. Возмущенные такимъ предложеніемъ, они восклицаютъ: «еслибы насъ было 1000, мы бы и то не выдали одного.» Тогда Кримхильда велитъ зажечь залу. Бургундцы изнемогаютъ отъ жару и жажды, они утоляютъ ее кровью убитыхъ и проводятъ ночь въ страшныхъ мукахъ посреди обрушившихся стѣнъ залы

Этцель наконецъ обращается съ просьбою о помощи къ благородному Ридигеру; Кримхильда также напоминаетъ ему его клятвы. Въ немъ происходитъ страшная борьба; ему тяжело отказать королевѣ, но въ тоже время ужасно измѣнить друзьямъ, которымъ клялся въ вѣрности. Наконецъ онъ рѣшается на послѣднее, сражается съ Гернотомъ, и они убиваютъ другъ друга.

Когда до Дитриха Бернскаго дошла вѣсть о смерти Ридигера, онъ вооружился и отправился въ залу съ старымъ рыцаремъ Гильдебрантомъ. Въ живыхъ только Гагенъ и Гунтеръ. Дитрихъ требуетъ, чтобъ они сдались, но Гагенъ

не согласенъ, пока еще цѣлъ мечъ Нибелунговъ. Тогда Дитрихъ сражается съ Гагеномъ, наноситъ ему сильную рану, связываетъ его мощными руками и приводитъ къ Кримхильдѣ; тожъ дѣлаетъ онъ и съ Гунтеромъ. Отдавъ ихъ обоихъ въ руки Кримхильдѣ, Дитрихъ проситъ пощадить жизнь героевъ, что она и обѣщаетъ. Только что скрылся Дитрихъ, она обращается къ Гагену и обѣщаетъ ему жизнь, если онъ возвратитъ ей кладъ Нибелунговъ. Но Гагенъ отвѣчаетъ, что онъ поклялся не открывать никому, гдѣ спрятанъ кладъ, покуда живъ одинъ изъ его повелителей. Тогда жестокая Кримхильда велитъ отрубить голову Гунтеру и, держа ее за волосы, приноситъ Гагену. «Теперь, говоритъ Гагенъ никто не знаетъ, гдѣ кладъ, кромѣ меня и Бога; и ты кровожадная, никогда не узнаешь объ этомъ». Тутъ ожесточенная Кримхильда вырываетъ у него Зигфридовъ мечъ и срубаетъ ему голову. Такъ страшно заплатила за смерть Зигфрида когда-то кроткая, любящая Кримхильда. Но видя что она нарушила обѣщаніе данное Дитриху, старый Гильдебрандъ убиваетъ ее. Съ страшнымъ крикомъ падаетъ Кримхильда мертвая, рядомъ съ трупомъ Гагена. Такъ погибли всѣ бургундскіе герои, а съ ними и кладъ Нибелунговъ.

Въ Нибелунгахъ нѣмецкихъ сразу бросается въ глаза иной бытъ, иные нравы, иная ступень развитія. Въ Эддѣ — эпоха языческая, здѣсь — христіанская; правда, христіанство не проникло еще въ плоть и кровь; новыя идеи какъ будто не знакомы людямъ; таже жестокость, мстительность и жадность, таже сила и энергія; но обстановка измѣнилась. Кромѣ христіанства, здѣсь фигурируетъ вполнѣ развитой феодализмъ и недоразвитое рыцарство. Пресловутая нѣмецкая вѣрность, выразившаяся всего сильнѣй въ отношеніяхъ вассала къ сюзерену, здѣсь имѣетъ могучаго представителя въ лицѣ Гагена. Этотъ демонъ въ человѣческомъ образѣ, Локки, поступившій на службу въ Бургундіи, имѣетъ свою идеальную сторону и свою честь: онъ знаетъ твердо, что ему не избѣжать гибели въ землѣ Эт-

целя и пробуетъ отговорить своихъ властителей отъ опасной поѣздки, но, видя ихъ твердую рѣшимость, ни минуты не задумывается умереть съ ними. Рыцарство въ Нибелунгахъ проявляется только съ внѣшней, болѣе грубой и живой стороны; только одна сторона его: воинская честь и отвага развиты здѣсь вполнѣ; нѣтъ ничего, напоминающаго изнѣженныхъ, влюбленныхъ и мечтательныхъ рыцарей, съ которыми мы познакомимся въ слѣдующей главѣ: — ясный признакъ, что рыцарство романовъ создалось не на нѣмецкой почвѣ. Подъ вліяніемъ новой обстановки и новыхъ условій жизни значительно измѣнилось содержаніе сказанія и характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ Эддѣ мало разнообразія; всѣ дѣйствующія лица, особенно мущины, на одно лицо; въ Нибелунгахъ встрѣчаются самые разнообразные типы; главный герой — Зигфридъ остался тѣмъ же симпатичнымъ, отважнымъ, но нѣсколько опрометчивымъ юношей; но жена его приняла видъ болѣе трагическій; въ Эддѣ Гудруна — игрушка судьбы; она живетъ любовью, пока ей есть кого любить; только послѣ смерти братьевъ она измѣнилась; но совершивъ жестокій поступокъ, измѣнивъ себѣ, она бросается въ море; Кримхильда сейчасъ же послѣ смерти мужа измѣняется; это сильная, сосредоточенная натура, которая можетъ только одинъ разъ любить; потерявъ предметъ любви, она ненавидитъ весь остальной міръ и живетъ только одной мыслію о мщеніи; въ послѣдней части у ней проявляется отвратительная черта, которую ничѣмъ нельзя оправдать: это страшная жадность къ золоту.

Брунгильда пала съ своего пьедестала, на который ее поставили скальды. Вмѣсто страшной нравственной силы ей придали физическую, въ которой скальды вовсе не нуждались, желая придать ей большее значеніе. Мудрая, божественная валькирія стала богатыршей, которая всюду пробуетъ свою силу: ясно, что эпосъ потерялъ миѳическій характеръ и снизошелъ на степень былины. Въ Нибелунгахъ опущенъ разсказъ о ея прежнемъ знакомствѣ съ Зиг-

фридомъ, и ея дѣйствія выходятъ непонятны; ненависть ея возбуждается только пустой ссорой и потому лишена поэтическаго оттѣнка; не имѣя величія сѣверной героини, нѣмецкая Брунгильда послѣ убійства какъ-то незамѣтно сходитъ со сцены, оставляя послѣ себя непріятное воспоминаніе. Могучій Атли, жестокій герой, сдѣлался здѣсь слабохарактернымъ и безсильнымъ старикомъ, находящимся подъ башмакомъ у жены своей; естественно, что онъ не можетъ строить ковы братьямъ Кримхильды, и она должна принять на себя эту тяжелую обязанность; мать Кримхильды— Ута въ Германіи является доброй матерью семейства; она забыла свое волшебное искусство и никому не дѣлаетъ зла.

Мы не предлагаемъ разбора Нибелунговъ и пройдемъ молчаніемъ чисто нѣмецкихъ героевъ, какъ-то Дитриха и др. Нѣмецкій народный эпосъ несравненно полнѣе и обширнѣе скандинавскаго и потому, не смотря на свою сравнительную молодость, онъ даетъ много интересныхъ фактовъ для уразумѣнія характера народа. Относясь къ болѣе поздней и развитой эпохѣ, нѣмецкія поэмы про Дитриха и друг. имѣютъ бо̀льшую полноту и художественное достоинство. Въ этомъ эпосѣ сѣверный герой Зигфридъ имѣетъ поэмы какъ спеціально къ нему относящіяся, такъ и такія, гдѣ онъ сопоставляется съ собственно-нѣмецкимъ героемъ Дитрихомъ Бернскимъ; но эти поэмы должны быть изучаемы въ бо̀льшей полнотѣ и должны составлять предметъ отдѣльной статьи.

ГЛАВА II.

Романы о рыцаряхъ Круглаго Стола.

Трудно предполагать, чтобы нашъ практическій вѣкъ имѣлъ что нибудь общаго съ рыцарствомъ и его идеалами, выраженными въ поэзіи. Но практичность нашего вѣка въ наукѣ проявляется всего сильнѣе въ его тяготѣніи къ исторіи, которая сдѣлавшись главнымъ пульсомъ мышленія и замѣнивъ собою прежде безусловно надъ всѣмъ господствовавшую философію, ни одной эпохи, ни одного сколько нибудь крупнаго явленія не оставляетъ безъ вниманія. И такъ нѣтъ ничего удивительнаго, что въ послѣдніе 6 мѣсяцевъ, въ одной и той же странѣ — Франціи, являются 2 собранія рыцарскихъ романовъ, расчитывающія, очевидно, на массу публики: 1-ое извѣстнаго знатока старо-французской литературы Полэна Пари (Les romans de la table ronde) и 2-ое Альфреда Дельво (Les romans de la chevalerie mis en prose française). Послѣднее собраніе къ вышеупомянутой научной цѣли (которой оно весьма мало можетъ удовлетворить, по отсутствію всякой критики), присоединяетъ и другую: «друзья мои, знакомые и незнакомые! давайте сочинять и читать сказки! Пока слушаютъ сказку, всѣ веселы и не думаютъ ни о чемъ скучномъ. Время проходитъ, и сказка жизни кончается незамѣтно».

И такъ сказка, т. е. поэзія, должна заставить человѣка забыть грязь и скуку практической жизни и перенести

его въ ту прекрасную страну, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій.

Такой взглядъ едва ли можетъ быть оправданъ теперь; но было время, когда человѣку было такъ плохо жить на свѣтѣ, что ему необходимо было чаще переноситься въ этотъ заоблачный міръ, чтобъ не умереть съ отчаянія. Тогда поэзія должна была рѣзко отдѣляться отъ дѣйствительной жизни, и чѣмъ дальше она была отъ нея, тѣмъ лучше; она и поступала такъ, *насколько могла;* но полное отрѣшеніе отъ дѣйствительности невозможно: рисуя не похожую на правду обстановку, аксессуары, поэтъ всегда останется вѣренъ эпохѣ, отражая ея идеалы; онъ не говоритъ, какъ живетъ человѣкъ, но необходимо долженъ сказать, какъ онъ хочетъ жить.

Въ настоящее время романъ сдѣлался почти единственнымъ легкимъ чтеніемъ для людей всѣхъ классовъ и возрастовъ; въ формѣ романа или повѣсти наши писатели излагаютъ свои взгляды и убѣжденія, рисуютъ типы и идеалы, доставляютъ эстетическое наслажденіе и забаву, и возбуждаютъ серьозную мысль. Романъ есть единственный родъ поэзіи, котораго почти не знали Греки и ихъ тупые подражатели Римляне; романъ явился на свѣтъ въ средніе вѣка и съ тѣхъ поръ до нашего времени, съ перерывомъ отъ ложнаго классицизма, остается господствующей формой поэзіи болѣе образованныхъ классовъ. Первые романы, усвоившіе себѣ и названіе и форму изображенія этого рода, являются во Франціи въ цвѣтущую эпоху рыцарства, и ихъ герои—рыцари Артура и круглаго стола. Переходя изъ одного столѣтія въ другое, отъ одного народа къ другому, Артуръ и его паладины измѣняютъ свой характеръ и образъ жизни, приноравливаясь къ обстоятельствамъ; самые романы измѣняютъ форму и способъ выраженія, распложаютъ множество другихъ, имъ подражающихъ и ихъ продолжающихъ, захватываютъ въ своемъ широкомъ теченіи почти всѣ темы народной фантазіи, въ 15 и 16 вв. развиваются съ особеннымъ блескомъ и наконецъ попадаютъ

подъ удары могучаго Сервантеса. Съ этихъ поръ начинается подъ вліяніемъ времени, чуждаго рыцарству, ихъ паденіе; но они не сдаются безъ боя, и рядъ ихъ изданій кончается только въ XVIII в.

Естественно, что такой крупный литературный фактъ, питавшій столько поколѣній, не могъ не возбудить любознательности изслѣдователей. Эти романы рѣзко отдѣляются отъ всѣхъ другихъ своими героями и мѣстомъ ихъ дѣйствія; украшенія, сдѣлавшіяся потомъ общимъ достояніемъ романтизма: феи, великаны, карлики и всевозможныя чудеса, появляются въ нихъ въ первый разъ. Отсюда у изслѣдователей 2 задачи: во 1-хъ объяснить происхожденіе самыхъ героевъ и опредѣлить ихъ отношеніе къ исторіи, и во 2-хъ найти начало миѳологіи романовъ. Рѣшеніе этихъ вопросовъ получило интересъ во время паденія ложнаго классицизма, когда изученіе среднихъ вѣковъ начало привлекать къ себѣ всѣ свѣжія силы. Особенно занимались 2-мъ вопросомъ, такъ какъ не умѣли дѣлить романы на циклы, и разсказамъ о подвигахъ паладиновъ Карла Великаго, приписывали одинакую древность съ рыцарями Артура, а вышеупомянутыя украшенія являются въ одинаковой степени и у тѣхъ, и у другихъ. Существовали 4 теоріи объясненія романтическихъ аксессуаровъ. 1-я теорія скандинавская, впервые высказанная Mallet*) и развитая послѣдующими. Ея приверженцы, находя много общаго у романовъ съ поэмами скальдовъ, и видѣвшіе рыцарей, по крайней мѣрѣ по храбрости, въ древней Эддѣ, указывали на великановъ и карликовъ нѣмецкой миѳологіи, на валькирій, превратившихся въ фей и т. д. Общій характеръ рыцарей, ихъ courtoisie и страсть къ приключеніямъ, находили и у древнихъ Норманновъ. 2-я теорія арабская; главный ея приверженецъ Вартонъ **) по примѣру историковъ, выводившихъ рыцарство отъ испанскихъ Арабовъ, ищетъ начала

*) Introduction a l'hist. de Dan.

**) Hist. of Eng. poetry.

романтическихъ вымысловъ въ арабскихъ сказкахъ, гдѣ также дѣйствуютъ великаны, карлики, феи, волшебныя палочки и т. п. Односторонность каждой изъ этихъ теорій ясна при первомъ взглядѣ: и удаль берсеркеровъ, и роскошь чувственности Арабовъ есть въ рыцарскихъ романахъ, но ни тотъ, ни другой элементъ не исчерпываетъ всего ихъ содержанія. 3-я теорія классическая, въ которой отразился еще не совсѣмъ замолкшій классицизмъ. Мандевиль болѣе остроумно, нежели вѣрно находитъ праотца великановъ въ Полифемѣ, странствующихъ рыцарей, убивающихъ драконовъ въ Геркулесѣ и Тезеѣ, освобождающихъ прекрасныхъ княженъ въ Персеѣ и т. д.

Всѣ 3 теоріи были очень остроумно осмѣяны англичаниномъ Ритсономъ, который доказываетъ, что источникъ вымысла есть фантазія самого поэта; но какъ объяснить, что эти вымыслы нѣсколькихъ Французовъ могли найти такую популярность и такъ далеко распространиться во всѣ вѣка и страны? И какъ кромѣ того объяснить сходство романовъ съ латинскими хрониками 9 вѣка и многими другими памятниками, о которыхъ будетъ сказано ниже? Въ отдаленномъ уголкѣ Англіи, Валлисѣ, всегда были люди, интересовавшіеся родной стариной; они собирали остатки кельтской поэзіи, какъ чисто народной въ сказкахъ, такъ и искусственной въ пѣсняхъ бардовъ. Около 1800 г. Owen, валлійскій филологъ, опубликовалъ валлійскія пѣсни. Съ другой стороны Французы не пренебрегали исторіей своей провинціи Бретани, собирали остатки народныхъ преданій и извѣстія о бретонскихъ жонглерахъ, которые при дворахъ французскихъ и англійскихъ королей и герцоговъ играли такую важную роль. Имя Артура и его главныхъ сподвижниковъ было найдено въ англійскихъ хроникахъ и разборъ доказалъ, что нѣкоторыя были источниками для романистовъ. Тогда является 4-я теорія—бретонская. Ея приверженцы утверждаютъ, что источникъ рыцарскихъ романовъ объ Артурѣ какъ въ отношеніи содержанія, такъ и въ отношеніи аксессуаровъ есть пѣсни и сказки древнихъ

Кельтовъ, принадлежавшія отчасти къ миѳологической, отчасти къ героической поэзіи. На первое время она нашла себѣ не много приверженцевъ: Вальтеръ Скотъ, Делярю и вышеупомянутый Полэнъ Пари. Противная сторона была сильна, какъ числомъ такъ и значеніемъ своихъ сочленовъ: Райнуаръ, Дону, всѣ редакторы Hist. Litt. de la France и т. д. даже знаменитый Дунлопъ. Казалось невѣроятнымъ, чтобы такой незначительный въ политикѣ, несчастный народъ произвелъ такое вліяніе на всѣ литературы Европы. Вопросъ былъ международный, и работы шли довольно усердно: французскіе ученые изслѣдовали романы французскіе и латинскія хроники, Англичане—поэзію Валлиса, а нѣмецкіе, принимая участіе во всемъ остальномъ, обработывали нѣмецкія передѣлки французскихъ сюжетовъ. Наконецъ около сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія 3 почти одновременные труда отъ ученыхъ 3-хъ странъ Европы, кажется, навсегда поставили дѣло на твердую почву.

Знаменитый изслѣдователь провансальской поэзіи Форіель, одинъ изъ противниковъ бретонской теоріи, высказалъ мнѣніе, что только точное и подробное изслѣдованіе остатковъ Валлійской поэзіи, малодоступныхъ по трудности языка, можетъ рѣшить вопросъ въ ту или другую сторону. Французское правительство рѣшилось принять къ свѣдѣнію его совѣтъ, и въ 1838 былъ посланъ въ Англію Виллемарке, сильно интересовавшійся этимъ вопросомъ. Его изслѣдованіе увѣнчалось успѣхомъ: онъ могъ теперь фактами поставить бретонскую теорію на твердую почву. Въ 1839 году ученое валлійское общество поставило задачу на премію: разъяснить вліяніе валлійской поэзіи на литературу другихъ народовъ Европы; въ слѣдующемъ 1840 г. на этотъ запросъ отвѣчалъ нѣмецкій ученый Санъ - Мартъ, уже прежде много работавшій надъ изученіемъ рыцарскихъ романовъ въ нѣмецкой передѣлкѣ, и въ 1841 г. появилась книга Вольфа; Über die Lais, Sequenzen und Leiche.

Около того же времени (1838—1848) англійская аристократка Шарлотта Гюэ издала въ свѣтъ такой памятникъ,

который на долго заставитъ призадуматься ученыхъ. Это была знаменитая Mabinogion или Красная книга. Красная книга составлялась, какъ предполагаютъ 1318—1454 года; въ нее вошли разнообразныя произведенія Валлійской литературы въ прозѣ и стихахъ; въ числѣ первыхъ есть нѣсколько бретонскихъ сказокъ, замѣчательно сходныхъ по содержанію съ нѣкоторыми романами о рыцаряхъ Артура; сходство до того разительно, что его нельзя объяснить ни случайностью, ни единствомъ источниковъ; необходимо предположить заимствованіе; если, согласно съ Виллемарке, признать сказки Красной книги за подлинникъ романовъ де Труа, то дѣло будетъ значительно уяснено. Но колебаніе во мнѣніяхъ относительно этого предмета, и множество побочныхъ вопросовъ до сихъ поръ возбуждаютъ споры.

Согласно цѣли нашей книги, мы не предлагаемъ въ этой главѣ читателямъ никакихъ новыхъ взглядовъ; мы желали только познакомить людей читающихъ съ этой обширной отраслью европейской средневѣковой литературы, которою обусловливается все позднѣйшее развитіе поэзіи западной Европы, а слѣдовательно и искусственной русской. Но изложеніе памятниковъ безъ всякихъ объясненій мало сдѣлаетъ пользы; поэтому мы сочли необходимымъ обставить ихъ фактами и соображеніями, добытыми не нами и, по возможности, признанными всѣми на Западѣ.

Изслѣдованія о происхожденіи и доисторическихъ судьбахъ племенъ, возбуждая много толковъ и споровъ, обыкновенно не приводили ни къ какимъ результатамъ, пока изслѣдователи не обратились къ сравнительной грамматикѣ. Съ помощію этой, еще очень молодой науки, теперь можно сказать почти утвердительно, что Кельты принадлежатъ къ арійскому или индоевропейскому племени. Они покинули раньше Пелазговъ, Славянъ, Нѣмцевъ и Литовцевъ свою

азіатскую родину и заняли всю Западную Европу. Во время древней исторіи они не принимали никакого участія въ судьбахъ ея, и только черезъ завоевателей Римлянъ мы получаемъ объ нихъ первыя свѣдѣнія. Цезарь въ запискахъ о галльской войнѣ сообщаетъ объ Галлахъ много подробностей; но, покорившись однажды превосходству оружія Римлянъ, они скоро покорились и превосходству ихъ цивилизаціи: образованные классы приняли латинскій языкъ и римскій образъ жизни; въ первые вѣка христіанства, Римлянинъ, пріѣхавшій въ Южную Галлію считалъ себя дома: онъ находилъ здѣсь тѣже риторскія упражненія, поэтическія состязанія, школы, сословія, театры и бани; даже британскіе аристократы, потомки мужественныхъ противниковъ Цезаря, быстро забывали свою національность. Кельтская культура не дожила до того, чтобы нашелся ученый Римлянинъ, который успѣлъ бы составить подробное и многостороннее описаніе этого народа. Но Римъ палъ и народы германскіе сокрушили его цивилизацію въ племенахъ кельтическихъ; на нѣкоторое время Кельты одичали и снова сдѣлались Кельтами; однако не надолго: Германцы силою оружія принудили ихъ уступить свою территорію; Кельты отчасти смѣшались съ завоевателями, отчасти ушли на окрайны, чтобъ тамъ ревниво хранить свое національное сокровище. Такимъ образомъ свѣдѣнія объ нихъ очень ограниченны, а то, что узнаемъ мы отъ Римлянъ, какъ необыкновенное, естественно возбуждаетъ любопытство. Это новый, чрезвычайно интересный и почти неразгаданный міръ, исполненный поэзіи и глубоко сокрытой мистической философіи. Интересъ его тѣмъ сильнѣе, что вліяніе его на новую романскую и германскую цивилизацію не подлежитъ сомнѣнію. Въ особенности поэзія и связанная съ нею поэтическая миѳологія глубоко сокрыли свои корни у полумиѳическихъ друидовъ; мы видимъ множество воиновъ, выходящихъ изъ этого троянскаго коня, но не знаемъ, какъ они попали туда и много ли осталось ихъ тамъ. Все неизвѣстное, темное привлекаетъ человѣка;

интересъ еще болѣе увеличивается, если человѣкъ увѣренъ, что это неизвѣстное прекрасно; но что же дѣлать, когда нѣтъ фактовъ? тогда начинается длинный рядъ предположеній. Всѣ явленія средновѣковой духовной и даже политической жизни Кельтологи выводятъ отсюда: феи, великаны, карлики, всѣ сказочныя чудеса, Шекспировскія вѣдьмы и эльфы, символика въ наукѣ, благороднѣйшая сторона рыцарства, рыцари Круглаго стола, пѣвцы княжескіе и музыканты и т. д., все идетъ отъ Кельтовъ.

По Цезарю Кельты галльскіе имѣли развитую миѳологію, которая даже начала у нихъ разлагаться въ мистическую и темную философію; поэзія уже успѣла изъ рукъ народа перейти въ руки искусственныхъ пѣвцовъ. Всѣми духовными и многими ґражданскими дѣлами завѣдывало могучее сословіе жрецовъ—друиды. Они раздѣлялись на Сенановъ, Евбутовъ и Бардовъ, главное занятіе которыхъ составляла поэзія. Мудрость друидовъ главнымъ образомъ имѣла цѣлію познаніе природы какъ внѣшней, такъ и внутренней. Символизмъ составлялъ сущность ихъ ученія, которое они оберегали отъ глазъ постороннихъ; цыфра-3 (тріады) имѣла у нихъ особенное мистическое значеніе; тріада была формой стиха, въ которомъ передавалась философія и мораль; почтеніе къ Богу, забота о благѣ ближняго, сила въ треволненіяхъ жизни были высшими добродѣтелями человѣка; королевская власть, народное собраніе и правый судъ были 3 столба, поддерживающіе общество и т. д.; въ ихъ миѳологіи имѣли важное значеніе вѣщія женщины (matronae, матери Гете), хранительницы всякой мудрости, обратившіяся подъ вліяніемъ христіанства въ вѣдьмъ. Собственно о поэзіи бардовъ Цезарь, какъ практическій Римлянинъ, почти ничего не сообщаетъ.

Во время борьбы Цезаря съ сѣверными Галлами послѣднимъ подали помощь Кельты съ острова Британіи, и Цезарь, чтобы отмстить имъ, сдѣлалъ высадку на островъ, прогналъ враговъ съ берега, но не пошелъ внутрь страны. Эта помощь ясно доказываетъ родство Бриттовъ съ Гал-

лами, но не можетъ доказать, что Бритты стояли на такой же высокой точкѣ развитія; кажется, они были менѣе развиты, и въ ихъ миѳологіи и поэзіи еще не началось разложеніе. Цезарь не остановился въ Британіи; дѣла отозвали его назадъ; но Римляне не любили упускать удобнаго случая къ расширенію своей территоріи, и при Агриколѣ, современникѣ Домиціана, Британія была завоевана. Бритты скоро сжились съ своими побѣдителями, которые защищали ихъ отъ нападенія дикихъ Пиктовъ и Скоттовъ и учили ихъ удобствамъ жизни. Въ самомъ началѣ 5-го вѣка Римляне оставляютъ Британію, изъ которой ихъ вызываетъ близкая гибель отечества, и Бритты снова предоставлены собственной участи. Но теперь они уже не умѣютъ сами оборонить себя отъ сѣверныхъ варваровъ и въ 448 г. посылаютъ Римлянамъ (Аэцію) свое моленіе снова возвратиться къ нимъ, а въ 513 г. приглашаютъ явиться къ нимъ Саксовъ и Англовъ; извѣстно, чѣмъ это кончилось.

До сихъ поръ Кельты представляются народомъ развитымъ, умнымъ и поэтическимъ, но рѣшительно лишеннымъ внутренней силы и практическаго, активнаго героизма; теперь, въ борьбѣ съ наглыми завоевателями, которые хотѣли не только поставить свои гарнизоны, но хотѣли сжить прежнихъ владѣтелей, эта сила развивается, и у нихъ начинается героическая эпоха, которая всегда даетъ новый толчекъ поэзіи и изъ области лирики переноситъ ее въ область историческаго эпоса.

Начинается ожесточенная борьба, въ которой побѣда иногда клонится на сторону Бриттовъ; здѣсь отличаются ихъ многочисленные князья; барды, часто сами принадлежащіе къ княжескому сословію, вмѣстѣ и воины, и поэты, сопровождаютъ ихъ съ мечемъ и арфою въ походахъ, воспѣваютъ ихъ подвиги, сочиняютъ имъ посмертныя пѣсни и, какъ пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ, историческую поэзію украшаютъ миѳомъ. Отъ этихъ Бардовъ, отчасти современныхъ, отчасти послѣдующихъ, узнаемъ мы про Артура, храбраго героя и защитника своего отечества, жестоко раненаго въ

битвѣ съ Медродомъ; въ немъ нѣтъ еще ничего рыцарскаго; онъ одинъ изъ дикихъ вождей, храбрыхъ и жестокихъ; христіанство не произвело на него умягчающаго вліянія. Его жена Гвеннивара (по сказанію шотландскаго историка Кирхъ-Вуда) бѣжавшая отъ мужа, нашла себя убѣжище въ Шотландіи. Самый славный изъ Бардовъ Таліесинъ, жившій въ VI в., почти постоянно пребывалъ при королѣ Уріенѣ, которому и посвящены десять его пѣсенъ. Сынъ Уріена былъ Овенъ, имя котораго передѣлалось впослѣдствіи въ Ивейнъ. Современникомъ Таліесина и наслѣдникомъ Артуру былъ Маэль, избранный на престолъ въ 560 году, знаменитый своей храбростью и развратною жизнію. Въ пѣсняхъ бардовъ встрѣчается также имя Герена, смерть котораго воспѣвается однимъ изъ нихъ; его жена называется Энида, одна изъ знаменитѣйшихъ красавицъ острова. Сохранилась пѣсня, передающая разговоръ Тристана съ Гвальмаи, однимъ изъ слугъ Артура, согласная съ эпизодомъ позднѣйшаго романа. Въ числѣ британскихъ вождей есть Передуръ, имя котораго, по объясненію Кельтологовъ, происходитъ отъ *per*—чаша,—слово, равнозначащее французскому *graal*. Такимъ образомъ, почти всѣ имена дѣйствующихъ лицъ, разбираемыхъ нами романовъ, если вѣрить пѣснямъ бардовъ, есть имена историческія. Что касается до имени Мерлина, онъ встрѣчается въ формѣ Myrddhin; Мирдинъ былъ бардомъ Артура, оказавшимъ ему сильную помощь, и современникомъ Таліесина. Другой Мирдинъ также бардъ, жилъ позднѣе, и въ немъ то, вѣроятно, надо видѣть первообразъ дикаго Мирдина. Въ пѣсняхъ бардовъ, если вѣрить достовѣрности фактовъ, приводимыхъ Вилемарке, можно найти указаніе и на главнѣйшія чудеса, упоминаемыя въ рыцарскихъ романахъ. Такъ, сосудъ бардовъ, первообразъ Graal'я, объясняется изъ миѳологіи. Помѣщенный въ гротѣ волшебницы, онъ даетъ мудрость и силу тѣмъ, кто прикасается къ нему; онъ излѣчиваетъ смертныя раны, и только злымъ не подаетъ никакой помощи.

Упорная борьба Бриттовъ съ Саксами кончилась тѣмъ, что послѣдніе заняли всю Англію, оставивъ прежнимъ владѣтелямъ только бѣдный Валлисъ; но и тамъ побѣдители не давали имъ покоя; войны и пограничныя схватки не прекращались; онѣ способны были питать воинственный духъ, который еще болѣе возбуждался бардами. Цивилизація кельтическая отличается тѣмъ, что она не подчиняетъ себѣ грубой силы, ее сдавившей, но и сама не уступаетъ ей. Такъ и въ Валлисѣ Кельты остались вѣрны себѣ; носителемъ ихъ національности были тѣже барды, по прежнему пользовавшіеся большимъ почетомъ и болѣе прежняго организованные въ твердое сословіе. Предметъ ихъ пѣсенъ остается тотъ же: восхваленіе и прославленіе князей эпохи героической; но эти герои, какъ это бываетъ у всѣхъ народовъ въ извѣстную пору ихъ развитія, принимаютъ иной оттѣнокъ. Сага, лежащая въ основѣ пѣсни, украшается; христіанство все болѣе и болѣе проникающее жизнь, заставляетъ забыть о прежнихъ богахъ, за то герои дѣлаются богами. Король Артуръ привлекаетъ къ себѣ вниманіе болѣе всѣхъ другихъ и принимаетъ нѣкоторыя черты божества. Около него собираются другіе князья и становятся къ нему въ отношеніе подчиненное. Такимъ образомъ созидается цѣлый циклъ сказаній, которые, къ несчастію, не дошли до насъ; только отголоски ихъ слышимъ мы въ искуственной поэзіи бардовъ. Но не скаламъ дикаго Валлиса предназначено было сохранить и распространить эти саги. Народный эпосъ всегда лучше сохраняется въ той части племени, которая силою обстоятельствъ перенесена въ среду народовъ чуждыхъ.

Еще при Аэціи, страдая отъ нападеній варварскихъ Пиктовъ и Скоттовъ, Кельты часто покидали свою родину и уѣзжали въ гостепріимную Галлію, гдѣ находили ласковый пріемъ отъ своихъ единоплеменниковъ. Особенно переселенія усилились со времени нападенія Саксовъ. Угрюмый Валлисъ не могъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ жителей Англіи; а покориться дикимъ завоевателямъ, Кельты не хотѣ-

тѣли. Повальная болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ pestis flava, заставляетъ бѣжать въ Арморику новую толпу, такъ что наконецъ пришельцы дѣваются господствующимъ населеніемъ; они слагаются въ твердое государство, которое ведетъ войны съ сосѣдями. Дагобертъ, Пипинъ, Роландъ, графъ Гюи то управляютъ этой провинціей отъ короны французской, то выпускаютъ ее изъ рукъ. Съ ослабленіемъ Карловингской династіи и съ усиленіемъ феодализма во Франціи, Бретань пріобрѣтаетъ значеніе самостоятельнаго государства. Начало X вѣка есть эпоха начала его высшаго политическаго значенія. Въ 907 году Алайнъ одерживаетъ знаменитую побѣду надъ Норманнами. Въ то время, какъ Бритты англійскіе до конца XI в. ведутъ ожесточенную войну, въ Арморикѣ все спокойно. Древняя, дохристіанская цивилизація тихо и безъ борьбы сливается съ новой, принесенной извнѣ. Здѣсь-то поэтическое чувство Кельтовъ можетъ получить настоящее развитіе. Эти тихіе и кроткіе люди, болѣе жившіе въ области фантазіи, чѣмъ въ грязи практической жизни, давшіе впослѣдствіи Французамъ фантастическую дѣву-освободительницу, здѣсь, на новой почвѣ обставили себя феями и карликами, придали особенно идеально-поэтическій колоритъ христіанству и не забыли своихъ древнихъ героевъ, подъ знаменами которыхъ ихъ предки воевали противъ Саксовъ. Но здѣсь и Артуръ и его вѣрные сподвижники окончательно потеряли историческую вѣрность. Ихъ никогда не побѣждаютъ, а каждый изъ нихъ въ состояніи обратить въ бѣгство цѣлое войско враговъ. Король Артуръ живъ. Съ поля битвы раненый унесенъ онъ феей Морганой на островъ Авалонъ и тамъ излѣченъ отъ ранъ; «вѣра эта такъ сильна, что навѣрно ты будешъ побитъ камнями, если осмѣлишься отрицать это» говоритъ Аланъ (Alanus ab insulis); его сопровождаетъ волшебникъ Мерлинъ, про котораго существуютъ отдѣльныя сказанія. У Виллемарке напечатанъ переводъ одной баллады XII в., связанный съ его личностью: сынъ старой волшебницы, чтобы получить руку дочери короля, добываетъ, по

его приказанію арфу, кольцо и наконецъ самого Мерлина. Всѣ остальные герои бардовъ группируются около Артура и, согласно утвердившемуся феодальному порядку, становятся его вассалами; они бьются не по необходимости, не для защиты своего отечества, но для личной славы; они ищутъ приключеній, авантюровъ; они еще не вполнѣ сдѣлались рыцарями; религія мало затрогиваетъ ихъ и въ обращеніи съ дамами иногда видна прежняя грубость; но послѣднія уже имѣютъ сильное вліяніе на ихъ судьбу. Но въ поэзіи валлійскихъ бардовъ, которые все-таки же стояли ближе къ первоначальному источнику историческихъ сагъ, мы видѣли, что преданія объ историческихъ герояхъ были слишкомъ скудны, чтобъ дать матеріалъ для эпоса; это былъ только остовъ; откуда же Бретонцы взяли содержаніе которымъ бы они могли облечь этотъ остовъ въ человѣческія формы?

Въ народѣ, не смотря на распространившееся христіанство, еще живъ былъ богатый матеріалъ миѳологіи. Древніе миѳы, служившіе прежде складомъ всѣхъ вѣрованій, убѣжденій и знаній народа, теперь потеряли свой серьозный характеръ и перешли въ сказку, служащую больше для забавы; имена древнихъ боговъ были забыты, и вмѣсто нихъ выступали историческіе герои; естественный или нравственный смыслъ миѳовъ, разумѣется, затеривался безслѣдно, и вотъ передъ нами возникаетъ бретонская пѣснь или сказка, принадлежащая къ циклу Артура.

Эта поэзія, вѣроятно, распадалась на 2 вѣтви: 1-ая чисто народная, господствующей формой которой была сказка, едва ли выходившая за предѣлы Бретани, и 2-ая—полуискусственная, главнѣйшей формой ея была lais, пѣсня эпическаго характера; въ латинскихъ хроникахъ можно найти множество указаній на бретонскихъ пѣвцевъ, которые съ древнѣйшихъ временъ, отъ Меровинговъ, расхаживали по Франціи съ струнными инструментами, посѣщали дворы французскихъ королей и герцоговъ; чѣмъ болѣе смягчались нравы, тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность въ музыкѣ

и поэзіи, тѣмъ съ большимъ почетомъ принимали герцоги и бароны Бретонцевъ съ арфами. Невозможно думать, чтобы содержаніе ихъ пѣсенъ оставалось постоянно непонятнымъ, и только музыка плѣняла слушателей: пѣвцы, обходившіе Францію, вѣроятно, скоро усвоивали себѣ французскій языкъ, который и на родинѣ ихъ въ высшихъ классахъ былъ нѣсколько знакомъ, и могли, если не переводить пѣсню стихами, то прежде разсказать ея содержаніе. А между тѣмъ, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда историческихъ фактовъ, новые взгляды, долженствовавшіе, поставить Артура на новый пьедесталъ, все сильнѣй и сильнѣй проникали во Францію; наконецъ рыцарство явилось господствующимъ направленіемъ общества.

Но прежде чѣмъ говорить о томъ вліяніи, которое новые взгляды произвели на Артура и его героевъ, обратимся снова въ Англію и посмотримъ, какъ записывались интересующія насъ сказанія. Языкомъ литературнымъ былъ латинскій, слѣдовательно намъ предстоитъ заняться латинскими источниками романовъ Круглаго стола. Трудно опредѣлить съ достовѣрностью время, когда впервые между Кельтами появляется христіанство; но кажется, не подлежитъ сомнѣнію что оно раньше дѣлается ихъ народнымъ достояніемъ, чѣмъ у многихъ народовъ Германіи. Какъ нашъ Несторъ начинаетъ исторію русскаго христіанства съ Андрея Первозваннаго, такъ кельтскіе христіане думали, что Іосифъ Аримаѳейскій занесъ къ нимъ ученіе Христа; объ немъ рано составилась легенда, не дошедшая до насъ въ первоначальной чистотѣ. Кельтская церковь стояла отдѣльно отъ Рима, и папы относились къ ней скорѣй враждебно, чѣмъ сочувственно. Тѣмъ не менѣе великій проводникъ христіанскаго образованія, латинскій языкъ, еще не успѣвшій заглохнуть окончательно со времени владычества римскаго, скоро сдѣлался языкомъ церковно литературнымъ. Когда и дикіе Саксы, благодаря стараніямъ римскихъ апостоловъ, начали принимать христіанство, эти 2 церкви относились другъ къ другу враждебно, и римскіе монахи возбуждали

своихъ духовныхъ сыновъ разрушать еретическіе монастыри; но общій языкъ и общіе догматы не могли не привести ихъ наконецъ къ единенію, и вся латинская литература острова имѣетъ нѣкоторую цѣлость. Изъ литературы хроникъ, и житій свв. и др. мы будемъ выбирать только то, что относится къ Артуру и его рыцарямъ.

Одинъ изъ плодовитѣйшихъ писателей Ненній, съ достовѣрностью относимый къ 9-му вѣку, авторъ многихъ житій, въ своей хроникѣ, которая вертится главнымъ образомъ на покореніи Британіи Саксами, много сообщаетъ намъ объ Артурѣ. Ненній болѣе лѣтописецъ, нежели фабулистъ и потому не выводитъ положительно Бриттовъ отъ Брута, римскаго, какъ его послѣдователи, но высказываетъ это, какъ одно изъ мнѣній. Онъ разсказываетъ о любви Вортигерна къ дочери Генгиста. Онъ ничего не знаетъ о Мерлинѣ, но то самое, что Готфридъ Монмоутъ (см. ниже) и романы разсказываютъ о Мерлинѣ, говоритъ онъ объ Авреліи Амброзіи, который для него есть сынъ римскаго консула; его сводитъ онъ съ Утеръ-Пендрагономъ; сынъ послѣдняго Артуръ, избираемый обыкновенно полководцемъ противъ Саксовъ, одерживаетъ надъ ними 12 побѣдъ. Здѣсь замѣтно, что народныя преданія имѣютъ на него вліяніе, но очень слабое, и это вліяніе парализуется вліяніемъ христіанства и нѣкоторыми понятіями рыцарства. Артуръ носитъ на щитѣ изображеніе Дѣвы Маріи и путешествуетъ въ Св. Землю; «мы обыкновенно помогаемъ несчастнымъ» говоритъ онъ своимъ спутникамъ. Ненній объясняетъ имя Артуръ; *Артуръ* значитъ *страшный медвѣдь* (Ar-thur = ursus horibilis), и тѣмъ даетъ указаніе, почему потомъ, когда Артуръ сдѣлался полубогомъ, созвѣздіе медвѣдицы называлось колесницей Артура.

Въ житіяхъ свв. есть указанія на то, что въ народѣ не изчезали преданія о древнихъ герояхъ. Въ житіи св. Кентеччрена есть свидѣтельство, что сказка объ Овенѣ (см. ниже) служила матеріаломъ для народныхъ разсказовъ. Въ Шотландской хроникѣ (Historia Scot. Joh. Ford.) приводится эпи-

тафія на мавзолеѣ Артура: «здѣсь лежитъ Артуръ, бывшій и будущій король.» Вильгельмъ Мальмесбюри смѣется надъ баснями Бретонцевъ (nugae Bretonum), но самъ разсказываетъ не только про Артура, котораго онъ напрасно силится очистить отъ сказочнаго характера, но и про его помощника Вальвена. Изъ словъ его можно заключить, что существовали въ его время какія-то не то валлійскія, не то бретонскія гесты (разсказы о подвигахъ—gestae) Артура. Въ тріадахъ, которыя напрасно патріотами валлійскими, только на основаніи числа 3, лежавшаго, какъ мы видѣли выше, въ основѣ мудрости друидовъ, причисляются къ очень древнимъ памятникамъ, собранныхъ монахомъ Ланкарваномъ (умеръ до 1150 г.), много разъ упоминается про Артура. Тріады раздѣляются на философскія и историческія; число 3 вездѣ играетъ главную роль; напр. онѣ считаютъ 3 основы генія: божій даръ, упражненіе и обстоятельства жизни; въ исторической части подтверждаются факты, упоминаемые бардами. Артуръ, принявшій нѣсколько миѳическій оттѣнокъ, становится центромъ. Всѣ лица, окружающія его въ романахъ, даже тѣ, которыхъ мы не находили въ позднѣйшихъ бретонскихъ сказкахъ являются и здѣсь: Тристанъ въ числѣ 3-хъ непобѣдимыхъ героевъ, Эссильта (Изольда въ романахъ) въ числѣ 3-хъ красавицъ и 3-хъ невѣрныхъ женъ вмѣстѣ съ Гвенниварой, женой Артура; Энида въ числѣ 3-хъ вѣрныхъ женъ; мужъ ея Геренъ въ числѣ героевъ. Здѣсь упоминается про войну Артура съ Маэлемъ, но безъ обозначенія причины этой войны, и какъ и у бардовъ дѣйствуютъ 2 Мерлина, потерявшіе часть своей исторической вѣрности. Въ тоже время въ кельтскомъ духовенствѣ возникаетъ и развивается христіанская легенда, въ послѣдствіи такъ странно слившаяся уже на чуждой французской почвѣ съ Артуромъ и его героями. Подъ 720 г. въ знаменитой энциклопедіи Среднихъ вѣковъ Винценція Бове сказано: «въ это время въ Британіи нѣкоторому отшельнику чрезъ ангела явлено было удивительное видѣніе... объ той чашѣ или блюдѣ (de catino illo vel paropside),

въ которой совершалъ вечерю съ учениками Господь; объ ней тѣмъ же отшельникомъ написана исторія, называемая «de Gradali.» Безъ сомнѣнія книга была латинская, и апостолъ Кельтовъ, Іосифъ Аримаѳейскій игралъ въ ней значительную роль, какъ это мы увидимъ изъ французскаго романа.

Между тѣмъ политическое положеніе Англіи сильно успѣло измѣниться; въ 1066 г. на ея берега высадился норманскій герцогъ Вильгельмъ, пришедшій требовать отъ англосаксонскаго короля обѣщаннаго ему Эдуардомъ наслѣдства; въ его войскѣ, говорятъ, было много Бретонцевъ; они съ радостію шли отмщать тѣмъ, которые отняли когда-то у нихъ родину.

Битва при Гастингсѣ сразу рѣшила судьбу войны. Нѣтъ сомнѣнія, что Кельты валлійскіе были скорѣе обрадованы, нежели опечалены этимъ происшествіемъ; старые ихъ враги, съ которыми они никогда не могли помириться окончательно, покорены чуждымъ народомъ. Норманскіе завоеватели, какъ люди ловкіе, старались по возможности стать въ дружественныя отношенія съ естественными врагами ихъ враговъ. Скоро Норманны обжились на новой почвѣ, сдѣлались туземцами и стали интересоваться древнѣйшими преданіями *своей* страны; скоро увидали они, что самыя лучшія поэтическо-историческія преданія имъ уже извѣстны; дома, отъ бретонскихъ жонглеровъ слыхали они про Артура, Тристана и Мерлина. Естественно, ихъ любопытство было еще болѣе усилено этимъ обстоятельствомъ, и вотъ валлійскія преданія получаютъ новую литературную жизнь.

На дальнѣйшую судьбу Артура и его рыцарей болѣе всѣхъ другихъ памятниковъ имѣетъ вліяніе хроника Готфрида Монмоута, жившаго около половины XII в.. Не смотря на то, что она, болѣе всѣхъ другихъ памятниковъ, подвергалась изслѣдованію, происхожденіе ея и отношеніе къ французской литературѣ остается по прежнему темными. Въ началѣ авторъ удивляется, что Гильдасъ и Беда (2 лѣтописца: одинъ бриттскій, а другой англосаксонскій), ничего

не говорятъ о брттиттскихъ короляхъ, бывшихъ до Р. Х., а также умалчиваютъ и объ Артурѣ и др. знаменитыхъ короляхъ: «когда я много разъ думалъ объ этомъ, Вальтеръ, оксфордскій архидіаконъ, мужъ весьма ученый, далъ мнѣ одну весьма старую книгу на бриттскомъ языкѣ (quendam brittanici sermonis librum vetustissimum), которая, начиная съ Брута, перваго короля Бриттовъ, до Кадвалладра, сына Кадваллонова, послѣдовательно и весьма изящнымъ языкомъ излагала дѣянія всѣхъ (королей). По его просьбѣ, я озаботился переводомъ ея на латинскій языкъ, не собирая украшенныхъ словъ въ чужихъ садахъ, но довольный своимъ грубымъ стилемъ». Далѣе онъ обращается къ Роберту, герцогу Глочестерскому (dux Claudicestriae), прося его исправить его произведеніе. Потомъ онъ разсказываетъ, какъ послѣ Энея, основавшаго царство въ Италіи, вступилъ на престолъ его сынъ Асканій. У него былъ сынъ Брутъ, который имѣлъ несчастіе застрѣлить на охотѣ своего отца. Онъ бѣжалъ въ Грецію, собралъ вокругъ себя разсѣянныхъ Троянцевъ и освободилъ ихъ отъ греческаго ига. Брутъ побѣдилъ греческаго короля Пандраза и его брата Антигона и женился на дочери Пандраза Игнонѣ. Онъ спрашиваетъ Діану, гдѣ основать ему королевство; богиня указываетъ ему на островъ за Галліей. Въ 30 дней достигаетъ онъ Африки, объѣзжаетъ столбы Геркулеса, убиваетъ короля Аквитанскаго Гоффарія и гостепріимно принятъ 12 королями Галліи. Наконецъ пріѣзжаетъ онъ къ *Альбіону*, обитаемому великанами. Брутъ основываетъ Триновантъ (Troja nova, впослѣдствіи Lud, Londunum, Лондонъ). Это случилось во времена Энея Сильвія, когда въ Іудеѣ управлялъ первосвященникъ Илья. Отъ Брута земля назвалась Британіей, а народъ Бриттами. Далѣе идетъ исторія бриттскихъ королей. Часто Готфридъ указываетъ на источники и всегда на мелкія подробности дѣйствія, особенно на мѣстности. Готфридъ упоминаетъ про войну Бриттовъ съ Цезаремъ, и въ ней появляется извѣстный изъ Оссіана Каравзіусъ; далѣе разсказываетъ о нападеніи Генгиста и Гор-

зы. Гиберы, Скотты, Норвежцы и Даны нападаютъ на Британію, но въ правленіе Белина и Бренна Бритты завоевываютъ Галлію, Римъ и даже Германію. Генгистъ лишаетъ престола короля Вортигерна, несправедливо захватившаго его; тотъ сзываетъ своихъ маговъ, которые совѣтуютъ ему выстроить башню; но что выстроятъ въ одинъ день, падаетъ на другой въ бездонную пропасть. Маги совѣтуютъ найти ребенка, рожденнаго безъ отца, оросить его кровью камни, а самого его бросить въ пропасть (извѣстное народное повѣрье о необходимости человѣческой жертвы для прочности зданія). Послѣ долгихъ поисковъ находятъ Мерлина, сына королевы Деметіи; его мать утверждаетъ передъ королемъ, что она не знала мужа, только наединѣ явился ей невидимо какой-то прекрасный юноша, и отъ него зачала она. Мудрецъ Мауганцій объясняетъ, что неизвѣстный былъ демонъ incubus, изъ числа живущихъ между небомъ и землей полулюдей и полуангеловъ, способныхъ принимать человѣческую форму. Мерлинъ объявляетъ, что не его кровь необходима для укрѣпленія фундамента башни, но подъ нимъ есть озеро; его то долженъ спустить король, и тамъ въ 2-хъ пещерахъ найдетъ онъ 2-хъ спящихъ драконовъ. Вся VII книга наполнена предсказаніями Мерлина; Гальфредъ самъ напоминаетъ, что эти пророчества не имѣютъ ничего общаго съ той книгой, которой онъ пользовался прежде, и составляютъ самостоятельный трудъ. Когда было спущено озеро, показались сражающіеся бѣлый и красный драконы. Мерлинъ объясняетъ, что бѣлый драконъ означаетъ Саксовъ, которыхъ призвалъ Вортигернъ, а красный Бриттовъ. Затѣмъ начинаются собственно предсказанія о дальнѣйшей судьбѣ Англіи съ намеками на современныя обстоятельства.

Чѣмъ болѣе приближается разсказъ къ Артуру, тѣмъ живѣе становится онъ. Uter Pendragon (Uter capux draconis), взошедшій на престолъ послѣ свержения Вортигерна, влюбляется въ Игерну, жену Горлоиса Корнубійскаго. Тотъ Раздраженный уходитъ отъ двора и приготовляется къ вой-

нѣ. Въ это время Мерлинъ даетъ Утеру возможность проникнуть къ Игернѣ, превращая на время его въ Горлоиса. Игерна зачала отъ Утера знаменитаго Артура, а по смерти мужа вышла за Утера замужъ. Въ это время изъ Германіи являются Окта и Эоза, и Утеръ умираетъ, отравленный Саксами. На 15 году Артуръ уже коронованъ архіепископомъ Дубриціемъ; онъ разбиваетъ Саксовъ и Нѣмцевъ и прогоняетъ ихъ съ острова, отнявъ всю добычу. Но они нарушаютъ клятву, опустошаютъ снова берега, и Артуръ долженъ выступить противъ нихъ. Артуръ вооружается своимъ мечемъ Калибурномъ, который сдѣланъ на островѣ Авалонѣ, копьемъ Рономъ и щитомъ Привеномъ съ изображеніемъ св. Дѣвы Маріи; Артуръ одинъ въ битвѣ убиваетъ 470 человѣкъ. Наконецъ онъ одерживаетъ полную побѣду и возстановляетъ въ ихъ должностяхъ 3-хъ братьевъ: Лота, Урьяна и Аугусела. Лотъ женится на сестрѣ Аврелія Амвросія (который у Неннія замѣняетъ Мерлина), и родитъ отъ нея Валганна (Walgannus—Gwalchmai—Gauvain) и Модреда (племянникъ Артура по романамъ). Потомъ Артуръ завоевываетъ Гибернію, Исландію и Оркады. Скоро слава его распространяется по всѣмъ окрестнымъ странамъ; всѣ лучшіе мужи вооружаются по образцу воиновъ Артура. Артуръ завоевываетъ Норвегію для Лота, идетъ въ Галлію, въ которой тогда начальствовалъ римскій трибунъ Флолло, въ рыцарскомъ поединкѣ побѣждаетъ его и овладѣваетъ Гасконьею. Тогда Артуръ основываетъ свою резиденцію на Оскѣ (Ускъ въ Валлисѣ), строитъ тамъ дворцы и церкви, собираетъ 200 философовъ, которые по звѣздамъ предсказываютъ ему будущее. Потомъ происходитъ его торжественное коронованіе, при которомъ присутствуютъ 40 государей; начинается длинный рядъ пировъ и турнировъ въ присутствіи прелестныхъ дамъ. Тогда изъ Рима приходитъ письмо отъ Люція Тиверія, который объявляетъ Артуру войну; Артуръ выступаетъ въ походъ; подъ его знаменами 183,200 человѣкъ, кромѣ пѣхоты. Царство свое онъ оставляетъ племяннику Модреду и женѣ

Ганхумарѣ и садится на корабли. Въ стилѣ эпической поэмы разсказывается о его побѣдѣ надъ великаномъ и о битвѣ съ Римлянами; побѣдитель Артуръ возвращается назадъ и на дорогѣ получаетъ извѣстіе, что Модредъ овладѣлъ сердцемъ жены его и царствомъ. Артуръ разбиваетъ Модреда, Ганхумара бѣжитъ въ монастырь; происходитъ 2-я битва съ Модредомъ при Камбулѣ; почти всѣ начальники обѣихъ сторонъ пали; самъ Артуръ раненъ на смерть и для излѣченія отвезенъ на островъ Авалонъ, гдѣ онъ и умираетъ 542 г., а Константинъ восходитъ на тронъ Британіи. Галфредъ (Готтфридъ) въ концѣ говоритъ, что исторію слѣдующихъ королей бриттскихъ онъ оставляетъ Карадоку Ланкарванскому, а саксонскую исторію Вильгельму Мальмесбюри и Генриху Хонтендоненскому и снова подтверждаетъ слова свои о книжкѣ, данной ему Вальтеромъ.

Книга Гальфреда произвела очень сильное впечатлѣніе на публику; сей часъ же во множествѣ списковъ разошлась она по Англіи, Франціи и Бретани; авторъ ея былъ сдѣланъ епископомъ, и къ его имени прибавили прозвище: *Артусъ*; но духовенство отнеслось къ ней вдаждебно; очень характеристиченъ разсказъ о томъ, какъ эта книга, положенная на грудь бѣсноватому, отъ котораго передъ тѣмъ бѣсы были отогнаны евангеліемъ, снова еще въ большемъ количествѣ привлекла бѣсовъ. Очень скоро появились нападки на книгу за пустоту ея содержанія и обличенія автора во лжи по поводу какой-то бретонской книги. Гальфредъ выдумалъ все это самъ, объявлялъ Вильгельмъ Малый въ 1200 г.; тоже говоритъ въ 19 в. и Авг. Вильгельмъ Шлегель и др.

Едвали возможно думать, что Готфридъ *перевелъ* (въ современномъ значеніи этого слова) какую нибудь бретонскую книгу, потому что едвали такая книга могла существовать; въ его хроникѣ слишкомъ ясно вліяніе книжной учености и классическихъ преданій; содержаніе ея при первомъ чтеніи производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто здѣсь соединены 3 совершенно различные элемента: остатки клас-

сической мудрости, народныя саги Бретонцевъ и англійскія хроники монаховъ; всѣ элементы соединены въ одно цѣлое подъ перомъ монаха, одареннаго живымъ воображеніемъ и не очень совѣстливаго на счетъ подкрашиванія событій. Трудно съ другой стороны предположить также и то, чтобы Готфридъ рѣшительно солгалъ на счетъ книги на бретонскомъ языкѣ, данной ему архидіакономъ, хотя въ средніе вѣка у фабулистовъ часто было въ обычаѣ ссылаться на несуществующіе источники: книга, какъ было сказано выше, быстро распространилась и безъ сомнѣнія дошла до Вальтера Оксфордскаго. Слѣдовательно, надо предположить комплотъ между этими 2-мя лицами, въ которомъ отчасти участвовалъ и Робертъ Глостеръ; хотя въ средніе вѣка ссылались на вымышленные источники, но никогда на живыхъ людей; наконецъ Готфридъ потому не лгалъ, что преданія разсказываемыя имъ про Артура и Мерлина, вполнѣ сходны въ общихъ чертахъ съ народными легендами, жившими тогда между Бриттами и всѣмъ извѣстными по пѣснямъ бретонскихъ пѣвцевъ; а это, между прочимъ, доказывается и необыкновеннымъ интересомъ, который возбудила книга. Возможны 2 предположенія: или Готфридъ, имѣя подъ руками бретонскую книгу, изъ которой черпалъ сказанія о предкахъ Артура и о немъ самомъ, добавлялъ ее, въ особенности въ началѣ, изъ собственнаго воображенія; или онъ былъ тоже буквальнымъ переводчикомъ бретонской книги, составленный другимъ клерикомъ изъ народныхъ преданій и собственныхъ вымысловъ, пріуроченныхъ къ классическимъ именамъ. Оба эти предположенія въ сущности сводятся къ одному: хроника Монмоута состоитъ изъ народныхъ сказаній, добавленныхъ грамотникомъ; имя этого грамотника, мѣсто и время его жизни не могутъ возбудить особеннаго интереса. Въ настоящее время указываютъ на книгу, которая легла въ основу хроники Готфрида. Это Brut y Brennhined, что по Виллемарке значитъ *легенда о короляхъ*, приписываемая обыкновенно св. Тисиліо и составленная въ Бретани. Къ несчастію, не зная

ни одного изслѣдованія объ ней, мы не могли удовлетворить относительно ея своему любопытству.

Какъ бы то ни было, хроника распространялась, оживила въ памяти и, что всего важнѣе, санкціонировала латинскимъ языкомъ и именемъ автора «вздорные вымыслы Бретонцевъ» (nugae Bretonum).

Тотъ же Готфридъ послѣ хроники сочинилъ латинскую поэму въ стихахъ о Мерлинѣ (Vita Merlini). Въ предисловіи онъ посвящаетъ книгу Роберту, епископу Линкольнскому, намекая, что прежній епископъ неблагосклонно отнесся къ его труду (vatemque tueri Auspicio meliore velis, quam fecerit alter, cui modo succedis.—) Поэма написана имъ не за долго до смерти, какъ это видно изъ заключенія:

«Вы, Британцы, коронуйте Готфрида Монмоута: онъ вашъ, потому что когда-то воспѣлъ битвы ваши и вашихъ вождей и написалъ книжку, которая теперь славна по всему свѣту, подъ именемъ Гестъ Бриттскихъ.» Въ главныхъ фактахъ книга сходна съ хроникой, но главный герой Мерлинъ въ характерѣ здѣсь не имѣетъ ничего общаго съ Мерлиномъ хроники: здѣсь дѣйствуетъ такъ называемый лѣсной Мерлинъ (Merlinus Silvester).

Мерлинъ потерялъ разсудокъ вслѣдствіе битвы, въ которой онъ видѣлъ гибель многихъ храбрыхъ; ему тяжело жить въ городахъ и онъ, чтобы скрыться отъ глазъ всѣхъ, уходитъ въ глубь лѣса каледонскаго. Его сестра, королева Ганіеда посылаетъ слугъ искать его; одинъ изъ нихъ замѣчаетъ его сидящимъ на краю фонтана и заставляетъ его придти въ себя именемъ Гвендолены (жены его) и музыкой. Мерлинъ возвращается, но шумъ городовъ погружаетъ его снова въ меланхолію, и онъ желаетъ снова уйти въ рощу. Ни слезы жены, ни просьбы сестры не могутъ удержать его; его сковываютъ, онъ плачетъ и просится въ лѣсъ; вдругъ, замѣтивъ, какъ мужъ снимаетъ листочекъ съ головы Ганіеды, онъ разражается хохотомъ; только подъ условіемъ свободы объясняетъ онъ его причину: этотъ листочекъ доказываетъ невѣрность Ганіеды. Ганіеда увѣряетъ всѣхъ, что

Мерлинъ рѣшительно сошелъ съ ума, и ему нельзя ни въ чемъ вѣрить. Уходя, Мерлинъ говоритъ, что возвратится онъ въ день сватьбы Гвендолены. Однажды по звѣздамъ узналъ онъ, что сватьба готова совершиться; онъ собираетъ стадо дикихъ козъ и сернъ и, сидя на большомъ оленѣ, подъѣзжаетъ къ дворцу. Женихъ, увидавъ изъ окна эту процессію, громко расхохотался, а раздраженный этимъ Мерлинъ, отломивъ рогъ оленя, бросилъ ему въ голову и убилъ его на мѣстѣ. Послѣ этого онъ хотѣлъ уѣхать, не его поймали и привели во дворецъ. Король, желая развлечь его, водитъ его по площадямъ и базарамъ. Увидѣвъ нищаго, просящаго милостыню у хорошо одѣтаго человѣка, онъ разражается смѣхомъ; также вызываетъ его веселость и человѣкъ, покупающій себѣ башмаки по-крѣпче. Онъ объясняетъ причину смѣха, подъ условіемъ полученія свободы: нищій гораздо богаче того, у кого онъ проситъ, потому что подъ ногами его находится огромный кладъ, а покупающій башмаки на нѣсколько лѣтъ, умретъ черезъ нѣсколько часовъ. Этотъ эпизодъ замѣчательно близокъ къ разсказу очень извѣстнаго въ древней Руси апокрифа: о Соломонѣ и Китоврасѣ. Китоврасъ, тоже живущій въ пустынѣ и не любящій городовъ, также знающій будущее и настоящее, смѣется именно по такому же поводу; сходство не подлежитъ сомнѣнію, и случайностью его объяснить не возможно; необходимо предположить единство источниковъ, потому что заимствованіе непосредственное немыслимо; но какіе это источники? какъ переходили они? вопросы, доселѣ не разрѣшенные.

Мерлинъ снова уходитъ въ лѣсъ, приказываетъ тамъ построить себѣ домъ съ 70 дверями и 70 окнами и оттуда изрекаетъ свои пророчества. Въ это время является къ нему Талгіесинъ, разсказывающій, что онъ оставилъ Артура у Морганы, которая излѣчиваетъ его раны, и поселяется вмѣстѣ съ нимъ. Они видятъ сумасшедшаго, и Мерлинъ разсказываетъ, по какому поводу онъ сошелъ съ ума: однажды Мерлинъ съ нѣсколькими спутниками нашелъ много пре-

красныхъ яблокъ; Мерлинъ роздалъ ихъ почти всѣ; другія смѣялись надъ его щедростью; но скоро всѣ взбѣсились и разбѣжались: эти волшебныя яблоки были назначены для Мерлина одной женщиной, любовь которой онъ отвергъ. Сумасшедшаго излѣчиваетъ Мерлинъ, и тотъ вмѣстѣ съ Талгіесиномъ и Ганіедой, которая сдѣлалась мудра почти также, какъ ея братъ, уходитъ вглубь лѣса.

Хотя въ концѣ поэмы авторъ ясно говоритъ о себѣ, невольно является сомнѣніе въ подлинности ея. Краски такъ роскошны, такъ мало историческаго и такъ много фантастическаго, что невольно хочется поставить ее въ болѣе позднее время, послѣ романовъ *). Или надо предположить, что въ продолженіи жизни Монмоута отъ хроники до поэмы о жизни Мерлина развитіе сюжетовъ разбираемыхъ нами преданій значительно ушло впередъ. Но извѣстный знатокъ старофранцузской литературы Полэнъ Парисъ доказываетъ, что нѣтъ никакихъ основаній не вѣрить поэмѣ, и объясненія разницы тона должны мы искать только въ отличіи между прозой и поэзіей. Авторъ позволялъ себѣ здѣсь украшать, можетъ быть, весьма скудное преданіе и вноситъ сюда эпизоды, чуждые бриттскимъ поэтамъ. Какъ бы то ни было, жизнь Мерлина сдѣлалась извѣстною немного развѣ менѣе, чѣмъ хроника Готфрида, и легла въ основу позднѣйшихъ французскихъ романовъ. Романисты изъ 2-хъ Мерлиновъ, которыхъ еще не вполнѣ соединяетъ Монмоутъ, окончательно сдѣлали одного и въ романы о немъ включали, значительно распространяя, какъ то, что встрѣчали въ хроникахъ Неннія и Монмоута, такъ и то, что находили въ поэмѣ. Такимъ образомъ бардъ (или, лучше сказать, 2 барда кэмбрійскіе) сдѣлался сыномъ демона, помощникомъ Артура и всезнающимъ волшебникомъ. Говоря о прозаическихъ романахъ, мы снова встрѣтимся съ нимъ.

Хроника, жизнь Мерлина и другіе, недошедшіе до насъ латинскіе памятники послужили матеріаломъ для романовъ,

---

*) Замѣчателенъ намекъ на нѣмецкій миѳъ о Виландѣ.

Къ серединѣ 12-го вѣка во Франціи рыцарство достигаетъ своего полнаго развитія; къ древнимъ идеаламъ храбрости, дикой удали и честныхъ отношеній къ врагамъ и друзьямъ, присоединяются новые: идеалъ вѣжливости (courtoisie), поклоненія дамамъ и служенія Богу оружіемъ. Какъ это сдѣлалось, въ чемъ это проявилось, говорить объ этомъ не входитъ въ нашу программу: это вопросъ чисто историческій; мы посмотримъ, какъ это отразилось въ литературѣ. Французы имѣли въ это время обширную эпическую литературу, героемъ который былъ Карлъ Великій и его паладины; chansons de gestes, распѣваемыя по всѣмъ селамъ и городамъ Франціи бродячими пѣвцами, въ началѣ потѣшали и простой народъ и дворянство; они все росли и распространялись, захватывая въ своемъ теченіи всѣ мѣстныя преданія; этотъ эпическій матеріалъ измѣнялся, соотвѣтственно времени, въ подробностяхъ: Карлъ по мѣрѣ усиленія феодализма все болѣе и болѣе уступалъ мѣсто непокорнымъ вассаламъ, терялъ свое величіе и становился вздорнымъ и несправедливымъ старикомъ; но характеръ этого эпоса оставался все тотъ же суровый и строго воинственный; какъ эпосъ чисто національный, онъ изображалъ грубость дѣйствительной жизни, и пока эта грубость не казалась грубостью, всѣ довольствовались имъ. Но когда измѣнилась жизнь высшаго класса, сейчасъ же должны были измѣниться и идеалы еще сильнѣе, чѣмъ жизнь, потому что сущность рыцарства былъ высокій, недостижимый религіозно-нравственный идеалъ. Съ его началомъ высшій классъ не только въ образѣ жизни, но и въ понятіяхъ рѣзко отдѣляется отъ низшаго. Баронъ не рыцарь только не пахалъ, какъ его вилланъ, сытѣе и лучше ѣлъ и пилъ, но также понималъ христіанство только съ внѣшней стороны, также былъ въ сущности идолопоклонникомъ и также ругался и колотилъ свою жену; но рыцарь дрался не изъ за добычи, а изъ за славы; любезничалъ съ дамами и считалъ своею обязанностью отправляться въ далекую Палестину, бросая домъ и имѣніе. Измѣненіе понятій должно было отразиться

и въ эпосѣ, служащемъ носителемъ идеаловъ; долженъ былъ измѣниться если не матеріалъ, то способъ его обработки. Но Карлъ и его паладины, какъ сокровище народное, не могли совершенно преобразиться въ учтивыхъ и изящныхъ рыцарей; поэтому удобнѣе было искать пригодныхъ для обработки сюжетовъ гдѣ нибудь внѣ родины; что же могло быть лучше разсказовъ о рыцаряхъ Артура? Ихъ только слегка надо было выполировать, заставить больше молиться и влюбляться, а латинскіе хроникеры уже заставили ихъ драться на турнирахъ и мечтать о красавицахъ.

Первая обработка бретонской саги появляется при дворахъ Норманно-англійскихъ королей; Норманны на новой землѣ давно уже потеряли свою грубость, но не потеряли своей храбрости, страсти къ сильнымъ движеніямъ, къ приключеніямъ и любви къ поэзіи; познакомившись съ храбрымъ Артуромъ, у Готфрида они, естественно, должны были пожелать имѣть о немъ поэму на родномъ языкѣ и вотъ въ 1155 г. появляется Брутъ Англійскій.

Робертъ Васъ (Wace, Vace, Vaice, Gace, Gasse, Uistace; всѣ эти имена Плюке, издатель Roman de Rou, считаетъ сокращеніе Eustache), его авторъ, родился въ началѣ XII вѣка на островѣ Джерсеѣ и умеръ въ Англіи въ 1184 году. Онъ учился въ Каэнѣ, гдѣ въ то время были знаменитыя школы и послѣ долгаго пребыванія въ государствахъ, подчиненныхъ королю французскому, онъ возвратился туда, гдѣ обыкновенно пребывалъ съ своимъ дворомъ Генрихъ I. Въ 1160 году онъ кончилъ свой roman de Rou (стихотворная хроника Нормандіи) и посвятилъ его Генриху II, который наградилъ его за то богатой пребендой; ею онъ и пользовался въ продолженіи 19 лѣтъ. Онъ жилъ при 3-хъ Генрихахъ, короляхъ Англіи и герцогахъ Норманскихъ; восхваляя ихъ за щедрость, онъ все же жалуется на то, что ему было больше обѣщано. Le Brut d'Angleterre есть одно изъ раннихъ его твореній. Въ основѣ Брута Васа, безъ сомнѣнія, лежитъ хроника Монмоута. Годъ ея сочиненія и имя автора ясно обозначены въ концѣ книги.

Pois ke Dex incarnation
Prist por nostre rédemption.
M. C. L. et. cinq anz
Fist mestre Wace cest romanz.

Артуръ происходитъ на свѣтъ посредствомъ такого же чуда, совершаетъ тѣже подвиги, также покоряетъ множество земель и истребляетъ великановъ. Христіанскій рыцарскій элементъ видѣнъ нѣсколько болѣе: онъ вооруженъ щитомъ, съ изображеніемъ Дѣвы Маріи (par honor et par remembrance, объясняетъ Васъ) и его военный крикъ есть «да поможетъ Богъ и св. Марія!» Кромѣ того есть очень важное для насъ прибавленіе: перечисливъ главныхъ героевъ его двора, Васъ говоритъ: для нихъ то онъ сдѣлалъ *круглый столъ*, о которомъ Бретонцы разсказываютъ много басенъ».

Fist Arthur *la roonde table*
Dont Bretons dient mainte fables.

Это мѣсто важно въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ здѣсь въ первый разъ упоминается про круглый столъ, и во 2-хъ авторъ ссылается на какія то сказки Бретонцевъ (или Бриттовъ вообще). Какое значеніе имѣетъ этотъ круглый столъ, давшій имя обширному циклу романовъ, опредѣлить довольно трудно. Посидоній говоритъ о Галлахъ, что у нихъ былъ обычай на праздникахъ пировать за круглымъ столомъ и тутъ же производить военныя игры, но, кажется, онъ не придаетъ никакого особеннаго значенія тому обстоятельству, что столъ былъ именно круглый. Позднѣйшіе романы объ Артурѣ мало занимаются этимъ столомъ, но говорятъ однако объ основаніи ордена Круглаго Стола; ясно, что понятіе объ орденѣ и аллегорическое объясненіе формы стола посредствомъ идеи равенства героевъ могло возникнуть только впослѣдствіи. Можетъ быть этотъ столъ не имѣетъ никакого особеннаго значенія, и какъ наши кіевскія былины начинаются съ описанія пира Владиміра, который прерывается какимъ нибудь происшествіемъ, такъ

и здѣсь въ началѣ романа часто всѣ пируютъ за круглымъ столомъ. Форма же его, можетъ быть, просто объясняется кельтскимъ случайнымъ обычаемъ.

Что касается до бретонскихъ басенъ, о которыхъ упоминаетъ Васъ, теперь многіе считаютъ ихъ найденными въ знаменитой Красной книгѣ. До ея появленія на свѣтъ, съ достовѣрностью можно было сказать, что Брутъ Васа или хроника Монмоута легли въ основу всѣхъ романовъ Круглаго стола; что сѣверно-французскіе труверы, взявъ оттуда основной сюжетъ, фантазировали какъ имъ было угодно; къ Артуру они присоединили потомъ совершенно своевольно христіанскую легенду о Гралѣ, появившуюся въ 8-мъ вѣкѣ на латинскомъ языкѣ (см. выше). Страннымъ могло казаться только одно: какъ въ романахъ появляются имена героевъ, которыхъ нѣтъ у Монмоута и которыя однако встрѣчаются въ пѣсняхъ бардовъ? Объ Красной книгѣ Гергеста издательница говоритъ въ предисловіи: «Манускриптъ находится въ библіотекѣ Іезуитской коллегіи въ Оксфордѣ и состоитъ изъ 720 страницъ въ двойныхъ колоннахъ. Здѣсь заключается знаменитое собраніе Мабиногіевъ (mabinogi = juvenile instruction, юношеское наставленіе). Нѣкоторые, подобно здѣсь изданнымъ, имѣютъ характеръ рыцарскихъ романовъ, а другіе, какъ по дѣйствующимъ лицамъ, такъ и по языку, носятъ печать болѣе глубокой древности. Въ концѣ книги есть нѣсколько стихотвореній, носящихъ имя Левиса Глина Коти, жившаго въ концѣ 15 вѣка; на основаніи этого можно бы предположить, что вся рукопись написана имъ; но вѣроятнѣе, что надъ ней трудилось много писцовъ, какъ это часто бывало въ то время». Леди Гюэстъ издала съ переводомъ на первый разъ 3 сказки о рыцаряхъ Артура: Передуръ, Рыцарь Сокола и Овенъ или Брециліанскій фонтанъ Скоро появились ихъ переводы на французскій (Виллемарке) и нѣмецкій (Сенъ Мартъ) языки. Эти валлійскія сказки, которыя издательница посвятила своимъ дѣтямъ, до того сходны съ рыцарскими романами французскихъ поэтовъ, что необходимо предположить съ

которой нибудь стороны заимствованіе: или у французскихъ труверовъ надо отнять честь авторства и считать ихъ только передѣлывателями и подражателями валлійскихъ сказокъ и за то приписать имъ знаніе если не валлійскаго, то покрайней мѣрѣ бретонскаго нарѣчія; или счесть эти сказки за передѣлки французскихъ романовъ. Съ перваго взгляда послѣднее кажется вѣроятнѣй: трудно предположить, чтобы нѣсколько французскихъ романистовъ, пользовавшихся необыкновенною славою у современниковъ и потомства, и въ особенности Кретьенъ де Труа, безсовѣстно обворовывали убогихъ Кельтовъ и нигдѣ, ни единымъ словомъ не указали на свой источникъ; правда они иногда ссылаются на lais Bretons, но въ самыхъ общихъ выраженіяхъ; правда, тогда переводчикъ, а иногда и переписчикъ считался авторомъ, но все же надо было бы ожидать какого нибудь указанія. Вѣроятнѣе, что Валліецъ, которому попалъ въ руки французскій романъ въ подлинникѣ или англійскомъ переводѣ, найдя тамъ имена, ему близко и хорошо знакомыя, рѣшился передать на родномъ языкѣ содержаніе романа. Но этому предположенію противорѣчитъ во 1-хъ тѣ обстоятельства, что какъ имена, такъ и главныя черты характера героевъ Красной книги болѣе имѣютъ сходства съ пѣснями бардовъ, чѣмъ съ французскими романами, а во 2-хъ (и это самое важное) въ сказкахъ изображается эпоха болѣе ранняя, рыцарство любовное и христіанское только въ зародышѣ, и сказки свободны отъ многихъ позднѣйшихъ прибавокъ, вошедшихъ рано въ романъ. Въ этомъ отношеніи онѣ чрезвычайно удобно помѣщаются, какъ переходная ступень отъ бардовъ и тріадъ къ романамъ. Возможно 3-е среднее предположеніе: и валлійскіе сказочники и французскіе романисты имѣли подъ руками общій источникъ (пресловутые lais bretons?); но нѣтъ фактовъ, его подтверждающихъ.

Какъ бы то ни было, сказки Красной книги есть памятникъ чрезвычайно интересный, и въ нихъ разсказы о рыцаряхъ Артура являются въ болѣе чистомъ и простомъ

видѣ. Поэтому мы считаемъ не лишнимъ привести 1 сказку въ подробномъ, а 2 другія въ краткомъ изложеніи, чтобы имѣть возможность прослѣдить за ихъ развитіемъ у другихъ народовъ и въ другія эпохи.

Передуръ или волшебный фонтанъ.

Графъ Еврокъ былъ владѣтелемъ графства на сѣверѣ; онъ имѣлъ семерыхъ сыновей и жилъ не столько своими доходами, сколько тѣмъ, что добывалъ на турнирахъ, сраженіяхъ и военныхъ экспедиціяхъ.—

Седьмаго сына, самаго младшаго, звали Передуромъ; онъ еще былъ слишкомъ молодъ, чтобъ участвовать въ войнахъ и сраженіяхъ; иначе былъ бы убитъ, какъ его отецъ и братья.

Его мать была женщина очень благоразумная, полная заботливости о своемъ единственномъ сынѣ и состояніи. Она рѣшилась промѣнять свѣтъ на уединеніе и пустыню; ее сопровождали только женщины, дѣти и люди слабые, которые ничего не смыслили въ войнѣ.

И никто не смѣлъ ни владѣть оружіемъ, ни править лошадьми при ея сынѣ: такъ боялась она, что онъ можетъ этому научиться.

Однажды онъ увидалъ двухъ оленицъ близь стада своей матери и въ своей простотѣ очень удивился, что онѣ безъ рогъ, видя что всѣ козы въ стадѣ съ рогами; поэтому онъ вообразилъ, что онѣ домашнія козы, заблудившіяся на нѣкоторое время въ лѣсу и, такимъ образомъ, лишившіяся рогъ; онъ ихъ погналъ съ стадомъ въ стойло и пришелъ къ своей матери.

«Мать моя, сказалъ онъ, я видѣлъ очень странное происшествіе. Двѣ изъ твоихъ козъ, отставшія отъ дому, одичали въ лѣсу и въ это время лишились рогъ своихъ; и мнѣ стоило страшныхъ усилій присоединить ихъ къ стаду.

Тутъ прибѣжали люди изъ дома и, увидя оленицъ, очень удивились.

II.

Случилось однажды, что на проѣзжей дорогѣ, вдоль лѣса, проѣзжали верхомъ трое рыцарей; воины эти были: Гвальмаи, сынъ Гіара, Генеиръ Гвестель и Овенъ, сынъ Уріена. Овенъ отыскивалъ рыцаря, который одѣлялъ яблоками при дворѣ Артура.

— Мать, спросилъ Передуръ: кто эти?

«Это ангелы, сынъ мой, отвѣчала она.

— Ей Богу, сказалъ Передуръ: хочу быть ангеломъ, какъ они.

И Передуръ отправился за ними и догналъ ихъ.

«Скажи мнѣ, душа моя, спросилъ Овенъ: не видалъ ли ты здѣсь вчера или нынче проѣзжавшаго рыцаря?

— Я не знаю, отвѣчалъ Передуръ, что такое рыцарь.

«Человѣкъ, какъ я, отвѣчалъ Овенъ.

— Если ты отвѣтишь мнѣ на вопросъ, который я тебѣ сдѣлаю, то я отвѣчу тебѣ на твой.

«Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ Овенъ.

— Что это такое? спросилъ Передуръ, показывая на сѣдло.

«Это сѣдло, сказалъ Овенъ.

Тогда Передуръ сталъ его распрашивать подробно о лошадяхъ и всѣхъ частяхъ рыцарскаго вооруженія и о способѣ ихъ употребленія. И когда Овенъ ему все показалъ и все растолковалъ:

— Ступай дальше, сказалъ ему Передуръ: я видѣлъ человѣка, схожаго съ тѣмъ, котораго ты ищешь; я послѣдую за тобой.

Тогда Передуръ возвратился къ матери и къ слугамъ и сказалъ.

«Мать, это не были ангелы, но почтенные рыцари.

При этихъ словахъ мать упала, какъ мертвая. А Передуръ отправился въ конюшню, гдѣ находились лошади, которыя возили дрова и съѣстные припасы изъ города въ эти пустынныя мѣста; взялъ тощую, гнѣдую лошадь, лучшую

изъ всѣхъ, сдѣлалъ себѣ сѣдломъ мѣшки и сбрую изъ согнутыхъ сучьевъ; потомъ возвратился къ матери.

Дама между тѣмъ уже пришла въ себя.

— Какъ, мой сынъ, воскликнула она: развѣ ты хочешь уйти?

«Да, съ вашего позволенія, мать моя.

— Въ такомъ случаѣ, я тебѣ дамъ нѣсколько совѣтовъ передъ отъѣздомъ.

«Хорошо, но только поскорѣй.

— И такъ, сынъ мой, отправляйся ко двору Аркура, гдѣ находятся самые лучшіе, великодушные и храбрые выцари. Если ты увидишь церковь, читай молитвы. Если ты захочешь пить и ѣсть и увидишь кушанье и питье, и никто не будетъ такъ любезенъ, чтобы тебѣ предложить, пользуйся самъ. Если ты услышишь стонущій голосъ, спѣши къ нему на помощь, въ особенности, если это голосъ женщины. Если ты найдешь прекрасный бриллiантъ, возьми его и дари: такимъ образомъ ты заслужишь похвалу. Если ты увидишь хорошенькую женщину, ухаживай за ней, даже не дожидаясь ея позволенія: такимъ образомъ ты сдѣлаешься лучше и заслужишь больше уваженія.

Когда она кончила говорить, Передуръ сѣлъ на лошадь и, взявъ въ руку горсть дротиковъ съ тонкимъ (выточеннымъ) остріемъ уѣхалъ.

III.

Проскитавшись два дня и двѣ ночи по пустынямъ и лѣсамъ не ѣвши, не пивши, Передуръ въѣхавъ въ густой лѣсъ; въ лѣсу увидалъ онъ прогалину, а посреди ея палатку; онъ принялъ ее за церковь и началъ читать молитвы. Онъ отправился къ палаткѣ, дверь которой была отворена, а около двери было золотое кресло, а на креслѣ этомъ сидѣла прекрасная молодая женщина съ темнорусыми волосами; на головѣ у нея былъ обручъ съ драгоцѣнными каменьями; на пальцѣ золотое кольцо.

Передуръ сошелъ съ лошади и вошелъ въ палатку. Молодая женщина, увидя его, обрадовалась и поклонилась ему. А внутри палатки онъ увидѣлъ: двѣ бутылки вина, два бѣлыхъ хлѣба и нѣсколько кусковъ свинины.

— Мать моя, началъ Передуръ, мнѣ совѣтывала ѣсть и пить всегда, гдѣ только представится случай.

«Ѣшь, сколько душѣ угодно, молодой начальникъ, и будь милымъ гостемъ.

Передуръ съѣлъ половину кушанья, опорожнилъ одну бутылку вина, а другую оставилъ молодой дѣвушкѣ.

Когда онъ кончилъ ѣсть, онъ всталъ передъ ней на колѣни.

— Мать мнѣ сказала, что вездѣ, гдѣ найду драгоцѣнную вещь, я могу ее взять.

«Бери, сердце мое, отвѣтила молодая женщина. Передуръ взялъ кольцо молодой женщины, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ дальше.

Вскорѣ возвратился рыцарь, которому принадлежала палатка. Это былъ владѣтель—этого лѣса; онъ замѣтилъ слѣды лошади и сказалъ молодой женщинѣ; «кто здѣсь былъ во время моего отъѣзда?»

— Человѣкъ съ очень странными манерами, отвѣтила она.

И она обрисовала ему Передура, разсказавъ все, что произошло.

— Скажи мнѣ, не повиненъ ли онъ въ какой нибудь обидѣ противъ тебя?

«Нѣтъ, по истинѣ, отвѣтила молодая женщина; онъ меня не оскорбилъ.

— Я тебѣ не вѣрю и покуда я его не встрѣчу и не отомщу ему за нанесенную мнѣ обиду, не вымещу на немъ всего гнѣва, ты не проведешь и двухъ ночей подъ одной кровлей. Послѣ этихъ словъ рыцарь всталъ и пустился въ погоню.

IV.

Въ это время Передуръ отправился ко двору Артура.

Передъ его отъѣздомъ, туда прибылъ другой рыцарь и, давъ очень цѣнное кольцо сторожу, чтобъ онъ посмотрѣлъ за его лошадью, вошелъ въ залу, гдѣ собрались Артуръ съ своимъ дворомъ и Гвеннивара съ своими дамами; и въ то время, какъ молодой служитель подносилъ Гвенниварѣ золотую чашу, онъ плеснулъ напитокъ изъ нея въ лицо королевѣ и ей на колѣни и далъ ей сильную пощечину, говоря:—Если кто осмѣлится оспаривать у меня эту чашу и отмститъ за обиду, нанесенную Гвенниварѣ, то пусть онъ слѣдуетъ на лугъ; я его буду ждать.

Послѣ этого онъ сѣлъ на лошадь и отправился на лугъ.

Всѣ придворные понурили головы, боясь, чтобъ ихъ не попросили отомстить за оскорбленіе, нанесенное Гвенниварѣ, потому что они воображали, что на это рѣшиться могъ развѣ только человѣкъ, одаренный волшебной силой, которая бы охраняла его отъ опасности преслѣдованія.

Вдругъ является Передуръ верхомъ на своей тощей гнѣдой лошади въ своемъ странномъ вооруженіи и входитъ въ залу.

Посреди залы стоялъ Кай.

— Скажи мнѣ великій человѣкъ, началъ Передуръ: гдѣ Артуръ?

«Что тебѣ надо отъ него? спросилъ Кай.

— Моя мать велѣла мнѣ явиться къ Артуру, чтобы онъ меня посвятилъ въ рыцари.

«Но, по чести! отвѣтилъ Кай; ты вооруженъ слишкомъ на легкѣ.

Въ это время всѣ обратили взоры свои на Передура и глядѣли на него насмѣшливо. Вдругъ явился карликъ: онъ уже провелъ съ карлицей, своей женой, цѣлый годъ при дворѣ Артура, куда онъ явился, чтобъ просить защиты у короля, которая и была ему оказана; и въ продолженіи цѣ-

лаго года ни онъ, ни жена его не сказали ни съ кѣмъ ни слова. Взглянувъ на Передура,

— А! да хранитъ тебя Богъ, воскликнулъ онъ, прекрасный Передуръ, сынъ Еврока, начальникъ воиновъ и цвѣтъ всего рыцарства!

— Что! вскричалъ Кай: ты былъ на столько невѣжливъ, что провелъ цѣлый годъ при дворѣ Артура, не говоря ни слова, хотя тебѣ и было съ кѣмъ говорить; а теперь, въ присутствіи самого Артура и его домашнихъ, ты развязалъ себѣ языкъ, чтобы провозглашать это существо главою воиновъ и цвѣтомъ всего рыцарства.

И онъ ударилъ его такъ сильно кулакомъ по уху, что карликъ упалъ безъ памяти.

Послѣ того карлица воскликнула:

— А! а! прекрасный Передуръ, сынъ Еврока, да хранитъ тебя Богъ, цвѣтъ воиновъ и свѣтъ рыцарства!

— Какъ, женщина! сказалъ Кай; ты на столько дурно воспитана, что была нѣма цѣлый годъ при дворѣ Артура, а теперь открываешь ротъ свой, чтобъ хвалить такого человѣка!

И онъ такъ толкнулъ ее ногой, что она ударилась объ полъ.

— Великій человѣкъ, сказалъ Передуръ, покажи же мнѣ Артура; гдѣ онъ?

— Замолчи! отвѣчалъ Кай: бѣги на поле за рыцаремъ, который только что вышелъ отсюда, возьми у него чашу, побѣди его, завладѣй его лошадью и оружіемъ и потомъ ужъ ты будешь посвященъ въ рыцари.

— Я иду, великій человѣкъ, сказалъ Передуръ. И поворотившись, онъ вышелъ и отправился на поле.

V.

Когда Передуръ въѣхалъ на лугъ, рыцарь ѣздилъ шагомъ взадъ и впередъ, гордясь своей силою, храбростью и успѣхомъ.

— Скажи мнѣ, спросилъ рыцарь, ты никого не видалъ, кто бы меня искалъ?

— Великій человѣкъ оттуда, отвѣчалъ Передуръ, предложилъ мнѣ съ тобою драться, отнять у тебя чашу и завладѣть твоею лошадью и твоимъ оружіемъ.

— Замолчи, возразилъ рыцарь: возвратись ко двору и скажи отъ меня Артуру, чтобъ онъ пришелъ самъ или прислалъ кого нибудь другаго, чтобъ меня побѣдить; да поскорѣй, а то я не долго еще буду ждать здѣсь.

— Божусь! сказалъ Передуръ: хочешь ты, или нѣтъ я буду имѣть твою лошадь, твое оружіе и чашу.

Рыцарь, услыша эти слова, бросился на него съ яростію и сильно ударилъ его копьемъ между шей и плечемъ.

— Чертъ возьми! сказалъ Передуръ: служители моей матери не играли со мной въ подобныя игры; но такъ и быть, я принимаю вызовъ!

И онъ ударилъ его острымъ концемъ дротика, который попалъ ему въ глазъ и вышелъ черезъ затылокъ; потомъ онъ убилъ его до смерти.

VI.

— Ты дурно поступилъ, говорилъ между тѣмъ Овенъ, сынъ Уріена Каю: ты не хорошо сдѣлалъ, что послалъ этого дурака преслѣдовать рыцаря, потому что изъ двухъ одно: или онъ будетъ побѣжденъ, или убитъ. Въ первомъ случаѣ рыцарь будетъ хвастаться, что побѣдилъ одного изъ лучшихъ воиновъ этого двора, что будетъ для Артура и его рыцарей вѣчнымъ безчестіемъ; въ другомъ случаѣ безчестіе будетъ тоже; и кромѣ того несчастный будетъ наказанъ за свою неосторожность. Пойду посмотрѣть, что случилось.

Овенъ отправился на лугъ и засталъ Передура, стаскивающаго латы съ воина.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ Овенъ.

— Никакъ не могу сладить—снять эту желѣзную одежду, сказалъ Передуръ: вотъ ужъ сколько времени напрасно тружусь.

Овенъ помогъ ему снять оружіе и одежду съ рыцаря и сказалъ:

— Вотъ, милый другъ, лошадь и вооруженіе получше, чѣмъ у тебя; возьми все и пойдемъ со мной къ Артуру; онъ посвятитъ тебя въ рыцари, — ты достоинъ имъ быть.

— Еслибъ я могъ лучше никогда не показывать туда своего лица, сказалъ Передуръ; отнеси эту чашу къ Гвенниварѣ и скажи Артуру, что куда бы я ни пошелъ, я всегда останусь вѣрнымъ его вассаломъ и буду служить ему всѣ службы, на которыя способенъ; и что я не возвращусь къ его двору, прежде чѣмъ не сражусь съ великимъ человѣкомъ, который тамъ находится, и не отомщу за обиду, нанесенную карлиру и карлицѣ.

И Овенъ возвратился ко двору, исполнивъ всѣ возложенныя на него порученія и передалъ Каю угрозу Передура.

VII.

И Передуръ поѣхалъ дальше. Вдругъ на встрѣчу ему рыцарь.

— Откуда ты ѣдешь? спросилъ его рыцарь.

— Отъ двора Артура, отвѣтилъ Передуръ.

— Не изъ его ли ты вассаловъ?

— Да.

— Ужъ хорошо вассальство у Артура!

— Зачѣмъ ты такъ говоришь? спросилъ Передуръ.

— Узнаешь, отвѣтилъ тотъ: я всегда ненавидѣлъ Артура и никогда не дрался ни съ однимъ изъ его рыцарей, не сразивъ его.

Не теряя времени на разговоры, они стали драться, и Передуръ не замедлилъ выбить его изъ сѣдла и свалить его назадъ черезъ лошадь.

Рыцарь попросилъ помилованія.

— Я тебя помилую, сказалъ Передуръ, но съ тѣмъ чтобъ ты мнѣ поклялся отправиться къ Артуру и сказать ему, что я побѣдилъ тебя, чтобъ ему сдѣлать честь, и что я возвращусь къ его двору, когда отомщу за карла и карлицу.

Рыцарь обѣщалъ. Онъ отправился ко двору, гдѣ сдержалъ слово и передалъ угрозу Каю.

Передуръ, между тѣмъ, продолжалъ путь, и въ продолженіе недѣли онъ дрался съ 16-ю рыцарями; всѣхъ ихъ побѣдилъ и послалъ ко двору Артура съ тѣмъ же самымъ порученіемъ, которое далъ первому рыцарю и съ тою же угрозою для Кая, что навлекло на Кая неудовольствіе Артура.

VIII.

Передуръ продолжалъ путь; онъ въѣхалъ въ огромный дремучій лѣсъ, на краю котораго было съ одной стороны озеро, а съ другой—прекрасный замокъ; а на берегу озера сидѣлъ на атласной подушкѣ почтенный старикъ съ бѣлыми волосами, одѣтый въ атласное платье, между тѣмъ какъ люди, его сопровождавшіе, удили рыбу въ озерѣ. Когда старикъ съ бѣлыми волосами увидалъ Передура, онъ всталъ и направился къ замку; старикъ этотъ хромалъ. Передуръ вошелъ черезъ открытую дверь замка въ залу, гдѣ старикъ сидѣлъ на подушкѣ передъ огнемъ, а домашніе и все общество встали, чтобъ привѣтствовать Передура и снять съ него оружіе.

Старикъ пригласилъ молодаго человѣка сѣсть съ собою на подушку. Передуръ сѣлъ; они стали разговаривать. Когда насталъ часъ обѣда, накрыли столъ, и они сѣли за столъ.

Послѣ обѣда старикъ спросилъ Передура, умѣетъ ли онъ драться на шпагахъ.

— Не пробовалъ, сказалъ Передуръ: но если меня выучатъ, то съумѣю.

— Кто умѣетъ играть палкою и щитомъ, сказалъ старикъ, тотъ съумѣетъ и владѣть шпагой.

У старика было два сына, одинъ съ бѣлокурыми, другой съ каштановыми волосами.

— Встаньте, дѣти, и поиграйте палкой и щитомъ.

И они стали играть палкой.

— Скажи мнѣ, милый мой, спросилъ старикъ Передура: который изъ обоихъ молодыхъ людей тебѣ кажется болѣе сильнымъ и искуснымъ въ игрѣ.

— Мнѣ кажется, отвѣтилъ Передуръ, что молодой человѣкъ съ бѣлокурыми волосами могъ бы, еслибъ захотѣлъ, повыжать крови изъ другаго.

— Въ свою очередь, мой милый, возьми палку и щитъ изъ рукъ молодаго человѣка съ темными волосами и повытяни, если можешь, крови у бѣлокураго.

Передуръ всталъ и началъ драться съ бѣлокурымъ юношей и, поднявъ руку, онъ нанесъ ему такую рану, что потекла кровь.

— Хорошо, мой милый, сказалъ старикъ: садись опять возлѣ меня, ты будешь когда нибудь первымъ бойцемъ изъ всѣхъ на этомъ островѣ. — Я твой дядя, братъ твоей матери. Ты останешься у меня нѣсколько времени, чтобъ получить понятіе объ обычаяхъ разныхъ народовъ, научиться вѣжливости, учтивости и хорошимъ манерамъ. Забудь слова и наставленія своей матери; я позабочусь о твоемъ воспитаніи и сдѣлаю тебя рыцаремъ. Отнынѣ ты будешь вести себя такъ. Если увидишь что-нибудь, что тебя удивитъ, не спрашивай объясненій, если никто не вздумаетъ тебѣ ихъ давать; пусть вина не падетъ на тебя, а на меня, такъ какъ я твой учитель.—

IX.

На разсвѣтѣ Передуръ всталъ, сѣлъ на лошадь и, простившись съ дядей, уѣхалъ. И въѣхалъ онъ въ огромный уединенный лѣсъ, на концѣ котораго находился лугъ, а съ одной стороны луга большой зàмокъ. Онъ направился къ нему, нашелъ дверь растворенною и подошелъ къ залѣ, гдѣ

увидалъ благороднаго старика съ бѣлыми волосами, сидящаго въ углу залы и окруженнаго многими молодыми служителями, которые встали, чтобъ его встрѣтить и отдать ему честь. За обѣдомъ они посадили Передура рядомъ съ почтеннымъ старикомъ. И когда они напились и наѣлись вдоволь, старикъ спросилъ Передура, умѣетъ ли онъ драться на шпагахъ.

— Когда меня выучатъ, я думаю, что буду умѣть, отвѣтилъ Передуръ.

Въ залѣ же находился огромный желѣзный крюкъ, придѣланный къ полу, такой, что только воинъ могъ его охватить.

— Возьми эту шпагу, сказалъ старикъ Передуръ и ударь по желѣзному крюку.

Передуръ всталъ и ударилъ съ такою силою, что крюкъ разлетѣлся на двое, какъ и шпага.

— Возьми части и соедини ихъ. Онъ исполнилъ это.

Онъ во второй разъ ударилъ съ такою силой по желѣзному крюку, что тотъ разлетѣлся на двое, какъ и шпага; и опять онъ спаялъ ихъ, какъ въ первый разъ. И ударилъ онъ въ третій разъ, но не могъ ужъ болѣе соединить крюка и шпаги.

— Дитя, сказалъ тогда старикъ, садясь возлѣ меня, я тебя благословлю: ты лучше владѣешь шпагой, чѣмъ кто либо изъ воиновъ этого государства. У тебя развились двѣ трети твоей силы, но еще осталась одна; когда ты будешь въ полной силѣ, никто не будетъ въ состояніи вступать въ борьбу съ тобой. Я твой дядя, братъ твоей матери и братъ того старика, у котораго ты провелъ послѣднюю ночь.

Передуръ и его дядя бесѣдовали другъ съ другомъ, когда увидѣли вошедшихъ въ залу двухъ молодыхъ людей; у нихъ было въ рукахъ копье необычайной величины, съ острія котораго капнули три капли крови.

Когда присутствующіе увидали это, они начали плакать и горевать; но старикъ все продолжалъ разговаривать съ Передуромъ, и такъ какъ онъ самъ не сказывалъ ему причину всего происходящаго, то Передуръ не смѣлъ спрашивать.

Когда крики немного стихли, вошли двѣ молодыя дѣвушки съ сосудомъ, гдѣ плавала въ крови человѣческая голова.

Тогда всѣ подняли такой вопль, что нельзя было его слышать безъ содроганія, и наконецъ всѣ затихли. — Когда настало время спать, Передура привели въ прекрасную комнату.—

X.

На другой день Передуръ простился съ дядей и уѣхалъ.

И онъ въѣхалъ въ лѣсъ и услышалъ издали стоны и увидѣлъ прекрасную женщину съ темными волосами, передъ ней осѣдланную лошадь и возлѣ нея трупъ; какъ она ни силилась втащить трупъ на лошадь, онъ все упадалъ опять, а она отчаявалась.—

— Скажи мнѣ, сестра моя, спросилъ Передуръ: о чемъ ты плачешь?

— Что тебѣ за дѣло? проклятый Передуръ. Жалѣлъ ли ты меня когда нибудь?

— А почему же я проклятый? спросилъ Передуръ.

— Потому что ты причина смерти своей матери. Когда ты ее оставилъ противъ ея воли, она предалась такому горю, что умерла; вотъ почему ты отлученный отъ церкви. А карликъ и карлица, которыхъ ты видѣлъ при дворѣ Артура,—добрые геніи твоего семейства. Я твоя молочная сестра; а этотъ былъ мой мужъ; онъ былъ убитъ рыцаремъ изъ этого лѣса. Ты смотри, берегись его, чтобъ онъ бы тебя тоже не убилъ.

— Сестра моя, отвѣтилъ Передуръ: ты мнѣ дѣлаешь несправедливые упреки, еслибъ я не жилъ такъ долго дома между вами, я бы его давно побѣдилъ, а еслибъ былъ еще съ вами, мнѣ бы и теперь трудно было его побѣдить. Перестань же плакать, это безполезно. Я похороню тѣло, послѣ чего пойду отыскивать рыцаря и посмотрю, могу ли я отомстить ему.

Похоронивши тѣло, они отправились на мѣсто, гдѣ былъ рыцарь; и они его нашли прогуливающимся гордо взадъ и впередъ по долинѣ. Онъ спросилъ Передура: откуда онъ?

— Я отъ двора Артура.

— Ты одинъ изъ вассаловъ его?

— Да, клянусь честью.

— Хороша, въ самомъ дѣлѣ, верховная власть Артура.

Тотчасъ они бросились другъ на друга, но Передуръ сразилъ рыцаря, и тотъ попросилъ помилованія.

— Я тебя помилую съ однимъ условіемъ, сказалъ Передуръ: ты женишься на этой женщинѣ и воздашь ей всю должную честь и уваженіе, котораго лишилъ ее, убивъ ея супруга безъ причины; потомъ отправишься ко двору Артура и скажи ему, что я побѣдилъ тебя въ честь и въ славу его и что я появлюсь въ замкѣ не прежде, какъ встрѣчусь съ великимъ человѣкомъ, тамъ находящимся и не отомщу за оскорбленіе, нанесенное карлу и карлицѣ.

Рыцарь согласился на условія: онъ снабдилъ даму лошадью и всѣмъ необходимымъ, взялъ ее съ собой ко двору Артура, разсказалъ ему о случившемся и передалъ вызовъ Каю. И Артуръ и всѣ его домашніе осуждали Кая за то, что онъ удалилъ отъ двора такого юношу, какъ Передуръ. Овенъ, сынъ Уріена, сказалъ тогда:

— Этотъ юноша возвратится ко двору только тогда, когда не будетъ Кая.

— Клянусь, сказалъ Артуръ, я объѣзжу всѣ пустыни Бретани до тѣхъ поръ, пока найду Передура и убѣжусь собственными глазами, кто изъ нихъ сильнѣе: онъ или Кай.

XI.

Передуръ продолжалъ путь. И въѣхалъ онъ въ уединенный лѣсъ, гдѣ не было видно ни звѣриныхъ, ни человѣческихъ слѣдовъ и гдѣ росли только кустарники и дикія растенія; и въ самой срединѣ лѣса увидѣлъ онъ огромный замокъ съ укрѣпленными башнями и, подошедъ къ двери,

гдѣ трава была еще выше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, онъ постучалъ своимъ копьемъ и увидѣлъ молодаго человѣка, исхудалаго, съ темными волосами, сторожившаго зубчатыя стѣны.

— Отворить тебѣ двери? спросилъ молодой человѣкъ; или доложить о тебѣ своимъ господамъ?

— Скажи, что я здѣсь, отвѣтилъ Передуръ: и если пожелаютъ, чтобъ я вошелъ, — я войду.

Молодой человѣкъ возвратился и отперъ двери Передуру. Войдя въ залу, Передуръ увидалъ 18 исхудалыхъ молодыхъ людей съ рыжими волосами; всѣ они были одинаковаго роста, лица, однихъ лѣтъ и носили одинаковую одежду съ тѣмъ, который отворялъ двери; они были любезны и вѣжливы, при входѣ его сняли съ него оружіе, потомъ сѣли разговаривать съ нимъ.

И вотъ изъ другой комнаты въ залу вошли 5 молодыхъ дѣвицъ; и Передуръ никогда не видалъ женщины, красивѣе ихъ госпожи. Она была одѣта въ старое атласное платье, когда-то великолѣпное, но теперь до того изношенное, что видно было тѣло, а кожа ея была прозрачнѣе полированнаго кристалла, брови и волосы чернѣе агата, а щеки ея ярче розы. Молодая дѣвушка ласково привѣтствовала Передура и, обвивъ одною рукою его шею, посадила его возлѣ себя. Черезъ нѣсколько времени вошли 2 монахини,— одна несла бутылку вина, а другая 6 бѣлыхъ хлѣбовъ.

— Сударыня, сказали онѣ, Богъ свидѣтель, что это послѣдній хлѣбъ и вино во всемъ монастырѣ.

Сѣли за столъ. Передуръ замѣтилъ, что молодая дѣвушка хотѣла его одѣлить лучше другихъ.

— Сестра моя, сказалъ Передуръ: я самъ буду раздавать хлѣбъ и вино.

— Нѣтъ, мое сердце, сказала она.

— Но я хочу.

Передуръ взялъ хлѣбъ, раздѣлилъ его по ровну между всѣми и также точно раздѣлилъ вино.

Когда настало время спать, ему приготовили комнату и онъ удалился.

— Сестра моя, сказалъ тогда молодой человѣкъ съ темными волосами самой прекрасной и знатной изъ дѣвицъ: мы должны тебѣ дать совѣтъ.

— Какой? спросила она.

— Отправиться къ рыцарю, въ верхнюю комнату, и предложить ему сдѣлаться его женой, его подругой, чѣмъ ему будетъ угодно.

— Это неприлично, сказала она. Я никогда не была подругою какого нибудь рыцаря, и сдѣлать ему предложеніе, прежде чѣмъ онъ самъ меня не попроситъ, я никакъ не рѣшусь.

— Ей Богу! если ты откажешься, мы тебя отдадимъ во власть непріятелей, и пусть они поступятъ съ тобой, какъ хотятъ.

Молодая дѣвушка уступила страху и, проливая слезы, направилась къ комнатѣ Передура. Рыцарь проснулся, услыхавъ шумъ. Молодая дѣвушка горевала и плакала.

— Скажи мнѣ, сестра моя, спросилъ Передуръ: о чемъ ты плачешь?

— Я тебѣ скажу, господинъ мой, отвѣтила она. Владѣнія эти принадлежали моему отцу, замокъ тоже былъ его. и кромѣ того онъ управлялъ лучшимъ графствомъ въ королевствѣ Случилось, что сынъ другаго графа хотѣлъ на мнѣ жениться; отецъ не хотѣлъ выдать меня противъ моей воли ни за него, ни за какого графа въ мірѣ. У отца моего не было дѣтей, кромѣ меня, и по смерти отца, земли эти перешли въ мое владѣніе. Я еще меньше, чѣмъ прежде, желала выйти за графа. Поэтому онъ мнѣ объявилъ войну и покорилъ всѣ мои владѣнія за исключеніемъ этого замка. И только благодаря храбрости людей, которыхъ ты видѣлъ, моихъ молочныхъ братьевъ, и крѣпости замка, онъ не могъ насъ взять, покуда у насъ были съѣстные припасы. Но теперь они истощились и, какъ ты видѣлъ, насъ кормили монахини: но наконецъ и у нихъ не хватаетъ

средствъ. Не далѣе, какъ завтра, графъ осадитъ этотъ замокъ; и если я попадусь ему въ руки, онъ меня выдастъ своимъ конюшимъ. И такъ, господинъ, я довѣряюсь тебѣ, чтобъ ты или защитилъ меня здѣсь, или спасъ и увезъ отсюда.

— Ступай, ложись спать, сестра моя, сказалъ Передуръ: я тебя не оставлю безъ помощи.

Молодая дѣвушка легла спать; на другой день она пришла привѣтствовать Передура.

— Да хранитъ тебя Богъ, мое сердце; что скажешь новаго?

— Только то, что графъ съ огромными силами у воротъ, и что я никогда не видала столько палатокъ и такой толпы рыцарей, готовящихся къ сраженію.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Передуръ: въ такомъ случаѣ вели осѣдлать мою лошадь.

Лошадь привели; онъ сѣлъ на нее и отправился на лугъ.

На лугу гордо разъѣзжалъ рыцарь, который подавалъ сигналъ къ осадѣ. Они сразились и Передуръ заставилъ его перескочить кувыркомъ назадъ черезъ лошадь. Въ сумеркахъ же явился одинъ изъ главныхъ рыцарей, чтобъ драться съ Передуромъ; и Передуръ также его заставилъ просить пощады.

— Кто ты? спросилъ Передуръ.

— Я, отвѣчалъ онъ, управляющій графскаго замка.

— А какая часть тебѣ принадлежитъ изъ имущества графини?

— Третья часть.

— Ну, сказалъ Передуръ: такъ отдай ей треть ея имѣнія и полученные проценты; и вели нынче вечеромъ отнести къ ней провизіи и вина на 100 человѣкъ и на 100 лошадей, да еще оружія; самъ же ты будешь плѣнникомъ графини, если она не потребуетъ твоей жизни.

Все это было тотчасъ исполнено. И эту ночь молодая дѣвушка была очень весела и провизіи у ней было вдоволь.

На слѣдующій день Передуръ опять отправился на лугъ; на этотъ разъ онъ побѣдилъ многихъ изъ арміи графа; къ вечеру же явился благородный, гордый рыцарь, и Передуръ его побѣдилъ, какъ и другихъ, и заставилъ просить пощады.

— Кто ты? спросилъ Передуръ.

— Я дворецкій графа.

— Какую долю получаешь ты изъ имѣнія графини?

— Третью.

— Такъ поди и отдай всю эту часть графинѣ и кромѣ того пришли ей пить и ѣсть на 200 человѣкъ и 200 лошадей, да еще оружія; самъ же ты будешь ея плѣннымъ.

Все тотчасъ было исполнено.

На третій день Передуръ снова выѣхалъ на лугъ. Въ этотъ разъ онъ побѣдилъ еще больше число воиновъ; къ вечеру явился предводитель, чтобъ драться съ нимъ, и Передуръ его сбилъ съ коня и заставилъ просить пощады.

— Кто ты? спросилъ Передуръ.

— Я самъ графъ, отвѣтилъ онъ: не скрою отъ тебя.

— Хорошо, сказалъ Передуръ: отдай владѣлицѣ замка ея графство, прибавь къ нему свое и кромѣ того пришли въ замокъ провизіи и вина на 300 человѣкъ и 300 лошадей и еще оружія.

Это было скоро исполнено.

И Передуръ пробылъ три недѣли въ этой сторонѣ, велѣлъ воздавать почести и платить дань графинѣ, и возстановилъ ея могущество.

— Если ты позволишь, сказалъ Передуръ: я теперь уѣду.

— Въ самомъ дѣлѣ, братъ мой, ты хочешь ѣхать?

— Да, и безъ любви моей къ тебѣ я бы не пробылъ столько времени здѣсь.

— Кто ты, мое сердце? спросила она.

— Я Передуръ, сынъ Еврока Сѣвернаго; если ты когда нибудь будешь въ опасности или бѣдѣ, дай мнѣ знать — я поспѣшу къ тебѣ на помощь.

XII.

Передуръ уѣхалъ. Черезъ нѣсколько времени его настигла дама. Дама эта ѣхала верхомъ на тощей, изнуренной отъ усталости лошади. Она поклонилась молодому человѣку.

— Откуда ты, сестра моя?

Она ему разсказала причину своего путешествія. Это была жена рыцаря лѣса.

— Ты видишь, отвѣчалъ онъ, что я рыцарь, причинившій тебѣ столько непріятностей; но тотъ, кто такъ дурно поступилъ съ тобой, сильно будетъ раскаяваться.

Въ это время къ Передуру приблизился воинъ и спросилъ, не видалъ ли онъ проѣзжавшаго рыцаря, котораго онъ ищетъ.

— Я, сказалъ Передуръ, тотъ, котораго ты ищешь. По чести, ты проступился противъ своего семейства, обидѣвъ такъ эту молодую женщину, потому что она невинна.

И они сразились, но боролись не долго: Передуръ сбилъ противника и заставилъ просить пощады.

— Я тебя помилую, сказалъ Передуръ: если ты возвратишься назадъ по той же дорогѣ, которой пріѣхалъ, и объявишь молодой женщинѣ, что ты ее считаешь невинной и будешь самъ о ней такого мнѣнія.

Рыцарь далъ клятву.

Передуръ продолжалъ путь; онъ увидалъ замокъ на возвышенномъ мѣстѣ, направился въ ту сторону и постучалъ копьемъ въ дверь; прекрасный молодой человѣкъ съ темными волосами отворилъ ее; по росту онъ казался юношей, по лѣтамъ былъ ребенокъ.

Когда Передуръ вошелъ въ залу, тамъ сидѣла въ креслѣ знатная дама, высокаго роста; она была окружена дѣвицами и очень обрадовалась, увидѣвъ его. Было время обѣда; сѣли за столъ.

Послѣ обѣда дама сказала:

— Лучше было бы для тебя, рыцарь, еслибъ ты отправился ночевать въ другое мѣсто.

— Отчего же я не могу ночевать здѣсь? спросилъ Передуръ.

— Въ этомъ зàмкѣ живутъ 9 колдуній, мое сердце; это колдуньи изъ Керлоё, съ ними ихъ отецъ и мать, и если мы не успѣемъ убѣжать до разсвѣта, мы пропали; уже они побѣдили и опустошили все государство за исключеніемъ этого жилища.

— Слушай, сказалъ Передуръ: я проведу здѣсь ночь, и если случится съ вами бѣда, я вамъ помогу, насколько буду въ силахъ и далеко не буду вамъ безполезенъ.

И они отправились спать.

На разсвѣтѣ Передуръ услыхалъ страшный крикъ. Онъ наскоро всталъ и, одѣвшись и взявъ шпагу, онъ вышелъ. Онъ увидалъ колдунью, нападающую на старца, который издавалъ страшные крики. Онъ бросился на колдунью и ударилъ ее съ такою силою по головѣ, что продавилъ, какъ тарелку, ея шлемъ съ перьями.

— Прости меня, Передуръ, прекрасный сынъ Еврока, и пусть Богъ меня также проститъ.

— Почему знаешь ты, что я Передуръ?

— Я знаю, потому что мнѣ открыто будущее; мнѣ предназначено терпѣть отъ тебя. Возьми мою лошадь и мое вооруженіе и пойдемъ со мной: я тебя научу рыцарству и научу владѣть оружіемъ.

Передуръ отвѣтилъ:

— Я тебя прощу, если ты поклянешься не причинять болѣе зла графинѣ.

Колдунья поклялась; и съ дозволенія графини онъ послѣдовалъ за ней въ зàмокъ, оставался тамъ три недѣли, выбралъ себѣ лошадь и оружіе и отправился путешествовать далѣе.

XIII.

Однажды утромъ онъ заѣхалъ въ долину; на краю долины увидѣлъ келью. Пустынникъ принялъ его ласково, и онъ провелъ у него ночь. На другой день онъ вышелъ и замѣтилъ, что за ночь выпало много снѣгу, а передъ оби-

телью увидалъ птицу убитую соколомъ, котораго спугнулъ шумъ лошади; воронъ бросился на птицу и сталъ клевать мясо. Передуръ остановился, сравнивая черноту ворона съ волосами своей милой, бѣлизну снѣга съ ея кожей и красноту крови съ ея ланитами, которыя были алѣе крови на снѣгѣ.

Между тѣмъ Артуръ съ дворомъ отыскивали Передура.

— Знаете вы, сказалъ Артуръ, кто этотъ рыцарь съ длиннымъ копьемъ, тамъ, на берегу рѣки?

Юноша отвѣчалъ: «я узнаю, кто онъ!» И онъ подошелъ къ Передуру и спросилъ его, кто онъ и что дѣлаетъ.

Такъ какъ мечты о милой погрузили Передура въ глубокую думу, онъ не отвѣтилъ. Юноша ударилъ Передура копьемъ; тогда Передуръ, обернувшись, сшибъ его съ лошади и опрокинулъ назадъ. Двадцать четыре другихъ юношей приближались по очереди. Передуръ никому изъ нихъ не отвѣчалъ, но каждаго побивалъ однимъ ударомъ. Тогда подошелъ Кай и заговорилъ съ нимъ грубымъ и разгнѣваннымъ тономъ; Передуръ вмѣсто отвѣта хватилъ его копьемъ подъ подбородокъ, приподнялъ его на воздухъ и бросилъ такъ сильно на землю, что переломилъ ему руку и кость на плечѣ; потомъ 21 разъ валялъ подъ лошадиными ногами. Маіордомъ лежалъ безъ памяти отъ боли; испуганная лошадь убѣжала. Когда придворные увидали лошадь безъ сѣдока, они побѣжали на мѣсто сраженія. Увидавъ Кая, они думали, что онъ убитъ, но вскорѣ замѣтили, что, при помощи хирурга, онъ можетъ оправиться.—

Передуръ все еще мечталъ, не смотря на людей, окружавшихъ маіордома. Артуръ велѣлъ отнести Кая въ свою палатку, позвалъ искусныхъ хирурговъ и былъ очень огорченъ неудачею своего любимца.

XIV.

Тогда заговорилъ Гвальмаи:

— Не слѣдовало бы прерывать неосторожно мечты почтеннаго рыцаря; изъ двухъ одно: или онъ обдумываетъ

нанесенное оскорбленіе, или мечтаетъ о милой. Тотъ, кто послѣ всѣхъ къ нему обратился, быть можетъ, обязанъ своей неудачей только неразумному поведенію. Будетъ ли вамъ пріятно, государь, если я пойду посмотрѣть, не прервалъ ли рыцарь свои мечтанія? Въ такомъ случаѣ я вѣжливо попрошу его придти къ вамъ.

Маіордомъ былъ въ бѣшенствѣ и отъ гнѣва и досады сказалъ:

— Гвальмаи! я знаю,—ты хочешь воспользоваться усталостію рыцаря, чтобъ его побѣдить, но ты не много пріобрѣтешь славы и похвалъ, побѣдивъ человѣка, истощившаго силы въ борьбѣ со мной; ты часто такимъ образомъ одерживалъ побѣду. Впрочемъ, такой краснобай, какъ ты, не нуждается въ оружіи для сраженія; юбка бы тебѣ лучше пристала. Я его оставилъ въ такомъ состояніи, что у тебя не будетъ случая ни спорить, ни драться съ нимъ.

Гвальмаи отвѣтилъ Каю:

— Такъ какъ ты стараешься обдумывать свои выраженія, то могъ бы выбрать болѣе приличныя; не мнѣ, а тебѣ надо смирить гнѣвъ и досаду; я же надѣюсь, что приведу сюда рыцаря, не давъ себѣ повредить ни руки, ни плечъ.

Тогда Артуръ сказалъ Гвальмаи:

— Ты говоришь разсудительно и умно. Бери оружіе и поѣзжай.

Гвальмаи вооружился и поспѣшно отправился на мѣсто, гдѣ стоялъ Передуръ. Передуръ, опирался на копье, и все еще былъ погруженъ въ тѣ же думы; Гвальмаи подошелъ къ нему дружески и сказалъ:

— Еслибъ я зналъ, что тебѣ будетъ столько же удовольствія, какъ мнѣ, я бы вступилъ съ тобой въ разговоръ; кстати у меня порученіе къ тебѣ отъ Артура, который проситъ тебя придти къ нему. Ужъ двое приходили къ тебѣ за этимъ.

— Но они были неучтивы; ихъ обращеніе меня обидѣло; мнѣ не хотѣлось выйти изъ мечтаній: я думалъ о своей милой, и образъ ея такъ рисовался моему воображенію: я

смотрѣлъ на снѣгъ, на ворона и на кровь, упавшую на снѣгъ, отъ птицы, убитой соколомъ; и я сравнивалъ бѣлизну милой съ бѣлизною снѣга, цвѣтъ ея бровей и волосъ съ цвѣтомъ ворона и румянецъ ея щекъ съ двумя каплями крови.

Гвальмаи отвѣтилъ:

— Не дурна твоя дума, и мнѣ удивительно, что ты рѣшился ее прервать.

Передуръ спросилъ:

— Что Кай при дворѣ Артура?

— Да, отвѣчалъ Гвальмаи: онъ тотъ самый, который послѣдній съ тобой дрался; но для него лучше было бы не драться, такъ какъ онъ сломалъ себѣ руку и плечо при паденіи отъ твоего удара.—

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Передуръ: я въ восторгѣ, что началъ такимъ образомъ мстить за обиду и карлика и карлицы.

Гвальмаи удивился, когда онъ заговорилъ о карликѣ и карлицѣ, подошелъ къ нему и, обвивъ его шею рукою, спросилъ, какъ его зовутъ.

— Я—Передуръ, сынъ Еврока, а ты кто?

— Я Гвальмаи.

— Я очень радъ тебя видѣть, сказалъ Передуръ: вездѣ, гдѣ я былъ, я слышалъ про твою храбрость и мудрость. Будь моимъ другомъ!

— Готовъ, вотъ тебѣ мое слово, но въ свою очередь и ты будь мнѣ другомъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтилъ Передуръ.

И они весело отправились къ Артуру. Когда Кай увидѣлъ ихъ, то сказалъ:

— Я зналъ, что Гвальмаи не нужно будетъ драться съ рыцаремъ. Неудивительно, что онъ пользуется такой славой; онъ больше достигаетъ своимъ краснорѣчіемъ, нежели я своей силой.

Передуръ отправился въ палатку Гвальмаи. Они сняли вооруженіе, и Передуръ надѣлъ такое же платье, какъ Гвальмаи; они вмѣстѣ явились къ Артуру и поклонились ему.

— Вотъ, государь, тотъ, кого ты такъ долго искалъ.

— Будь милымъ гостемъ, воинъ, сказалъ Артуръ. Съ этихъ поръ ты останешься при мнѣ: еслибъ я тебя зналъ раньше, ты не уѣхалъ бы отъ меня. Карликъ и карлица, обиженные Кайемъ, предсказали вѣрно, что ты за нихъ отомстишь.

Тутъ пришла королева со свитой, и Передуръ ей поклонился; онѣ были рады его видѣть и ласково его привѣтствовали.

И Артуръ окружилъ его всѣми почестями и всѣмъ уваженіемъ, которыхъ онъ заслуживалъ; потомъ они возвратились въ Карлеонъ.

И въ первыя сутки, проведенные Передуромъ въ Карлеонѣ, при дворѣ Артура, онъ, гуляя послѣ обѣда, встрѣтилъ Ангарастъ съ золотой рукой.

— Божусь, сестра моя, сказалъ Передуръ: ты милая, прекрасная дѣвушка; еслибъ ты позволила, я бы любилъ тебя больше всѣхъ женщинъ въ мірѣ.

— Божусь! сказала она: я тебя вовсе не люблю и никогда не буду любить.

— Беру Бога въ свидѣтели, воскликнулъ Передуръ, что не проговорю ни слова ни съ одной христіанской душой, покуда ты не согласишься любить меня больше всѣхъ.

XV.

На другой день Передуръ выѣхалъ и, слѣдуя по проложенному пути къ горѣ, онъ увидалъ долину, на краю которой были утесъ и лѣса; средина долины образовала лугъ, между лугомъ и лѣсомъ были поля, а внутри лѣса онъ увидѣлъ большіе черные дома, неуклюже построенные. Онъ слѣзъ и оставилъ лошадь при входѣ въ лѣсъ; и немного передъ лѣсомъ онъ нашелъ цѣпь утесовъ, вдоль которыхъ

шла дорога, а на утесахъ спалъ левъ въ цѣпяхъ; а подо львомъ онъ увидалъ глубокую пропасть необъятной ширины, полную человѣческихъ и звѣриныхъ костей; обнаживъ шпагу, онъ ударилъ льва и покатилъ его къ краю пропасти, въ которой онъ повисъ на цѣпи; другимъ ударомъ онъ разбилъ цѣпь, и левъ упалъ въ пропасть.

Передуръ, оставивъ лошадь на утесахъ, сошелъ въ долину. Посреди долины онъ увидалъ прекрасный замокъ и вошелъ въ него; а на лугу замка сидѣлъ высокаго роста сѣдой человѣкъ — выше всѣхъ, кого онъ видѣлъ до этихъ поръ; и два молодыхъ мальчика играли около него кинжалами съ рукоятками изъ китоваго уса. У одного изъ мальчиковъ были темные волоса, у другаго бѣлокурые. Передуръ ему поклонился, и сѣдой человѣкъ сказалъ: «будь проклятъ родъ моего привратника!» Передуръ понялъ, что привратникомъ былъ левъ. Сѣдой человѣкъ и оба мальчика отправились вмѣстѣ въ за̀мокъ; Передуръ ихъ сопровождалъ; тамъ было прекрасное жилище. Они вошли въ залу, гдѣ уже были накрыты столы, и наставлены кушанья и вина.

Изъ другой комнаты вышла пожилая женщина съ молоденькой дѣвушкой; это были самыя благородныя изъ дамъ, какихъ онъ когда либо видалъ. Онѣ вымыли себѣ руки и сѣли за столъ; сѣдой человѣкъ сѣлъ на возвышенное мѣсто на концѣ стола, пожилая женщина около него, а Передура и молодую дѣвушку посадили рядомъ; 2 молодыхъ человѣка имъ прислуживали. Такъ какъ дѣвушка грустно глядѣла на Передура, онъ ее спросилъ, отчего она такъ грустна.

— Отъ тебя, мое сердце: съ той минуты, какъ я тебя увидала, я полюбила тебя больше всѣхъ мущинъ, и меня огорчаетъ, что такой сильный молодой человѣкъ, какъ ты, будетъ подвергнутъ завтра такой печальной участи. Видѣлъ ты эти многочисленные черные дома посреди долины? Они всѣ принадлежатъ вассаламъ этого сѣдаго человѣка, моего отца, и вассалы эти — великаны; они должны напасть на тебя и убить.—Долина называется Круглой долиной.

— Послушай, прекрасная молодая дѣвушка: можешь ты устроить, чтобъ моя лошадь и оружіе были помѣщены на ночь въ одной комнатѣ со мной.

— Охотно, если только можно будетъ.

Когда пришло время ложиться, и всѣ отправились спать, молодая дѣвушка велѣла поставить лошадь и оружіе Передура въ одну комнату съ нимъ.

Утромъ Передуръ услыхалъ шумъ людей и лошадей кругомъ за́мка; онъ всталъ, вооружился, вооружилъ лошадь и оправился на лугъ.

Тогда пожилая женщина и молодая дѣвушка позвали сѣдаго человѣка.

— Господинъ! сказали онѣ, возьми клятву съ молодаго человѣка, что онъ не откроетъ никому, что видѣлъ въ этомъ замкѣ; мы увѣрены, что онъ сдержитъ слово.

— Нѣтъ, ни за что! отвѣтилъ сѣдой человѣкъ.

Передуръ сталъ драться съ арміей и къ вечеру онъ побилъ третью часть, не получивъ ни одной раны; тогда пожилая женщина сказала.

— Ты видишь,—много изъ твоихъ воиновъ убито молодымъ человѣкомъ, — помилуй же его.

— Клянусь,—я этого не сдѣлаю, сказалъ сѣдой человѣкъ,

Пожилая женщина и молодая дѣвушка слѣдили съ зубчатыхъ стѣнъ за сраженіемъ. Въ эту самую минуту Передуръ схватился съ молодымъ бѣлокурымъ человѣкомъ и убивалъ его.

— Господинъ! сказала дѣвушка: прости рыцаря.

— Не прощу, отвѣтилъ старикъ.

Минуту спустя Передуръ уже дрался съ темноволосымъ и также убивалъ его.

— Лучше бы было, отецъ мой, если бы ты помиловалъ рыцаря, прежде чѣмъ убилъ онъ двухъ сыновей твоихъ; теперь тебѣ самому будетъ трудно отъ него уйти.

— Дочь моя! поди, попроси его, чтобъ онъ насъ простилъ, и скажи, что мы надѣемся на его скромность.

Молодая дѣвушка подошла къ Передуру, попросила пощадить отца и вассаловъ, оставшихся въ живыхъ.

— Я милую всѣхъ съ тѣмъ условіемъ, что отецъ твой и его вассалы пойдутъ къ Артуру, покорятся ему и скажутъ, что честь эта ему воздается его вассаломъ Передуромъ.

Они съ радостію на это согласились.

— Кромѣ того вы всѣ примете крещеніе, и я пошлю кого нибудь къ Артуру попросить, чтобъ онъ, молодая дѣвушка, отдалъ тебѣ и твоимъ наслѣдникамъ въ вѣчное владѣніе эту долину.

Тогда они вошли въ домъ; сѣдой человѣкъ и пожилая женщина поклонилась Передуру, и сѣдой человѣкъ сказалъ:

— Съ той поры, какъ я владѣю этой долиной, ни одинъ христіанинъ не выходилъ живой изъ моего дома, кромѣ тебя; мы ѣдемъ преклониться предъ Артуромъ, принять христіанскую вѣру и крещеніе.

Тогда Передуръ подумалъ про себя:

— Слава Богу, что я не нарушилъ клятвы, данной своей милой,—не говорить ни съ однимъ христіаниномъ.

Они провели ночь въ замкѣ. На другой день сѣдой человѣкъ и его товарищи уѣхали ко двору Артура; они покорились ему, приняли крещеніе, и сѣдой человѣкъ сказалъ королю, что Передуръ ихъ побѣдилъ. Артуръ отдалъ долину сѣдому человѣку съ товарищами, о чемъ просилъ Передуръ. Съ согласія Артура сѣдой человѣкъ возвратился въ Круглую долину.

XVI.

На слѣдующій день Передуръ продолжалъ свой путь; онъ перешелъ огромную пустыню, гдѣ не было ни одного жилища; наконецъ онъ увидалъ маленькій, низенькій домикъ: и онъ узналъ, что тамъ былъ змѣй, обвившійся вокругъ золотаго кольца, который не терпѣлъ жителей въ этой землѣ, на разстояніи семи миль въ окружности. Передуръ отправился на мѣсто, гдѣ находился змѣй: онъ боролся съ

нимъ, исполненный ярости, гнѣва и отчаянія, убилъ его и взялъ кольцо.

И онъ провелъ много времени, не говоря ни съ одной христіанской душой; румянецъ и красота его исчезли, такъ какъ онъ давно уже находился далеко отъ Артура, отъ своей милой и отъ товарищей. Спѣша ко двору Артура онъ по дорогѣ встрѣтилъ свиту короля, отправленную съ порученіемъ подъ предводительствомъ Кая; Передуръ ихъ всѣхъ узналъ, а самъ остался неузнаннымъ.

— Откуда ты, воинъ? спросилъ Кай

Маіордомъ задавалъ ему этотъ вопросъ разъ, два, три и, не получая отвѣта, ударилъ его копьемъ по бедру. Но Передуръ опасаясь, что его заставятъ заговорить и нарушить клятву, проѣхалъ мимо, не останавливаясь.

Тогда Гвальмаи сказалъ:

— Я призываю Бога во свидѣтели, Кай, что ты дурно поступилъ, оскорбивъ такимъ образомъ молодаго нѣмаго.

И Гвальмаи воротился ко двору Артура.

— Государыня, сказалъ онъ Гвенниварѣ, знаешь,ты, какъ низко Кай обошелся съ молодымъ нѣмымъ? Ради Бога, вели хирургу о немъ позаботиться, я тебѣ заплачу за издержки.

XVII.

Еще до возвращенія посланныхъ явился на лугу противъ двора Артура рыцарь, и вызывалъ всѣхъ на битву.

Вызовъ его былъ принятъ; Передуръ сразился съ нимъ и побѣдилъ его; и въ продолженіи цѣлой недѣли онъ каждый день побѣждалъ новаго бойца.

Въ то время, какъ Артуръ съ свитой отправлялся въ церковь, они увидали рыцаря, который подавалъ сигналъ къ сраженію.

— Клянусь человѣческой храбростью, сказалъ Артуръ, что не сойду съ мѣста, пока не добуду лошадь и оружіе, чтобы наказать этого олуха.

Придворные отправились за лошадью и оружіемъ; Передуръ встрѣтилъ ихъ на обратномъ пути, взялъ у нихъ лошадь и оружіе, отправился на лугъ, и всѣ видя, что онъ подходитъ къ рыцарю, полѣзли на крыши домовъ, на холмы и возвышенныя мѣста, чтобы увидѣть сраженіе.—

Передуръ сдѣлалъ рыцарю знакъ рукою, чтобъ начать битву; рыцарь его ударилъ; Передуръ не шевельнулся. Потомъ, пришпоривъ лошадь, онъ обратился на врага, полный гнѣва, ярости, отчаянія и злобы, нанесъ ему смертный, сильный, жестокій, ловкій, могучій ударъ, приподнялъ челюсть и бросилъ далеко.

Потомъ онъ воротился къ придворнымъ Артура, отдалъ имъ лошадь и оружіе и пришелъ въ замокъ обѣдать.

Тогда Передура прозвали юнымъ нѣмымъ. Его встрѣтила Ангарастъ съ золотою рукой.

— Призываю Бога въ свидѣтели, о герой! сказала она: грустно, что ты не можешь говорить: я любила бы тебя больше всѣхъ мужей на свѣтѣ, и даже теперь, когда ты не въ состояніи этого дѣлать, я люблю тебя больше всѣхъ.

— Да наградитъ тебя Богъ, сестра моя, отвѣтилъ Передуръ: клянусь честью, я тоже люблю тебя.

Такимъ образомъ узнали, что это былъ Передуръ. Онъ возобновилъ дружбу съ Гвальмаи и съ Овеномъ, сыномъ Уріена и со всѣми другими рыцарями и остался при дворѣ Артура.

2-ая часть (branche).

XVIII.

Артуръ былъ въ Карлеонѣ-на-Оскѣ; онъ поѣхалъ на охоту, его сопровождалъ Передуръ. Передуръ спустилъ собаку на оленя, и собака затравила оленя въ отдаленномъ мѣстѣ; въ небольшомъ разстояніи оттуда онъ замѣтилъ признаки жилья; онъ направился туда и увидѣлъ залу, а

около дверей залы людей играющихъ въ шахматы. Когда онъ вошелъ, то увидалъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ одинаково, какъ слѣдуетъ знатнымъ дамамъ. Онъ приблизился и сѣлъ около нихъ на скамейкѣ; и одна изъ молодыхъ дѣвушекъ грустно на него посмотрѣла и начала плакать. Передуръ ее спросилъ, о чемъ она плачетъ.

— Съ горя, что убьютъ такого прекраснаго юношу, какъ ты.

— Кто меня убьетъ? спросилъ Передуръ.

— Если ты довольно смѣлъ, чтобъ провести здѣсь ночь, то узнаешь.

— Какой же опасности я подвергаюсь, оставаясь здѣсь?

— Этотъ зàмокъ принадлежитъ отцу моему, сказала молодая дѣвушка, и онъ убиваетъ всякаго, кто входитъ въ него безъ позволенія.

— Какой же человѣкъ твой отецъ, что убиваетъ такъ людей?

— Человѣкъ, который притѣсняетъ и мучитъ своихъ сосѣдей и никому не отдаетъ справедливости, отвѣтила она.

Тутъ онъ увидалъ, что молодые люди встали и сняли шахматы съ доски, и услыхалъ онъ большой шумъ; послѣ шума явился высокій черный человѣкъ съ однимъ глазомъ. Молодыя дѣвушки встали, чтобъ его привѣтствовать; они сняли съ него оружіе, и онъ сѣлъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія онъ взглянулъ на Передура и спросилъ, кто этотъ рыцарь.

— Господинъ, сказала одна изъ молодыхъ дѣвушекъ; это самый прекрасный и благородный юноша, какого ты когда либо встрѣчалъ. Ради самаго Бога и ради твоей собственной чести, поступи съ нимъ благоразумно.

— Ради тебя, я такъ поступлю и дарую ему жизнь на нынѣшнюю ночь.

Тогда Передуръ подсѣлъ къ огню, воспользовался кушаньемъ и виномъ и сталъ бесѣдовать съ дамами; возбужденный виномъ, онъ сказалъ черному человѣку:

— Удивляюсь одному: кто могъ такому могучему, какъ ты, выколоть глазъ?

— Кто мнѣ дѣлаетъ такой вопросъ, отвѣтилъ черный человѣкъ, не уходитъ живъ отъ меня; если онъ не даетъ выкупа или не даритъ чего нибудь: это одинъ изъ моихъ законовъ.

— Господинъ, сказала молодая дѣвушка черному человѣку: чтобъ онъ ни сказалъ тебѣ въ шутку или возбужденный виномъ, сдержи слово, которое ты мнѣ далъ.

— Я сдержу его ради тебя, отвѣтилъ онъ: я ему охотно дарую жизнь на эту ночь.

И Передуръ провелъ у нихъ ночь.

На другой день черный человѣкъ всталъ, вооружился и сказалъ Передуру:

— Встань, молодой человѣкъ, и приготовься умереть.

Передуръ отвѣтилъ:

— Изъ двухъ одно, черный человѣкъ: если ты хочешь драться со мной, сними вооруженіе, или дай мнѣ оружіе, чтобы условія были равныя.

— И ты бы сталъ драться, если бы имѣлъ оружіе? Въ такомъ случаѣ, выбирай, какое угодно.

Молодая дѣвушка принесла Передуру оружіе, какое онъ пожелалъ, и онъ сразился съ чернымъ человѣкомъ и принудилъ его просить пощады.

— Я тебя помилую, черный человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ ты мнѣ сказалъ, кто ты и кто выкололъ тебѣ глазъ?

— Изволь, я тебѣ скажу: я потерялъ глазъ въ борьбѣ съ чернымъ дракономъ Карна. Есть гора, именуемая гора печали, и на этой горѣ есть Карнъ, а внутри Карна находится драконъ; къ хвосту дракона привязанъ драгоцѣнный камень; и свойство этого камня таково: кто его возьметъ въ одну руку, будетъ въ ту же минуту имѣть въ другой столько золота, какъ пожелаетъ; въ борьбѣ съ этимъ чудовищемъ я лишился глаза. Меня называютъ чернымъ тираномъ, а чернымъ меня называютъ потому, что въ окрест-

ностяхъ нѣтъ ни одного человѣка, котораго бы я не тиранилъ, и никому не отдаю я справедливости.

— Хорошо, сказалъ Передуръ, гора, о которой ты говоришь далеко отсюда?

— Въ тотъ день, когда ты насъ оставишь, ты подъѣдешь къ зàмку сыновей короля Мученій.

— Почему ты ихъ такъ называешь?

— Потому что чудовище Аванкъ съ озера, у него каждый день убиваетъ сыновей. Когда ты выѣдешь оттуда, ты подъѣдешь къ зàмку дамы Подвиговъ.

— Какіе же она совершаетъ подвиги? спросилъ Передуръ.

— У нея триста человѣкъ въ зàмкѣ и каждому пріѣзжему разсказываютъ подвиги воиновъ двора. И дѣлается это такимъ образомъ: триста человѣкъ садятся за столомъ возлѣ дамы не вслѣдствіе недостатка уваженія къ гостямъ, но для того, чтобъ они могли разсказывать о подвигахъ двора. И въ тотъ день, когда ты оттуда отправишься, подъѣдешь ты къ горѣ печалей, кругомъ которой живутъ въ 300 палаткахъ сторожи дракона.

— Ты слишкомъ долго былъ бичемъ свѣта, сказалъ Передуръ: я устрою, чтобъ этого не было.

И онъ убилъ его.

Тогда вошла дѣвушка и начала говорить Передуру.

— Еслибъ ты былъ бѣденъ, когда пришелъ сюда, сказала она, то отнынѣ будешь богатъ съ сокровищами чернаго человѣка, котораго убилъ. Ты видѣлъ всѣхъ дѣвицъ этого двора; можешь выбрать себѣ въ жены, которую желаешь.

— Сударыня, я не пріѣхалъ изъ своей земли сюда, чтобъ жениться, но выходи сама замужъ за кого хочешь изъ этихъ молодыхъ людей; мнѣ же не нужны ваши богатства.—

XIX.

Передуръ удалился и направился къ зàмку сыновей короля Мученій; и когда онъ вошелъ въ зàмокъ, онъ увидѣлъ только однѣхъ женщинъ. Онѣ встали и приняли его

съ радостью. И въ то время, какъ онъ съ ними разговаривалъ, подъѣхала лошадь съ сѣдломъ на спинѣ и трупомъ на сѣдлѣ. Одна изъ женщинъ встала, сняла трупъ и сѣдло, обмыла тѣло въ теплой водѣ, намазала его дорогимъ бальзамомъ, и мертвый очнулся, пришелъ къ Передуру, поклонился ему и былъ радъ его видѣть.

И еще двое другихъ такимъ же образомъ были привезены на сѣдлахъ, и молодая дѣвушка обошлась съ ними, какъ и съ первымъ.

Тогда Передуръ спросилъ у воиновъ объясненія всего происходящаго. И они ему отвѣтили, что въ пещерѣ живетъ Аванкъ, который убиваетъ ихъ каждый день.

Они провели здѣсь ночь.

На другое утро молодые люди встали, чтобы выѣхать; Передуръ умолялъ ихъ во имя любви къ дамамъ позволить ему слѣдовать за ними, но они отказались, говоря:

— Если тебя убьютъ, тебя никто не оживитъ. И они удалились; Передуръ слѣдилъ за ними, и когда они пропали у него изъ виду, онъ влѣзъ на гору. На вершинѣ горы сидѣла дама, самая прекрасная изъ всѣхъ, которыхъ онъ видѣлъ.

— Я знаю, чего ты ищешь, сказала она: ты хочешь бороться съ Аванкомъ, но онъ убьетъ тебя не силою, но хитростію. Онъ живетъ въ гротѣ; у входа этого грота стоитъ каменный столбъ, и онъ видитъ всѣхъ входящихъ въ гротъ, его же никто не видитъ. Скрытый за столбомъ, онъ убиваетъ людей отравленнымъ дротикомъ. Если ты обѣщаешь полюбить меня больше всѣхъ женщинъ, я тебѣ дамъ драгоцѣнный камень, посредствомъ котораго ты можешь его видѣть такъ, чтобъ онъ не видалъ тебя.

— Я согласенъ, сказалъ Передуръ: потому что я самъ какъ увидалъ, такъ и полюбилъ тебя. Но гдѣ я найду тебя опять?

— Если захочешь найти меня, ищи въ Индіи.

И положивши драгоцѣнный камень въ руку Передура, дама исчезла.

XX.

Передуръ вошелъ въ долину, гдѣ протекала рѣка. На одномъ берегу рѣки онъ увидалъ стадо бѣлыхъ барановъ, а на другомъ стадо черныхъ; и каждый разъ, какъ блѣялъ бѣлый баранъ, одинъ изъ черныхъ переплывалъ рѣку и дѣлался бѣлымъ; и каждый разъ, какъ блѣялъ черный баранъ, одинъ изъ бѣлыхъ переплывалъ рѣку и дѣлался чернымъ. Онъ увидалъ большое дерево съ одной стороны рѣки, и одна часть этого дерева горѣла, начиная съ корня до самой верхушки, другая же часть была покрыта листьями.

Неподалеку увидѣлъ онъ молодаго человѣка, сидящаго на вершинѣ горы; двѣ гончихъ собаки съ бѣлыми пятнами и съ бѣлою грудью, которыхъ онъ держалъ на привязи, лежали около него. Передуръ никогда не видалъ юноши съ такой благородной осанкой. Въ противоположномъ лѣсу онъ услыхалъ лай собакъ, которые гнались за стадомъ ланей.

Онъ поклонился молодому человѣку; тотъ отдалъ поклонъ.

Отъ подножія горы шли три дороги: двѣ изъ нихъ были широкія, а третья узкая.

Передуръ спросилъ, куда ведутъ три дорожки:

— Одна ведетъ къ моему замку, сказалъ юноша, и я тебѣ предлагаю одно изъ двухъ: или пойти ко мнѣ, гдѣ найдешь мою жену, или остаться здѣсь смотрѣть, какъ собаки охотятся за ланями, которыхъ выгнали изъ лѣсу въ долину, и какъ ихъ около насъ на берегу рѣки затравятъ лучшія гончія собаки, какихъ ты когда либо видѣлъ, и самыя горячія въ охотѣ. Когда же настанетъ время обѣда, мой молодой служитель мнѣ приведетъ лошадь, и ты проведешь ночь у меня въ замкѣ.

— Благодарю тебя, сказалъ Передуръ: я не могу останавливаться, мнѣ нужно идти дальше.

— Вторая дорога ведетъ къ городу, который близокъ отсюда; тамъ можно купить съѣстныхъ припасовъ и вина, продолжалъ молодой человѣкъ: самая же узенькая дорожка ведетъ къ гроту Аванка.

— Съ твоего согласія, молодой человѣкъ, я выбираю эту дорожку.

XXI.

Передуръ отправился къ гроту Аванка. Онъ взялъ драгоцѣнный камень въ лѣвую руку, копье въ правую и, приближаясь, онъ увидалъ Аванка, прокололъ его копьемъ и отрубилъ ему голову.

И когда онъ вышелъ изъ пещеры, онъ нашелъ трехъ товарищей у входа; они поклонились Передуру и объявили, что было предсказано, что онъ убьетъ чудовище. И Передуръ отдалъ голову чудовища молодымъ людямъ, и они предложили ему жениться на той изъ 3-хъ сестеръ, которую онъ выберетъ и кромѣ того въ придачу предлагали половину королевства.

— Я не для того прибылъ сюда, чтобы жениться, сказалъ Передуръ, но если я когда нибудь женюсь, то возьму одну изъ вашихъ сестеръ.

И Передуръ удалился. Вдругъ онъ услыхалъ шумъ позади себя, обернулся и увидалъ человѣка на красной лошади, съ краснымъ оружіемъ; человѣкъ этотъ близко къ нему подъѣхалъ, поклонился, пожелалъ ему благословенія. Передуръ поблагодарилъ молодаго человѣка.

— Господинъ, у меня просьба къ тебѣ?

— Какая? спросилъ Передуръ.

— Чтобъ ты меня взялъ въ товарищи.

— А кого я буду имѣть товарищемъ?

— Я не скрою отъ тебя, какого я рода: меня зовутъ Этлимъ-Красная Шпага, графъ Востока.

— Я удивляюсь, что ты выбираешь въ товарищи человѣка, котораго владѣнія не обширнѣе твоихъ; у меня та-

кое же графство, какъ у тебя, но если ты хочешь быть моимъ товарищемъ, я съ удовольствіемъ соглашаюсь.

И они отправились къ двору дамы Подвиговъ. Всѣ при дворѣ рады были ихъ прибытію, и имъ сказали, что не по недостатку уваженія ихъ сажаютъ за столомъ ниже домашнихъ, но что при этомъ дворѣ таковъ уже обычай; впрочемъ, тотъ, кто побьетъ 300 человѣкъ, принадлежащихъ къ дому, будетъ сидѣть за столомъ около дамы, и она полюбитъ его больше всѣхъ мужей.

Передуръ убилъ всѣхъ 300 человѣкъ, сѣлъ около дамы, и она сказала ему:

— Я благодарю Бога, что вижу такого прекраснаго, храбраго молодаго человѣка, какъ ты, когда не нашла еще того, котораго предпочитаю.

— Кого же ты предпочитаешь?

— Клянусь честію! Этлимъ-Красная Шпага, — тотъ, которому я отдаю преимущество, но я никогда его не видала.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ онъ. Такъ вотъ онъ Этлимъ-Красная Шпага, мой товарищъ. Изъ любви къ нему я дрался съ твоими людьми; а онъ бы дрался еще лучше меня, еслибъ захотѣлъ; я тебя отдаю ему.

— Да наградитъ тебя Богъ, прекрасный молодой человѣкъ; и такъ я выхожу за того, кого предпочитаю.

И въ эту ночь дама вышла за Этлима.

XXII.

На другой день Передуръ отправился на гору Печалей.

— Я поѣду съ тобою по правую сторону твою, сказалъ Этлимъ.

И они ѣхали до тѣхъ поръ, покуда увидали гору и палатки.

— Поди, позови людей, сказалъ Передуръ Этлиму, и предложи имъ заявить мнѣ почтеніе.

И Этлимъ отправился къ нимъ и сказалъ:

— Подите заявите почтеніе моему господину.

— Кто твой господинъ? спросили они.

— Передуръ съ длиннымъ копьемъ — мой господинъ, отвѣтилъ Этлимъ.

— Еслибъ было дозволено убивать герольдовъ, сказали они, ты бы не воротился живъ и здравъ, за то, что предлагаешь намъ — королямъ, графамъ и баронамъ преклониться предъ твоимъ господиномъ.

Передуръ велѣлъ тогда имъ сказать, чтобъ они шли покориться, или сражались.

И въ этотъ день Передуръ побѣдилъ рыцарей ста палатокъ; на другой день еще ста; на третій же день послѣдніе сто рыцарей рѣшились покориться Передуру, который ихъ спросилъ, что они здѣсь дѣлаютъ, на что они отвѣтили, что должны стеречь дракона до его смерти.

— Въ такомъ случаѣ будемте драться вмѣстѣ, и побѣдитель получитъ камень.

— Оставайтесь здѣсь, сказалъ Передуръ: а я пойду побѣждать дракона.

— Нѣтъ, сказали они, мы пойдемъ съ тобой.

— Но Передуръ сказалъ: я не хочу, потому что если драконъ будетъ убитъ, слава настолько же будетъ принадлежать мнѣ, какъ каждому изъ васъ.

Тогда онъ отправился на мѣсто, гдѣ было чудовище, убилъ его, возвратился къ нимъ и сказалъ:

— Сообразите, какую сумму вы истратили съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь находитесь, — я вамъ ее выплачу.

И онъ заплатилъ каждому названную сумму, и потребовалъ только отъ нихъ, чтобъ они заявили ему почтеніе, потомъ онъ сказалъ Этлиму:

— Возвратись къ женѣ, которую ты любишь больше всего; что касается меня, то я поѣду дальше и награжу тебя за то, что ты былъ моимъ товарищемъ. И онъ ему далъ чудесный камень.

— Да наградитъ тебя Богъ своею милостію! сказалъ Этлимъ.

XXIII.

Передуръ отправился дальше и подъѣхалъ къ берегу прекрасной рѣки; на немъ было множество разноцвѣтныхъ палатокъ; но число водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ его поразило еще больше.

И его нагналъ высокій темный человѣкъ въ одеждѣ работника, и Передуръ его спросилъ: кто онъ?

— Я мельникъ, хозяинъ всѣхъ этихъ мельницъ.

— Примешь ты меня подъ свой кровъ? спросилъ Передуръ.

— Охотно, отвѣчалъ мельникъ.

Передуръ вошелъ въ красивый домъ мельника. Потомъ попросилъ у него денегъ взаймы, чтобы купить провизіи и вина для себя и домашнихъ, обѣщая заплатить при возвращеніи; потомъ онъ спросилъ, зачѣмъ въ этомъ мѣстѣ построено такое множество мельнмцъ.

Мельникъ сказалъ Передуру:

— Ты иностранецъ или здѣшній? Императрица de Kristinobil-la-Grande здѣсь, и она хочетъ выйти за самаго храбраго человѣка; въ богатыхъ она не нуждается, и какъ невозможно привозить съѣстные припасы для столькихъ тысячъ людей, то и выстроили эти мельницы.

Ночью Передуръ пошелъ отдыхать. На другой день онъ всталъ, вооружилъ себя и лошадь для поединка. Между палатками онъ замѣтилъ одну наряднѣе другихъ. Прекрасная молодая дѣвушка, одѣтая въ атласное платье, чесала волосы при входѣ; онъ никогда не видалъ женщины красивѣе. Онъ началъ на нее глядѣть и страстно влюбился.

Онъ все глядѣлъ на дѣвушку съ утра и до самаго полдня, съ полдня до вечера; потомъ возвратился домой и снялъ оружіе. И онъ спросилъ денегъ взаймы у мельника, что разсердило мельничиху; но не смотря на то мельникъ далъ денегъ.

Второй день онъ провелъ также, какъ и первый; къ вечеру возвратился въ жилище и спросилъ еще денегъ взаймы у мельника.

На третій день, въ то время какъ онъ стоялъ все на одномъ мѣстѣ, кто-то ударилъ его дубиной между шеей и плечомъ; повернувшись, онъ увидалъ мельника, и мельникъ сказалъ:

— Изъ двухъ одно: или не смотри на нее, или ступай сражаться.

Передуръ улыбнулся мельнику и отправился. Всѣхъ, которые въ этотъ день на него нападали, онъ побилъ, и послалъ всѣхъ побѣжденныхъ въ подарокъ императрицѣ; лошади же ихъ и оружіе—мельничихѣ въ уплату за взятыя деньги. Передуръ сражался до тѣхъ поръ, пока побѣдилъ всѣхъ воиновъ; онъ послалъ ихъ всѣхъ въ плѣнъ къ императрицѣ, а лошадей и оружіе отдалъ мельничихѣ въ уплату за взятыя деньги.

XXIV.

Императрица велѣла пригласить рыцаря мельницы къ себѣ; Передуръ отказалъ первому и второму послу. Тогда она послала 100 рыцарей, чтобъ привести его силой; они пришли къ нему и сказали, какое порученіе имъ дала императрица. Передуръ храбро на нихъ напалъ, обошелся съ ними какъ со стадомъ оленей и подъ конецъ сталъ ихъ бросать въ прудъ мельницы.

Императрица приняла совѣтъ одного мудреца изъ ея совѣтниковъ, который ей сказалъ:

— Если ты позволишь, я самъ пойду приведу его.

И онъ явился къ Передуру, поклонился ему и попросилъ его воимя любви къ своей дамѣ придти къ императрицѣ.

Передуръ пошелъ съ нимъ, сопровождаемый мельникомъ; онъ вошелъ и сѣлъ въ комнату палатки; императрица сѣла по его лѣвую руку; но говорили они очень мало.

Потомъ Передуръ простился и воротился домой. На другой день онъ опять пошелъ къ ней; и когда онъ вошелъ въ палатку, всѣ комнаты были одинаково разукрашены, потому что не знали, въ которой онъ сядетъ. Передуръ сѣлъ по лѣвую руку императрицы, и они начали нѣжно разговаривать. Во время ихъ бесѣды вошелъ черный человѣкъ, держа въ рукѣ золотую чашу, наполненную виномъ; онъ всталъ на колѣни предъ императрицей и просилъ ее не отдавать чашу тому, кто откажется драться съ нимъ. Императрица взглянула на Передура.

— Дай мнѣ чашу, сказалъ онъ.

И Передуръ выпилъ чашу съ виномъ и предложилъ чашу мельничихѣ. Въ это время вошелъ черный человѣкъ, ростомъ еще выше перваго съ драконовымъ рогомъ въ рукѣ, отдѣланнымъ въ родѣ чаши, и наполненнымъ виномъ; онъ подалъ ее императрицѣ, прося дать ее только тому, кто захочетъ съ нимъ драться.

— Госпожа, сказалъ Передуръ: дай ее мнѣ!

И она дала ему чашу; Передуръ выпилъ вино и подарилъ чашу мельничихѣ.

Тогда вошелъ черный человѣкъ съ суровымъ видомъ, съ завитыми волосами, ростомъ еще выше двухъ первыхъ, держа въ рукѣ кружку съ виномъ; онъ преклонилъ колѣна передъ императрицей и просилъ дать кружку только тому, кто захочетъ взять ее съ боя. И она подала ее Передуру, а тотъ послалъ ее къ мельничихѣ.

При наступленіи ночи Передуръ воротился въ жилище; на другой день онъ вооружился и отправился на лугъ, гдѣ убилъ троихъ черныхъ людей.

Когда Передуръ вошелъ въ палатку, императрица ему сказала.

— Прекрасный Передуръ! вспомни, въ чемъ ты поклялся мнѣ, когда я тебѣ дала чудесный камень, съ помощью котораго ты убилъ Аванка.

— Госпожа, сказалъ онъ: я помню.

И Передуръ царствовалъ 14 лѣтъ съ императрицей, какъ гласитъ исторія.

3-я часть.

XXV.

Артуръ былъ въ Карлеонѣ на Оскѣ, своей резиденціи. Посреди залы сидѣли 4 воина на бархатномъ коврѣ; это были: Овенъ, — сынъ Уріэна, Гвальмаи — сынъ Гіара, Гоель, принцъ Бретанскій (Арморики), и Передуръ съ длиннымъ копьемъ.

Вдругъ появилась молодая дѣвушка съ черными кудрявыми волосами, верхомъ на буромъ мулѣ, держа въ рукахъ ремни, свитые въ родѣ кнута. Видъ у нея былъ отвратительный. Лице и обѣ руки чернѣе желѣза, вымазаннаго смолой; фигура еще гнуснѣе лица; щеки отвислыя, лице длинное, носъ маленькій, ноздри широкія, одинъ глазъ свѣтло-сѣрый въ уровень съ головой, другой ввалившійся, черный, какъ смоль; зубы длинные и желтые, желтѣе цвѣта дракона; грудь выше подбородка, спина дугой, ноги длинныя, костлявыя; и все въ ней было страшно худощаво, кромѣ ногъ и колѣнъ, которыя были громадны. Она поклонилась Артуру и всѣмъ придворнымъ, исключая Передура; и потомъ обратилась къ нему съ слѣдующей рѣчью, полной гнѣва и горечи:

— Передуръ, я тебѣ не кланяюсь: ты того не заслуживаешь. Слѣпа была судьба, которая одарила тебя славою и милостями, тебя, явившагося ко двору хромаго короля, гдѣ видѣлъ молодаго человѣка, несущаго копье, съ котораго падали капли крови и много другихъ чудесъ; и ты не спрашивалъ никогда ни объясненія, ни причины ихъ. Если бы ты спросилъ, королю бы было даровано здоровье и государству миръ, между тѣмъ какъ теперь онъ долженъ будетъ страдать отъ войнъ и осадъ; рыцари его погибнутъ,

жены его государства сдѣлаются вдовами, молодые дѣвушки останутся безъ приданаго: и все это изъ за тебя.

Потомъ она обратилась къ Артуру:

— Прости, господинъ, я живу далеко отсюда, въ прекрасномъ замкѣ, о которомъ ты слышалъ. Въ немъ находится 565 рыцарей и при каждомъ изъ нихъ женщина, которую онъ больше всего любитъ. Кто захочетъ пріобрѣсти славу оружіемъ, въ сраженіяхъ и битвахъ, найдетъ ее тамъ, если достоинъ. Что же касается того, кто пожелаетъ достигнуть громкаго имени и чести, я знаю, гдѣ это найти: есть замокъ на высокой горѣ, въ этомъ замкѣ содержится въ плѣну молодая дѣвушка: и тотъ, кто ее освободитъ, достигнетъ вершины человѣческой славы.

Послѣ этихъ словъ она вышла.

XXVI.

Гвальмаи сказалъ:

— Клянусь честью, — я не засну спокойно, пока не освобожу молодую дѣвушку.

И многіе изъ рыцарей Артурова двора присоединились къ нему.

Тогда Передуръ тоже сказалъ:

— Клянусь честью, я не буду спать спокойно, пока не узнаю исторіи и объясненія копья, о которомъ говорила черная дѣвушка.

И въ то время, какъ они снаряжались, къ дверямъ подъѣхалъ рыцарь. Онъ вошелъ, поклонился всѣмъ, кромѣ Гвальмаи; у него на плечѣ былъ щитъ, поддерживаемый голубымъ ремнемъ, и все вооруженіе было того же цвѣта. Онъ сказалъ Гвальмаи:

— Ты убилъ моего господина измѣной и хитростью, я тебѣ отомщу за него.

Тогда Гвальмаи всталъ.

— Я предлагаю, отвѣтилъ онъ, доказать тебѣ здѣсь, или гдѣ тебѣ будетъ угодно, что я не плутъ, не измѣнникъ.

— Я буду съ тобой драться только въ присутствіи короля, моего господина, сказалъ рыцарь.

— Согласенъ, отвѣтилъ Гвальмаи: иди впередъ,—я слѣдую за тобой.

Рыцарь вышелъ; Гвальмаи сталъ вооружаться. Ему принесли множество вооруженій, но онъ надѣлъ только свое.

Когда Гвальмаи и Передуръ были готовы, они выѣхали оба вслѣдъ за рыцаремъ, потому что очень любили другъ друга; но они не вмѣстѣ послѣдовали за нимъ, а выбрали разныя дороги.

Гвальмаи на разсвѣтѣ въѣхалъ въ долину; въ долинѣ былъ укрѣпленный замокъ; въ укрѣпленномъ замкѣ обширный дворецъ, окруженный высокими башнями; съ другой стороны онъ увидалъ рыцаря, который выѣзжалъ охотиться на черномъ, какъ уголь, конѣ, полномъ отваги, съ гордымъ видомъ, легкой поступью и вѣрнымъ шагомъ. Рыцарь этотъ былъ владѣтель замка; Гвальмаи ему поклонился.

— Да помилуетъ тебя Богъ, рыцарь! Откуда ты?

— Я ѣду отъ двора Артура.

— Ты одинъ изъ его вассаловъ?

— Да, по чести, отвѣтилъ Гвальмаи.

— Въ такомъ случаѣ я тебѣ дамъ хорошій совѣтъ, сказалъ рыцарь: я вижу, что ты усталъ и измученъ,—ступай во дворецъ и, если хочешь, проведи тамъ ночь.

— Охотно, господинъ, отвѣтилъ Гвальмаи: да наградитъ тебя Богъ!

— Возьми это кольце, чтобы тебя впустилъ сторожъ, и отправляйся вотъ въ эту башню: ты тамъ найдешь мою сестру.

Гвальмай подъѣхалъ къ дверямъ, показалъ кольце и отправился въ башню. Войдя, онъ увидалъ сильно пылающій огонь безъ дыму, отъ котораго подымалось яркое пламя; возлѣ огня въ креслѣ сидѣла прекрасная молодая благородная дѣвушка; она очень обрадовалась его прибытію и пошла къ нему на встрѣчу. Онъ помѣстился по лѣвую руку

ея. Потомъ они сѣли за столъ и послѣ обѣда стали тихо разговаривать. Во время ихъ бесѣды вошелъ почтенный старикъ съ бѣлыми волосами.

— Ah!..... *) погибшая дѣвушка, сказалъ онъ, еслибъ ты знала, кто этотъ человѣкъ, съ которымъ ты проводишь время и возлѣ котораго ты сидишь, ты бы не сидѣла съ нимъ!

И, отвернувъ голову, онъ вышелъ.

— Воинъ, сказала дѣвушка, если ты послушаешь моего совѣта, то запрешь двери отъ страху, чтобъ этотъ человѣкъ не составилъ противъ тебя заговора.

Гвальмаи всталъ; и когда онъ подошелъ къ двери, онъ увидалъ старика въ сопровожденіи вооруженныхъ людей, которые входили въ башню.

Гвальмаи защищался отъ нихъ шахматной доской, пока хозяинъ не возвратился съ охоты.

Когда графъ воротился:

— Что случилось? спросилъ онъ.

— Ничего хорошаго, сказалъ человѣкъ съ бѣлыми волосами: эта молодая дѣвушка сидѣла съ убійцею твоего отца, съ Гвальмаи, сыномъ Гіара.

— Замолчи, сказалъ графъ: я войду.

И графъ былъ очень радъ познакомиться съ Гвальмаи.

— А! предводитель, сказалъ онъ: какъ могъ ты быть такъ жестокъ, что убилъ нашего отца! Если мы не можемъ за него мстить, то Богъ за него отомститъ!

— Сердце мое, отвѣтилъ Гвальмаи: я не пришелъ сюда ни признаваться въ убійствѣ твоего отца, ни отрекаться отъ него; у меня есть порученіе отъ Артура, и ты мнѣ долженъ дать годъ времени, чтобъ его исполнить. Но тогда, честное слово, что я ворочусь въ этотъ замокъ и изъ двухъ одно: или я признаюсь, что убилъ твоего отца, или отопрусь отъ этого.

Ему дали охотно срокъ, который онъ требовалъ, и ночь онъ провелъ въ замкѣ, а на другое утро уѣхалъ. И исто-

---

*) Точки означаютъ зачеркнутыя слова въ манускриптѣ.

рія ничего не говоритъ болѣе объ этомъ происшествіи съ Гвальмаи.

XXVII

Между тѣмъ Передуръ продолжалъ свой путь; онъ объѣхалъ весь островъ, желая добыть извѣстія объ черной дѣвушкѣ, но все напрасно.

Онъ пріѣхалъ въ пустынное мѣсто посреди долины, гдѣ протекала рѣка; расхаживая по долинѣ, онъ увидалъ человѣка въ одеждѣ священника, идущаго ему на встрѣчу; онъ попросилъ его благословенія.

— Я не благословляю тебя, отвѣчалъ тотъ, я не окажу услуги такому негодяю, который въ такой день, какъ нынѣшній, носитъ оружіе.

— А какой нынче день? спросилъ Передуръ.

— Великая пятница.

— Не осуждай меня, я не зналъ этого; вотъ уже годъ, какъ я путешествую далеко отъ своего отечества.

При этихъ словахъ онъ сошелъ съ лошади и взялъ ее за узду. Отдалившись нѣсколько отъ большой дороги, онъ пошелъ проселочною, которая шла черезъ лѣсъ; внутри лѣса онъ увидалъ ветхій домикъ, который казался жилымъ; онъ туда отправился и у дверей опять увидалъ священника и снова попросилъ его благословенія.

— Да благословитъ тебя Богъ, отвѣтилъ священникъ, гораздо приличнѣе путешествовать такъ, нежели иначе. Ты проведешь эту ночь у меня.

И Передуръ провелъ у него ночь. На другой день Передуръ хотѣлъ уѣхать.

— Не позволено путешествовать нынче: ты пробудешь со мной этотъ день и завтрашній и послѣзавтрашній; и я постараюсь направить тебя на путь, котораго ты ищешь.

И на четвертый день Передуръ простился со священникомъ и просилъ указать дорогу къ Замку Чудесъ.

— Что знаю объ немъ, то скажу: взберись на эту гору, по ту сторону ты найдешь рѣку; въ долинѣ стоитъ принцъ

съ своимъ дворомъ, по случаю святой недѣли: если тебѣ возможно получить извѣстія объ Замкѣ Чудесъ, ты ихъ получишь тамъ.

XXVIII.

Передуръ отправился въ путь и прибылъ въ долину, гдѣ протекала рѣка. Здѣсь онъ встрѣтилъ толпу охотниковъ, и, замѣтивъ между ними знатнаго человѣка, онъ ему поклонился.

— Хочешь ты, господинъ, отправиться къ моему двору, или ты предпочитаешь охотиться со мной? Въ первомъ случаѣ я пошлю кого нибудь изъ своихъ предупредить дочь, а ты въ ожиданіи меня ѣшь и пей; какая бы ни была причина твоего прибытія сюда, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ для твоего удовлетворенія.

И король далъ ему въ провожатые желтаго карлика.

Когда они пріѣхали ко двору, принцесса шла умываться передъ тѣмъ, какъ садиться за столъ. Передуръ представился ей. Она любезно приняла Передура, посадила его за столомъ по свою лѣвую руку, и они стали ужинать. И при всякомъ словѣ, сказанномъ Передуромъ, она заливалась громкимъ смѣхомъ, такъ что было слышно всѣмъ придворнымъ. Вдругъ желтый карликъ пришелъ къ принцессѣ.

— Божусь, сказалъ онъ, что этотъ молодой человѣкъ или твой любовникъ, или хочетъ имъ сдѣлаться.

И желтый карликъ пошелъ отъискивать короля и сказалъ ему, что онъ подозрѣваетъ въ молодомъ человѣкѣ любовника его дочери: если этого теперь и нѣтъ, то во всякомъ случаѣ оно не замедлитъ случиться, если не обращать вниманія.

— Что ты мнѣ посовѣтуешь? спросилъ король.

— Я тебѣ совѣтую велѣть его схватить сильнымъ людямъ и продержать въ темницѣ, покуда не узнаешь правды.

И король послалъ сильныхъ людей, которые схватили Передура и ввергли въ темницу.

Молодая дѣвушка пришла къ отцу и спросила его, за что онъ держитъ въ плѣну рыцаря двора Артура.

— Клянусь честью, сказалъ онъ, что онъ не будетъ освобожденъ ни нынѣшній вечеръ, ни завтра, ни послѣ завтра; и не выйдетъ самъ изъ мѣста, гдѣ находится.

Она ничего не отвѣтила отцу, но отправилась къ молодому человѣку.

— Тебѣ очень дурно здѣсь? спросила она.

— Мнѣ все равно, гдѣ не жить.

— Но тебѣ будутъ прислуживать здѣсь не хуже, чѣмъ самому королю, и ты будешь пользоваться всѣми удобствами, которые можетъ представить этотъ дворъ. И если ты хочешь, чтобъ я принесла сюда свою кровать, чтобъ удобнѣе съ тобою разговаривать, я это сдѣлаю съ удовольствіемъ.

— Я не отказываюсь, отвѣтилъ Передуръ.

И онъ провелъ ночь въ темницѣ, и молодая дѣвушка сдержала слово.

На другой день Передуръ услыхалъ сильный шумъ въ крѣпости.

— Скажи мнѣ, прекрасная молодая дѣвушка, откуда этотъ шумъ? спросилъ Передуръ.

— Армія и всѣ войска короля собираются нынче въ крѣпости.

— А по какому случаю они собираются?

— Здѣсь вблизи живетъ графъ, у котораго 2 графства; онъ также могучъ, какъ король, и мой отецъ долженъ нынче драться съ нимъ.

— Я тебя умоляю, сказалъ Передуръ, добыть мнѣ оружіе и лошадь: я хочу присутствовать при ихъ сраженіи; даю тебѣ слово, что ворочусь въ темницу.

— Я съ удовольствіемъ достану тебѣ лошадь и оружіе.

И она снабдила его оружіемъ, лошадью, яркимъ краснымъ плащемъ, чтобъ надѣть его сверхъ латъ, и желтымъ щитомъ.

И онъ присутствовалъ при сраженіи; и всѣ люди изъ свиты графа, которые съ нимъ схватывались, были побѣждены.

Потомъ, онъ воротился въ темницу.

Молодая дѣвушка спросила о битвѣ у Передура, но онъ ей ничего не сказалъ.

Тогда она пошла спрашивать у отца, и хотѣла знать, кто изъ рыцарей лучше всѣхъ исправлялъ свой долгъ; отецъ отвѣтилъ ей, что то былъ неизвѣстный, въ красномъ плащѣ, съ желтымъ щитомъ въ рукѣ.

Она усмѣхнулась, пришла къ Передуру и поздравила его.

И въ продолженіе трехъ дней Передуръ убивалъ людей графа и, прежде чѣмъ успѣвали его узнавать, онъ возвращался въ темницу.

На 4-й день Передуръ убилъ самого графа.

Молодая дѣвушка пошла на встрѣчу къ отцу и спросила, какія у него извѣстія.

— Отличныя, отвѣтилъ король: графъ убитъ и оба графства принадлежатъ мнѣ.

— Знаешь ты, кто убилъ его?

— Да, сказалъ король: человѣкъ въ красномъ плащѣ, съ желтымъ щитомъ.

— Государь, я его знаю, сказала она.

— Ради самаго Бога, спросилъ онъ: кто же онъ?

— Господинъ, это рыцарь, котораго ты содержишь въ плѣну.

Тогда король пошелъ къ Передуру, привѣтствовалъ его и просилъ назначить, какую онъ хочетъ цѣну за оказанныя услуги.

И когда сѣли за столъ, Передура посадили по лѣвую сторону короля, а молодая дѣвушка сѣла около него.

— Я за тебя выдамъ дочь свою, дамъ тебѣ половину своего королевства, сказалъ король, и подарю тебѣ 2 графства.

— Да воздастъ тебѣ Богъ, отвѣтилъ Передуръ: но я пріѣхалъ сюда, не за тѣмъ, чтобы жениться.

— Чего же ищешь ты здѣсь?

— Я желаю имѣть извѣстіе объ Замкѣ Чудесъ.

— Честолюбіе предводителей часто бываетъ выше силъ ихъ, сказала молодая дѣвушка: впрочемъ, ты будешь имѣть извѣстія объ этомъ зàмкѣ, провожатаго и съѣстные припасы, потому что ты — человѣкъ, котораго я люблю больше всего.

И она прибавила:

— Взойди на эту гору; по ту сторону ты увидишь озеро, и посреди озера замокъ, который именуется Замкомъ Чудесъ; про чудеса его я ничего не знаю, но его такъ зовутъ.

XXX.

Передуръ поѣхалъ по дорогѣ къ зàмку озера; двери его были открыты; когда онъ дошелъ до залы, дверь также была отворена.

Когда онъ вошелъ, онъ увидѣлъ шахматную доску, и шахматы 2-хъ противоположныхъ лагерей передвигались сами однѣ противъ другихъ; и та сторона, къ которой онъ подсѣлъ, проиграла партію, другая же издала радостный крикъ, какъ будто состояла изъ живыхъ существъ. Передуръ въ досадѣ бросилъ шахматную доску въ озеро.

Въ это время вошла молодая черная дѣвушка и сказала ему:

— Богъ тебя не благословитъ, — ты дѣлаешь зло и избѣгаешь добра.

— Въ чемъ ты можешь обвинить меня, молодая дѣвушка? спросилъ Передуръ.

— Въ потерѣ шахматной доски императрицы, которую она не отдала бы за все королевство. Дорога, по которой ты пойдешь искать шахматную доску, приведетъ тебя къ зàмку, гдѣ живетъ черный человѣкъ, который опустошаетъ владѣнія императрицы; если тебѣ удастся его убить, ты найдешь шахматную доску; но если ты туда пойдешь, то не воротишься живой.

— Хочешь ты меня туда проводить? спросилъ Передуръ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣтила она.

И такъ онъ отправился въ замокъ Избидиггонгиль и побѣдилъ чернаго человѣка; тотъ попросилъ пощады.

— Я тебя помилую, сказалъ Передуръ: съ тѣмъ условіемъ, что ты поставишь шахматную доску на то самое мѣсто, гдѣ она стояла при моемъ входѣ въ залу.

Тутъ пришла молодая дѣвушка и сказала Передуру:

— Пусть накажетъ тебя небо, что ты оставилъ въ живыхъ чудовище, которое опустошаетъ владѣнія императрицы.

— Я ему даровалъ жизнь, сказалъ Передуръ, съ тѣмъ, чтобъ онъ возвратилъ доску.

— Но развѣ шахматная доска не находится теперь на мѣстѣ, гдѣ ты ее видѣлъ. Воротись же и убей чернаго человѣка.

Передуръ воротился и убилъ чернаго человѣка. И когда онъ воротился ко двору, черная дѣвушка уже была тамъ.

— Молодая дѣвушка, сказалъ онъ, гдѣ императрица?

— Беру Бога во свидѣтели, что ты не увидишь ее, прежде чѣмъ не убьешь чудовище, которое живетъ въ ближнемъ лѣсу.

— Какое чудовище?

— Это — олень, легкій, какъ птица; у него рогъ такой же длинный, какъ сталь твоего копья и такой же тонкій, какъ остріе его; онъ разрушаетъ вѣтви самыхъ прекрасныхъ деревъ лѣса, убиваетъ всѣхъ звѣрей, а тѣ, которыхъ онъ оставляетъ въ живыхъ, умираютъ съ голоду; но что всего хуже, то это — то, что онъ каждую ночь выпиваетъ всю воду изъ озера и лишаетъ рыбъ воды, такъ что большая часть умираетъ, прежде чѣмъ вода накопляется снова.

— Молодая дѣвушка, сказалъ Передуръ: согласна ты пойти показать мнѣ оленя?

— Я этого не могу, потому что всякой живой душѣ запрещено войти въ лѣсъ раньше году; но вотъ маленькая

собачка императрицы, она погонится за оленемъ и приведетъ его къ тебѣ, и олень на тебя бросится.

И такъ, маленькая собачка служила проводникомъ Передуру; она травила оленя, который побѣжалъ къ мѣсту, гдѣ стоялъ Передуръ, и бросился на него; въ это время Передуръ отрѣзалъ ему голову своей шпагой.

Между тѣмъ, какъ онъ разглядывалъ оленью голову, онъ увидалъ даму на лошади; она взяла собачку, завернула ее въ полу своего плаща и поставила передъ собой оленью голову, у которой былъ на шеѣ золотой ошейникъ, и сказала Передуру:

— Рыцарь, ты сдѣлалъ очень дурной поступокъ, убивъ самое лучшее украшеніе моего государства.

— Отъ меня этого требовали. Но развѣ нѣтъ средствъ заслужить твою милость?

— Напротивъ; взойди на эту гору, ты найдешь лѣсъ: вызови три раза на сраженіе воина, который спитъ тамъ, и ты войдешь опять ко мнѣ въ милость.

XXXI.

Передуръ отправился въ путь, пріѣхалъ къ окраинѣ лѣса, произнесъ вызовъ къ битвѣ. И тотчасъ выѣхалъ черный воинъ верхомъ на лошадиномъ скелетѣ, вооруженіе котораго, какъ и вооруженіе сѣдока, было покрыто ржавчиной; сраженіе началось.

И сколько разъ Передуръ выбивалъ его изъ сѣдла, столько разъ онъ опять садился на лошадь.

Тогда Передуръ сошелъ съ лошади и обнажилъ шпагу; но черный воинъ уже исчезъ съ лошадью своего противника, и Передуръ не видалъ его больше.

Тогда Передуръ обошелъ кругомъ горы, и на другой сторонѣ горы онъ увидалъ замокъ въ долинѣ, на берегу рѣки. Онъ направился къ замку, вошелъ въ него, увидалъ залу съ растворенной дверью и переступилъ порогъ. Внутри залы, налѣво, сидѣлъ хромой старикъ съ сѣдыми волосами, а лошадь Передура, которую увелъ черный воинъ, стояла

въ конюшнѣ съ лошадью Гвальмаи, и обѣ лошади заржали отъ радости, увидѣвъ его.

И Передуръ сѣлъ противъ старика съ сѣдыми волосами.

Тогда явился молодой человѣкъ съ бѣлокурыми волосами, всталъ на колѣни предъ Передуромъ и просилъ его благосклонности.

— Господинъ, сказалъ онъ: это я являлся въ образѣ черной молодой дѣвушки ко двору Артура, и когда ты бросилъ въ воду шахматную доску, когда ты убилъ чернаго человѣка и оленя, и когда пошелъ сражаться съ воиномъ; я же являлся съ копьемъ, съ котораго текла кровь по стали отъ острія до рукоятки; а голова эта — голова твоего двоюроднаго брата, и убили его колдуньи изъ Керлоё, — они же изувѣчили твоего дядю, и я твой двоюродный братъ; и было предсказано, что ты будешь нашимъ мстителемъ.

Передуръ и Гвальмаи рѣшились послать просить Артура и его рыцарей ѣхать противъ колдуній изъ Керлоё.

И они отправились:

Одна колдунья убила одного изъ рыцарей Артура въ глазахъ Передура; Передуръ пощадилъ ее; та же самая колдунья убила другаго рыцаря въ присутствіи Передура; Передуръ еще разъ пощадилъ ее. И таже колдунья убила третьяго рыцаря при Передурѣ, но на этотъ разъ Передуръ, обнаживъ шпагу, такъ сильно ударилъ ее по верхушкѣ шлема, что разбилъ шлемъ и голову колдуньи.

Она испустила страшный крикъ и совѣтовала другимъ колдуньямъ бѣжать, говоря, что передъ ними Передуръ, тотъ самый рыцарь, котораго они же сами выучили владѣть оружіемъ и который по предсказанію долженъ былъ ихъ погубить.

Тогда Артуръ и его рыцари напали на колдуній Керлоё и всѣхъ ихъ убили.

Вотъ что разсказываютъ о Замкѣ Чудесъ.

Имя Передура принадлежитъ исторіи. Въ хроникѣ Готфрида Монмоута еще за долго до Артура, въ сухомъ лѣтописномъ разсказѣ (III, 17 и 18 главѣ) говорится о королѣ Элидурѣ, который вступилъ на тронъ сверженнаго подданными своего брата Артaлла Благочестиваго; Элидуръ нашелъ брата въ лѣсу и съ помощію хитрости заставилъ вельможъ снова признать королемъ Артaлла. По смерти брата Элидуръ опять взошелъ на престолъ, но былъ свергнутъ 2-мя другими братьями: Вигеніемъ и *Передуромъ*, которые и раздѣлили между собой его владѣнія. Въ поэмѣ о Мерлинѣ также упоминается Передуръ, князь Венедотскій, который велъ войну съ Гвеннолономъ, королемъ Скоттовъ; но въ латинскихъ источникахъ нельзя найти ничего, напоминающаго его характеръ. Имя Передура переводятъ «спутникъ чаши» (per—kedur), и волшебная чаша играетъ важную роль въ самомъ романѣ. Виллемарке приводитъ много свидѣтельствъ о чудесномъ сосудѣ, имѣвшемъ значеніе въ миѳологіи кельтскихъ сказокъ; этотъ сосудъ то соотвѣтствуетъ «Скатерти - самобранкѣ» нашихъ сказокъ, которая доставляетъ своему владѣтелю все желаемое, то является чудотворнымъ камнемъ, излѣчивающимъ всѣ недуги и раны и не приносящимъ пользы и исцѣленія только дурнымъ людямъ. Почему сказаніе объ этомъ талисманѣ пріурочено именно къ личности Передура, сказать трудно; вѣроятно, только на основаніи первой части (per) его имени. По пѣсни барда Таліесина это священный сосудъ, скрытый въ гротѣ волшебницъ и дающій поэтическій даръ. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ кельтской миѳологіи сказокъ, также какъ почти во всѣхъ другихъ, и даже болѣе, существовала вѣра въ различные талисманы, среди которыхъ главное мѣсто занимала упоминаемая нами чаша, мы не думаемъ, что сказаніе о св. Гралѣ (de Gradali; см. выше) развилось отсюда; христіанскій апокрифъ о св. Іосифѣ Аримаѳейскомъ и о Гралѣ существовалъ отдѣльно и самостоятельно и вѣроятно первоначально имѣлъ форму латинской церковной легенды. Впослѣдствіи, когда всѣ болѣе или менѣе интерес-

ные сюжеты стали обращать въ рыцарскіе романы, наравнѣ съ другими той же участи подвергся и св. Граль; когда кельтскія сказанія пріобрѣли популярность, не могло не остановить вниманіе сходство между св. легендой и миѳической сказкой; тому, кто зналъ то и другое, непремѣнно должно было придти желаніе соединить ихъ вмѣстѣ не съ преднамѣреннымъ обманомъ, но съ полной увѣренностью въ справедливости разсказа. Впрочемъ къ легендѣ о св. Гралѣ мы еще должны будемъ вернуться, говоря о Труа.

Кромѣ миѳа, лежащаго въ основѣ сказки, въ ней есть еще нравственный элементъ, соединенный съ комическимъ: наивный дурачекъ, не имѣющій ни о чемъ понятія, смѣло пускается въ жизнь одинъ безъ руководителя; слишкомъ пунктуально исполняя практическіе совѣты матери, онъ попадаетъ въ смѣшное положеніе и въ опасности, изъ которыхъ выпутывается только посредствомъ своей громадной силы; но потомъ оказывается, что въ этомъ дурачкѣ много благородства, и его смѣшная наивность есть то прекрасное качество, которое дѣлаетъ человѣка неспособнымъ примириться со всею грязью жизни. Въ сказкахъ всѣхъ народовъ больше сочувствія вызываютъ такіе правдивые, смѣлые, не испорченные жизнью дурачки. Оба эти элемента, миѳическій и нравственный, здѣсь соединены вполнѣ органически и освѣщены первоначально чуждымъ имъ свѣтомъ рыцарства.

Кромѣ этой, въ Красной книгѣ заключаются 2 рыцарскія сказки: Рыцарь Сокола или Геренъ, сынъ Эрбина, и Овенъ или Фонтанъ брециліанскій

Содержаніе рыцаря Сокола, по Красной книгѣ, слѣдующее:

Король Артуръ живетъ съ своимъ дворомъ въ Карлеонѣ. Во время пира въ залу входитъ одинъ изъ его лѣсничихъ и докладываетъ королю, что въ сосѣднемъ лѣсу усмотрѣнъ бѣлый олень. Артуръ на завтра назначаетъ охоту. Гвеннивара проситъ позволенія принять въ ней участіе и получаетъ согласіе; но Гвеннивара проспала, а король съ охотниками рано выѣхалъ изъ дома, забравши съ конюшни всѣхъ, сколько нибудь годныхъ лошадей. Проснувшись,

Гвеннивара рѣшилась догонять охотниковъ вмѣстѣ съ одной фрейлиной. На дорогѣ ей встрѣтился Геренъ, сынъ Эрбина, и поѣхалъ сопровождать ее. Скоро они увидали рыцаря съ опущеннымъ забраломъ необыкновенно большаго роста, который ѣхалъ въ сопровожденіи дамы и карлика. Гвеннивара изъ любопытства послала свою фрейлину спросить у карлика, какъ зовутъ его господина. Тотъ грубо отвѣчалъ ей, и когда она сказала, что спроситъ у самого рыцаря, карликъ ударилъ ее бичемъ по лицу. Съ плачемъ вернулась назадъ дѣвушка. Геренъ долженъ мстить, но онъ безъ оружія, и бой невозможенъ; тогда онъ ѣдетъ за неучтивымъ рыцаремъ, чтобъ не потерять его изъ виду, надѣясь гдѣ нибудь по дорогѣ раздобыться оружіемъ. Такъ онъ доѣзжаетъ до одного города. Не далеко отъ этого города, Геренъ находитъ гостепріимство въ старомъ за́мкѣ; тамъ живетъ какой то старикъ съ женою и необыкновенно красивою дочерью. Они очень бѣдны, но все таки же стараются угощать Герена. Старикъ сообщаетъ Герену, что рыцарь, оскорбившій фрейлину Гвеннивары, есть Эдейрнъ, сынъ Нуца. Онъ пріѣхалъ сюда вотъ по какому случаю: въ городѣ устроенъ большой праздникъ, на которомъ бьются рыцари. Тому, кто въ продолженіи трехъ лѣтъ побѣдитъ всѣхъ остальныхъ, будетъ данъ въ награду соколъ и прозвище Рыцаря Сокола. Сынъ Нуца уже два года оставался побѣдителемъ; Геренъ хочетъ сразиться съ нимъ, но для этого ему необходимо имѣть даму и полное вооруженіе. Въ дамы онъ, не задумываясь, выбираетъ себѣ прекрасную Эниду (такъ называлась дочь старика), а вооруженіе достаетъ ему старикъ, который оказывается несправедливо лишенный престола король этой земли. Но другой день происходитъ поединокъ. Послѣ долгаго и ужаснаго сопротивленія великанъ раненъ и побѣжденъ. Онъ долженъ отправиться къ Гвенниварѣ, чтобъ испросить у ней извиненія за свой грубый поступокъ. Геренъ, провозглашенный Рыцаремъ Сокола, женится на Энидѣ и возвращаетъ ея отцу престолъ. Съ молодой женой отпра-

вляется онъ ко двору Артура. А тотъ между тѣмъ затравилъ оленя и, по условію долженъ отдать его голову прекраснѣйшей дамѣ своего двора. Когда появляется Геренъ съ Энидой, красота ея сразу такъ всѣхъ плѣнила, что Артуръ, не колеблясь, отдаетъ ей голову оленя и свой поцѣлуй, а Гвеннивара снабжаетъ ее туалетомъ. Во время всеобщаго ликованія являются послы короля Корнваллисскаго, отца Геренова, который зоветъ сына къ себѣ, чувствуя себя слабымъ отъ старости. Геренъ ѣдетъ вмѣстѣ съ женою. Имя его вскорѣ пріобрѣтаетъ такую извѣстность, что сосѣди боятся дѣлать нападенія на его землю, и онъ можетъ жить совершенно спокойно. Скоро это непривычное спокойствіе начинаетъ жестоко томить ето. Онъ дѣлается мраченъ и задумчивъ; безъ причины злится на всѣхъ, даже на нѣжно-любящую его жену. Безъ всякаго основанія онъ готовъ повѣрить, что она измѣнила ему, и жестоко мучитъ себя и ее. Наконецъ ему нѣтъ силъ терпѣть; ему надо возвратиться на время къ прежней жизни, снова испытать сильныя ощущенія. Тайно отъ всѣхъ покидаетъ онъ родительскій домъ и уѣзжаетъ въ сопровожденіи одной Эниды, которая получаетъ отъ него приказаніе, не смотря ни на что хранить глубочайшее молчаніе. Тогда начинается длинный рядъ битвъ и другихъ опасныхъ подвиговъ. Каждый разъ при приближеніи опасности Энида нарушаетъ приказаніе, и Геренъ громко негодуетъ на ея болтовню. Много встрѣчаетъ онъ рыцарей на пути; каждый изъ нихъ изъ за красоты Эниды нападаетъ на Герена и каждый со стыдомъ долженъ удалиться, отдавъ свою лошадь Герену. Этими лошадьми расплачивается Геренъ съ хозяиномъ гостинницы. Геренъ встрѣчается со дворомъ Артура, побѣждаетъ Кая и снова уходитъ на подвиги. Наконецъ и его крѣпкая натура не выдерживаетъ; ослабѣвъ отъ ранъ, онъ теряетъ сознаніе и падаетъ на землю. Энида, считая его умершимъ, разражается рыданіями. На ея крикъ приходитъ графъ этой земли, приказываетъ перенести трупъ Герена въ замокъ и, плѣненный красотою Эниды, предлагаетъ ей

сейчасъ же выдти за него замужъ. Энида на отрѣзъ отказалась, и графъ, раздраженный ея сопротивленіемъ, ударилъ ее по лицу. Она громко вскрикнула. Отъ ея крика проснулся мнимый мертвецъ и убилъ графа. Послѣ столькихъ подвиговъ, измученный и усталый тѣломъ, Геренъ снова оживаетъ духомъ. Теперь онъ снова убѣждается въ невинности Эниды и весело ѣдетъ ко двору Артура. Вскорѣ умеръ его отецъ, и Геренъ, провозглашенный королемъ, царствовалъ долго и славно.

Если эта сказка не есть передѣлка французскаго романа, а напротивъ его прототипъ, въ ней отразилось рыцарство ранней эпохи; въ ней есть турниры, есть любовь и служенье дамѣ но все еще въ грубомъ первоначальномъ видѣ. Поединокъ между Гереномъ и сыномъ Нуца своими кровавыми подробностями указываетъ на слѣды первоначальной народной поэзіи. Но рыцарю, участвующему въ немъ, уже необходимо имѣть даму, и побѣжденный отправляется просить извиненья; Геренъ — рыцарь на половину. Онъ не стыдится отнимать лошадей у побѣжденныхъ, дерется со всѣми, не справляясь о ихъ родѣ и племени, но, какъ рыцарь, не возитъ съ собой денегъ и добытыми конями расплачивается съ хозяиномъ. Въ этой сказкѣ чрезвычайно мало фантастическаго; его перевѣшиваетъ нравственный элементъ, что такъ рѣдко бываетъ въ народной поэзіи. Въ художественномъ отношеніи она стоитъ очень высоко. Два главные типа: вѣрной и любящей, безъ всякой напыщенности, Эниды и сильнаго, не могущаго жить безъ необыкновенныхъ ощущеній Герена, обрисованы замѣчательно хорошо.

Въ третьей сказкѣ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Овенъ, рыцарь льва.

Король Артуръ, окруженный своими вассалами, сидитъ въ замкѣ; въ ожиданіи обѣда онъ рекомендуетъ вассаламъ заняться разговорами, а самъ засыпаетъ.

Тогда Кай начинаетъ разсказывать одно происшествіе изъ своей жизни. Онъ путешествовалъ по Бретани и однажды въ долинѣ встрѣтилъ великана, стерегущаго дикихъ

звѣрей. Этотъ великанъ объяснилъ ему, что неподалеку находится Брециліанскій фонтанъ, гдѣ Кай можетъ попытать счастія, если онъ желаетъ быть побитымъ. Кай доѣзжаетъ до фонтана и выливаетъ немного воды изъ ковша на камень; тогда начинается страшная буря, отъ которой всѣ листья падаютъ на землю. Когда все успокоилось, появился черный рыцарь, вышибъ Кая изъ сѣдла и отнялъ у него лошадь. Такъ несчастно кончилось его приключеніе. Услыхавъ этотъ разсказъ, Овенъ рѣшается во что бы то ни стало отмстить за обиду, нанесенную рыцарю двора Артура. Кай насмѣхается надъ нимъ и даже грубо бранится; только королева Гвеннивара заступается за молодаго героя. Овенъ отправился; онъ также встрѣтилъ на пути чернаго человѣка, и также сразился съ чернымъ рыцаремъ, только успѣхъ борьбы былъ неодинаковъ: смертельно раненый черный рыцарь поспѣшилъ къ замку; Овенъ за нимъ. Ворота замка были устроены такимъ образомъ, что лошадь Овена была перерублена пополамъ, и ворота захлопнулись такъ, что онъ не могъ оттуда выдти. Такимъ образомъ онъ подвергся опасности погибнуть отъ рукъ служителей замка. Его спасла молодая фрейлина Люнеда, давшая ему кольце, съ помощью котораго онъ могъ дѣлаться невидимымъ. Между тѣмъ раненый умеръ. Напрасно слуги искали убійцы; они чувствовали, что онъ близко, потому что кровь выступала изъ раны трупа (общее повѣрье съ Германцами), но Овенъ скрывался посредствомъ волшебнаго кольца. Были назначены похороны. Изъ окна Люнеды Овенъ увидалъ процессію и вдову покойнаго. Онъ влюбился въ нее съ перваго взгляда. Теперь Люнедѣ предстоитъ трудная обязанность женить его на хозяйкѣ замка, которая горько оплакивала убитаго мула. Люнеда исполнила это трудное дѣло; замѣтивъ, что госпожа ея начинаетъ поддаваться и согласилась видѣть рыцаря, котораго та ей прочитъ въ супруги; она употребляетъ послѣдній аргументъ: «тотъ, кто побѣдилъ вашего мужа, естественно, былъ храбрѣе и сильнѣе его». Наконецъ дама пустила Овена къ себѣ въ комнату;

онъ страшно оробѣлъ и смѣшался, но дама умѣла по достоинству оцѣнить его конфузливость, и черезъ нѣсколько дней была съиграна свадьба. Теперь Овенъ защищалъ фонтанъ и побивалъ всякаго рыцаря, который приближался къ нему. Между тѣмъ Артуръ соскучился объ немъ и со всѣмъ дворомъ отправился его отъискивать. Они доѣхали до фонтана и, желая отмстить за Овена, котораго считали убитымъ, вылили воды на камень; тогда явился черный рыцарь съ опущеннымъ забраломъ, поразилъ многихъ рыцарей Артура и жестоко побилъ Кая. Наконецъ непобѣжденными остались только самъ Артуръ да Гвальмаи; послѣдній отправляется на битву, и противники долго угощаютъ другъ друга тяжеловѣсными ударами. Наконецъ дѣло объяснилось. Гвальмаи и Овенъ соперничаютъ въ великодушіи, и каждый хочетъ себя признать побѣжденнымъ. Потомъ всѣ ѣдутъ въ гости къ Овену и веселятся тамъ цѣлые три мѣсяца. Когда Артуръ собирается уѣзжать, Овенъ выпрашивается у жены ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, обѣщаясь возвратиться черезъ годъ; но среди праздниковъ и битвъ онъ забываетъ о женѣ и три года не даетъ о себѣ никакого извѣстія. Тогда ко двору Артура является посланная отъ брециліанской дамы, срываетъ съ руки Овена кольце и осыпаетъ его жестокими упреками. Пристыженный Овенъ покинулъ дворъ и, чтобы избѣжать тоски, принялся искать приключеній. Затѣмъ начинается длинный рядъ авантюровъ, напоминающихъ сказку о Передурѣ. Во время одного изъ нихъ Овенъ освобождаетъ льва отъ змѣя и тотъ, какъ собака, повсюду слѣдуетъ за нимъ и помогаетъ ему въ битвахъ. Отъ нравственныхъ страданій и физическихъ лишеній Овенъ почти сошелъ съума и чуть-чуть не умеръ. Между прочими подвигами онъ освобождаетъ Люнеду, сражаясь за нее въ судебномъ поединкѣ и наконецъ пріѣзжаетъ къ брециліанскому фонтану и выливаетъ воды на камень. Но напрасно, изъ замка не выѣзжаетъ рыцарь: жена его любила его по прежнему. Романъ кончается примиреніемъ супруговъ и всеобщею радостію.

Не будучи въ состояніи за неимѣніемъ данныхъ опредѣлить мѣсто, занимаемое Красной книгой въ исторіи рыцарскихъ романовъ, снова обращаемся къ Франціи.

Поэты рыцарства не походили на прежнихъ труверовъ, бродившихъ почти въ рубищѣ или въ платьѣ съ барскаго плеча по селамъ и городамъ, жившихъ среди народа и его жизнью. Они почти всѣ происхожденія благороднаго, стоятъ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ графами и герцогами, имѣютъ постоянное мѣсто жительства, по большей части, въ замкѣ богатаго барона и сочиняютъ не для грубыхъ крестьянъ и мѣщанъ, а для прелестныхъ дамъ и блестящихъ рыцарей.

Первый по времени, по таланту и значенію въ исторіи литературы поэтъ рыцарскихъ романовъ былъ Кретьенъ де-Труа. Онъ родился въ городѣ Труа на Сенѣ, гдѣ была древняя резиденція графовъ Шампанскихъ, между 1140—1150 гг. Вѣроятно, онъ получилъ хорошее образованіе въ монастырской школѣ, судя по переводамъ изъ древнихъ поэтовъ и по частымъ намекамъ на классическую миѳологію; можетъ быть онъ принадлежалъ къ духовному сословію*), которое въ средніе вѣка не мѣшало своимъ сочленамъ заниматься любовью и жить весело. Извѣстно, что изъ своего отечества онъ совершилъ путешествіе къ графу Фландрскому, отъ котораго получалъ большія награды за свои романы; судя по одному мѣсту въ его романѣ**) онъ пользовался расположеніемъ какой то графини Шампанской, можетъ быть, Маріи, жены Балдуина IX Фландрскаго. Онъ умеръ въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка. Одинъ изъ первыхъ его романовъ есть Эрекъ, (Li contes d'Erec li fil Lac); это уже знакомая намъ сказка о рыцарѣ Сокола, главнымъ героемъ которой былъ Геренъ, сынъ Эрбина. Въ 980 году въ Нантѣ былъ коронованъ Герекъ (Gherec) или Эрекъ, именемъ котораго Труа замѣнилъ незнакомое ему имя Герена. Въ главной части романъ совершенно сходенъ съ

---

*) Holland 1854.

**) Chevalier de la charrette.

сказкой; онъ также начинается съ описанія Артуровой охоты, Эрекъ также, какъ и Геренъ, отмщаетъ обиду супруги Артура, женится на Энидѣ, отправляется искать приключеній, счастливо побѣждаетъ всѣхъ противниковъ и, возвратившись, восходитъ на престолъ отца своего. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о коронованіи Эрека, котораго нѣтъ въ сказкѣ; ради его то, вѣроятно, Труа и измѣнилъ имя героя, если только онъ писалъ, имѣя подъ руками сказку. Если же онъ сочинялъ самъ по какимъ нибудь lais изъ Бретани, онъ могъ найдти имя уже измѣненнымъ. Но сходство ограничивается только общимъ планомъ; въ частностяхъ видна большая разница, причины которой надо искать не столько въ личности поэта, сколько въ духѣ времени. Во 1-хъ романъ гораздо обширнѣе сказки, во 2-хъ все необыкновенное, чудесное рисуется въ болѣе яркихъ поэтическихъ краскахъ. Въ собственныхъ именахъ также большая разница: находящіяся въ сказкѣ Труа измѣняетъ по своему, называетъ по имени тѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя тамъ вовсе не имѣютъ имени (напр. великана, охраняющаго садъ, называетъ онъ Mabonagrain) и вставляетъ новыя лица тамъ, гдѣ они совсѣмъ не нужны (такъ, описывая пріѣздъ Эниды ко двору, онъ приводитъ длинный перечень рыцарей, здѣсь находящихся). Но самое важное и знаменательное измѣненіе замѣчается въ нравахъ: съ перваго взгляда видно, что рыцарство уже далеко подвинулось впередъ, въ особенности со стороны деликатности и утонченности. Такъ вмѣсто того, чтобы подарить голову бѣлаго оленя красивѣйшей дамѣ, рыцарь, превзошедшій всѣхъ на охотѣ, можетъ требовать поцѣлуй отъ первой красавицы двора; въ сказкѣ раскаяніе Герена выражается кратко, и онъ не особенно заботится объ удовлетвореніи жены, которая, по его мнѣнію, должна быть довольна уже тѣмъ однимъ, что онъ чувствуетъ себя хорошо; въ романѣ, Энида есть госпожа, отъ которой мужъ можетъ ждать и казни и милости. Прогрессъ замѣчается даже въ мелочахъ: вмѣсто головъ, которыя въ сказкѣ натыканы на оградѣ вол-

шебнаго сада, Труа, очевидно опасавшійся оскорбить такой неизящной и ужасной картиной нѣжное чувство своихъ читателей и читательницъ, ставитъ шлемы съ подписанными внизу именами и т. д.

Романы были такъ длинны и однообразны, что авторъ часто бросалъ свой трудъ, не окончивъ, и при его жизни, или послѣ, другой поэтъ брался его доканчивать. Это облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что всякій романъ состоялъ изъ множества мелкихъ авантюровъ (приключеній); эти авантюры, составляющія въ исторіи одинъ изъ важнѣйшихъ принциповъ средневѣковой жизни вообще, и жизни рыцарства въ частности, какъ нельзя лучше приходились по плечу читателямъ, которые не любили очень подолгу, не отрываясь сидѣть за книгою. Такъ двумя авторами: Труа, и Готфридомъ де Леньи (Godeffroi de Laigny) написанъ романъ *Рыцарь телѣги;* мы не знаемъ кельтской сказки бретонскаго lais, лежащаго въ основѣ его, но главный герой его встрѣчается въ пѣсняхъ бардовъ и др. древнѣйшихъ памятникахъ;—это Ланселотъ (Lancelot). Собственно имени Ланселота Кельты не знаютъ, но остроуміе ученыхъ произвело его изъ Маэля, древняго князя Бриттовъ, извѣстнаго по хроникамъ своею храбростью и развратомъ, такимъ образомъ: Lancelot собственно слѣдуетъ читать L'Ancelot, а ancelot есть уменьшительное отъ древнефранцузскаго ancel, которое совершенно однозначуще съ кельскимъ mael—слуга. Содержаніе романа состоитъ въ слѣдующемъ.

Ко двору Артура во время праздника является гордый рыцарь, во власти котораго находятся многіе вассалы Артура, и вызываетъ всѣхъ присутствующихъ на поединокъ: если онъ будетъ побѣжденъ, его плѣнники должны быть свободны; въ противномъ случаѣ онъ уведетъ и королеву Ганьевру (измѣненное имя Гвеннивары). Кексъ (Кех; въ сказкахъ Кай) съ свойственною ему запальчивостью принимаетъ вызовъ и отправляется въ поле съ Ганьеврой. Артуръ скоро понялъ, что онъ сдѣлалъ глупость, и вмѣстѣ съ Говеномъ спѣшитъ на мѣсто битвы, но

они уже не находятъ тамъ ни Кекса, ни королевы: только лошадь сенешаля безъ сѣдока мчится имъ на встрѣчу. Тогда Говенъ сейчасъ же отправляется искать ихъ. На дорогѣ видитъ онъ странное зрѣлище: на телѣгѣ, которая обыкновенно служила позорной колесницей, ѣдетъ Ланселотъ, его другъ, лучшій рыцарь Артурова двора. Его везутъ карлики. Онъ тоже отправился отъискивать королеву, встрѣтилъ карлика и спросилъ его, не знаетъ ли онъ, гдѣ Ганьевра; карликъ отогналъ его лошадь и сказалъ, что не дастъ ему никакого извѣстія, если Ланселотъ не сядетъ на его колесницу. Теперь рыцари отправляются вмѣстѣ. Ночь провели они въ зàмкѣ, гдѣ ихъ приняли очень гостепріимно. Днемъ, стоя у окна, они увидали рыцаря, въ сопровожденіи многихъ особъ обоего пола, и въ числѣ ихъ узнали королеву; Ланселотъ чуть не бросился изъ окна. Цѣлый день они проплутали напрасно, наконецъ отъ встрѣтившейся дѣвушки узнали они, что королева находится во власти Мелеаганта, сына Бадемагутова; эта дѣвушка совѣтывала имъ раздѣлиться, чтобы проложить разныя дороги. Ланселотъ отправляется къ Мосту Мечей, по дорогѣ испытываетъ множество приключеній, побѣждаетъ, убиваетъ въ угоду одной дамы рыцаря, упрекнувшаго его въ сидѣньи на позорной колесницѣ и наконецъ доѣзжаетъ до замка Бадемагута. Тотъ вѣжливо принимаетъ его, и Мелеагантъ долженъ драться съ нимъ; хотя Ланселотъ и одержалъ верхъ, но Мелеагантъ, за котораго заступилась королева, не былъ побѣжденъ окончательно; впрочемъ плѣнники были освобождены. Ланселотъ расчитывалъ на благодарность королевы, но та презираетъ его за телѣгу, и онъ уѣзжаетъ; получивъ ложное извѣстіе о смерти королевы, онъ чуть не лишилъ себя жизни. Его схватили слуги Бадемагута и привели назадъ. Теперь ласково приняла его королева, которая съ своей стороны пришла въ отчаяніе услыхавъ о его смерти. Ланселотъ оцарапалъ себѣ палецъ и возвращаясь съ ночнаго свиданія отъ королевы, уронилъ на полъ нѣсколько капель крови; Мелеагантъ обвинилъ Кекса въ

связи съ королевой, и Ланселотъ вызываетъ его снова на поединокъ, который снова остается неконченнымъ. Отправившись отъискивать Говена, Ланселотъ отдѣлился отъ своихъ спутниковъ и внезапно исчезъ. Между тѣмъ Говенъ, послѣ многихъ приключеній добрался до Бадемагута; но напрасно надѣялся онъ имѣть извѣстія о другѣ: объ немъ никто ничего не знаетъ. Отъ Ланселота получаютъ письмо, въ которомъ онъ проситъ королеву отправиться къ Артуру, что и было исполнено Но письмо это было подложное: Ланселота держалъ въ плѣну Мелеагантъ. При дворѣ Артура назначенъ турниръ; на него жена тюремщика выпустила Ланселота съ условіемъ, что онъ возвратится назадъ; побѣдивши всѣхъ противниковъ, Ланселотъ сдержалъ свое слово. Окончательно изъ тюрьмы его освободила сестра Мелеаганта, котораго въ концѣ романа Ланселотъ убиваетъ въ послѣднемъ поединкѣ.

«Рыцарь Телѣги» вполнѣ рыцарскій романъ со всѣми его достоинствами и недостатками и ясно отличающійся по характеру отъ бретонскихъ сказокъ. Здѣсь всѣ герои рыцарственны до послѣдней степени; странствующіе герои вездѣ хнаодятъ радушный пріемъ, самые язычники чрезвычайно вѣжливы и честны; дамы управляютъ всѣмъ, и преступныя связи ни имъ, ни муцинамъ не ставятся въ особенный позоръ; карлики и всевозможныя чудеса указываютъ на необыкновенно разъигравшуюся фантазію, которая не сдерживается народными вѣрованіями; собственныя имена очевидно французскаго происхожденія; всевозможные анахронизмы и ошибки противъ географіи встрѣчаются на каждомъ шагу. Вообще, дѣйствіе происходитъ не на землѣ въ извѣстную, опредѣленную эпоху и въ опредѣленномъ мѣстѣ, а въ мірѣ, созданномъ воображеніемъ смѣлыхъ и въ вымыслахъ рыцарей.

Романъ о рыцарѣ Льва (li romans dou chevalier au lyon) есть уже извѣстная намъ сказка объ Овенѣ, который здѣсь называется Ивеномъ (Yvain). Отмѣны противъ сказки отличаются тѣмъ же характеромъ, какъ и въ романѣ объ

Эрекѣ. Такъ дама бреціліанская получаетъ здѣсь имя почему-то испанское: Esclados le ros. Также здѣсь встрѣчаются большія лирическія отступленія, состоящія въ жалобахъ на свое время, также больше роскоши въ фантазіи, больше чудеснаго, менѣе сказочныхъ преувеличеній (Ивенъ побиваетъ не всѣхъ рыцарей Артура, а только одного Кекса), больше искуственности (левъ въ романѣ, видя своего господина бездыханнымъ, хочетъ лишить себя жизни, бросившись на мечъ), большее знаніе человѣческаго сердца и больше желанія останавливаться на его движеніяхъ. Въ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательны переговоры дамы съ Люнеттой по смерти чернаго рыцаря*).

Де Труа, поэтъ чрезвычайно плодовитый, не ограничивался одними романами изъ цикла Артурова; по собственному его свидѣтельству онъ занимался переводомъ изъ латинскихъ поэтовъ, и подъ его именемъ дошло до насъ 2 романа, не связанныхъ нисколько съ Артуромъ и нѣсколько лирическихъ стихотвореній. Любопытно прослѣдить, насколько рыцарство повліяло на сюжеты, ему первоначально чуждые.

Романъ о Клиже (li contes de Cliget) вполнѣ гармонируетъ съ эпохой своего явленія въ свѣтъ въ обстановкѣ и характерѣ, но чуждъ рыцарству по именамъ дѣйствующихъ лицъ и отчасти по сюжету. Въ немъ участвуютъ всѣ рыцари Артура, но только въ качествѣ аксессуаровъ. Содержаніе его слѣдующее **):

Императоръ Александръ, властитель Константинополя и Греціи, имѣетъ 2-хъ сыновей, изъ которыхъ старшій, также Александръ, не заботясь о престолѣ, отправляется ко двору Артура въ Винчестеръ, посвящается имъ въ рыцари, оказываетъ ему чрезвычайно важныя услуги и получаетъ отъ него руку сестры Говена Соре д'Аморъ (Sore d'Amors) и богатыя земли. Отъ этого брака родится Клиже; съ нимъ

*) Villemarqué стр. 93 и ssq.
**) Holland. ст. 44.

и съ женою Александръ отправляется въ отечество, надѣясь еще застать отца въ живыхъ; но онъ находитъ, что престолъ уже нѣсколько лѣтъ занимаетъ его младшій братъ Алисъ; чувствуя несправедливость своего поступка, Алисъ обѣщается никогда не жениться. Однако подданные заставляютъ его нарушить обѣщаніе, и онъ ѣдетъ свататься за племянницу нѣмецкаго императора Фенице. 18 лѣтній Клиже, находившійся въ его свитѣ, влюбляется въ невѣсту дяди и своею храбростью и подвигами возбуждаетъ въ ней любовь. Фенице, не смотря на свое отвращеніе, должна выдти за Алиса, а Клиже, чтобы забыть ее, отправляется искать приключеній. Его авантюры несравненно проще, чѣмъ у рыцарей Круглаго стола и въ нихъ ничего нѣтъ фантастическаго. Явившись ко двору Артура, онъ побѣждаетъ всѣхъ его рыцарей и даже едва не одолѣваетъ своего дядю, Говена. Онъ все же не можетъ забыть своей любезной и возвращается въ Грецію. Тамъ они составляютъ хитрый планъ освобожденія: Фенице выпиваетъ напитокъ, данный ей кормилицей Тессаной, отъ котораго она дѣлается на время мертвой; не смотря на всѣ опыты врачей, не смотря на растопленный свинецъ, который лили ей на руки, она не пробуждается, и ее должны похоронить; Клиже съ вѣрнымъ слугою освобождаютъ ее изъ гробницы, оживляютъ и увозятъ съ собою. Но не долго жили они спокойно: скоро Алисъ узналъ мѣстопребываніе ихъ и пустился въ преслѣдованіе. Тогда Клиже съ подругой убѣгаютъ къ Артуру, который ласково принимаетъ ихъ и вооружаетъ флотъ противъ Алиса. Во время военныхъ приготовленій, Алисъ умираетъ и Клиже съ Фенице возвращается въ отечество, чтобы занять престолъ. Нельзя этотъ романъ считать взятымъ изъ цикла Александра только на основаніи именъ дѣйствующихъ лицъ, также какъ и нельзя причислять его къ романамъ Круглаго стола. Основной сюжетъ имѣетъ сходство и съ Тристаномъ (см. ниже) и съ Медродомъ, но сходство это нельзя объяснять заимствованіемъ, тѣмъ болѣе, что Труа самъ написалъ романъ о Трис-

танѣ, не дошедшій до насъ. Вѣроятно сюжетъ взятъ изъ какой нибудь баснословной хроники, въ родѣ нѣмецкой императорской.

2-й романъ Труа — *Вильгельмъ Англійскій* даже по обстановкѣ не имѣетъ ничего общаго съ рыцарствомъ; онъ идетъ изъ другаго лагеря — изъ церковныхъ легендъ.

Вильгельмъ и жена его благочестивѣйшіе люди, но для испытанія ихъ Богъ посылаетъ имъ несчастія. Вильгельмъ получаетъ свыше приказаніе покинуть домъ и царство; онъ повинуется небесному голосу и бѣжитъ съ женой къ морю. На берегу жена его разрѣшается отъ бремени 2-мя мальчиками; за тѣмъ Вильгельмъ послѣдовательно теряетъ жену, которую увозятъ пираты, обоихъ сыновей и даже кошелекъ съ деньгами, брошенный ему съ корабля разбойниками. Онъ самъ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ и все терпитъ безъ ропота на Бога. Потомъ постепенно ему начинаетъ возвращаться все потерянное: жена, сыновья, сдѣлавшіеся молодыми людьми, кошелекъ и царство.

Ясно, что въ основѣ лежитъ благочестивая легенда, по мнѣнію Голланда, передѣланная изъ устнаго разсказа.

Де Труа началъ большой романъ о Персевалѣ (Per-keval = Per-edur), какъ онъ самъ говоритъ, по просьбѣ Филиппа, герцога Фландріи, на основаніи данной ему книги, но не успѣлъ кончить его; его продолжали Гербертъ и Готье де Дене, а кончилъ Манессіе въ послѣднихъ годахъ XII вѣка. Въ основѣ лежитъ кельтская сказка о Передурѣ, но съ прибавкою новаго элемента — христіанской легенды.

Въ началѣ содержаніе вполнѣ сходно съ сказкой; только дѣйствующіе лица получаютъ другія имена: старый рыцарь, который передаетъ Персевалю главныя правила своего сословія, называется Горнемантъ, а дѣвушка, замокъ которой онъ освобождаетъ отъ враговъ есть Бланшфлёръ. Ни слава, ни любовь не могутъ его заставить забыть свою мать; онъ ѣдетъ, самъ не зная куда, и въ этомъ то положеніи попадаетъ въ замокъ короля Грѣшника (или рыбака

pecheor); чудеса, которыя видитъ онъ въ замкѣ, роскошнѣе; въ чашѣ, которая называется Граль, нѣтъ мертвой головы, нѣтъ этихъ страшныхъ рыданій; встрѣтившись съ дворомъ Артура, онъ наказалъ за грубость только одного Кё. Получивъ извѣстіе, что онъ причиной неизлѣчимой раны короля, Персеваль снова пускается въ путь къ Гралю. Но точно невидимая рука отталкиваетъ его, и онъ впадаетъ въ страшное отчаяніе, доходящее даже до забвенія Бога; священникъ спасаетъ его отъ отчаянія. Когда Персеваль снова принимается искать Граль, множество приключеній отводятъ его отъ цѣли; наконецъ Провидѣніе, чтобъ сдѣлать его болѣе достойнымъ обладанія св. чаши, приводитъ его на могилу матери, гдѣ онъ оплакиваетъ грѣхи свои. Доказавъ, что онъ лучшій рыцарь, восхожденіемъ на Гору Скорбей, онъ снова попадаетъ къ королю-Грѣшнику и узнаетъ исторію копья и чаши. Это копье то самое, которымъ Лонгинъ пронзилъ бокъ Христа, а чаша та самая, въ которую Іосифъ Аримаѳейскій собралъ кровь его. Эта чаша доставляетъ всѣ блага духовныя и тѣлесныя: она излѣчиваетъ всѣ раны; по волѣ владѣтеля наполняется всякими кушаньями, воскрешаетъ даже мертвыхъ. Персеваль счастливо выдерживаетъ всѣ испытанія: склеиваетъ обломки чудесной шпаги, побѣждаетъ искушенія діавола и отмщаетъ за дядю. Послѣ этого 7 лѣтъ царствовалъ Персеваль надъ Гралемъ, 5 лѣтъ былъ пустынникомъ и наконецъ умеръ. Послѣ смерти онъ вознесся въ рай, куда за нимъ отправилось и копье съ чашей.

Въ такомъ видѣ находилась легенда о св. чашѣ во Франціи въ концѣ XII вѣка. Мы выше говорили о томъ, что здѣсь христіанская благочестивая легенда, чрезвычайно поэтичная и потому подвергавшаяся безчисленному множеству передѣлокъ, была пріурочена къ древнему кельтскому герою, только вслѣдствіе того, что въ его имени и дѣйствіяхъ участвовалъ какой то миѳологическій сосудъ, существующій во всѣхъ миѳологіяхъ. Труверы были люди образованные; многіе изъ нихъ, принадлежа къ духовному

сословію, хорошо знали полатыни и всѣ, безъ сомнѣнія, слыхали легенду о св. Гралѣ.

Что касается до начала христіанскаго апокрифа, изслѣдованіе о немъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Его выводили и съ Востока и изъ Греціи (Görres XL), и изъ Испаніи, и теперь выводятъ отъ Кельтовъ и чаши богини Церидвенъ; но сказать что нибудь положительное, какъ и вообще на счетъ начала апокрифовъ, очень трудно.

Не имѣя возможности изложить всѣ виды легенды, мы удовольствуемся только разсказомъ о началѣ Граля, и изложеніемъ содержанія Іосифа Аримаѳейскаго.

Когда Люциферъ падалъ съ неба отъ копья Михаила, одинъ изъ камней, составлявшихъ его корону, упалъ на землю; одинъ язычникъ сдѣлалъ изъ него чашу (по другимъ блюдо); царица Савская купила ее и отвезла Соломону. Такимъ образомъ сосудъ этотъ сохранялся въ Іудеѣ до времени Іисуса Христа, который во время тайной вечери преломилъ въ немъ хлѣбъ. Но здѣсь мы можемъ обратиться къ французскому труверу Роберту де Боронъ. Онъ по происхожденію былъ рыцарь, жившій въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка. Онъ оставилъ коротенькій романъ въ стихахъ объ Іосифѣ Аримаѳейскомъ, написанный въ 1-ой четверти XIII вѣка. Не зная по латыни, онъ не могъ пользоваться сказаніемъ о Гралѣ въ подлинникѣ, а писалъ, вѣроятно, на основаніи устнаго разсказа.

«Грѣшники должны знать, такъ начинаетъ онъ свой религіозный романъ, что прежде, чѣмъ сойти на землю, І. Х. предсказывалъ свои страсти и свое пришествіе. А до тѣхъ поръ всѣ короли, бароны и бѣдные люди сходили въ адъ по слѣдамъ Адама и Еввы, Аврама, Исаіи и Іереміи». Іосифъ Аримаѳейскій служилъ судьѣ (bailli) Пилату съ 5-ю всадниками и былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Іисусомъ. *Сенешаль* Христа, Іуда измѣняетъ своему господину, потому что желаетъ воротить въ свое казнохранилище деньги, истраченныя на масло Маріей Магдалиной. Придя въ домъ съ Іудеями, онъ говоритъ имъ: «держите его (Христа)

хорошенько, потому что онъ необычайно силенъ». Въ чашѣ Граля Пилатъ мылъ свои руки и потомъ подарилъ ее Іосифу. Послѣ воскресенія Христа, воины схватили Іосифа и посадили его въ темницу; туда къ нему явился Христосъ, далъ ему Граль и наставленіе, кому ее передать впослѣдствіи. 40 лѣтъ сидѣлъ Іосифъ въ темницѣ, пока его не выпустилъ оттуда Веспасіанъ, излѣчившійся отъ проказы образомъ Спасителя, сдѣлавшемся чудесно на полотнѣ, и потомъ явившійся мстить жидамъ. Послѣ Іосифъ уходитъ изъ Іудеи и съ вѣрными христіанами, которые послѣдовали за нимъ, совершаетъ таинство Граля.

Таково начало Граля. Въ большомъ прозаическомъ романѣ, напечатанномъ теперь у Париса (I т.) разсказывается его дальнѣйшая баснословная судьба.

Рыцарскіе романы Французовъ скоро сдѣлались извѣстными во всѣхъ другихъ странахъ Европы, гдѣ только были рыцари; вездѣ чувствовалась потребность въ спеціально-рыцарской поэзіи. и потому вездѣ ихъ переводили и передѣлывали, примѣняя къ своему народному характеру.

Слѣдуя за хронологіею романовъ Круглаго стола въ Германіи, невольно удивляешься необыкновенной быстротѣ ихъ распространенія*): трудно повѣрить, что въ такой короткій срокъ, въ какіе-нибудь 50 лѣтъ, когда еще въ самой Франціи творчество далеко не было кончено, романы успѣли перейти за Рейнъ, найти тамъ переводчиковъ и перелагателей въ стихи, и распространиться въ большомъ кругѣ читателей. Рѣдко въ наше время произведенія геніальнѣйшихъ поэтовъ съ такой быстротой перелетаютъ изъ одной страны въ другую. Не забудемъ, что герои этихъ романовъ были совершенно чужды нѣмецкой націи, также какъ и вся ихъ обстановка и мѣсто дѣйствія.

---

*) Въ 1170 г. Эйларъ ф. Оберге написалъ Тристана, въ 1194 Ульрихъ ф. Цацикованъ—„Ланцелотъ“; въ 1205 Вольфрамъ Эшенбахъ—Парциваля, въ 1210 Готфридъ Страсбурскій Тристана, въ 1220 Генрихъ ф. Тюрлинъ—Krône Gavan и т. д.

Всѣмъ извѣстно, какой высокой цивилизаціи, сравнительно съ другими эпохами, достигъ нѣмецкій народъ во время Гогенштауфеновъ. Когда говорятъ о блескѣ среднихъ вѣковъ въ этой странѣ, непремѣнно имѣютъ въ виду эту эпоху. Правда, народъ принималъ мало участія въ этомъ блестящемъ пирѣ дворянъ; но за то рыцарство достигло такого полнаго развитія, послѣ котораго должно было начаться одичаніе и паденіе. Этотъ блескъ сильнѣе, нежели въ другой области жизни, отразился въ искусствѣ и преимущественно въ поэзіи. Нѣмецъ можетъ назвать бо̀льшее количество именъ поэтовъ, произведенія которыхъ не потеряли до сихъ поръ своего художественнаго значенія, въ промежутокъ 50 лѣтъ (отъ 1170—1220), нежели человѣкъ другой націи въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. То была первая блестящая эпоха нѣмецкой поэзіи, съ окончанія которой она только прозябала, но не жила, заснувъ богатырскимъ сномъ до Шиллера и Гёте.

Общій характеръ поэзіи этого періода, такъ же какъ и жизни высшаго класса, есть исключительно рыцарскій. Авантюры, говоритъ Сенъ Мартъ, были музой всѣхъ поэтовъ, и въ одномъ этомъ словѣ заключалась вся поэзія жизни; отъ него слабый ребенокъ чувствовалъ себя мужемъ и хилый старикъ крѣпкимъ и бодрымъ юношей. Всѣ искали приключеній, начиная отъ бѣднаго схоластика, который шелъ пѣшкомъ десятки вёрстъ, чтобы поспѣть къ ученому турниру и до великаго Фридриха Барбароссы, который, кидая все, стремился въ Италію, или, забывъ свою старость, на походѣ въ Святую Землю бросался въ полномъ вооруженіи переплывать рѣку. Поэты, слѣдуя тому же побужденію, какъ и французскіе труверы, бросились искать сюжетовъ, пригодныхъ для выраженія рыцарства, и, естественно, должны были наткнуться на романы объ Артурѣ и рыцаряхъ Круглаго стола, знакомство съ французскими передѣлками которыхъ было значительно облегчено крестовыми походами. Ни національныя саги, ни Карлъ Великій, ни герои классическаго міра не могли такъ удобно

поддаться обработкѣ въ новомъ стилѣ. Всѣ эти три рода сюжетовъ нашли себѣ дѣятелей; но рыцари Круглаго стола все-таки же удержали за собою первенство; ихъ поэты не были переводчиками, такъ же какъ и не были свободными художниками, которые изъ головы своей берутъ и сюжетъ и форму: сюжетъ они брали чужой, вполнѣ вѣря въ истину разсказа, а краски и формы придавали свои собственныя. Лучшимъ поэтомъ этого періода, получившимъ даже въ послѣдствіи миѳологическій оттѣнокъ, былъ *Вольфрамъ Эшенбахъ*, родившійся при Фридрихѣ I и умершій при Фридрихѣ II. По происхожденію онъ былъ небогатый рыцарь и всю жизнь провелъ при дворахъ болѣе богатыхъ владѣтелей. Онъ принадлежалъ къ тому кружку поэтовъ, который собирался при дворѣ гостепріимнаго ландграфа Германа Тюрингенскаго. Онъ не исключительно занимался поэзіей,—и съ копьемъ въ рукахъ чувствовалъ себя также на мѣстѣ, какъ и въ области поэзіи; онъ самъ дрался на турнирахъ и влюблялся, — и вотъ причина, почему его описанія турнировъ и любви такъ живы и естественны. Ему приписывается 8 лирическихъ стихотвореній, романъ «Вильгельмъ Оранскій» изъ цикла Карла Великаго и романъ «Парциваль», уже знакомый намъ изъ сказокъ Валлійцевъ и де-Труа. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ этого романа, Шіонатуландеръ, онъ сдѣлалъ героемъ особаго романа, изъ котораго успѣлъ обработать только отрывки. Послѣ его смерти, Титурель (такъ назывался этотъ романъ по первому слову) былъ доконченъ другими. Парциваль написанъ около 1205 года, какъ говоритъ самъ Эшенбахъ, для одной дамы, для снисканія ея благосклонности. Историки нѣмецкой литературы не могутъ найти достаточно словъ, чтобы достойно восхвалить его. Теперь уже въ Германіи онъ имѣетъ два прекраснѣйшіе перевода въ стихахъ, и одинъ только изъ искусственной средневѣковой литературы, введенъ въ кругъ чтенія учащейся молодежи. Сюжетъ все тотъ же, намъ знакомый, но авторъ обработалъ его совершенно по своему: онъ прибавилъ множество но-

выхъ лицъ, новыхъ эпизодовъ и провелъ свою, вполнѣ нѣмецкую, основную мысль. Вмѣсто наивнаго Иванушки-дурачка — Передура и нѣсколько легкомысленнаго французскаго рыцаря Персеваля, передъ нами Фаустъ XIII в., отъискивающій идеалъ на землѣ и находящій, наконецъ, успокоеніе въ религіи. Вольфрамъ самъ объясняетъ, что онъ пользовался романомъ Кио (Kyot), котораго всѣ считаютъ провансальскимъ Guiot, обработывавшимъ одинаковый сюжетъ съ Труа. Въ изложеніи содержанія мы будемъ только останавливаться на томъ, въ чемъ Вольфрамъ отступаетъ отъ извѣстной намъ схемы.

Парцивалъ.

По смерти короля анжуйскаго Гандина престолъ переходитъ къ старшему сыну его Галоёсу, а младшій Гамуретъ отправляется въ чужія страны. Онъ вступаетъ на службу къ языческому папѣ Баруху Багдадскому, помогаетъ ему въ войнѣ противъ братьевъ Помпея и Гиппомедона и пріобрѣтаетъ себѣ такую славу своею храбростію, что никто не желаетъ съ нимъ вступать въ бой. Послѣ этого онъ ѣдетъ дальше и останавливается въ землѣ Негровъ. Царицу ихъ Белакану въ это время обвиняютъ въ убійствѣ Ейзенгарта, короля Ассагугскаго, и родственники его объявляютъ ей войну. Гамуретъ, тронутый ея несчастіемъ, обѣщается ей помочь, одерживаетъ побѣду надъ ея врагами и женится на ней. Но не смотря на красоту и любовь Белаканы, онъ скоро бѣжитъ отъ нея изъ страсти къ рыцарскимъ подвигамъ. Онъ отправляется въ Испанію къ двоюродному брату Каилету, который въ это время уѣхалъ на турниръ. Побѣдителю въ турнирѣ королева Герцелейда обѣщала руку и корону. Гамуретъ спѣшитъ туда же, сражается съ большимъ успѣхомъ, но узнавъ во время турнира о смерти брата своего Галоёса, удаляется въ свою палатку. Здѣсь онъ съ грустью вспоминаетъ о Белаканѣ, о смерти матери и брата и всю ночь проводитъ въ слезахъ.

На другое утро къ нему является Герцелейда съ своей свитой и, такъ какъ онъ признанъ побѣдителемъ въ турнирѣ, то онъ долженъ сдѣлаться ея супругомъ, — на что онъ послѣ нѣкотораго протеста соглашается.—

Вскорѣ Гамуретъ получаетъ извѣстіе, что Помпей и Гиппомедонъ снова объявили войну Баруху и спѣшитъ къ нему на помощь. Послѣ шестимѣсячнаго его отсутствія Герцелейда видитъ страшный сонъ, и на другой день слуга приноситъ вѣсть о смерти Гамурета: онъ погибъ въ сраженіи съ Гиппомедономъ. Герцелейда въ страшномъ отчаяніи. Двѣ недѣли спустя родитъ она сына—Парциваля—героя поэмы и, какъ истинная христіанка, находитъ въ немъ все утѣшеніе. Чтобъ не развить въ сынѣ рыцарскаго духа, по примѣру отца, она съ нимъ удаляется въ пустыню. Играя, Парциваль учится стрѣлять изъ лука и охотиться за птицами и оленями. На его вопросъ о Богѣ, мать отвѣчаетъ ему, что онъ свѣтлѣе яснаго дня, что Онъ принималъ человѣческій образъ и что на Его вѣрность люди могутъ надѣяться въ несчастіи. Но есть еще злой черный духъ, властитель ада; обманъ и сомнѣніе его спутники; отъ послѣдняго, говоритъ она, всегда отвращай свои мысли. Однажды Парциваль въ лѣсу встрѣчаетъ трехъ рыцарей и, пораженный ихъ блескомъ и красотой, принимаетъ ихъ сначала за боговъ. Но узнавъ, что они рыцари двора Артура, онъ, взволнованный, бѣжитъ къ матери и объявляетъ ей о своемъ намѣреніи сдѣлаться рыцаремъ. Мать отъ ужаса падаетъ въ обморокъ, но нѣтъ возможности удержать его; наконецъ она уступаетъ его просьбамъ, надѣваетъ на него платье шута, даетъ ему самую тощую клячу, и Парциваль, вооруженный дротиками, весело отправляется въ путь. Мать, давъ ему нѣсколько мудрыхъ наставленій на жизнь, остается въ сильной горести и впослѣдствіи умираетъ отъ разлуки.

Парциваль строго слѣдуетъ совѣтамъ матери и своей наивностью часто ставитъ себя въ смѣшное положеніе. Сначала онъ пріѣзжаетъ въ лѣсъ и, увидавъ въ палаткѣ

прекрасную женщину, жену герцога Орилуса, онъ начинаетъ ее цѣловать и снимаетъ съ нея драгоцѣнныя вещи, потомъ, почувствовавъ голодъ, спрашиваетъ ѣсть. Едва она можетъ уговорить его уѣхать до возвращенія мужа. Парциваль отправляется дальше и послѣ нѣкоторыхъ приключеній пріѣзжаетъ ко двору Артура. При его появленіи невольно начала смѣяться Куиневара, давшая обѣтъ засмѣяться только при появленіи самаго храбраго рыцаря. Здѣсь онъ тотчасъ же сражается съ Итеромъ—краснымъ рыцаремъ и, не смотря на насмѣшки Кё, побиваетъ его, овладѣваетъ его вооруженіемъ и лошадью, послѣ чего отправляется дальше. Вечеромъ онъ пріѣзжаетъ въ зàмокъ Гурнеманца. Старикъ, полюбивъ его, учитъ его владѣть оружіемъ, даетъ ему нѣсколько полезныхъ совѣтовъ, и между прочимъ тотъ, чтобы ни объ чемъ слишкомъ много не спрашивать. Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, Парциваль, не смотря на желаніе старика выдать за него дочь, уѣзжаетъ. Вскорѣ ему удается совершить рыцарскій подвигъ: онъ спасаетъ королеву Кондуирамуръ, осажденную въ своей столицѣ отвергнутымъ женихомъ, побиваетъ ея враговъ и самъ дѣлается ея мужемъ; но не долго остается онъ съ ней; имъ снова овладѣваетъ страсть къ приключеніямъ, и онъ отправляется узнать, что сталось съ матерью. Послѣ долгаго путешествія Парциваль подъѣзжаетъ къ зàмку, гдѣ удивленнымъ взорамъ его представляется никогда не виданныя роскошь и великолѣпіе. Въ огромной залѣ приготовленъ столъ на 400 рыцарей; вдругъ слуга вноситъ обагренное кровью копье, при видѣ котораго всѣ приходятъ въ ужасъ. Потомъ являются 24 женщины, въ богатыхъ одеждахъ, несущія блестящую гранатную доску. Они кладутъ на столъ 2 серебряныхъ ножа, и наконецъ входитъ царица Repanse de la Joie, держа въ рукахъ св. Граль, который она также ставитъ на драгоцѣнный столъ. Послѣ этого начинается пиръ. Но посреди этого великолѣпія царствуетъ глубокая печаль: окутанный мѣхами грустно сидитъ больной отъ тяжкихъ ранъ старикъ король. Наконецъ хозяинъ подаетъ

Парцивалю драгоцѣнный мечъ. Пораженный всѣмъ что видитъ, Парциваль однако, слѣдуя совѣту Гурнеманца, не осмѣливается спросить о значеніи этихъ чудесъ. Въ заключеніе онъ видитъ чрезъ отворенную дверь залы въ другой комнатѣ прекраснаго сѣдаго старика.

Вскорѣ всѣ расходятся и отправляются на покой. На другой день зàмокъ какъ будто весь вымеръ, и Парциваль въ досадѣ уѣзжаетъ; но только что онъ выѣхалъ изъ воротъ, какъ слышитъ за собой громкія проклятія слуги за то, что онъ не сдѣлалъ ни одного вопроса, а между тѣмъ отъ этого зависѣло выздоровленіе короля и собственное его счастіе. Раздумывая о случившемся, Парциваль слышитъ издали женскій плачъ и встрѣчаетъ свою дальнюю родственницу Зигуну съ убитымъ рыцаремъ на рукахъ. Узнавъ, что онъ былъ въ зàмкѣ и ни объ чемъ не спросилъ, она тоже проклинаетъ его.

Парциваль ѣдетъ дальше и замѣтивъ на снѣгу 3 капли крови, онъ припоминаетъ свою милую жену и такъ углубляется въ мечтанія, что не слышитъ голоса посланныхъ къ нему Артуромъ рыцарей. Продолжая мечтать, онъ побѣждаетъ нѣсколькихъ рыцарей, потомъ уже опомнившись отправляется къ Артуру, который хочетъ его посвятить въ рыцари Круглаго стола.

Тутъ является волшебница Кундрія, и упрекаетъ Парциваля за то, что онъ при видѣ чудесъ Граля ничего не спросилъ, и потомъ проклинаетъ его. Парциваль въ отчаяніи; онъ отказывается отъ рыцарства и посвящаетъ себя служенію Граля. Четыре года блуждаетъ онъ въ горѣ и сомнѣніи съ мѣста на мѣсто, вдали отъ Бога и людей; на это время героемъ поэмы дѣлается рыцарь Гавенъ. Четыре года спустя мы опять встрѣчаемъ Парциваля у пустынника, который снова его обращаетъ къ Богу и наставляетъ на путь истины. Послѣ многихъ испытаній наконецъ таже самая посланница Граля, которая его прокляла, возвѣщаетъ ему его назначеніе королемъ Граля. Онъ отправляется въ зàмокъ, освобождаетъ наконецъ *вопросомъ* короля, своего дя-

дю отъ страданій, и послѣ долгой разлуки соединяется съ супругой и дѣтьми.

Этотъ романъ, какъ мы упоминали выше, почти всѣми считается лучшимъ изъ нѣмецкихъ романовъ цикла Артура; «Тристана» Готфрида Страсбурскаго нѣкоторые ставятъ выше его, но достоинства Тристана совершенно другія: въ немъ больше вѣрности жизни, больше чувственности и меньше замѣтна идеальная сторона рыцарства; онъ менѣе, чѣмъ Парциваль, пропитанъ духомъ нѣмецкаго романтизма. Современники ставили Вольфрама выше всѣхъ другихъ поэтовъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался героемъ почти миѳологическимъ; идеализмъ всегда болѣе нравился нѣмцамъ, чѣмъ матеріальное отношеніе къ жизни, и Шиллеръ болѣе нѣмецкій поэтъ, чѣмъ Гёте.

Легенды о бриттскомъ королѣ и его могучихъ вассалахъ потому именно и нашли себѣ поэтовъ и читателей во всѣхъ странахъ Европы, что легко могли видоизмѣняться по требованію народнаго духа и представляли такой обширный выборъ сюжетовъ, что всякій поэтъ могъ взять то, что внушало ему особенную симпатію. Вѣжливые и бойкіе, какъ въ битвѣ, такъ и въ любви, рыцари французскіе превратились, подъ перомъ нѣмцевъ, въ задумчивыхъ, исполненныхъ страннаго влеченія куда то въ небесную даль и упорныхъ въ исполненіи жизненной задачи, Германцевъ. Бриттскій Передуръ еще въ Красной Книгѣ скорѣй глядѣлъ Нѣмцемъ, чѣмъ Французомъ, и потому привлекъ къ себѣ вниманіе лучшаго нѣмецкаго поэта и развелъ въ Германіи многочисленное потомство. Но онъ самъ не могъ служить достаточнымъ основаніемъ для этого; была еще другая причина: легенда о Гралѣ, которая такъ удобно пріурочивалась къ спутнику Чаши. Изъ Парциваля видно, что эта легенда успѣла вырости, окрѣпнуть, украситься всей роскошью средневѣковой фантазіи, которой въ это время дали толчекъ крестовые походы, и окончательно слиться съ Артуромъ. Въ романахъ французскихъ о Персевалѣ исторія св. Чаши привязывалась извнѣ къ рыцарю Артура, а у Вольфрама сое-

диненіе дѣлается вполнѣ органическимъ: Парциваль безъ Чаши и ея дворца лишился бы осмысливающей его идеи.

Разбирая Парциваля Вольфрама, обыкновенно болѣе всего останавливаются на этой идеѣ и стараются снять съ нея аллегорическій покровъ; такъ видятъ въ Говенѣ, въ противуположность Парцивалю, свѣтское рыцарство, которое, выйдя изъ одного источника съ религіознымъ, идетъ потомъ по другой дорогѣ и т. д. Вполнѣ признавая интересъ подобныхъ изслѣдованій, такъ какъ символика есть одна изъ важнѣйшихъ особенностей средневѣковаго искусства, мы спѣшимъ впередъ къ прозаическимъ романамъ, чтобы тамъ снова встрѣтиться съ Передуромъ.

Стихи писать могъ не всякій; для этого требовался особенный талантъ и даже нѣкоторая подготовка; поэтому число стихотворныхъ романовъ было ограничено; а между тѣмъ потребность въ чтеніи все продолжала возрастать. Рыцарство падало въ жизни, но тѣмъ сильнѣе чувствовалась потребность найти въ искусствѣ идеалъ, котораго не давала жизнь. Романы читали сами рыцари, сидя зимою дома, читали ихъ жены и дочери, читали пажи, будущіе рыцари, если только умѣли читать, и наконецъ стали читать горожане. Вслѣдствіе этого въ XIII, XIV и особенно въ XV вѣкѣ является огромное число прозаическихъ романовъ на всѣхъ языкахъ, а преимущественно на французскомъ. Авторы ихъ не только не считали свои произведенія ниже романовъ стихотворныхъ; напротивъ: они часто противополагали свои «исторіи» баснямъ поэтовъ. Чтобы внушить читателямъ болѣе довѣрія, они никогда не признавались, что эти басни служили имъ единственнымъ источникомъ, а указывали на несуществующія латинскія, или прозаическія старофранцузскія книги. Въ этихъ романахъ всѣ герои Артура находятъ себѣ историковъ; всѣ они производятъ дѣтей, которые въ свою очередь дѣлаются героями новыхъ романовъ, написанныхъ по образу подлинныхъ; чудесное — какъ самая замѣтная черта рыцарской поэзіи — проявляется здѣсь болѣе, нежели у Кельтовъ, у Труа и у Воль-

фрама; однимъ словомъ, только эти прозаическіе романы могутъ назваться вполнѣ рыцарскими.

Мы приведемъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, преимущественно тѣхъ, которые разсказываютъ о герояхъ, намъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ.

Мерлинъ *).

Злые духи, исполненные негодованія, что со времени рожденія Спасителя, они ежедневно лишаются большаго количества душъ, собрали однажды огромный военный совѣтъ, на которомъ порѣшили, чтобъ одинъ изъ нихъ отправился на землю съ порученіемъ произвести съ дѣвой на свѣтъ ребенка, который будетъ исправлять должность ихъ намѣстника на землѣ и такимъ образомъ будетъ противодѣйствовать благимъ распоряженіямъ Господа. Съ этимъ намѣреніемъ посланникъ ада принимаетъ человѣческій образъ и, вкравшись въ довѣренность богатаго Британца, принятъ имъ въ его домъ. Дьяволъ умерщвляетъ сына своего хозяина, потомъ принимается за погибель трехъ дочерей, оставшихся послѣ умершаго съ горя хозяина. Только вторая изъ 3-хъ сестеръ противится его чарамъ, но дьяволъ воспользовался ея сномъ, чтобъ погубить ее. Проснувшись, она приходитъ въ страшное смущеніе отъ случившагося и разсказываетъ все одному святому мужу по имени Блазію, который до сихъ поръ постоянно былъ ея защитникомъ, но въ этомъ случаѣ оказывается совершенно неспособнымъ объяснить ей что нибудь.

Судъ, узнавъ о беременности молодой дѣвушки, присуждаетъ ее къ смерти по обычаю и законамъ той страны. Но Блазій убѣждаетъ судей отложить казнь, хоть до рожденія ребенка, такъ какъ онъ не виноватъ въ преступленіи матери.

---

*) Dunlop 64.

Преступницу поэтому сажаютъ въ темницу, гдѣ она и родитъ знаменитаго Мерлина, котораго Блазій спѣшитъ окрестить, какъ можно скорѣе, чѣмъ и разрушаетъ надежды злыхъ духовъ въ минуту ихъ исполненія. Не смотря на это, въ Мерлинѣ остаются слѣды его неземнаго происхожденія, чему несомнѣннымъ доказательствомъ служитъ его раннее краснорѣчіе. Тотчасъ послѣ крестинъ, мать беретъ его на руки и называетъ его виновникомъ грустной смерти, ее ожидающей. Дитя отвѣчаетъ ей съ улыбкой: «не бойся, любезная матушка; ты изъ-за меня не погибнешь». Когда процессъ снова возобновляется, и Мерлина представляютъ въ судъ, онъ загогариваетъ самъ съ засѣдателями и указываетъ на незаконное происхожденіе одного изъ нихъ, который не былъ дѣйствительно сыномъ своего отца, но одного пріора, и тотъ изъ снисхожденія къ своей матери освобождаетъ мать Мерлина отъ смертной казни.

Въ это время царствовалъ въ Британіи король по имени Констанцъ, который имѣлъ трехъ сыновей: Моинеса, Пендрагона и Утера. Моинесъ, вступивъ на престолъ по смерти отца, вскорѣ былъ побѣжденъ Саксами вслѣдствіе измѣны своего сенешаля Вортигерна, потомъ впалъ въ немилость своихъ подданныхъ по случаю своего несчастія и былъ убитъ, а въ короли былъ избранъ измѣнникъ Вортигернъ. Но такъ какъ новый властелинъ постоянно опасается законныхъ притязаній остальныхъ сыновей Констанца, онъ начинаетъ строить для своей защиты укрѣпленную башню; но, достроенная до извѣстной высоты, башня три раза разваливается безъ всякой видимой причины; король распрашиваетъ объ этомъ феноменѣ у семи астрологовъ, но мудрецы не могли объяснить этой трудной задачи. Во время своихъ наблюденій они между прочимъ открыли, что ребенокъ, происшедшій на свѣтъ безъ помощи смертнаго человѣка, угрожаетъ ихъ жизни. Они поэтому рѣшили ради своей собственной безопасности обмануть короля и объявили, что надо пролить кровь такого ребенка на первый основный камень для того, чтобы постройка состоялась.

Хотя король ни минуты не усомнился въ дѣйствіи такого средства, тѣмъ не менѣе былъ недоволенъ этимъ открытіемъ, такъ какъ было неимовѣрною трудностію отъискать такого ребенка. Но на всякій случай онъ отправилъ по всему государству пословъ для розысковъ. Двое изъ нихъ нечаянно наталкиваются на дѣтей, играющихъ въ мячикъ, между которыми находится и Мерлинъ. Послѣдній тотчасъ же догадывается о причинѣ ихъ присутствія и открывается имъ самъ. Приведенный къ королю, онъ объявляетъ ему объ обманѣ астрологовъ и сообщаетъ ему, что разрушеніе башни производится двумя страшными драконами, которые поселились подъ ней и, постоянно враждуя другъ съ другомъ, своей борьбой потрясаютъ ея основаніе. Король послѣ этого приглашаетъ всѣхъ бароновъ, чтобы присутствовать при новомъ сраженіи чудовищъ, и работники, раскопавъ землю до неизмѣримой глубины, открываютъ удивленнымъ взорамъ толпы мѣсто жительства чудовищъ, которыя дѣйствительно начинаютъ борьбу. Красный драконъ совершенно побѣжденъ своимъ бѣлымъ противникомъ, но и послѣдній прожилъ только 3 дня.

Эти драконы представляли явнымъ образомъ, какъ позднѣе объясняетъ Мерлинъ, вскорѣ послѣ того послѣдовавшее нападеніе Утера и Пендрагона, которые при похищеніи престола Вортигерномъ, бѣжали въ Бретань, а теперь находятся въ Англіи. Вортигерна побиваютъ въ большомъ сраженіи, а потомъ живаго сожигаютъ въ башнѣ, которую онъ выстроилъ съ такимъ трудомъ; Пендрагонъ же вступаетъ на престолъ.

Онъ совершенно полагается на мудрость Мерлина и дѣлаетъ его своимъ первымъ совѣтникомъ, за что Мерлинъ часто занимаетъ короля своими талантами, брата же его Утера, который не знакомъ съ подробностями его рожденія, изумляетъ своими знаніями въ некромантіи.

Въ это время возгорается ужасная война между Саксами и Бриттами. Мерлинъ склоняетъ братьевъ поклясться другъ другу въ вѣрности, причемъ заранѣе объявляетъ, что одинъ

изъ нихъ долженъ пасть въ сраженіи. Саксы окончательно разбиты, и такъ какъ Пендрагонъ, по предсказанію Мерлина, убитъ въ сраженіи, то на престолъ вступаетъ Утеръ, прибавивъ еще имя Пендрагона къ своему собственному. Мерлинъ также дѣлается его любимцемъ и, по его просьбѣ, доставляетъ чародѣйствомъ огромные камни изъ Ирландіи въ Британію для сооруженія памятника Пендрагону; потомъ отправляется въ Кардуэль (Карлиль), чтобъ тамъ устроить Круглый столъ, у котораго онъ назначилъ мѣста 50-ти знатнѣйшимъ вельможамъ, и кромѣ того еще осталось одно пустое мѣсто для святаго Граля.

Вскорѣ послѣ этого распоряженія Утеръ-Пендрагонъ приглашаетъ всѣхъ вельможъ своего государства на торжественный праздникъ, который онъ имѣлъ намѣреніе давать ежегодно въ Кардуэлѣ. Такъ какъ гости получаютъ отъ короля позволеніе привозить своихъ женъ, то прекрасная Игерна является съ своимъ супругомъ, герцогомъ Типтадіель, на одно изъ этихъ празднествъ. Король сильно влюбляется въ Игерну и сообщаетъ объ этомъ Ульфину, одному изъ своихъ совѣтниковъ.

Но такъ какъ герцогиня противится всѣмъ искушеніямъ и попыткамъ Ульфина, и даже разсказываетъ мужу о страсти и предложеніяхъ короля, то послѣдній немедленно покидаетъ дворъ, даже не простившись съ своимъ властелиномъ. Король за такое оскорбленіе обвиняетъ герцога передъ совѣтомъ, который рѣшаетъ его вызвать, а въ случаѣ его ослушанія поступить съ нимъ, какъ съ бунтовщикомъ.

Герцогъ не является по вызову, и тогда король объявляетъ войну своему вассалу и осаждаетъ его въ укрѣпленномъ его замкѣ Типтадіель. Игерна же находилась въ отдаленнѣйшемъ, еще болѣе укрѣпленномъ замкѣ. Во время осады Ульфинъ сообщаетъ своему повелителю, что одинъ старецъ обѣщалъ проводить его къ Игернѣ, и для этого будетъ ожидать въ назначенномъ мѣстѣ. Отправившись туда, они узнаютъ въ слѣпомъ старцѣ волшебника Мерлина; онъ придаетъ королю наружность герцога Типта-

діель, самъ же и Ульфинъ принимаютъ видъ двухъ слугъ герцога. Превращенные такимъ образомъ они втроемъ отправились къ Игернѣ, которая, не подозрѣвая обмана, принимаетъ короля, какъ своего супруга.

Обманъ Мерлина не открывается, и Утеръ-Пендрагонъ съ ожесточеніемъ продолжаетъ войну. Герцогъ наконецъ палъ въ одномъ сраженіи, и король, по совѣту Мерлина, женится на вдовѣ его, которая вскорѣ послѣ свадьбы родитъ Артура и принимаетъ его за сына отъ перваго мужа, такъ какъ Утеръ никогда не разсказывалъ ей исторію своего превращенія.

По смерти Утера настаетъ въ Англіи междуцарствіе, потому что Артуръ не считается его сыномъ. Но такъ какъ онъ изъ одной чудесной наковальни вытаскиваетъ кинжалъ, что никому не удавалось, то его за это чудо выбираютъ королемъ. Въ началѣ его царствованія однако возникаетъ междоусобная война, такъ какъ причина его выбора не представляется довольно основательною многимъ вельможамъ государства; и когда ему наконецъ удается усмирить своихъ туземныхъ враговъ, ему приходится опять вести длинныя войны съ Галлами и Саксами.

Во всѣхъ этихъ войнахъ чародѣйство Мерлина очень помогаетъ королю; онъ превращается то въ малаго ребенка, то въ игрока на арфѣ, то въ оленя, смотря потому, что полезнѣе для его господина, или такъ заколдовываетъ зрѣніе лицъ, что они видятъ то, чего на дѣлѣ нѣтъ.

Въ одномъ случаѣ Мерлинъ предпринимаетъ путешествіе въ Римъ, является во дворецъ Юлія Цезаря въ образѣ громаднаго оленя и говоритъ формальную рѣчь къ великому удивленію императора.

Наконецъ знаменитый волшебникъ исчезъ навсегда, и только голосъ его раздавался въ лѣсу изъ куста боярышника, гдѣ онъ былъ заключенъ. Онъ попалъ сюда посредствомъ волшебнаго заклинанія, сообщеннаго имъ своей любовницѣ Вивіанѣ, которая испробовала его на Мерлинѣ.

Она сама очень сожалѣла объ роковомъ исходѣ этого опыта, но уже не было возможности освободить его.

Содержаніе Ланцелота.

Банъ, король Британіи, на старости лѣтъ претерпѣлъ нападеніе отъ врага своего Клавдія, сосѣдняго князя, и послѣ долговременной войны былъ осажденъ въ своемъ укрѣпленномъ зàмкѣ Трибль, послѣднемъ для него убѣжищѣ. Но вскорѣ нужда заставила его покинуть и этотъ зàмокъ, и онъ съ супругой своей Еленой и малолѣтнимъ сыномъ Ланцелотомъ, отправился просить помощи у своего короля Артура и поручилъ въ это время защиту зàмка своему сенешалю. По дорогѣ онъ останавливается у холма, съ котораго видитъ зàмокъ свой объятый пламенемъ, такъ какъ во время его бѣгства онъ преданъ въ руки непріятеля измѣною сенешаля. Пораженный ужасомъ при видѣ этого зрѣлища, король тутъ же испускаетъ духъ. Елена оставляетъ въ это время ребенка на берегу озера и спѣшитъ къ умирающему супругу но при своемъ возвращеніи она видитъ маленькаго Ланцелота на рукахъ нимфы, которая, при приближеніи королевы, бросается съ ребенкомъ въ озеро. Нимфа это была Вивіана, любовница волшебника Мерлина, болѣе извѣстная подъ именемъ, «Дамы Озера.» Ланцелотъ также получилъ прозвище du lac, т. е. съ озера, потому что былъ воспитанъ при дворѣ этой волшебницы. Дворецъ находился, впрочемъ, не посреди дѣйствительнаго, но только кажущагося озера. Королева Елена послѣ двойной потери удаляется въ монастырь, куда вскорѣ за ней слѣдуетъ жена Бохарта; король этотъ при извѣстіи о смерти своего брата, Бана, также умеръ съ горя. Оба его сына—Ліонель и Бохартъ, спасенные вѣрнымъ рыцаремъ отъ преслѣдованія Клавдія, являются въ образѣ собакъ ко двору Вивіаны; здѣсь они принимаютъ опять свой прежній видъ и воспитываются вмѣстѣ съ Ланцелотомъ.

Когда Ланцелотъ достигаетъ 18-ти лѣтняго возраста, Дама Озера отправляется съ нимъ ко двору Артура для посвященія его въ рыцари. При первомъ своемъ появленіи онъ тотчасъ же производитъ сильное впечатлѣніе на Геневру, супругу Артура. Изъ за любви къ ней молодой герой кладетъ къ ногамъ мужа цѣлые корабельные грузы, изъ за нея онъ завоевываетъ Нортумберландъ, изъ за нея онъ нападаетъ на короля Галлехауту и побѣждаетъ его; тотъ вскорѣ дѣлается его искреннимъ другомъ и устроиваетъ первое тайное свиданіе между Ланцелотомъ и Геневрой; наконецъ по ея же наученію онъ возбуждаетъ Артура воевать съ Клавдіемъ, чтобъ отмстить ему за то, что онъ овладѣлъ его землями. Когда наконецъ Артуръ, обманутый ловкостію одной женщины, выдающей себя за настоящую Геневру, выгоняетъ изъ дому свою супругу и такимъ образомъ даетъ ей свободу и возможность предаться своей страсти къ Ланцелоту, то послѣдній этимъ очень возмущенъ. Поэтому большая часть его дѣяній состоитъ изъ поединковъ, предпринимаемыхъ имъ въ защиту невинности Геневры и кончающихся болѣе счастливо, чѣмъ бы требовала справедливость дѣла. Вѣрность Ланцелота къ Геневрѣ непоколебима даже въ самыхъ сильныхъ искушеніяхъ. Это видно изъ того, что онъ приходитъ въ страшный гнѣвъ, когда одной благородной дѣвицѣ хитростію удается заманить его въ свои объятія. Еще бо̀льшимъ доказательствомъ вѣрности можетъ служить его отвѣтъ другой дѣвицѣ, которая дѣлаетъ ему объясненіе въ любви: «моя воля, говоритъ онъ, пустила тамъ такіе глубокіе корни, что у меня не хватитъ духу ее вырвать оттуда. Мое сердце находится тамъ день и ночь, потому что мое сердце и мои глаза направлены постоянно въ ту сторону, и мои уши могутъ слышать радостныя вѣсти только отъ нея. Что вамъ сказать? душа и тѣло принадлежатъ ей. И такъ я существую только для ея желаній и не могу самъ располагать собой, также какъ олень можетъ дѣлать только то, что повелѣваетъ ему его Создатель.»

Ланцелотъ доказываетъ свою любовь къ Геневрѣ не только непоколебимою вѣрностію или подвигами, пріятными для всякаго рыцаря, — онъ изъ за своей милой подвергается разнымъ поруганіямъ, чего бы не перенесъ другой рыцарь. Такъ, напр., однажды, чтобъ догнать Геневру, за неимѣніемъ коня, онъ садится на телѣгу, что считалось величайшимъ посрамленіемъ для рыцаря (ср. Chevalier de la Charette)

Наконецъ волшебница Моргана, сестра Артура, узнаетъ о связи Ланцелота и Геневры и вмѣстѣ съ Агравеномъ, рыцаремъ Круглаго стола, разсказываетъ объ этомъ Артуру. Послѣ этого Ланцелоту приходится вести долгую войну противъ Артура и его рыцарей. Сначала они нападаютъ на него въ его зàмкѣ, а потомъ въ его владѣніяхъ въ Британіи. Возстаніе Мордрека, скоро заставляетъ Артура прекратить войну, и такъ какъ онъ исчезаетъ вскорѣ послѣ этого сраженія, то полагаютъ, что онъ убитъ вмѣстѣ съ остальными рыцарями; послѣ этого Геневра отправляется въ монастырь, Ланцелотъ же удаляется въ пустыню, куда за нимъ слѣдуетъ братъ его Гекторъ-фонъ-Марсъ, кромѣ Ланцелота единственный рыцарь, который пережилъ роковое сраженіе противъ Мордрека.

Содержаніе Тристана.

Король Меліадъ былъ женатъ на Изабеллѣ, сестрѣ короля Марка Корнваллійскаго; въ него влюбляется фея и однажды на охотѣ уводитъ его чародѣйствомъ. Изабелла отправляется его отъискивать, но во время странствованія умираетъ отъ родовъ, оставивъ сына, которому передъ смертію даетъ имя Тристанъ. Гуверналь, провожатый королевы, доставляетъ ребенка отцу, который, освободившись наконецъ отъ волшебства феи, возвращается въ свою столицу. Между тѣмъ карликъ предсказываетъ Марку, что племянникъ лишитъ его престола. Маркъ даетъ клятву умертвить Тристана. Убійцы нападаютъ во время охоты на Меліада и

убиваютъ его, но Гуверналь спасаетъ его сына и приводитъ его ко двору Фаримунда. Когда молодой Тристанъ возмужалъ, въ него влюбляется Беллида, дочь французскаго короля, но о страсти этой узналъ отецъ ея, и Тристанъ принужденъ оставить дворъ. Послѣ этого происходитъ примиреніе между Тристаномъ и дядей его Маркомъ, резиденція котораго находилась въ это время въ замкѣ Тлитагель. При дворѣ Марка, Тристанъ пріобрѣтаетъ надлежащія свѣдѣнія въ рыцарскихъ упражненіяхъ, и вскорѣ ему даже представляется случай доказать на дѣлѣ свою храбрость и ловкость. Знаменитый Мархульдъ, братъ королевы ирландской, пріѣзжаетъ ко двору Марка требовать дани, но въ поединкѣ съ Тристаномъ получаетъ отъ него смертельную рану. Но Тристану была нанесена отравленнымъ копьемъ противника рана, опасность которой все возростала, такъ что онъ долженъ былъ оставить Корнваллисъ, чтобъ искать помощи въ чужихъ земляхъ. Пятнадцатидневный попутный вѣтеръ приноситъ его къ берегу Ирландіи. Хотя онъ и не знаетъ, гдѣ онъ находится, такъ какъ повидимому отправился наудачу, онъ пристаетъ однакожъ къ неизвѣстному берегу, настраиваетъ арфу и начинаетъ играть. Былъ тихій лѣтній вечеръ, и король Ирландіи съ дочерью Изольдой стояли у окна, изъ котораго можно было обозрѣвать море. Прекраснаго игрока на арфѣ привели во дворецъ, и рану его залѣчила Изольда. Такъ какъ онъ носилъ мечъ Мархульда, то по его выздоровленіи сдѣлалось ясно, что именно онъ убилъ этого рыцаря, и поэтому онъ вынужденъ оставить Ирландію. Возвратясь въ Корнваллисъ, Тристанъ влюбляется въ супругу Зегурада, вельможи той страны, и слѣдуетъ за ней во владѣнія Артура, куда ее увозитъ Бліомберисъ. Во время пребыванія своего въ Англіи побѣждаетъ онъ одного рыцаря, по имени Блааноръ, который обвинилъ въ измѣнѣ короля ирландскаго при дворѣ Артура. Оправдавъ такимъ образомъ короля, Тристанъ по его просьбѣ сопровождаетъ его въ Ирландію, гдѣ король, уступая настоятельнымъ убѣжденіямъ его, наконецъ согла-

шается выдать дочь свою Изольду за короля Корнваллійскаго. Мать Изольды даетъ прислужницѣ любовный напитокъ, чтобъ она дала его выпить дочери въ свадебный вечеръ. Къ несчастію Тристанъ и Изольда во время путешествія въ Корнваллисъ выпиваютъ напитокъ и подвергаются скорому и сильному его дѣйствію, на столько же постоянному, сколько и быстрому, такъ какъ чувства и судьба обоихъ впродолженіи всей остальной жизни управляются этой страстью. Послѣ радостнаго, хотя неблагопріятнаго путешествія, Тристанъ и Изольда наконецъ пристаютъ къ острову, гдѣ ихъ дѣлаютъ плѣнниками вмѣстѣ съ другими рыцарями и дамами, еще до нихъ туда прибывшими. Такъ какъ негостепріимный обычай этого дворца долженъ былъ отмѣниться, когда туда пріѣдутъ храбрѣйшій рыцарь и прекраснѣйшая дама въ мірѣ, то Тристанъ, побѣждая великана, доставляетъ свободу плѣннымъ, послѣ чего дружится съ владѣльцемъ замка Галлехольтъ. Послѣ прибытія Тристана и Изольды въ Корнваллисъ и свадьбы ея съ Маркомъ, любовники начинаютъ бояться, что новобрачный откроетъ невѣрность Изольды. Брангіана, служанка и повѣренная ея, однако соглашается заступить ея мѣсто на одну ночь,—обманъ, часто встрѣчаемый въ рыцарскихъ романахъ. Отклонивъ, такимъ образомъ, всякое подозрѣніе отъ Марка, осторожная Изольда, вручаетъ свою служанку двумъ злодѣямъ съ приказаніемъ убить ее въ лѣсу; послѣдніе оказываются, впрочемъ, милосерднѣе своей повелительницы и довольствуются тѣмъ, что привязываютъ Брангіану къ дереву; изъ этого положенія ее вскорѣ спасаетъ Баламетъ.

Послѣ этого большая часть романа говоритъ о разныхъ хитростяхъ, придумываемыхъ Тристаномъ и Изольдой для устроиванія тайныхъ свиданій, въ чемъ имъ много помогаетъ Динасъ, сенешаль короля Марка. Скоро дядя заставилъ Тристана покинуть Корнваллисъ. Случилось, что онъ заснулъ въ лѣсу и въ это время, сыномъ одного человѣка, имъ убитаго, ему нанесена была рана ядовитой стрѣлой.

Женщины того времени, а въ особенности Изольда, были очень искусны въ лѣченіи ранъ, но при существующихъ обстоятельствахъ, Тристанъ не могъ возвратиться въ Корнваллисъ. Ему дали совѣтъ отправиться въ Бретань, гдѣ Изольда съ бѣлыми руками была на столько же извѣстна своимъ умѣньемъ лѣчить раны, какъ и Изольда въ Корнваллисѣ. И такъ, Тристана вылѣчиваетъ эта новая Изольда, на которой онъ и женится; впрочемъ, болѣе изъ благодарности, чѣмъ изъ любви, о чемъ мы можемъ заключить изъ его равнодушія къ ней послѣ свадьбы. Послѣ этого онъ занимается построеніемъ корабля, чтобъ отправиться въ Корнваллисъ. И дѣйствительно, по полученіи извѣстія оттуда отъ королевы, онъ садится на корабль, но буря заноситъ его къ англійскому берегу вблизи лѣса Дарнанта, гдѣ онъ освобождаетъ Артура отъ власти Дамы Озера. Послѣ ряда приключеній, онъ пріѣзжаетъ наконецъ въ Корнваллисъ въ сопровожденіи Ферединa, брата своей супруги, которому онъ повѣряетъ свою страсть и который ему вѣрно помогаетъ во всемъ. Только что оба друга успѣли прибыть въ Корнваллисъ, какъ Ферединъ влюбляется въ королеву. Тристанъ, мучимый страшною ревностью, отправляется въ лѣсъ и сходитъ съ ума. Послѣ многихъ безумныхъ поступковъ онъ наконецъ опять является ко двору, гдѣ вниманіе Изольды вскорѣ возвращаетъ ему разумъ; но такъ какъ ревность Марка снова возбуждается, то онъ рѣшается дать ему торжественную клятву навсегда оставить Корнваллисъ. Тристанъ отправляется во владѣнія короля Артура, которыя снова дѣлаются театромъ многочисленныхъ его приключеній. Ревность Марка однако не проходитъ отъ отсутствія Тристана; онъ даже отправляется въ Англію, чтобъ убить своего племянника и на пути своемъ чрезъ Англію дѣлается предметомъ насмѣшекъ за свою трусость. При дворѣ Артура онъ обращается въ бѣгство при видѣ Багенета, шута короля, принимая его за Ланцелота Озера. Артуръ однако, во время пребыванія Марка при дворѣ, успѣваетъ помирить его съ Тристаномъ, и по прибытіи ихъ въ

Корнваллисъ, послѣдній освобождаетъ государство это отъ нападенія Саксовъ, которые едва не овладѣли имъ. Но Маркъ, не смотря на эту важную услугу, оказывается сильно неблагодарнымъ, такъ какъ его подозрѣнія возникаютъ съ новою силою, и онъ отправляетъ Тристана въ темницу. Тристанъ, однакоже, при возстаніи жителей Корнваллиса получаетъ свободу и сажаетъ дядю въ туже темницу; самъ же спѣшитъ воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ и бѣжитъ съ Изольдой въ Англію, гдѣ они останавливаются въ любимомъ замкѣ Ланцелота, который онъ имъ предоставляетъ для жительства, и находятся тамъ до тѣхъ поръ, пока Артуръ снова не устроиваетъ всеобщаго примиренія. Маркъ освобождается изъ темницы и снова дѣлается властителемъ своей возставшей державы и супруги. Тристанъ послѣ этихъ происшествій возвращается въ Бретань къ своей оставленной женѣ. Вскорѣ послѣ того онъ получаетъ извѣстіе, что графъ Нантесъ возсталъ противъ леннаго господина Руналена, брата Изольды съ бѣлыми руками. Тристанъ хотя и побиваетъ бунтовщиковъ, но, находясь на высокой башнѣ, получаетъ ударъ камнемъ и падаетъ тяжело раненый. Во время болѣзни Тристана и заботливаго о немъ попеченія со стороны Изольды, послѣдняя дѣлается въ первый разъ его женой, въ болѣе нѣжномъ смыслѣ слова. По выздоровленіи, Тристанъ въ одеждѣ шута получаетъ доступъ ко двору Марка, гдѣ имѣетъ частыя свиданія съ королевой, но такъ какъ обманъ его открывается, онъ снова принужденъ возвратится въ Бретань. Въ то время Руналенъ, зять Тристана, имѣлъ любовную связь и нашъ герой помогалъ ему устроить фальшивые ключи къ зàмку рыцаря, въ жену котораго былъ влюбленъ Руналенъ и даже согласился сопровождать его на тайное свиданіе съ ней. Тристанъ уже удалился, какъ рыцарь неожиданно возвращается съ охоты; сначала Руналенъ и Тристанъ успѣваютъ бѣжать, но вскорѣ мужъ и люди ихъ догоняютъ, при чемъ Руналенъ убитъ, а Тристанъ раненъ ядовитымъ оружіемъ. Изъ многихъ лѣкарей, которые пытаются его

лѣчить, неизвѣстный врачъ изъ Солерно—одинъ приноситъ ему пользу; прочіе же доктора настаиваютъ на его удаленіи, и Тристанъ скоро видитъ себя въ величайшей опасности отъ ихъ лѣченія. Въ этомъ положеніи онъ отправляетъ повѣреннаго къ извѣстной по своему врачебному искусству королевѣ Корнваллійской, чтобъ тотъ уговорилъ ее пріѣхать къ нему въ Бретань. Если это ему удастся, то на кораблѣ при возвращеніи долженъ быть бѣлый парусъ, въ въ случаѣ же неудачи—черный.

Посланный пріѣзжаетъ, переодѣтый купцемъ, въ Корнваллисъ, и скоро уговариваетъ королеву отправиться съ нимъ въ Бретань во время отсутствія Марка.

Между тѣмъ Тристанъ ожидаетъ прибытія королевы съ такимъ нетерпѣніемъ, что поручаетъ одной изъ служанокъ жены караулить у пристани и дать ему знать о появленіи бѣлаго или чернаго паруса. Изольда съ бѣлыми руками, не имѣя понятія объ этой тайнѣ, освѣдомляется о причинѣ этого постояннаго стереженія и только тогда узнаетъ, что Тристанъ послалъ за королевой Корнваллійской; тутъ она начинаетъ испытывать сильнѣйшую ревность—страсть, ей до сихъ поръ незнакомую.

Между тѣмъ корабль съ королевой Корнваллійской, направленный попутнымъ вѣтромъ, быстро несется къ берегу съ поднятыми бѣлыми парусами. Изольда, которая стережетъ его, спѣшитъ къ мужу и объявляетъ, что паруса всѣ черные, при чемъ тотъ восклицаетъ въ сильной горести: «милая подруга! Я васъ поручаю Богу—вы меня больше никогда не увидите. Прощайте!» Тутъ часъ его пробилъ, онъ поручаетъ себя Богу, сердце его разбито, душа вылетаетъ вонъ. Первое, что узнаетъ королева Корнваллійская приставъ къ берегу—это извѣстіе о смерти Тристана. Почти безъ чувствъ ее приносятъ въ комнату покойника, гдѣ она умираетъ, заключивъ его въ свои объятія.

Тристанъ передъ кончиной изъявилъ желаніе, чтобы тѣло его было отправлено въ Корнваллисъ, а мечъ его съ письмомъ, имъ написаннымъ, переданъ королю Марку. Смерт-

ные остатки Тристана и Изольды привозятъ вмѣстѣ съ мечемъ въ Корнваллисъ, и Маркъ при видѣ этого меча, который убилъ Мархульда ирландскаго, ему самому часто спасалъ жизнь и защищалъ честь его государства, проникается глубокимъ состраданіемъ. Въ письмѣ же Тристанъ проситъ прощенія у дяди, и разсказываетъ ему происшествіе съ любовнымъ напиткомъ.

Маркъ велитъ схоронить обоихъ въ своей собственной часовнѣ, и вскорѣ на могилѣ Тристана выростаетъ растеніе, которое вьется вдоль стѣны и спускается на могилу Изольды. Три раза его срубаютъ по приказу Марка, но каждое утро зеленый ростокъ появляется снова еще свѣжѣе прежняго, и это чудное растеніе съ той поры совершенно покрыло могилу Тристана и Изольды.

Въ числѣ прозаическихъ романовъ имя Персеваля встрѣчается рѣже другихъ; причину этого мы видимъ именно въ его мистическо-духовномъ характерѣ, который дѣлалъ его малодоступнымъ и даже скучнымъ въ позднѣйшую эпоху среднихъ вѣковъ. Мы не будемъ излагать его содержанія, такъ какъ въ общихъ чертахъ оно остается все тоже, а только укажемъ на существенныя его отличія отъ Красной книги и стихотворныхъ романовъ.

Персеваль не на долго сохраняетъ свою простоту и неопытность: подъѣзжая ко двору Артура онъ видитъ рыцаря въ красномъ вооруженіи и прямо объявляетъ ему, что потребуетъ отъ Артура его оружія. Вмѣсто карлика и карлицы пощечину отъ Кё получаетъ какая то дама, которая 10 лѣтъ не улыбалась, и шутъ. Персеваль не хочетъ сойти съ лошади, чтобы получить рыцарскій ударъ, такъ какъ онъ видѣлъ рыцарей только верхами. Вмѣсто Говена снять вооруженіе съ убитаго ему помогаетъ оруженосецъ Гюіонъ, и сцена эта украшена новыми подробностями; дѣвушка, которую, освобождаетъ Персеваль отъ осады также называется Бланш-флёръ и т. д.

Но самое главное отличіе состоитъ въ томъ, что Граль потерялъ первенствующее значеніе: эта чаша есть одна изъ драгоцѣнностей дяди Персеваля, который умираетъ отъ ранъ, не дождавшись племянника. Узнавъ о его смерти, Персеваль ѣдетъ туда, чтобы получить его корону, и вмѣстѣ съ ней получаетъ и всѣ его драгоцѣнности; потомъ онъ удаляется въ пустыню и уноситъ туда съ собою святой Граль.

И такъ здѣсь нѣтъ никакой божественной тайны, и остатки древнѣйшей мистико-религіозной поэмы плохо вяжутся съ легкомысленнымъ тономъ остальнаго разсказа.

Едва только было изобрѣтено книгопечатаніе, рыцарскіе романы, сдѣлавшіеся особенно любимымъ чтеніемъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, стали издаваться въ большомъ количествѣ; передѣлываясь и измѣняясь они доходятъ до XVIII вѣка, и вліяніе ихъ замѣтно на лубочныхъ изданіяхъ нашего времени.

ГЛАВА III.

Драма въ средніе вѣка.

Практическіе Римляне не могли, по самой натурѣ своей, такъ цѣнить драматическое искусство, какъ художники Греки. Аѳиняне готовы были, забывая про ѣду и отдыхъ, просиживать цѣлые дни въ театрѣ; за удачный монологъ объ обязанностяхъ полководца, автору поручали одинъ изъ важнѣйшихъ постовъ въ войскѣ; актеры получали огромное жалованье и пользовались всеобщимъ уваженіемъ; Римляне же ходили *въ комедію* отъ нечего дѣлать, съ женами и грудными ребятами, которые поднимали страшный крикъ, и театръ пустѣлъ, если въ тоже время странствующіе канатные плясуны показывали свое искусство; актеры считались людьми безчестными, и порядочному человѣку стыдно было водить съ ними знакомство. Циркъ пользовался несравненно большимъ сочувствіемъ публики, и въ послѣдніе вѣка имперіи драма обратилась въ гладіаторскую игру, Трудно повѣрить тому, что разсказываютъ современники про римскій театръ эпохи упадка: актеры, желая вызвать сочувствіе публики, наносили себѣ дѣйствительныя раны; въ пьесѣ «умирающій Геркулесъ» роль главнаго героя игралъ преступникъ, приговоренный къ смерти, и герой въ концѣ пьесы былъ сожженъ на самомъ дѣлѣ; самые неприличные эпизоды классической миѳологіи разыгрывались съ невозможной и возмутительной непринужденностью. Отсюда

понятно то негодованіе, которое возбуждалъ античный театръ въ отцахъ церкви христіанской. «Что будетъ, спрашиваетъ Лактанцій, изъ юношей и дѣвицъ, которые видятъ, что одни безъ стыда дѣлаютъ такія вещи, а другіе съ удовольствіемъ смотрятъ на это?» Тертуліанъ возстаетъ противъ театра вообще: «можетъ ли Богъ правды, говоритъ онъ, ненавидящій всякую ложь, допустить въ свое царство тѣхъ, кто обманываетъ чертами лица, волосами, возрастомъ, вздохомъ и улыбкой, гнѣвомъ и любовью?.... имъ предстоитъ разъиграть еще одну трагедію въ день страшнаго суда!» Признанное при Константинѣ господствующей религіей, христіанство начало борьбу со всѣми остатками старины, а слѣдовательно и съ театромъ, который сверхъ того былъ противенъ ей своею безнравственностью; но на первое время оно не имѣло успѣха. Хотя сословіе актеровъ внушало всѣмъ презрѣніе, хотя актеръ не могъ быть христіаниномъ, если не давалъ присяги навсегда отказаться отъ своего позорнаго званія, театры и цирки были всегда полны народомъ, актрисы дѣлались императрицами, и часто св. отцы, напр. Августинъ, испытывали на себѣ сильное дѣйствіе драмы. Мало того: актеры получили себѣ патрона въ лицѣ св. Генезія, который, крестившись для осмѣянія обряда на сценѣ, сдѣлался потомъ на самомъ дѣлѣ поборникомъ христіанства, и въ IV в. появляется христіанская трагедія «Страдающій Христосъ» (Χριστὸς πάσχων), которую приписываютъ Григорію Назіанзену. Такъ какъ христіанскіе учители того времени воспитывались на классическихъ поэтахъ, ясно, что эта трагедія должна быть подражаніемъ древней; $\frac{1}{3}$ стиховъ взята изъ Эврипида, дѣйствіе происходитъ за сценой и возвѣщается черезъ вѣстниковъ; главное дѣйствующее лице есть Богородица, и ея скорбь есть главный моментъ пьесы; эта трагедія предназначалась для школъ и не имѣла вліянія на развитіе средневѣковаго театра.

Къ V вѣку всѣ страны цивилизованнаго міра, кромѣ Константинополя, запустѣли и обѣдняли; старые жители

попрятались отъ набѣговъ варваровъ и, заботясь о кускѣ насущнаго хлѣба, не имѣли времени думать объ удовольствіяхъ; новые пришельцы-варвары были слишкомъ неразвиты, чтобы придавать значеніе жалкимъ остаткамъ театра. Тогда христіанство, какъ религія несчастныхъ и простыхъ сердцемъ, одержало рѣшительную побѣду, и театры закрылись.

Но народъ не могъ остаться совершенно безъ зрѣлищъ и удовольствій, и въ юридическихъ актахъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ, упоминается про скомороховъ и актеровъ, которые забавляли простой народъ, господъ и даже монаховъ, игрой, пѣснями и, вѣроятно, представленіемъ небольшихъ комическихъ діалоговъ. Эти увеселители публики не пользовались уваженіемъ со стороны правительства. Карлъ Великій считаетъ гистріоновъ въ числѣ опозоренныхъ, Людовикъ Благочестивый приказываетъ духовнику уходить со свадебъ и другихъ празднествъ раньше, чѣмъ явятся комедіанты (thymelici), однако народъ любилъ ихъ.

Но средневѣковая драма вышла не изъ ихъ діалоговъ; ея источникъ былъ несравненно чище и важнѣе: она произошла изъ церкви.

Католическая обѣдня со времени Григорія Великаго получила драматическій характеръ, и вся церковная служба сопровождалась драматическими обрядами, которые несомнѣнно возникли очень рано, хотя мы узнаемъ объ нихъ изъ XII, XIII и XIV вв. Въ торжественныхъ церковныхъ процессіяхъ часто выступали клерики, такъ одѣтые, что могли изображать лица св. исторіи; шли Адамъ и Евва, Іуда съ мѣшкомъ денегъ, св. Георгій ѣхалъ на конѣ и тащилъ убитаго имъ дракона; въ Вербное Воскресенье І. Х. въѣзжалъ въ городъ, а бѣсы мѣшали ему, на Р. Х. 3 клерика, одѣтые царями, спускались съ хоръ; въ Духовъ день сверху храма слеталъ бѣлый голубь и падали зажженные клочки пакли и т. д. Всѣ эти обряды сопровождались церковными пѣснями хора. Особенно удобно въ цѣлыя мисте-

ріи могли перейти обряды, совершавшіеся въ церквахъ въ 2 важнѣйшіе праздника: Воскресеніе Христово и Рождество. Простѣйшій и древнѣйшій видъ мистеріи о Воскресеніи заключался, кажется, въ томъ, что въ гробъ заранѣе клали крестъ и потомъ съ торжествомъ поднимали его; одинъ клерикъ, изображающій ангела, садился у гроба, другіе 3, изображавшіе 3-хъ Марій подходили къ нему. «Кого ищете?» спрашивалъ ангелъ. «Іисуса Назарея,» отвѣчали Маріи. «Его нѣтъ здѣсь,» отвѣчалъ ангелъ, а хоръ пѣлъ воскресную пѣснь.

За тѣмъ естественно могло явиться желаніе оживить и распространить этотъ обрядъ, который занималъ и зрителей и исполнителей; ангелу привязывали крылья, жены мироносицы являлись въ свойственныхъ имъ одеждахъ; одно Воскресеніе безъ страданій и сошествія въ адъ, казалось какъ то неполнымъ, а страданія были связаны со всей жизнью Спасителя, и вотъ мало помалу мистерія разростается до громадныхъ размѣровъ; она занимаетъ всю страстную недѣлю и требуетъ множество актеровъ; но это могло случиться только въ послѣдствіи. Мы упоминали про поклоненіе волхвовъ, какъ драматическій обрядъ Р. Х; остается только замѣтить, что роль царей часто принимали на себя владѣтели той мѣстности, гдѣ стояла церковь. Еще болѣе, чѣмъ поклоненіе волхвовъ возбуждало сочувствіе въ народѣ поклоненіе пастуховъ; мистерія Рождества также допускала распространеніе: являлись пророки, предсказывавшіе рожденіе Спасителя, и даже изображался грѣхъ Адама, для искупленія котораго явился на землѣ І. Х.; волхвы ходили къ Ироду и т. д. Такимъ образомъ мистерія незамѣтно выростаетъ изъ обряда, и потому носитъ даже названіе «службы» (officium), которая не записывалась, такъ какъ мѣстное духовенство должно было знать ее наизусть. Въ началѣ она разъигрывается въ церкви, на церковномъ языкѣ и служитъ только пріятнымъ занятіемъ для клериковъ; но народъ тоже желалъ бы понимать ее; ея бо́льшее развитіе требуетъ болѣе обширной сцены и

массы слушателей; тогда понемногу начинаетъ входить въ нее народный языкъ. До насъ дошла пьеса XI в.. изображающая притчу о 10 дѣвахъ, въ которой латинскіе стихи перемѣшаны съ провансальскими.

Въ началѣ хоръ поетъ: «Вотъ женихъ, который есть Христосъ; не спите, дѣвы!» (ad est sponsus, qui est Christus; vigilate, virgines).

Потомъ Гавріилъ обращается къ нимъ на провансальскомъ языкѣ, уговаривая ихъ также не спать. Далѣе начинаютъ пѣть дѣвы глупыя (fatuae); онѣ жалуются на то, что пролили масло, и просятъ мудрыхъ ссудить имъ его; мудрыя посылаютъ ихъ къ купцамъ, но и купцы отказываются исполнить ихъ просьбу; глупыя возвращаются, и Христосъ говоритъ имъ: «истинно говорю вамъ: я не знаю васъ, потому что вы лишены свѣта» (Amen dico: vos ignoro, nam caretis lumine).

Притчи часто перелагали въ представленія, потому что обыденная обстановка дѣйствующихъ лицъ была удобнѣе для сцены. Въ упомянутой игрѣ (ludus) нѣтъ прозы, слѣдовательно она вся пѣлась; она очень коротка и не требуетъ обширной сцены.

Въ XII вѣкѣ мистерія распространяется; появляются второстепенныя лица, вымышленныя для обстановки самимъ авторомъ; кромѣ мистерій въ собственномъ смыслѣ появляются miracles т. е. представленія чудесъ, въ которыхъ, также какъ и въ притчахъ, авторъ чувствуетъ себя свободнѣе. Одно изъ самыхъ раннихъ чудесъ есть чудо св. Николая надъ жидомъ. Въ началѣ жидъ хвалитъ св. Николая, образъ котораго, имъ особенно почитаемый, спасаетъ его отъ всѣхъ бѣдъ; не заперши своего дома, онъ уходитъ, оставляя сторожемъ св. Николая; приходятъ воры, открываютъ сундукъ и утаскиваютъ всѣ сокровища; затѣмъ является хозяинъ, начинаетъ оплакивать свою судьбу и, обвиняя во всемъ образъ, грозитъ наказать его бичемъ и потомъ сжечь самый бичъ. Тогда къ ворамъ неожиданно является св. Николай и приказываетъ немедленно

положить все на прежнее мѣсто: иначе они будутъ жестоко наказаны. Жидъ, найдя все въ цѣлости, радуется и, созвавъ товарищей, убѣждаетъ ихъ оставить *идолопоклонство*.

Въ XIII в. слишкомъ распространившуюся мистерію папы и соборы начали гнать изъ церкви, которую она не покинула сразу: сцену стали устроивать на церковномъ дворѣ, а въ церкви помѣщался небесный рай. Тогда народъ получилъ бо̀льшее участіе въ представленіи, чѣмъ клерики, которые играли только роли святыхъ особъ; вмѣстѣ съ этимъ естественно измѣнился и языкъ мистеріи въ народный; въ очень рѣдкихъ случаяхъ вставлялись латинскія слова (напр. Христосъ на крестѣ говоритъ: sitio! я жажду), но все же надолго драма удержала нѣкоторыя черты, указывающія на ея церковное происхожденіе: въ представленіе входили гимны и пѣсни на церковный напѣвъ; ему предшествовало иногда чтеніе того отрывка изъ Св. писанія, который давалъ ему сюжетъ, и, что было важнѣе всего, содержаніе въ серьезныхъ пьесахъ (мы исключаемъ комическія изъ нашего обзора) было всегда религіозное. Цвѣтущій періодъ средневѣковой драмы начинается съ того времени, какъ ея представленіе переходитъ въ руки братствъ, спеціально съ этою цѣлію учрежденныхъ; таково въ Антверпенѣ было братство св. Луки, въ Парижѣ Confrèrie de la passion и въ Римѣ братство del Gonfalone. Болѣе всего работы этимъ братствамъ было на страстной недѣлѣ, въ продолженіе которой они изображали страсти и всю земную жизнь Спасителя.

Барабанный бой давалъ знать всѣмъ, желающимъ принять участіе въ представленіи, чтобъ они шли принимать присягу; всѣ сходились и давали клятву, что они въ назначенный день и часъ явятся на своихъ мѣстахъ съ выученными ролями. Въ день представленія публика тѣснилась около сцены; сидѣли на скамейкахъ, на землѣ и на крышахъ окружающихъ домовъ; съ публики платы не полагалось; только во время представленія обходили всѣхъ съ кружкою или блюдомъ, для покрытія нѣкоторыхъ издержекъ на ко-

стюмы и проч. Представленіе не дѣлилось на акты, но на дни и продолжалось по нѣскольку часовъ сряду; иногда актеры и публика отдыхали и подкрѣпляли свои силы ѣдою. Во Франціи, гдѣ драма развилась болѣе, сцена состояла изъ 3-хъ этажей: въ верхнемъ помѣщался рай, изображенный въ видѣ прекраснаго сада, св. Троица и святые; изъ рая 2 лѣсенки вели на землю, которая загородками была раздѣлена на нѣсколько отдѣленій, ярлычки съ надписями показывали, какую мѣстность должно изображать извѣстное отдѣленіе; напр. Іерусалимъ, Римъ и т. д. (вслѣдствіе близости этихъ отдѣленій актеры мгновенно совершали огромные переходы); посрединѣ земли находилось обширное пространство, назначенное для совмѣстнаго дѣйствія нѣсколькихъ десятковъ, а иногда и сотенъ актеровъ. Нижній этажъ изображалъ адъ, который представлялся по большой части въ видѣ пасти огромнаго чудовища, (въ Германіи, по бѣдности сцены, чертъ сидѣлъ иногда просто въ бочкѣ). Костюмы старались выбрать въ соотвѣтствіе ролямъ; только риза служила общимъ костюмомъ для всѣхъ святыхъ. Женскія роли, разъигрываемыя мальчиками, нуждались въ маскахъ, которыя въ другихъ случаяхъ не употреблялись. На театрахъ братствъ въ концѣ среднихъ вѣковъ въ большомъ количествѣ употреблялись различныя машины, необходимыя, когда дѣйствіе происходитъ на сценѣ: зрители своими глазами видѣли обезглавленіе, воду, брызгавшую изъ подъ жезла Моисея и т. д.; правда, эти вещи не всегда сходили удачно: напр. однажды Іуда едва не повѣсился на самомъ дѣлѣ, но несчастія бывали очень рѣдко. Пѣніе гимновъ иногда сопровождалось музыкой, расположенной за сценой. Публика больше сходилась смотрѣть, нежели слушать, и потому распорядителю приходилось иногда вскрикивать: silete! (молчите).

Средневѣковыя драмы почти настолько же произведенія народныя, насколько и личныя; какъ народныя пѣсни сочиняются къ извѣстному случаю и потомъ, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, видоизмѣняются, такъ и эти пьесы

сочинялись для извѣстнаго дня и потомъ, переписываясь для другаго представленія, значительно измѣняли форму и содержаніе: потому имена ихъ авторовъ остаются по большей части неизвѣстными. Множество странностей и, по нашимъ понятіямъ, нелѣпостей, нисколько не смущали публику: религіозное чувство ни мало не оскорблялось появленіемъ на сцену невидимаго Бога, на котораго переносили всѣ человѣческія слабости; одинъ актеръ по порученію другаго шелъ изъ Іерусалима въ Римъ и сейчасъ же возвращался оттуда; цѣлыя тысячелѣтія проходили въ одно мгновеніе; въ началѣ всѣ актеры выходили на сцену, и каждый объявлялъ, кого онъ намѣренъ изображать; въ концѣ и въ началѣ пьесы пѣлись церковныя пѣсни, а иногда читались отрывки изъ Евангелія; дѣйствующихъ лицъ иногда было такъ много, что чуть не полгорода участвовало въ представленіи, на которое многіе смотрѣли, какъ на дѣло богоугодное.

Средневѣковыя драмы, называемыя иногда безразлично *мистеріями* раздѣляются на нѣсколько родовъ. Отъ мистерій собственно (куда входятъ напр. всѣ passions, изображеніе страстей Господнихъ) надо отличать *Чудеса*, о которыхъ мы упоминали выше; между ними больше всего чудесъ, совершенныхъ Богоматерью, что, безъ сомнѣнія, объясняется развитіемъ культа Дѣвы Маріи. Одно изъ раннихъ есть «Чудо надъ Ѳеофиломъ» приписываемое труверу Рютебёфу, жившему въ XIII в. Оно разсказываетъ, какъ Дѣва Марія отняла у черта контрактъ на душу виконта Ѳеофила. Въ концѣ среднихъ вѣковъ развивается новый родъ драмы: *moralité*, въ которомъ дѣйствуютъ не живые люди, а отвлеченныя понятія; цѣль его—поученіе. Одна изъ лучшихъ moralité есть англійская: «Every man» (каждый человѣкъ). Богъ Отецъ, разгнѣванный грѣхами человѣка, зоветъ на него Смерть; человѣкъ въ ужасѣ обращается къ Родству, Дружбѣ и Богатству, но тѣ отказываются отъ него; наконецъ онъ прибѣгаетъ къ Добрымъ Дѣламъ; тѣ посылаютъ его къ сестрѣ Мудрости, а та велитъ ему искать

помощи у Исповѣди. Приходитъ Смерть; 5 Чувствъ, Сила, Красота уходятъ, а остаются только Добрыя Дѣла; въ концѣ поется requiem.

Эти главныя роды драмы иногда перемѣшивались и соединялись между собою.

Предполагая, что знакомство съ содержаніемъ нѣсколькихъ мистерій доставитъ о нихъ болѣе полное понятіе, чѣмъ всѣ возможныя изслѣдованія, мы предлагаемъ переводъ отрывка одной изъ раннихъ (XII–XIII) мистерій (остальное не сохранилось) и позднѣйшаго (XIV в.), Чуда Божьей Матери. Читатели сами увидятъ, на сколько развилась драма въ этотъ короткій промежутокъ времени.

ВОСКРЕСЕНІЕ СПАСИТЕЛЯ.

Прологъ. Мы представимъ св. Воскресеніе и расположимъ мѣста такимъ образомъ: сперва поставимъ распятіе, а потомъ гробъ. Надобна тюрьма, чтобъ заключать плѣнниковъ. Адъ будетъ поставленъ съ одной стороны, а дома съ другой, потомъ небо; на скамейкахъ прежде всего слѣдуетъ посадить Пилата съ его вассалами; у него будетъ 6 или 7 всадниковъ; Каіафа будетъ съ другой стороны съ своими жидами, потомъ Іосифъ Аримаѳейскій. На 4-мъ мѣстѣ увидятъ Никодима; всякій будетъ съ своими людьми. Въ 5-хъ тамъ будутъ ученики, въ 6-хъ три Маріи. Также представятъ городъ Галилей посрединѣ и Эммаусъ, гдѣ І. Х. былъ принятъ. При всеобщемъ молчаніи Іосифъ подойдетъ къ Пилату и скажетъ ему.

Іосифъ. Богъ, спасшій Моисея и Аарона отъ власти Фараона, да спасетъ Пилата, моего господина, и даруетъ ему почести и славу.

Пилатъ. Пусть Геркулесъ, который убилъ дракона и разрушилъ старый Геріонъ, дастъ богатство и славу тому, кто меня привѣтствуетъ такъ изъ любви.

Іос. Будь благословенъ, Пилатъ! Богъ да поможетъ тебѣ по Своей великой милости и внушитъ тебѣ, по Своему могуществу, расположеніе ко мнѣ.

Пил. Донъ Іосифъ! Будь милымъ гостемъ; я радъ тебѣ; не сомнѣвайся въ моемъ расположеніи; если ты думаешь иначе, это было бы странно; знай навѣрное, что я тебя выслушаю съ большою кротостію.

Іос. Господинъ, не сердитесь если я буду говорить о Сынѣ Маріи, о Распятомъ. Увѣрьтесь, что Онъ былъ благонамѣренный человѣкъ и любимъ Богомъ; вы и жиды осудили Его на смерть; поэтому вы должны бояться, чтобъ съ вами не случилось большаго несчастія.

Пил. Донъ Іосифъ Аримаѳейскій! я не могу не сказать тебѣ, что жиды по своей страшной ненависти совершили великое преступленіе; и я согласился на него только изъ боязни лишиться правленія; они бы меня обвинили въ Римѣ и приговорили бы меня къ смерти.

Іос. Если ты сознаешь свою вину, проси прощенія у Іисуса. Никто напрасно не призывалъ Его милосердія, даже тѣ, которые влекли Его на смерть; но я пришелъ сюда по другому дѣлу: выдай мнѣ Его тѣло; умоляю тебя, исполни эту просьбу: я погребу его по обряду.

Пил. Другъ мой, что вы съ нимъ сдѣлаете? Думаете вы его оживить? Оно претерпѣло слишкомъ много терзаній; не думаете ли, что оно возвратится къ жизни.

Іос. Я ничего не думаю, господинъ (хотя оно воскреснетъ въ цѣлости); но чтобъ исполнить нашъ обрядъ, я желаю Его похоронить во имя любви Божіей.

Пил. Развѣ Онъ совершенно бездыханенъ?

Іос. Да, господинъ, не сомнѣвайтесь въ этомъ.

Пил. Мы узнаемъ это отъ нашихъ сержантовъ.

Іос. Позовите ихъ; смотрите, тамъ ихъ много.

Пил. Сержанты, вставайте скорѣй. Ступайте сейчасъ туда, гдѣ виситъ осужденный и узнайте, живъ ли еще Распятый?

— Два сержанта отправились съ копьями въ рукахъ. Встрѣтивъ Лонгина слѣпца, они сказали ему:

Одинъ изъ солдатъ. Лонгинъ-братъ, хочешь нажить денегъ?

Лонгинъ. Конечно, не сомнѣвайтесь въ томъ.

Солд. Въ такомъ случаѣ пойдемъ, ты получишь 12 монетъ, если проколешь бокъ этого Распятаго.

Лонг. Я охотно пойду съ вами, мнѣ очень нужны деньги: я бѣденъ, мнѣ нечѣмъ жить.

— Когда они пришли къ кресту, они дали ему копье въ руки.

Солд. Возьми это копье и вонзи поглубже въ тѣло, до самыхъ легкихъ. Тогда мы узнаемъ, умеръ Онъ или нѣтъ.

— Лонгинъ взялъ копье и вонзилъ его въ сердце Іисуса. Изъ раны полилась ему на руки кровь и вода и забрызгала ему лице; когда онъ коснулся руками глазъ, онъ тотчасъ же прозрѣлъ, и потомъ сказалъ:

Лонг. О Іисусъ! Не знаю какъ выразиться, но Ты хорошій врачъ, когда обращаешь гнѣвъ въ милость. Я заслужилъ отъ Тебя смерть, а ты мнѣ оказываешь такое благодѣяніе, возвратилъ мнѣ зрѣніе, котораго я былъ лишенъ. О! я обращаюсь въ твою вѣру и молю о прощеніи.

— Тутъ онъ палъ на колѣни и со слезами тихимъ голосомъ сказалъ молитву. Солдаты возвратились къ Пилату и сказали слѣдующее:

Солд. Князь, будьте увѣрены что Іисусъ умеръ; мы видѣли, какъ Онъ совершилъ большое чудо. Товарищъ, ты видѣлъ?

Другой солд. Мы оба видѣли.

Пил. Молчите глупые.

— Пилатъ тогда обратился къ Іосифу и обрадовалъ его слѣдующими словами:

Пил. Донъ Іосифъ, вы мнѣ вѣрно служили; возьмите тѣло Іисуса, я даю вамъ его.

Іос. Благодарю! Это славная награда за мою службу.

— Когда Іосифъ удалился, чтобъ отправиться къ Никодиму, Пилатъ обратился къ солдатамъ и сказалъ одному изъ нихъ:

Пил. Вассалъ, подойди сюда. Какое чудо видѣлъ ты тамъ? Скажи мнѣ, какъ ты увидѣлъ то, о чемъ я тебѣ тотчасъ запрещалъ говорить?

Солд. Когда Лонгинъ слѣпецъ вонзилъ копье въ бокъ Распятаго, онъ замочилъ кровью свои глаза, и съ этой минуты прозрѣлъ, а прежде былъ слѣпъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что онъ вѣритъ въ Него.

Пил. Молчаніе, вассалъ! Чтобъ никто объ этомъ никому не говорилъ; это ошибка; не вѣрьте ей. Я приказываю, чтобы тотчасъ схватили Лонгина и задержали его. Поскорѣй посадите его въ тюрьму, чтобъ онъ не проповѣдывалъ объ этомъ.

— Они отправились къ Лонгину; онъ сидѣлъ съ опущенной головой.

Солд. Эй товарищъ, ты сейчасъ отправишься въ темницу; мы тебя нынче сведемъ въ непріятное жилище. Неправда, что ты видѣлъ что нибудь. Это ложь, мы знаемъ, а ты вѣришь въ Распятаго и говоришь, что Онъ тебѣ возвратилъ зрѣніе.

Лонг. Онъ мнѣ возвратилъ зрѣніе, клянусь вамъ, и я имѣю въ Него полную вѣру; Онъ непремѣнно Владыка и Царь Небесный.

Друг. солд. Вы недавно говорили нехорошія рѣчи, а теперь еще хуже; за это вы будете ввергнуты въ темницу. Ступайте впередъ. Сейчасъ же вы отправитесь.

Лонг. Пусть будетъ такъ; меня это исполняетъ довольства и радости.

— Когда они прибыли въ тюрьму, они сказали ему слѣдующее:

Солд. Входи туда; выйдешь ты оттуда только для того, чтобъ потерять все, что имѣешь, т. е. лишиться жизни, если ты не отречешься отъ Сына Маріи.

Лонг. Сынъ Маріи — Царь и Владыка; я вѣрю въ это и буду утверждать вѣчно. Я Ему поручаю жизнь свою и не безпокоюсь о томъ, что слышу отъ васъ.

— Въ это время благочестивый Іосифъ отправился къ Никодиму.

Іос. Донъ Никодимъ, пойдемъ со мной. Пойдемъ снимемъ съ креста нашего Владыку; не откажемся воздать Ему эту почесть. Еслибы Онъ и совершенно умеръ, Онъ все же намъ поможетъ. Возьми клещи и молотокъ, чтобъ вытаскивать гвозди. Кто чтилъ Іисуса, тому воздастъ Онъ, будь увѣренъ въ томъ, поэтому поспѣшимъ, любезный другъ. Окажемъ Ему почесть, если хочешь, и положимъ Его съ почтеніемъ въ могилу.

Никодимъ. Іосифъ, я видѣлъ, что человѣкъ, тамъ распятый, пророкъ и святой, исполненный добродѣтелей. Я это узналъ, когда я приходилъ къ Нему учиться; и все таки я не смѣю идти Его снимать, не смотря на сильное желаніе оказать Ему эту услугу. Но я такъ боюсь наказанія, что не смѣю на это рѣшиться; я предпочитаю идти къ Пилату, чтобъ отъ него самого получить дозволеніе, и тогда буду дѣйствовать свободнѣе.

Іос. Ну такъ идемъ; я васъ сведу къ нему.

— Оба отправляются къ Пилату въ сопровожденіи двухъ слугъ, изъ которыхъ одинъ несетъ инструменты, а другой ящикъ съ травами и духами для бальзамированія.

Іос. Господинъ, мнѣ нуженъ товарищъ, но я только съ вашего дозволенія могу взять его. Скажите этому, чтобъ онъ шелъ со мной безъ страху.

Пил. Вы можете идти съ нимъ, любезный другъ. Съ вами не случится никакой непріятности. Ступайте смѣло впередъ; я вездѣ буду вашимъ защитникомъ.

— Когда они прибыли къ кресту, Іосифъ закричалъ громкимъ голосомъ:

Іос. О! Іисусъ, Сынъ Маріи, святой, милосердой Дѣвы; Іуда былъ низкимъ измѣнникомъ и совершилъ безумный поступокъ, когда продалъ Тебя за деньги Твоимъ врагамъ.

Ник. Душа его погибла, такъ какъ онъ самъ лишилъ себя жизни. И жиды тоже, эти несчастные мои родственники, должны оплакивать свое поведеніе. Они болѣе другихъ заслуживаютъ сожалѣнія; это также вѣрно какъ то, что ты сказалъ правду.

— Никодимъ взялъ инструменты а Іосифъ сказалъ:

Іос. Начинай съ ногъ.

Ник. Охотно, я буду дѣйствовать какъ можно осторожнѣе.

Іос. Теперь выньте гвозди изъ рукъ.

— Когда Никодимъ кончилъ, онъ сказалъ Іосифу, который держалъ тѣло:

Ник. Возьмите Его осторожнѣе на руки.

Іос. Я то и хочу сдѣлать.

— Они тогда осторожно взяли тѣло, и Іосифъ сказалъ своему вассалу:

Іос. Дайте теперь мазь; мы натремъ тѣло.

— Въ то время, какъ подавали мазь, Никодимъ сказалъ громко:

Ник. О! всемогущій Боже, небо и земля, вода и вѣтеръ, тебѣ покоряются; такъ и все остальное въ этомъ свѣтѣ, исключая только злыхъ людей, которые повлекли Іисуса на казнь и умертвили Его безъ суда. Когда нибудь настанетъ мщеніе; но ты Всемогущій терпѣливъ. Окажи намъ милость, позволь похоронить съ почтеніемъ это святое тѣло.

— Когда они намазали тѣло мазью, они его положили въ гробъ.

Ник. Іосифъ, вы старше: подите къ головѣ, а я къ ногамъ; похоронимте поскорѣй Іисуса. Осмотрѣли вы мѣсто?

Іос. У меня есть совершенно новый каменный склепъ; пойдемте тотчасъ туда. Мы Его тамъ похоронимъ.

— Когда его схоронили и положили камень, Каіафа сказалъ слѣдующее:

Каіаф. Пилатъ! выслушай мое мнѣніе; я бы дурно поступилъ, еслибъ не высказалъ тебѣ его. Измѣнникъ Іисусъ, этотъ обманщикъ, который былъ распятъ какъ злодѣй, имѣлъ дерзость говорить при жизни (чему, къ несчастію, многіе повѣрили), что Онъ воскреснетъ на третій день; но глупъ тотъ, кто этому вѣритъ. Приставь стражей къ могилѣ, чтобы кто нибудь изъ Его приближенныхъ не похитилъ тѣла; потому что потомъ они бы стали проповѣдывать и разглашать по всей землѣ, что Онъ ожилъ и воскресъ. Это могло бы ввести въ заблужденіе слабыхъ. Въ такомъ случаѣ будетъ хуже.

Пил. Мнѣ кажется, вы правы.

— Тутъ всталъ одинъ изъ солдатъ и сказалъ Пилату:

Солд. Если мнѣ хотятъ поручить это дѣло, я буду сторожить могилу, и если случится, что въ это время кто нибудь изъ Его друзей захочетъ Его похитить, онъ не воротится назадъ безъ боли; я ему переломаю всѣ ребра.

— Три другихъ солдата встали и сказали первому:

Др. сол. Товарищъ, мы пойдемъ съ тобой стеречь могилу. Никто не подойдетъ къ ней, чтобъ мы не схватили его; никто не можетъ похитить, чтобъ мы не узнали.

Тр. сол. Пойдемте смѣлѣй сейчасъ же стеречь могилу. Если кто придетъ, мы его сильно напугаемъ.

Четв. сол. Клянусь присягой, данной Пилату; если кто захочетъ совершить такое плутовство, я ему дамъ 15 такихъ ударовъ, что онъ свалится съ перваго.

Пил. Исполните ли вы вѣрно то, въ чемъ клянетесь? Если найдется достаточно смѣлый человѣкъ, чтобъ придти сюда послѣ захожденія солнца и попытается унесть тѣло, и даже признается, что пришелъ для этого, поклянитесь мнѣ въ такомъ случаѣ, что кто бы онъ ни былъ (если онъ не подъ защитою князей), вы его схватите и приведете ко мнѣ. Клянетесь ли вы сдержать это обѣщаніе? Гдѣ книга? Пусть принесутъ ее.

— Вотъ священникъ по имени Леви; онъ написалъ законъ Моисеевъ.

Леви. Вотъ законъ, написанный Моисеемъ, какъ внушилъ ему Господь. Онъ содержитъ 10 заповѣдей. Тотъ, кто хочетъ преступить клятву, пусть хранитъ молчаніе.

Каіаф. Теперь поклянитесь всѣ этимъ писаніемъ, что исполнится все, что я вамъ говорилъ.

Од. изъ сол. Клянусь этими законами, что если кто придетъ потихоньку къ могилѣ, я всѣми силами буду стараться схватить его и привести къ вамъ. (Второй и третій солдатъ повторяютъ клятвы.)

Каіаф. Я васъ провожу и скажу, что вамъ дѣлать. Вы согласны на это?

Пил. Согласенъ, Каіафа.

— Когда они шли къ могилѣ, кто-то ихъ остановилъ на дорогѣ.

Неизвѣстный. Куда вы такъ спѣшите?

Од. изъ сол. Мы идемъ сторожить могилу Іисуса; Онъ сказалъ, что воскреснетъ въ третій день.

Неиз. Это приказаніе Пилата?

Др. сол. Знайте, что это правда. Съ нами идетъ и Каіафа первосвященникъ, чтобъ намъ указать, что дѣлать. Теперь пусть идетъ, кто хочетъ.

— Когда Каіафа довелъ ихъ до могилы, онъ возвысилъ голосъ и далъ имъ слѣдующее наставленіе:

Каіаф. Теперь вы у могилы; стерегите ее усерднѣй. Если вы заснете и Іисуса похитятъ, мы никогда не будемъ друзьями.

Конца нѣтъ.

ЧУДО БОГОРОДИЦЫ,

КАКЪ ОНА СПАСЛА ЖЕНЩИНУ ОТЪ СОЖЖЕНІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Вильгельмъ.
Гибуръ.
Дочь.
Обери или Обенъ.
Робертъ, первый сосѣдъ.
Готье, второй сосѣдъ.
Кумъ.
Мандо, первый жнецъ.
Сенестръ, второй жнецъ.
Обери, первый сержантъ.
Гобенъ, второй сержантъ.
Судья.
Носильщикъ.
Братъ.
Двоюродный братъ.
Коше, палачъ.
Богъ
Богородица.
Гавріилъ.
Михаилъ.
Первый нищій
Второй нищій.
Третій нищій.
Святой Іоаннъ.
Первая монахиня.
Вторая монахиня.

Здѣсь начинается чудо Богородицы, какъ она спасла женщину отъ сожженія.

Вильгельмъ. Гибуръ, я хочу вамъ объявить свои намѣренія: я немедля иду на поля осмотрѣть свою жатву, чтобы, какъ благоразумный человѣкъ, запастись заранѣе работниками. Я знаю, что въ скоромъ времени придется собирать хлѣбъ.

Гибуръ. Я согласна съ вами и не буду противорѣчить; вы лучше знаете, какъ сдѣлать.

Дочь. Милый отецъ! прошу васъ, возьмите меня съ собой; я желаю нѣсколько развлечься: я уже давно не выходила отсюда и не могу имѣть лучшаго общества.

Вильг. Я согласенъ исполнить твое желаніе; пойдемъ.

Дочь. Пойдемте; я готова. Прощайте, мать моя.

Гиб. Берегитесь ходить тамъ, гдѣ дорога не безопасна. Сынъ мой, Обенъ, прошу тебя дойти со мной до церкви и пробыть тамъ нѣсколько времени.

Обенъ. Если бы я отказался, я бы не могъ считать себя благоразумнымъ. Идемъ-те; я съ радостью исполню ваше желаніе.

Гиб. Мнѣ бы хотѣлось найти мѣсто ближе къ проповѣднику. Пойдемъ.

Первый сосѣдъ. Смотрите, Готье, вотъ идетъ жена мера, съ своимъ зятемъ. Вездѣ говорятъ что они въ связи.

Втор. сос. Это общій голосъ. Я же думаю что съ ихъ стороны это страшный грѣхъ.

Пер. сос. Совершенная правда, но что бы мы ни говорили, они отъ этого не прекратятъ знакомства. Пойдемъ выпьемъ вмѣстѣ полштофъ вина; не правда ли, это будетъ лучше?

Втор. сос. Я не прочь; пойдемте, Робертъ.

Гиб. Я встану на колѣни въ этомъ мѣстѣ Если тебѣ, сынъ мой, не хочется оставаться здѣсь, и ты предпочитаешь веселиться въ городѣ, то можешь смѣло отправляться; я не удерживаю.

Об. Въ самомъ дѣлѣ я лучше уйду. Я не привыкъ такъ долго быть въ церкви.

Гиб. О! Пресвятая Богородица, несчастенъ человѣкъ, который не посвятилъ себя Твоему служенію, и счастливъ тотъ, кто отдалъ Тебѣ сердце и мысль; никто настолько не преданъ ему, чтобъ Ты не захотѣла помочь ему; а съ той минуты, какъ онъ обращался къ Тебѣ, онъ освобождается отъ всѣхъ горестей. Ты, небесная, сопрестольная Богу, возвышенная надъ всѣми Святыми, Пресвятая Дѣва! будь по своей неизмѣримой добротѣ (courtoisie) (прошу Тебя отъ всего сердца) моимъ убѣжищемъ, очисти передъ концомъ дней мою душу, чтобы, когда перестанетъ жить это тѣло, я бы не подвергалась бы мраку ада и заслужила бы царствіе небесное.

Кумъ. Кума, дай Богъ вамъ добрый день.

Гиб. И пусть Онъ проститъ вамъ ваши грѣхи, кумъ, а мнѣ мои! Какъ поживаетъ моя кума? надѣюсь, что хорошо.

Кумъ. Да, слава Богу: а вы, кума?

Гиб. Хорошо. Я благодарю Бога, кумъ; Онъ намъ оказалъ великую милость, внушивъ намъ мысль выдать дочь за такого хорошаго человѣка. Я думаю, что она не могла найти лучшаго.

Кумъ. Кума, мнѣ непріятно, когда я вижу, какъ поносятъ и позорятъ особу, которую я люблю, и я пріискиваю средства какъ ее увѣдомить, для ея же блага.

Гиб. Скажите, кумъ, зачѣмъ такія рѣчи?

Кумъ. Я вамъ скажу, кума. Разсказываютъ по всему городу, что вашъ зять съ вами въ связи; не даромъ, говорятъ, за нимъ такъ ухаживаютъ въ домѣ; онъ живетъ и съ матерью и съ дочерью.—

Гиб. Неужели про меня носятся такіе слухи въ городѣ? кумъ, клянусь вамъ честью, что этого никогда не бывало. Тотъ, кто распространилъ этотъ слухъ, взялъ большой грѣхъ на душу. Не дай Богъ, чтобъ меня когда нибудь могли обвинить въ подобномъ злодѣйствѣ.

Кумъ. Спаси Господь мою душу, кума. Я вамъ сказалъ объ этомъ чистосердечно. Не хвалите и не браните меня за то.

Гиб. Напротивъ, я вамъ очень благодарна кумъ, и прошу васъ, если вамъ еще разъ придется слышать подобныя вещи, смѣло утверждайте, что это неправда.

Кумъ. Я вамъ вѣрю вполнѣ. Но все же будьте осторожнѣе. Да хранитъ васъ Богъ До свиданія.

Гиб. Пусть снизойдетъ на васъ благословеніе Божіе! Благодарю васъ.

— Кроткая Матерь Божія, чтожъ это такое? За что же люди безъ всякой причины и повода съ моей стороны такъ обо мнѣ думаютъ? По истинѣ это большая обида. Мнѣ ничего не остается, какъ печалиться, горевать и плакать. Кроткая Матерь Божія, что мнѣ дѣлать? Я не перестану

объ этомъ думать до тѣхъ поръ, покуда не найду средства прекратить эти слухи.

Перв. жнецъ. Сенестръ, товарищъ и другъ, пойдемъ на площадь узнать не найдемъ ли мы себѣ хозяина. У насъ у обоихъ ни гроша за душой; мы раньше не уѣдемъ изъ этого города, пока не добудемъ денегъ.

Втор. жн. Ты дѣло говоришь, Мандо; пойдемъ. Я готовъ, вотъ мой серпъ; бери и ты свой. Иди прямо къ площади.

Перв. жн. Я иду, а ты слѣдуй за мной. Э! еще какъ рано! Кромѣ насъ двоихъ, нѣтъ ни одной живой души.

Втор. жн. Это горе не велико; лучше быть изъ первыхъ, нежели изъ послѣднихъ. Если Богу угодно, скоро придетъ кто нибудь насъ нанимать.

Гиб. Не будетъ у меня радости на сердцѣ, покуда не затихнетъ этотъ слухъ; но я не вижу къ этому никакого средства, кромѣ смерти зятя. Конечно, надо постараться ускорить это дѣло. Я не пожалѣла бы денегъ и щедро бы наградила человѣка, который согласился бы умертвить его; время же теперь для этого самое удобное; со всѣхъ сторонъ стекаются работники для полевыхъ работъ. Пойду на площадь, узнаю (чтобы изъ этого ни вышло!) не увижу ли человѣка, которому могу довѣриться. Я вижу издали двухъ огромныхъ молодцевъ, кажется готовыхъ на все и достаточно сильныхъ, чтобъ нанести адскій ударъ.— Господа! вы пришли сюда наниматься въ работники?

Пер. жн. Да, сударыня; вы имѣете нужду въ комъ нибудь изъ насъ?

Гиб. Да, полагаю. Откуда вы? скажите.

Пер. жн. Мы изъ Кротуа; умѣемъ жать и молотить. Если вамъ нужно собирать жатву, мы беремся съ удовольствіемъ и скоро покончимъ работу.

Гиб. Добрые люди, я женщина, отъ которой вы можете много нажить, если будете сговорчивы.

Втор. жн. Ей Богу сударыня, это намъ очень пріятно. Что же вамъ нужно?

Гиб. Прежде чѣмъ я вамъ довѣрюсь, поклянитесь мнѣ мощами, что вы не повторите ни одной живой душѣ того что я вамъ скажу; а потомъ уже я вамъ изложу свое намѣреніе.

Втор. жн. Что касается до меня, клянусь вамъ сейчасъ же, сударыня, что никто не узнаетъ вашей тайны, развѣ только съ вашего согласія.

Пер. жн. Сударыня, увѣряю васъ, что и отъ меня никто не узнаетъ. Теперь извольте намъ сказать, что вамъ угодно.

Гиб. Мнѣ надо, чтобъ вы двое убили человѣка, хотя онъ и изъ моихъ друзей; я готова заплатить сколько хотите за эту услугу. Я невинно опозорена черезъ него; про меня ходятъ разные слухи; сердце мое такъ наболѣло и такъ страдаетъ отъ нихъ, что я не могу даже вамъ выразить этого.

Втор. жн. Намъ все равно, правъ онъ или виноватъ. Мы вдвоемъ! только укажите его, а ужъ отъ насъ онъ не уйдетъ; во всякомъ случаѣ мы его отправимъ на тотъ свѣтъ.

Пер. жн. Безъ сомнѣнія; но намъ надо обдумать, какъ бы поосторожнѣй исполнить это дѣло.

Гиб. Скажу вамъ тотчасъ же: вы будете въ моемъ погребѣ; я же постараюсь устроить такъ, чтобъ онъ пошелъ туда за виномъ. Когда онъ будетъ въ вашихъ рукахъ, вы его покончите такъ, чтобъ ни на тѣлѣ, ни на бокахъ, ни на головѣ не было ни раны, ни крови: задушите его.

Вт. жн. Это будетъ немедленно исполнено. Теперь проводите насъ въ погребъ, а сами устройте остальное.

Гиб. Охотно, господа; идемте; клянусь вамъ честью, я щедро заплачу вамъ. Войдите оба туда; не поѣмъ прежде, чѣмъ не пришлю его. Мое дѣло покуда идетъ хорошо. Хоть бы онъ шелъ скорѣй! теперь здѣсь нѣтъ ни живой души; мой мужъ и его жена ушли: онъ долженъ непремѣнно скоро быть. Будь, что будетъ; подожду его здѣсь.

Об. Пойду домой; часъ обѣда приближается. Съѣмъ свою часть каплуна, котораго, я видѣлъ, жарили утромъ. Я предпочитаю придти раньше, чѣмъ опоздать.—

Гиб. Надо притвориться больной, когда зять придетъ. Буду сидѣть съ наклоненной головой и съ закрытыми глазами.

Об. Мать моя! что съ вами? Дай Богъ вамъ тѣлеснаго и душевнаго здравія. Въ самомъ дѣлѣ вы нехорошо себя чувствуете, скажите?

Гиб. Да, я вся дрожу; вѣроятно, это припадокъ лихорадки; я чувствую такую жажду, что не могу терпѣть дольше. Прошу тебя, сынъ мой Обенъ, возьми бутылку и принеси мнѣ немного вина изъ погреба; поторопись, мнѣ очень хочется пить.—

Об. Я готовъ исполнить ваше желаніе, хотя это вамъ не будетъ въ пользу; но чтобъ вамъ сдѣлать удовольствіе, принесу.

Гиб. Скорѣй. Моя цѣль достигнута. Скоро я отъ него избавлюсь. Теперь надо подумать, что дѣлать дальше.

Пер. жн. Госпожа, не печальтесь: все кончено.

Гиб. Вы убили его? какъ?

Вт. жн. Мы не употребили никакой хитрости; мы ему такъ сжали горло, что онъ навѣрное теперь лежитъ мертвый.

Гиб. Хорошо, господа, я довольна, но, не теряя времени здѣсь, вамъ надо принести его; мы его раздѣнемъ и положимъ въ кровать; потомъ я вамъ заплачу деньги, и вы пойдете съ Богомъ.

Вт. жн. Мы исполнимъ ваше желаніе тотчасъ же и съ большимъ удовольствіемъ.

Пер. жн. Покажите поскорѣй, куда его положить? прошу васъ поспѣшите, покуда никого нѣтъ.

Гиб. Чтобъ не задерживать васъ долго, положите его на эту кровать; пусть думаютъ, что онъ отдыхаетъ. — Такъ, хорошо! Не медлите здѣсь, чтобъ васъ не нашли.

Вт. жн. Этого не случится, если я буду въ состояніи держаться на ногахъ.

Перв. жн. Со мной этого также не случится. Такъ какъ теперь у насъ есть деньги, братъ Сенестръ, уйдемъ поскорѣй отсюда.

Вт. жн. Уйдемъ; нѣтъ удовольствія здѣсь оставаться долѣе.

Вильг. Мы рано возвратились; принесите скатерть, хлѣба и вина. Этотъ плащъ очень тяжелъ, я скину его. Я голоденъ и хочу ѣсть. Поскорѣй ступайте на погребъ, а ты, дочь моя, между тѣмъ поди за Обеномъ, и будемъ обѣдать. Завтра, я полагаю, мы будемъ жать, нужно запастись работниками. Поэтому я не хочу долго здѣсь сидѣть.

Гиб. Марія, Обенъ еще лежитъ въ постели.

Вильг. Онъ отдыхалъ цѣлое утро. Иди, вѣтренница, зови его, скажи чтобъ вставалъ.

Дочь. Обенъ, Обенъ! скажи мнѣ, день теперь, или ночь? Вы цѣлый день будете спать? Скажите! онъ мнѣ не отвѣчаетъ. Хорошо же; я подойду къ нему ближе и волей неволей (тутъ она его открываетъ) узнаю, спитъ онъ или нѣтъ. Идите, сударь, вставайте скорѣй; или вы цѣлый день будете спать? Что такое, Боже мой! О мать моя, это слишкомъ печальная новость. Я могу жаловаться и горько плакать, какъ человѣкъ, котораго гнететъ несчастіе. Я погибла.

Гиб. Что случилось? отчего тебѣ плакать и отчаяваться?

Дочь. Отчего? у меня есть причина плакать: всѣ мои хорошіе дни и часы миновали: Обенъ умеръ. Что мнѣ дѣлать? Я умру съ горя. О милый Обенъ! не долго длилось наше счастіе.

Вильг. Дѣйствительно, великое несчастіе; я бы лучше согласился лишиться всего, что имѣю.—Дочь моя! неужели правда, что ты говоришь?

Дочь. Онъ уже желтъ, какъ воскъ.—Отецъ мой! вы мнѣ не вѣрите! У меня теперь нѣтъ друга; бѣдная, покинутая я!

Гиб. О, милая дочь! какая потеря! Да, я должна ломать руки и пріучить глаза свои плакать, потому что лишилась кроткаго Обена, который любилъ и почиталъ меня отъ всего сердца.

Пер. сос. Богъ помощь! О чемъ вы такъ горюете и кричите? Не вышло ли чего между вами, что вы всѣ въ такой печали?

Вильг. Да, дѣйствительно, Робертъ, добрый сосѣдъ: Обенъ умеръ.

Пер. сос. Царство ему небесное! Сосѣдъ, мнѣ жаль его. Клянусь Богородицей! я бы хотѣлъ помочь ему. Теперь спрошу васъ, къ чему ведетъ ваша печаль? слезами горю не поможешь. Я знаю, конечно нужно заплатить дань природѣ; но умѣрьте вашу печаль, право лучше.

Дочь. А какъ это сдѣлать? Я считаю, Робертъ, что Богъ далъ мнѣ самаго умнаго, любящаго, кроткаго, учтиваго и щедраго изъ всѣхъ мущинъ этой земли; такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, если сердце мое сжимается отъ тоски.

Гиб. Ты говоришь правду. И во всей странѣ только ты одна была достойна такого мужа. Теперь онъ умеръ; да помилуетъ его милосердый Богъ!

Пер. сос. Если вамъ нужно что поручить мнѣ, скажите: я сдѣлаю.

Вильг. Въ такомъ случаѣ, Робертъ, я васъ прошу привезти мнѣ ящикъ. Въ другой разъ я въ свою очередь готовъ служить вамъ.

Пер. сос. Я тотчасъ же за нимъ отправлюсь.

Вт. сос. Робертъ! Дай Богъ вамъ здоровья! куда вы?

Пер. сос. Готье, другъ мой, я отправлюсь за гробомъ.

Вт. сос. За гробомъ? для кого? скажите, сосѣдъ.

Пер. сос. Для Обена, зятя мера.

Вт. сос. Обена! Царство ему небесное и покой душѣ его.

— Къ нимъ подходятъ два сержанта, потомъ судья и всѣ говорятъ о смерти Обена.

Суд. Я совершенно пораженъ его смертью. Я полагаю навѣрное, что онъ былъ раненъ кѣмъ нибудь: это и было причиной его скоропостижной смерти. —

Пер. сос. Меръ, вотъ хорошій чистый ящикъ, который я вамъ велѣлъ принести, чтобъ съ почтеніемъ отправить тѣло на кладбище.

Вил. Другъ, да поможетъ тебѣ Богъ! поставь его тихонько на полъ; чтобъ онъ не сломался.—Сосѣдъ, не откажите; положите вдвоемъ тѣло въ него. На спину, на спину, а не на животъ, добрые друзья мои.

Носильщикъ. Подождите, мы его хорошенько положимъ.—Берите за этотъ конецъ, а я за другой. О! ставьте его на землю.

Пер. сос. Спаси и помилуй, Іисусе Христе! его душу.

Нос. Кто изъ васъ заплатитъ мнѣ за труды?

Гиб. Я, другъ мой, и отъ добраго сердца. Тебѣ не нужно торговаться. Молись за него, бери и иди работать: вотъ три бѣлыхъ.

Нос. Іисусе Христе, всемогущій Владыко, спаси и помилуй его душу! Еслибъ за трудъ мнѣ всегда такъ платили, я бы скоро ходилъ въ новомъ платьѣ.—

Суд. Ты, озабоченъ, Гобенъ; отчего ты такой нахмуренный?

Второй сержантъ. Ахъ сударь, у меня сердце страшно сжимается; я погруженъ въ размышленія и не могу опомниться отъ изумленія, что Обенъ умеръ.

Суд. Намъ всѣмъ волей и неволей приходится проглотить эту пилюлю.—

Вт. сер. Я это знаю, сударь; но я удивляюсь тому, что еще недавно среди дня, онъ расхаживалъ по городу и былъ здоровъ и веселъ.

Пер. сер. По истинѣ жаль и прискорбно, что такъ было угодно Богу.

Суд. Никто не можетъ убѣдить меня, что внезапная смерть эта не произошло отъ удара или задушенія. Я увѣренъ, что я правъ. Пойдемте. Я хочу быть при его погребеніи. Кто бы ни былъ виновникомъ его смерти, я хочу знать ея причину.—

Дочь. О милый Обенъ! когда я вспоминаю твои достоинства, твою любовь ко мнѣ и твои прекрасныя качества, я не могу не жаловаться и не оплакивать тебя; я теперь лишилась всѣхъ благъ и впала въ глубокую печаль. О

смерть! какую жестокую разлуку ты причинила мнѣ. Возьми же, поглоти и меня, унеси изъ этого міра. Мнѣ будетъ легче, чѣмъ жить въ такой тоскѣ.

Суд. Да ниспошлетъ Богъ вамъ миръ и милость свою!

Вил. Милостивый государь! желаю вамъ того же.

Суд. Меръ, въ самомъ дѣлѣ, я очень сожалѣю о вашемъ несчастіи; я бы желалъ утѣшить васъ въ этой горькой потерѣ, и спрашиваю васъ, какимъ образомъ Обенъ такъ внезапно скончался? Не былъ ли онъ подверженъ какой нибудь болѣзни?

Вил. Господинъ судья, знайте, что съ тѣхъ поръ, какъ мы отдали за него дочь, мы не слыхали ни отъ нея, ни отъ кого другаго, чтобъ онъ когда нибудь страдалъ отъ болѣзни.

Суд. Тѣмъ болѣе меня удивляетъ его смерть. — А вы, скажите по душѣ, вы ничего не знаете? Не былъ ли онъ въ компаніи, гдѣ его могли избить?

Гиб. Нѣтъ, господинъ судья! божусь, не знаю. Я сама поражена, что онъ такъ внезапно померъ.

Суд. Вы двое проходите впередъ, откройте мнѣ скорѣй этотъ гробъ; снимите саванъ, такъ чтобъ я могъ видѣть покойника съ головы до ногъ; чтобъ не оставалось сомнѣній, я его освидѣтельствую передъ похоронами.

Пер. сер. Тотчасъ исполнимъ ваше приказаніе, сударь. Снимай крышу, Гобенъ; теперь распоремъ саванъ.—

Вт. сер. Ступай отсюда; я одинъ распорю этотъ шовъ. Довольно, какъ вы думаете?

Суд. Раскрой его хорошенько, чтобъ я могъ видѣть грудь и горло.—Эй! схватите мать, отца и дочь. Они не могутъ отпираться, что онъ не убитъ, дѣло ясное. Смотрите, какъ горло-то черно! Кто нибудь его задушилъ. Поскорѣй, безъ лишнихъ разговоровъ; свяжите имъ руки крестомъ на спину и увезите ихъ въ этомъ экипажѣ, какъ собакъ на цѣпи. Я немедленно дознаюсь до истины этого дѣла.

Братъ. Увы! что же это! Братъ! я испытываю сильное горе, видя тебя мертваго и очень страдаю, чтобъ ни говорили.

Двоюродный братъ. Смерть его похитившая, пусть Богъ проклянетъ тебя! Ты сразила самаго храбраго и умнаго изъ нашего рода. Быть такъ хорошо воспитаннымъ (estre si bien moriginé) и такъ скоро умереть, это очень прискорбно.

Суд. Я вамъ объявляю, господа, что онъ убитъ; я болѣе не сомнѣваюсь, но клянусь Богомъ (par les dens Dé), изъ васъ никто отъ меня не уйдетъ. Я узнаю правду.

Вил. Господинъ судья, смилуйтесь во имя Бога! Не будьте такъ жестоки съ нами. Мы отправимся всюду, куда вы намъ скажете.

Суд. Это безполезно.—Господа! дѣлайте, что я приказалъ.

Пер. сер. Исполнимъ безъ возраженій. Покуда я буду вязать отца, Гобенъ, ты поди свяжи мать. Пойдемъ. Торопись.

Вт. сер. Не зачѣмъ меня торопить: я ихъ сейчасъ отправлю. Сударыня! поскорѣй давайте мнѣ ваши руки.

Гиб. О я несчастная! какъ мнѣ тяжело, и ничто не можетъ спасти меня. Распоряжайтесь мной!

Дочь. Увы! несчастная я! увы! я чувствую горькую печаль, когда вижу, что такъ мучатъ отца и мать изъ-за смерти моего мужа, которая ихъ огорчаетъ до глубины души; а имъ еще вяжутъ руки и ноги!

Суд. Съ вами будетъ поступлено точно также, и вы за ними немедленно послѣдуете. — Вяжи ее.

Пер. сер. Охотно. — Пойдемте, милая моя, мнѣ нужно связать ваши руки. Отказъ безполезенъ. — Скорѣй.

Дочь. Я теперь оскорблена со всѣхъ сторонъ, какъ только можетъ быть оскорблена женщина: мужъ мой умеръ, отцу и матери предстоитъ опасность быть преданнымъ стыду и наказанію; я сама связанная должна идти въ тюрьму, какъ женщина, приговоренная къ смертной казни! О, Пресвятая Богородица! сжалься надо мной.

Суд. Впередъ, впередъ, не медлите больше. — Господа! приведите ихъ ко мнѣ. Клянусь присягой, данной королю, они мнѣ скажутъ правду, или ихъ позорно поведутъ къ пыткѣ.

Вт. сер. Скорѣй, проходите! нечего дожидаться.

Суд. Велите опустить тѣло въ землю.

Дв. братъ. Я полагаю, братъ, его прямо снести на кладбище, чтобъ онъ не оставался дольше на землѣ въ своемъ гробу; а послѣ ужъ, когда мы его похоронимъ, отслужимъ по немъ панихиду.

Дочь. Хорошо. Возьмитесь за это дѣло, добрые люди.

Вил. Святая матерь Божія, убѣжище несчастныхъ, пошли намъ утѣшеніе! мы въ немъ нуждаемся.

Суд. Гобенъ, скорѣй! поди посади мать въ Гурденъ *); а потомъ сведи дочь по другую сторону въ Paradis. Я же тѣмъ временемъ буду допрашивать Вильгельма.

Вт. сер. Если вы приказываете, сударь, сейчасъ же поведу ихъ туда.

Гиб. Господинъ судья! дайте свободу этимъ двумъ людямъ: они невинны; а меня судите за преступленіе; я согласна: мое сердце не можетъ выносить долѣе ихъ страданій. Знайте сударь, что они невинны въ этомъ дѣлѣ; я одна велѣла совершить преступленіе.

Суд. Гибуръ, вы должны разсказать, какъ сдѣлано это убійство и для чего?

Гиб. Я вамъ открою истину: съ той минуты, какъ Обенъ женился на моей дочери, я полюбила его любовью честной, какъ роднаго сына; будьте въ этомъ увѣрены, сударь. Многіе замѣтили эту привязанность, истолковали ее по своему и распустили про меня позорную молву, будто я съ нимъ въ связи. Эти слухи повторялись не двадцать разъ, а пятьсотъ и наконецъ дошли до меня; мнѣ объ этомъ сказали по секрету. Я почувствовала такой гнѣвъ и такое горе, что не знала, что отвѣтить. Тутъ дьяволъ смутилъ мой раз-

---

*) Названіе темницы въ Парижѣ.

судокъ, и съ тѣхъ поръ я имѣла только одну мысль, одну цѣль — убить зятя (чтобы изъ этого не вышло); мнѣ казалось, что только съ его смертью могла прекратиться постыдная сплетня.

Суд. А какъ ты убила его? надо знать.

Гиб. Я вамъ признаюсь во всемъ. Вчера на площади я обратилась къ двумъ молодымъ людямъ, но клянусь, не знаю, кто они такіе; знаю только, что они поденьщики, и пришли искать работы. Я имъ открыла свое горе и сказала, что желаю смерти зятя. Они согласились помочь мнѣ за обѣщанную плату. Тогда я ихъ посадила въ погребъ, куда послала зятя принести мнѣ питья; онъ тотчасъ отправился. Какъ только онъ пришелъ, его схватили за горло и такъ сдавили, что онъ упалъ мертвый на землю. Тогда я велѣла его принести сюда; мы его положили въ кровать, чтобъ думали, что онъ отдыхаетъ. Я щедро заплатила двумъ молодымъ людямъ и поскорѣе услала ихъ. Вотъ и все.

Суд. Довольно. Уведи ее, Гобенъ, куда я велѣлъ.

Вт. серж. Иду безъ возраженій. Пойдемте, сударыня.

Суд. Давно ужъ я не слыхалъ о такомъ ужасномъ злодѣяніи. Теперь Вильгельмъ даю свободу вамъ и вашей дочери. Ступайте поскорѣй отсюда.

Вил. Мы отъ души исполнимъ ваше желаніе сударь, это благоразумно. Знай, дочь моя, что я не войду въ свой домъ, прежде чѣмъ не побываю въ церкви Notre Dame de Finistère, чтобъ ее упросить помочь матери твоей; я вижу, что она въ опасности.

Дочь. Дѣлайте, какъ знаете, а я отправлюсь прямо въ Сенъ-Лиможъ и поставлю св. Ліенару тяжелую восковую свѣчу, чтобъ онъ попросилъ Господа защитить мою мать, и предохранить ее отъ печальной и постыдной смерти.

Вил. Ты, исполненная милосердія будь ей покровительницей въ этомъ несчастіи! При разлукѣ благословляю тебя дочь моя; да хранитъ тебя Богъ. Я не знаю, возвращусь ли я когда нибудь въ эту сторону.

Дочь. Прощай, отецъ; я нигдѣ не буду останавливаться, покуда не дойду до св. Ліенара. Я отправлюсь въ путь странницей.

Бр. Милостивый государь! мы пришли васъ просить, чтобъ вы оказали справедливость въ дѣлѣ нашего друга.

Суд. Онъ похороненъ, или онъ еще находится посреди залы, гдѣ я васъ оставилъ съ нимъ? Я дошелъ до истины дѣла. Что вы говорите?

Дв. бр. Да, милостивый государь, онъ схороненъ въ нѣдрахъ земли.

Суд. Дѣло будетъ скоро кончено. — Обри, ступай за палачемъ, скажи ему, чтобъ онъ велѣлъ поставить висѣлицу для казни женщины. Какъ только висѣлица будетъ готова, чтобъ онъ сейчасъ же пришелъ ко мнѣ. Скорѣй.

Пер. серж. Сейчасъ! дѣйствительно, вижу что это мое дѣло. — Коше! ступай скорѣй, по приказу судьи, нашего начальника, ставить висѣлицу въ старомъ разваленномъ домѣ. Спѣши; и когда она будетъ готова, ты придешь къ нему. Скорѣй!

Палачъ. Это будетъ скоро сдѣлано. Я тотчасъ же возьмусь за работу. Скажите, что немедля ни минуты приду къ нему.

Пер. серж. Другъ Коше, я передамъ ему. — Сударь, я говорилъ съ Коше. Висѣлица, крючки, веревки—у него все готово. Онъ тотчасъ же будетъ здѣсь у васъ.

Суд. Теперь, Гобенъ, поскорѣй приведи сюда Гибуръ. Я хочу знать, что она еще скажетъ мнѣ.

Вт. серж. Слушаю, иду. — Выходите, Гибуръ; вамъ надо явиться къ судьѣ.

Гиб. Кроткая Матерь Божія! Вспомни обо мнѣ несчастной; я знаю, что мнѣ недолго жить: поэтому прошу Тебя, святая Богородица, сжалься надъ бѣдной грѣшницей, спаси мою душу. Укрѣпи меня по своему великому милосердію.

Суд. Гибуръ, я вижу изъ твоего собственнаго признанія, что ты виновница смерти и гибели зятя. Ты мнѣ сама

это сказала, ты оправдываешь мужа и дочь, и никто, кромѣ тебя, не виновенъ въ этомъ преступленіи?

Гиб. Сударь, это истинная правда; я вамъ сказала, какъ и зачѣмъ я сдѣлала это, и я ясно вижу, что меня привели сюда судить. Помилуй Господь мою душу, прими ее къ себѣ, избави отъ мученій ада!

Бр. Я требую теперь, суда надъ этой безбожной злодѣйкой, которая такъ коварно убила моего брата. Извольте оказать мнѣ справедливость безъ отлагательства.

Дв. бр. Милостивый государь! его требованіе справедливо. Такъ какъ она созналась въ преступленіи, вы по закону должны исполнить его просьбу.

Пал. Все устроено какъ вы приказали. Скажите, что дѣлать дальше?

Суд. Возьми веревку и накинь петлю на шею этой женщины: она должна умереть позорною смертью. Свяжите ей также руки, а потомъ мы пойдемъ отсюда на мѣсто казни.

Пал. Я примусь за свое ремесло, если вы приказываете.

Гиб. Святая Богородица, Ты передъ Богомъ возвысившаяся своими неоцѣненными достоинствами надъ всѣми славными душами въ раю (я Тебя призываю, св. Дѣва Марія); укрѣпи меня въ этой бѣдѣ и прими душу мою подъ Свою защиту; тѣло мое уже неминуемо должно быть предано постыдной смерти.

Бр. Злодѣйка! наказаніе твое не можетъ быть ни достаточно больно, ни постыдно за то, что ты такъ безжалостно погубила брата моего.

Суд. Я ее заставлю искупить ея злодѣяніе. Обри! ступай, провозгласи на площади, чтобъ ни одинъ отецъ семейства не замедлилъ придти на мѣсто казни; потомъ, приходи назадъ.

Пер. серж. Исполню въ точности сударь. Теперь слушайте вы всѣ вообще: я вамъ приказываю всѣмъ вмѣстѣ и каждому порознь, если вы не хотите проступиться про-

тивъ короля, идите тотчасъ же присутствовать при произнесеніи приговора судьи.

Пер. сос. Я лучше пойду, чѣмъ платить штрафъ.—

Вт. сос. Я тоже: а то пожалуй, боюсь, и меня приговорятъ; иду.

Суд. Идемте, наша свита довольно многочисленна и еще придетъ много народу. Коше! надо поспѣшить: замедленіе ни къ чему не ведетъ. Двигайтесь.

Пал. Идите, Гибуръ! Впередъ! нечего говорить: что это такое? Я васъ поведу на этой веревкѣ, какъ собаку на цѣпи.—

Гиб. Отчего сердце мое не разорвется, чтобъ я могла умереть и не пить до конца этой чаши стыда и страшной смерти. — Господинъ судья! даруйте мнѣ одну милость, если можно: я къ вамъ обращаюсь съ просьбой удѣлить немного времени, чтобъ помолиться у церкви Божіей Матери, мимо которой мы пойдемъ.

Пер. сос. Э милостивый государь! дозвольте ей, что она проситъ во имя Бога, вы хорошо сдѣлаете.

Вт. сос. Конечно, сударь, если вы дадите ей немного сроку, она только лучше преставится; и мы, какъ повелѣваетъ священное писаніе должны желать спасенія всякой твари.

Суд. Женщина, смотри поскорѣе; я тебѣ дозволяю остановиться, потому что меня просятъ; но не задерживай насъ долго. Становись на колѣна.

Гиб. Съ радостью добрый, милый господинъ! — О милосердая Богородица! примири душу мою съ Богомъ, Твоимъ возлюбленнымъ Сыномъ; Ты, заступница грѣшниковъ! сжалься надъ моимъ несчастіемъ; Богородица, кроткая матерь Создателя міра, сжалься надъ бѣдной грѣшницей, которая претерпѣла столько горестей; я очень нуждаюсь въ Твоей помощи. Спаси мою душу, спаси; тѣло мое скоро будетъ разрушено, предано сожженію: поэтому я, жалкая грѣшница, признаюсь передъ Тобой во всѣхъ проступкахъ, въ которыхъ согрѣшила дѣломъ или словомъ противъ Сына Твоего.

Пресвятая Богородица! вымоли для меня прощеніе у Бога, который одинъ всемогущъ и ясно видитъ раскаяніе души. —

Суд. Впередъ, впередъ, идемте. Я и то здѣсь слишкомъ долго медлю; мнѣ некогда: половина дня прошла. Скорѣй, Гибуръ! проходите.—Коше, веди ее скорѣй. Надо превратить ея въ горящую головешку.

Гиб. О, Богородица, я боюсь какъ грома этого судьи, который такъ гнѣвается и грозитъ мнѣ. Чистая, безпорочная Дѣва, Владычица всего свѣта, за мученія этого пламени, за эту ужасную постыдную смерть, возьми и избави душу мою отъ ада; я Тебѣ поручаю ее.

Пал. Такъ какъ необходимо васъ отправить на тотъ свѣтъ, сударыня то становитесь на колѣни. Давайте я васъ привяжу къ этому столбу, потомъ сдѣлаю вамъ узелъ на шеѣ и груди, прежде чѣмъ покончу съ вами совсѣмъ.

Гиб. Присутствующіе! попросите за меня Богородицу, такъ какъ тѣло мое должно быть разрушено пламенемъ, чтобъ душа моя могла избѣгнуть адскаго огня, и не касалась бы его; прошу васъ добрые люди, чтобъ этой позорной смертью не упрекали ни моего мужа, ни дочь, которые ни въ чемъ не виноваты; я твердо увѣрена, что смерть моя ихъ сильно печалитъ и раздираетъ имъ сердце, погружаетъ ихъ въ страшную тоску и заставляетъ ихъ участвовать въ моемъ мученіи. Они не могутъ отъ этого освободиться.

Суд. Коше, поторопись. Теперь она крѣпко привязана; клади кругомъ ее со всѣхъ сторонъ больше дровъ и соломы, а потомъ зажги, не думая долго.

Пал. Не буду ни ѣсть, ни пить, покуда не исполню этого дѣла. Посмотрите сударь. Я не знаю можно ли ей придумать лучшее положеніе? она со всѣхъ сторонъ окружена дровами, сидитъ, какъ въ квашнѣ; она живо загорится.

Суд. Огня, огня! не дожидайся дольше; скорѣй огня!

Пал. Сударь, я сейчасъ его добуду. Теперь все готово.

Господь. Мать, мать! настало время и часъ: Тебѣ надо сойти спасти и защитить Гибуръ, которая призываетъ Тебя

такимъ жалобнымъ голосомъ и проситъ такъ настоятельно примирить ее со Мной, чтобъ я ей простилъ ее проступокъ. Поди, защити ее скорѣе, такъ что какъ бы силенъ не былъ огонь вокругъ нея, онъ не уничтожилъ бы и не измучилъ ея тѣла.

Богородица. Сынъ мой! Я готова идти. Пойдемъ Гавріилъ, сходи и ты, Михаилъ, и пойте, отправляясь туда.

Гавріилъ. Да будетъ Твоя воля. Впередъ, Михаилъ! Такъ какъ мы отправились въ путь, давайте пѣть мелодично и въ одинъ голосъ.

Гимнъ (Рондо).

Милосердый Всемогущій Боже, Твое великое милосердіе примиряетъ съ Тобою грѣшниковъ: память о Твоей милости, вырываетъ многія сердца изъ власти дьявола. Богъ всемогущій и т. д.

Пал. Матеріалу довольно, я зажгу такой сильный огонь, что надобно будетъ всѣмъ отстраниться.

Богор. Друзья мой! отдалите на столько огонь отъ Моей вѣрной подруги, чтобъ онъ ей не причинилъ вреда. — Гибуръ, успокойся: ты не потерпишь, будь въ этомъ увѣрена, ни боли, ни мученія отъ этого огня, благодаря твоему смиренному призыву.

Гиб. О Матерь Божія! Ты предъ всѣми святыми рая восхваляемая устами, голосомъ и словами, Ты вздумала спасти меня бѣдную, несчастную отъ такой жестокой смерти! какъ могу я выразить Тебѣ свою благодарность, Дѣва Марія?

Суд. Конечно, я не могу вѣрить, чтобъ огонь не уничтожилъ этой женщины. Пламя слишкомъ велико и далеко мечетъ искры.

Бр. Сударь, дрова были сухи. Если она погибла, тѣмъ лучше. Я отъ ея смерти не чувствую ни гнѣва, ни угрызеній совѣсти.

Пал. Господа я вижу, что всѣ связи и веревки порваны; все кругомъ совершенно сгорѣло; она же въ полномъ здра-

віи, на ней ни раны, ни крови; напротивъ даже лице ея воспріяло какую то особенную красоту.

Бр. Клянусь кровью и внутренностями ты не уйдешь такъ, злодѣйка; ты у насъ будешь сожжена.—Братъ, пойдемъ скорѣе принесемъ хворосту, кровельной соломы, чтобъ на этотъ разъ она не избѣжала смерти.

Дв. бр. Желаніе мое непритворно; пойдемъ братъ.

Суд. Бросайте на нее топлива, чтобы огонь скорѣй занялся и отъ нея бы не осталось ни мяса, ни костей.

Богор. Огонь! я тебѣ запрещаю касаться этой женщины и нанести ей хоть малѣйшій вредъ. Милая! не унывай. Пойдемте, господа, назадъ на небеса.

Михаилъ. Мы исполнимъ Твое желаніе. Гавріилъ отправимся, будемъ пѣть въ тактъ.

Рондо (тоже самое).

Гиб. Судья и вы всѣ присутствующіе! прошу васъ поступить со мною милостиво. Пощадивъ меня, вы хорошо сдѣлаете. Знайте по правдѣ, что я не почувствую ничего, чтобы надо мной не дѣлали; меня хранитъ милость Божія. Не стыдитесь быть побѣжденными; потому что защитница моя сама Богородица, Владычица небесъ, и Богъ съ ней вмѣстѣ меня охранялъ.

Суд. Господа, господа, вотъ такъ чудо, великое чудо! я никогда не видалъ подобнаго. Мы зло согрѣшили противъ Бога, мучая такъ безсовѣстно это святое тѣло. — Гибуръ, милая моя, выходите изъ этого огня. Клянусь, я вижу, что вы святая женщина; не бойтесь.

Гиб. Сударь, я не медля сдѣлаю, что вы прикажете. Теперь я вышла изъ огня; что вамъ угодно?

Суд. Прошу у васъ прощенья на колѣняхъ и съ сложенными руками за свой гнѣвъ и за дурное обращеніе съ вами; покрайней мѣрѣ не кляните, не позорьте, не презирайте меня: прошу васъ.

Гиб. Во имя любви Божіей, встаньте. Я не хочу, сударь, чтобъ вы такъ унижались, потому что на самомъ дѣлѣ, вы не виноваты передо мной. Мое преступленіе такъ велико, что вы должны были меня сжечь сто разъ, еслибы то было возможно; но по милости Дѣвы Маріи, Которую я призывала отъ всего сердца и отъ всей души, я спасена и сохранена. Если вы надо мной наругались, Матерь Божія пусть проститъ васъ (какъ я теперь) и пошлетъ намъ всѣмъ мирный конецъ.

Пер. сос. Не будемъ здѣсь останавливаться, пойдемте вмѣстѣ съ ней и проводимъ ее до церкви. Тамъ она воздастъ благодарность Богу и Матери Его за свое спасеніе.

Вт. сос. Это хорошее дѣло, его необходимо исполнить.

Суд. Мой кроткій другъ, они говорятъ правду. Ступайте впередъ, мы всѣ за вами послѣдуемъ.

Гиб. Пусть будетъ такъ, сударь, если вамъ угодно; я сама объ этомъ думала. Возлюбленный Іисусе, Ты, спасшій мое тѣло отъ постыдной смерти, и Ты Богородица, Владычица Небеснаго Царства, скипетръ царской славы, источникъ милости, приношу благодарность Тебѣ и Твоему Сыну какъ могу и умѣю отъ всего сердца. Отнынѣ всю жизнь и всѣ силы посвящу на служеніе Вамъ. — Господинъ судья, могу я съ вашего дозволенія пойти къ себѣ домой? Потрудитесь дать мнѣ отвѣтъ, если можно.

Суд. Да Гибуръ, но вы не пойдете однѣ; я васъ провожу и буду вамъ товарищемъ, я и мои люди.

Пер. сер. Отправляйтесь скорѣй въ путь. Я иду впередъ

Вт. серж. И я съ вами. Впередъ. Мѣста, давайте мѣста.

Гиб. Господа, за вашу доброту и за ваше желаніе меня проводить да ниспошлетъ вамъ Богъ вѣчную радость! Теперь же если вы дѣйствительно меня любите, оставьте меня одну.

Суд. Повернемте назадъ.—Поручаю васъ Богу, Гибуръ.

Гиб. Пусть Онъ даруетъ вамъ свою любовь! благодарю васъ.

Первый нищій. Богородица, сопрестольная Богу! защити всѣхъ тѣхъ, которые мнѣ дѣлаютъ добро. Тѣло мое изнуряется отъ бѣдности. Я несчастенъ, безъ сомнѣнія; когда меня толкаютъ, я не вижу, люди ли это, или животные; я не могу отличить свинецъ отъ серебра, ни отъ золотой монеты. Увы, добрые люди! какого сокровища лишается человѣкъ, теряя зрѣніе. Подайте мнѣ что нибудь; никто еще не подавалъ мнѣ милостыни нынче. Помогите, ради Христа, бѣдному, слѣпому.

Гиб. Добрый человѣкъ, не сходи съ этого мѣста: я иду къ тебѣ. Возьми, братъ мой, молись за меня Царю небесному.—

Пер. нищій. Ахъ, сударыня, пошли вамъ Богъ тѣлеснаго здравія, а къ концу дней вашихъ, пусть Онъ смилуется надъ вашей душей.—

Втор. нищ. О Боже! нѣтъ ли мущины или женщины, которые бы мнѣ подали милостыню? Пусть Богъ, сидящій на престолѣ небесномъ, поможетъ тому, кто мнѣ протянетъ руку помощи. Гибуръ! подайте мнѣ милостыню во имя Бога. Я бѣдный хлѣбопашецъ; моимъ тремъ малымъ дѣтямъ нечего ѣсть; божусь не знаю, какъ достать хлѣба.

Гиб. Другъ, не безпокойся: ты не уйдешь съ отказомъ, если правда, что ты сказалъ; бери этотъ мѣшокъ съ хлѣбомъ и скорѣй уйди съ порога моего дома; съ Богомъ.

Вт. нищ. Сударыня, пусть Богъ, Который видитъ и оцѣниваетъ сердечныя побужденія, заплатить вамъ во время своего великаго суда.

Гиб. Пусть Богъ вспомнитъ меня, другъ мой: это мое желаніе, и пусть Онъ научитъ меня поступать какъ угодно ему все лучше и лучше.

Третій нищ. Сжальтесь надо мною, добрые люди; да ниспошлетъ вамъ Богъ Свою благодать и проститъ вамъ грѣхи ваши, какъ Магдалинѣ! Вы видите, въ какой мукѣ я живу; тутъ нѣтъ притворства.—Сударыня! помогите мнѣ изъ милосердія.

Гиб. Что мнѣ дать тебѣ изъ своего имущества, братъ, что бы пригодилось тебѣ? Ей Богу, у меня нѣтъ ни гроша, а между тѣмъ мнѣ жаль тебя. Подожди, во имя Божіе, посмотрю не могу ли я тебѣ какъ нибудь помочь. Вотъ, добрый другъ, сдѣлай себѣ одѣяніе изъ этого плаща, у меня нѣтъ ничего другаго. Я этимъ одѣваюсь когда выхожу со двора.

Тр. нищ. Пусть милосердый Іисусъ Христосъ и кроткая мать Его Марія во сто разъ заплатятъ вамъ за это благодѣяніе и примутъ васъ къ Себѣ по смерти вашей.

Гиб. Аминь. Молю отъ всего сердца, чтобъ такъ было.

Пер. сос. Готье, во имя тѣла св. Агаты, я шелъ узнать, готовы ли вы? пора идти въ церковь для торжественнаго дня.—

Вт. сос. Да, пойдемъ поскорѣй. Нѣтъ ни одного благонамѣреннаго человѣка, который бы не былъ нынче въ церкви у обѣдни. Сегодня годовой праздникъ, день въ который Іисусъ Христосъ, за насъ пострадавшій на крестѣ, былъ принесенъ въ храмъ Своею Матерью, и она пожертвовала два маленькихъ голубя.—

Пер. сос. По моему мнѣнію это одна изъ торжественнѣйшихъ службъ въ году. Пойдемъ не медля; церковь далеко.—

Вт. сос. Постараемся придти во время; я возьму свѣчку и поставлю ее.

Пер. сос. Я тоже отдамъ свою священнику.

Гиб. О, Богородица, отъ Которой родился Іисусъ Христосъ! давно я не была у обѣдни и не слыхала службы. Нынче день, въ который Ты понесла своего ребенка въ храмъ: по этой причинѣ глаза мои наполняются слезами. Прежде я имѣла обыкновеніе призывать священника въ свою молельню, гдѣ онъ служилъ мнѣ обѣдню. Теперь я не могу этого дѣлать, потому что отдала все, что имѣла. Я даже отдала изъ любви къ Тебѣ, Пресвятая Богородица, плащъ, который я надѣвала, когда выходила изъ дому, такъ что если я остаюсь здѣсь, Богъ не взыщетъ на мнѣ,

потому что если я пойду такъ въ церковь, люди будутъ глядѣть на меня и смѣяться надо мной, привыкши видѣть меня всегда богато одѣтой; но я твердо вѣрю и надѣюсь, что за это Ты сжалишься надо мной, также и сынъ Твой; по этому останусь здѣсь и буду усердно молиться.

Богъ. Пойдемте всѣ, отправимтесь! Въ назначенный день, когда Меня посвятили въ храмѣ, Я хочу утѣшить обѣдней Гибуръ, которая Мнѣ служитъ тамъ; она этого достойна. Ангелы! вы двое ступайте впередъ.—Мать! и Ты за ними послѣдуешь; а Мы послѣ васъ. Ангелы, приготовьтесь пѣть на пути прекрасный псаломъ.

Мих. Гавріилъ милый другъ, запоемъ дружно и безъ печали.

Гав. Начнемъ входную церковную пѣснь.

(Они поютъ всѣ вмѣстѣ; потомъ Богородица идетъ къ дарамъ, другіе за ней, потомъ Богородица говоритъ:)

Бог. Михаилъ, поди скажи этой женщинѣ, что она дурно поступаетъ, заставляя такъ долго ждать священника; чтобъ она шла безъ отговорокъ ставить свѣчку.

Мих. Охотно. — Сударыня, идите поскорѣй, священникъ слишкомъ долго ждетъ.

Гиб. Знайте, что я не пожертвую этой свѣчки ни ему, ни кому другому; но сберегу ее какъ драгоцѣнность. Пусть священникъ говоритъ проповѣдь, чтобы кончить обѣдню, и не дожидается меня.

Мих. Я передамъ этотъ отвѣтъ. Славная Дѣва Марія, она мнѣ сказала, что не придетъ, и чтобъ священникъ смѣло кончалъ обѣдню. —

Бог. Гавріилъ, поди скорѣй и скажи, чтобъ она поспѣшила придти, и что въ этотъ день существуетъ обычай жертвовать свѣчку.

Гав. Иду сейчасъ же. Женщина, поторопитесь, вотъ что вамъ приказываетъ Богородица. Поставьте эту свѣчку. Вы поступаете очень дурно, заставляя такъ долго ждать священника. Отправляйтесь поскорѣй въ путь.

Гиб. Онъ можетъ обойтись и безъ меня. Пусть въ короткихъ словахъ отслужитъ обѣдню. Я не пойду къ службѣ.

Гав. Если вы не хотите придти, я скажу своей повелительницѣ. — Богородица она хочетъ удержать свѣчку и сказала мнѣ по этому случаю, что она не поставитъ ее; вотъ все въ немногихъ словахъ.

Бог. Поди опять къ ней, скажи, чтобъ она не отказывалась дольше и шла бы ставить свѣчку; если она будетъ противиться, отними у ней силой свѣчку изъ рукъ.

Гав. Она все равно не послушается. Возвращаюсь къ вамъ, милая моя. Идите къ службѣ, не медлите, иначе я сдѣлаю, что мнѣ приказано, т. е. возьму у васъ насильно свѣчку изъ рукъ.

Гиб. Другъ мой, у васъ не хватитъ силы вырвать ее у меня, и потомъ я положительно вамъ запрещаю трогать ее.

Гав. Такъ какъ я уже держу ее за середину, то и овладѣю ей.

Гиб. А я съ такой силой удержу ее, что она останется у меня въ рукахъ. Вы напрасно вырываете.

Гав. Скоро вы будете говорить другое. По крайней мѣрѣ я унесу это. Святая Богородица, вотъ все, что я могъ добыть; а я хорошо исполнялъ свою должность. —

Богъ. Впередъ! Не должно сомнѣваться, чтобъ она не хранила набожно того, что имѣетъ. Пойдемте; окончимте нашу процессію, возвратимся въ небеса, а вы, ангелы, пойте: это будетъ лучше всего.

Мих. Мы исполнимъ это съ радостью, безъ противорѣчій.

Гиб. Богородица, благодарю Тебя за твою великую милость. Боже! гдѣ я была? Мнѣ казалось, что я была въ большой церкви, гдѣ Ты была царицей и съ Тобой много святыхъ. Тамъ сынъ Твой служилъ обѣдню, св. Винкентій былъ дьякономъ, а св. Лаврентій дьячкомъ. Одинъ святой, какъ мнѣ казалось, подалъ всѣмъ по свѣчкѣ. Онъ началъ съ Тебя, а къ послѣдней подошелъ ко мнѣ, передъ тѣмъ, какъ запѣли церковную пѣснь; а потомъ, когда громкимъ голосомъ прослужили обѣдню до выноса, Ты пошла первая

ставить свѣчу, а за Тобой всѣ другіе. Ко мнѣ подошелъ ангелъ и велѣлъ мнѣ поставить мою свѣчку, которую мнѣ хотѣлось сберечь, и такъ какъ я не соглашалась, онъ отнялъ у меня одну половину; впрочемъ, святая Богородица, я утѣшаюсь тѣмъ, что у меня осталась бо̀льшая половина; и я вижу, Дѣва Марія, что я была восхищена духомъ. Приношу благодарность Тебѣ и возлюбленному Іисусу, что Онъ не забылъ меня, но напротивъ, былъ такъ благосклоненъ, что удостоилъ такой милости.

Перв. монахиня. Гибуръ, сердце ваше должно радоваться и благодарить Бога; Онъ послалъ насъ сюда сказать вамъ, чтобъ вы собирались въ путь, для вступленія въ нашъ орденъ и для постриженія въ монахини.

Втор. мон. Онъ желаетъ, чтобъ вы отказались отъ суетнаго свѣта и посвятили бы себя его служенію, чтобъ быть достойной большей славы въ небесахъ,

Гиб. Скажу вамъ по правдѣ, что это было и мое желаніе. Пойдемте съ Богомъ; я готова ѣхать съ вами.

Пер. мон. Ну пойдемте; и по дорогѣ будемъ всѣ три пѣть хвалебные гимны царю царей и его матери. Дѣва Марія! Тебѣ должно воздавать похвалы, потому что Богъ, чтобъ спасти насъ отъ ада, сдѣлался человѣкомъ въ Тебѣ и вознаградилъ насъ за смерть, которой насъ подвергъ Адамъ, съѣвъ яблоко.

Не смотря на грубую форму и часто смѣшныя подробности и нелѣпости, въ этомъ чудѣ можно видѣть зародышъ настоящей, новой драмы: здѣсь есть характеры, есть драматическое движеніе и серьозная мысль; интересны подробности нравовъ и быта, на основаніи которыхъ его относятъ къ XIV вѣку.

Въ XV вѣкѣ духовная драма, развивавшаяся въ тѣхъ же началахъ, значительно двинулась впередъ; болѣе внимательное изученіе и знакомство съ бо̀льшимъ количествомъ образцевъ, безъ сомнѣнія, впослѣдствіи докажетъ, что поя-

вленіе англійскихъ драматурговъ въ XVI вѣкѣ, не было необъяснимымъ скачкомъ въ исторіи литературы. Теперь мы возвращаемся снова назадъ, чтобы нѣсколько ознакомиться съ однимъ страннымъ явленіемъ.

Комедіи монахини X-го вѣка Росвиты или Гросвиты не должны бы собственно входить въ исторію средневѣковой драмы. Онѣ также, какъ и ихъ авторъ, стоятъ особнякомъ и составляютъ блестящее исключеніе среди эпохи грубаго варварства. Ни впереди себя, ни за собой, онѣ не имѣютъ ничего подобнаго; онѣ не вышли изъ церкви, какъ средневѣковая мистерія, не принадлежатъ ни къ мистеріямъ собственно, ни къ чудесамъ, а возникли на почвѣ классической, подъ вліяніемъ основательнаго изученія римскихъ авторовъ. Въ то время, когда жила Росвита, церковный обрядъ еще не развился въ мистерію и много лѣтъ спустя эта мистерія стояла ниже драмы Росвиты. Монахиня не бывала ни при какихъ представленіяхъ, не знала, что такое сцена, а между тѣмъ ея драмы, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, написанныя въ подражаніе Теренцію и Плавту, менѣе походятъ на драмы римскихъ поэтовъ, нежели на французскія мистеріи XIII и XIV вѣка. Этотъ странный фактъ, объясненіе котораго единственно можно искать только въ духѣ времени, сходствѣ идей и понятій всѣхъ средневѣковыхъ людей, и заставляетъ говорить о драмахъ Росвиты въ исторіи средневѣковой мистеріи. Росвита сама по себѣ представляется явленіемъ чрезвычайно страннымъ: монахиня грубой, варварской эпохи, жившая среди людей, болѣе похожихъ на язычниковъ, чѣмъ на христіанъ, изучаетъ латинскій языкъ настолько, что свободно, не стѣсняясь стихомъ, пишетъ поэмы гекзаметромъ; изучаетъ римскихъ поэтовъ не только для языка, какъ позднѣйшіе ученые, но и для содержанія, отыскивая въ нихъ образцы и, наконецъ, прочитавъ Теренція, пишетъ на латинскомъ языкѣ драмы. Ученость классическая идетъ въ ней рука объ руку съ наукой христіанской: она перелагаетъ въ гекзаметры житія святыхъ и изъ тѣхъ же житій беретъ сюжеты

для драмъ. Она не впала ни въ ту ни въ другую крайность: не считала Теренція и Овидія книгами проклятыми и вредными, и осталась монахиней и христіанкой. Такое явленіе возможно было только въ вѣкъ Оттона, когда Германія, успѣвшая отдохнуть подъ управленіемъ мудрыхъ и твердыхъ государей отъ погрома Карла Великаго и примирившаяся съ христіанствомъ, которое было внесено въ нее съ огнемъ и мечемъ, вдругъ развернула всѣ свои силы; когда Нѣмцы показали, что энергія, которую проявляли ихъ предки въ Тевтобургскомъ лѣсу, обратившись на чуждую науку и цивилизацію, проявится здѣсь съ неменьшею силою. Потомокъ Германца, который въ воинской ярости бросался въ ряды непріятелей точно понуждаемый неземной силой, съ такою же энергіей выдалбливалъ латинскую азбуку и начиналъ изучать отцевъ церкви и римскихъ писателей. Говорить о причинахъ быстраго возникновенія этой цивилизаціи и столь же быстраго одичанія Германіи въ программу нашей книги не входитъ; мы посмотримъ только, какъ этотъ блескъ науки отразился на Росвитѣ.

Всѣ свѣдѣнія, которыя мы можемъ собрать о ней, получаются изъ ея собственныхъ произведеній. Извѣстно, что она жила въ монастырѣ Гандерсхеймѣ, основанномъ въ 856 г. герцогомъ Лудольфомъ по просьбѣ его жены Оды, которая и была тамъ первой аббатиссой. Въ то время, какъ монастыремъ управляла Герберга II, дочь Генриха, Баварскаго, монастырь достигъ высшей точки своего процвѣтанія. Въ это-то время здѣсь была монахиней Росвита, родившаяся около 940 г. и происходившая изъ знатной саксонской фамиліи. Время ея вступленія въ монастырь неизвѣстно; очевидно, что она еще ребенкомъ училась тамъ, такъ какъ внѣ монастыря ей неоткуда было получить такія свѣдѣнія въ латинскомъ языкѣ. Монастырь этотъ издавна отличался ученостью: одна изъ первыхъ его аббатиссъ, также называвшаяся Росвитой, пріобрѣла извѣстность своими занятіями логикой; наша Росвита имѣла двухъ учительницъ, Рикардису и Гербергу. Первая познакомила

ее съ началомъ наукъ, а вторая читала съ ней латинскихъ авторовъ *), изъ которыхъ она читала Горація, Виргилія, Овидія, Плавта и Теренція. До насъ дошли ея слѣдующія сочиненія:

1) Восемь легендъ, написанныхъ гекзаметромъ съ прозаическимъ предисловіемъ и стихотворнымъ посвященіемъ ихъ Гербергѣ. Вотъ содержаніе третьей легенды: «Исторія св. Гондольфа», вполнѣ сходной съ житіемъ его, изданнымъ Болландистами.

Гондольфъ происходилъ изъ рода королей бургундскихъ и жилъ въ половинѣ VIII вѣка. Благочестіе его было такъ велико, что онъ получилъ даръ творить чудеса. Возвращаясь послѣ счастливаго похода, онъ проходилъ мимо одного сада, который ему такъ понравился, что онъ его купилъ у хозяина за очень большую сумму денегъ. Упреки его свиты еще болѣе усилились, когда источникъ, составлявшій главное украшеніе сада, высохъ. Гондольфъ, увидавъ это, воткнулъ свою трость въ то мѣсто, гдѣ былъ прежде источникъ. На слѣдующій день, когда всѣ жаловались на недостатокъ прѣсной воды, Гондольфъ послалъ одного изъ своихъ служителей вытащить палку изъ земли; тогда изъ нея снова потекла свѣжая чистая вода. Гондольфъ подарилъ эту землю Богу, и источникъ сдѣлался цѣлебнымъ и т. д.

2) Двѣ поэмы въ стихахъ. a) Carmen de gestis Oddonis I (стихотвореніе о подвигахъ Оттона I). и b) Carmen de primordiis coenobii Gandeshemensis (стихотвореніе о началѣ монастыря и

3) 6 драмъ, которыя неправильно называются комедіями. Въ прозаическомъ предисловіи къ нимъ Росвита объявляетъ, что многіе католики предпочитаютъ Священному писанію свѣтскія книги, другіе хотя и занимаются Священнымъ писаніемъ, однако ради сладости рѣчи читаютъ выдумки Теренція; «вотъ почему я Сильный Го-

---

*) Werke der Hr. v. Barack Eml. XVI.

лось Гандесхеймскій (clamor validus, такъ называли Росвиту ея современники) рѣшилась подражать имъ и тѣмъ же слогомъ, которымъ они разсказываютъ позорныя приключенія распутныхъ женщинъ, разсказать о похвальномъ цѣломудріи Святыхъ дѣвъ съ помощью моего маленькаго ума (ingenioli)». Потомъ она извиняется передъ читателемъ за свою неспособность. Передъ каждой драмой находится краткое изложеніе содержанія въ прозѣ. Первая драма называется «Галиканъ» и разсказываетъ обращеніе римскаго полководца въ христіанство. Вотъ ея содержаніе:

Часть I-ая.

Императоръ Константинъ уговариваетъ Галикана идти на Скиѳовъ. —

Галиканъ. Я старался, Константинъ, всегда исполнять твои приказанія и никогда не отказывался отъ дѣла.—

Константинъ. Объ этомъ нечего напоминать; я это твердо помню; поэтому я говорю тебѣ, скорѣе увѣщевая, нежели приказывая. Поступай по своему обычаю.

Г. Теперь я постараюсь объ этомъ самомъ.

К. Весьма этому радъ.

Г. Исполненіе твоихъ приказаній мнѣ будетъ дороже жизни.

К. Хвалю твое расположеніе.

Г. Но сильное желаніе исполнить свою обязанность требуетъ бо̀льшей награды, и трудность исполненія дѣла облегчается надеждой на вѣрную награду.

К. Это ясно.

Г. По этому я прошу тебя, обѣщай мнѣ награду за опасность, которой я подвергнусь, чтобы храбро сражаясь, я не палъ въ спорѣ, одушевленный надеждой на награду.

К. Я тебѣ никогда не отказывалъ и не буду отказывать ни въ чемъ, что казалось пріятнымъ сенату, поэтому ты считаешся моимъ другомъ и стоишь выше другихъ придворныхъ.

Г. Это такъ, но я не объ этомъ теперь стараюсь.

К. Если желаешь другаго, скажи.

Г. Совсѣмъ другаго.

К. Чего же?

Г. Если смѣю сказать.....

К. Да, конечно.

Г. Ты разсердишься?

К. Навѣрно нѣтъ.

Г. Навѣрно разсердишься,

К. Отнюдь нѣтъ.

Г. Ты выйдешь изъ себя.

К. Не бойся этого.

Г. Я скажу по твоему приказанію: я люблю твою дочь Констанцію.

К. И хорошо дѣлаешь. Дочь государя слѣдуетъ любить и почитать.

Г. Ты прерываешь мою рѣчь?

К. Не прерываю.

Г. Я, если ты позволишь, льщу себя надеждой жениться на ней.

К. Онъ не маленькой желаетъ награды, и для васъ, начальники, необыкновенной.

Г. Онъ уже негодуетъ. Я это зналъ напередъ. Помогите прошу васъ, своими просьбами.

Начальники. Великій императоръ твоему достоинству прилично согласиться на это.

К. Что касается до меня, я согласенъ; но нужно напередъ справиться, какъ это приметъ моя дочь.

Н. Это вполнѣ правильно.

К. Я пойду и спрошу ее объ этомъ Галиканъ, если тебѣ угодно?

Г. Мнѣ это очень угодно.—

Констанція. Государь императоръ идетъ къ намъ печальнѣе обыкновеннаго; весьма удивляюсь, отчего это?

К. Поди сюда, дочь моя. Я немного хочу съ тобой поговорить.

Констанц. Я здѣсь, государь; приказывай, что тебѣ угодно.

К. Я въ большомъ безпокойствѣ и тяжкой печали.

Констанц. Какъ только я увидала тебя подходящимъ, я замѣтила твою печаль и хоть не знала причины, смутилась и испугалась.

К. Я печаленъ изъ за тебя.

Констанц. Изъ за меня?

К. Да, изъ за тебя.

Констанц. Мнѣ страшно; что жъ это такое, государь мой?

К. Мнѣ тяжело; я боюсь тебя опечалить.

Констанц. Мнѣ много хуже, если ты не скажешь.

К. Полководецъ Галиканъ, который многими побѣдами пріобрѣлъ первенство между всѣми начальниками, и въ помощи котораго мы такъ часто нуждаемся для защиты отечества.....

Констанц. Чтожъ онъ?

К. Онъ просить твоей руки.

Констанц. Моей?

К. Да.

Констанц. Я лучше соглашусь умереть.

К. Я это зналъ напередъ.

Констанц. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: вѣдь съ твоего согласія и позволенія я дала обѣтъ Богу сохранить свое дѣвство.

Константинъ находится въ страшномъ сомнѣніи: онъ не хочетъ принуждать дочь и боится оскорбить отказомъ Галикана Дочь спасаетъ его такимъ образомъ: Константинъ объявляетъ Галикану, что Констанція согласна, но свадьба можетъ состояться только послѣ побѣды надъ Скиѳами, а до тѣхъ поръ дочери Галикана Аттика и Артемія должны жить съ Констанціей; самъ же Галиканъ долженъ взять съ собой въ походъ наставниковъ Констанціи Павла и Іоанна, какъ будто бы для того, чтобы узнать отъ нихъ подробности объ образѣ жизни и характерѣ своей будущей жены. Въ слѣдующей сценѣ Кон-

станція принимаетъ дочерей Галикана и начинаетъ ихъ убѣждать служить Богу. Когда Галиканъ передъ походомъ заходилъ помолиться въ храмъ Юпитера, Іоаннъ и Павелъ не пошли за нимъ. Скиѳское войско вышло на встрѣчу Римлянамъ въ такомъ большомъ числѣ, что трибуны Галикановы рѣшились сдаться непріятелю. Галиканъ въ отчаяніи послѣдовалъ совѣту Іоанна и Павла и далъ обѣтъ креститься. Росвита по обыкновенію переноситъ читателя мгновенно въ войско Скиѳское. Скиѳы жалуются своему начальнику Брадану, что у нихъ не подымаются руки. Браданъ сдался Галикану и тотъ возвращается назадъ побѣдителемъ. Слѣдующая сцена во дворцѣ: Константинъ удивляется, отчего не идетъ такъ долго Галиканъ; ему докладываютъ, что онъ пошелъ молиться въ христіанскій храмъ. Константинъ не хочетъ вѣрить этому, но вотъ является самъ Галиканъ, разсказываетъ, какъ онъ далъ обѣтъ Богу, какъ явился къ нему божественный юноша, который повелъ его впередъ, а потомъ и цѣлые полки небеснаго воинства; онъ съ радостью узнаетъ, что его дочери, по совѣту Констанціи, рѣшились не выходить замужъ и самъ уходитъ къ святому Гилярію. Вторая часть той же драмы разсказываетъ о томъ, какъ Галикана, Павла и Іоанна замучилъ Юліанъ Отступникъ.

Вторая драма «Дульциціи» интересна въ томъ отношеніи, что въ ней есть комическая сцена. Дульциціи, военачальникъ Деоклетіана, отправляется ночью въ тюрьму къ тремъ святымъ дѣвамъ, красотой которыхъ онъ плѣнился. Ослѣпленный по волѣ Бога, онъ расточаетъ свои нѣжности разной кухонной посудѣ и вымазанный сажей является къ своимъ воинамъ.—

Солдаты. Что это за чортъ выходитъ, или это самъ дьяволъ? побѣжимъ отсюда.

Дульциціи. Воины, куда вы бѣжите, остановитесь, подождите, ведите меня съ фонарями въ постелю.

Воины. Голосъ нашего господина, а лице дьявола; нѣтъ,

мы не остановимся, а побѣжимъ еще скорѣй; иначе отъ привидѣнія намъ достанется.

Оскорбленный такимъ поведеніемъ воиновъ, Дульциций идетъ во дворецъ, но тамъ привратники также прогоняютъ его.

Третья драма разсказываетъ о воскресеніи Друзіаны и Калимаха.

Четвертая — паденіе и обращеніе Маріи.

Пятая — обращеніе блудницы Талсы.

Шестая — страданія святыхъ дѣвъ: Вѣры, Надежды и Любви.

И такъ мы видимъ, что пьесы Росвиты имѣютъ одинакіе сюжеты съ средневѣковыми драмами; какъ тамъ, такъ и здѣсь житія святыхъ и чудеса даютъ главное содержаніе. Также мало видно знаніе сцены; также быстро переносится дѣйствіе изъ одной страны въ другую, также мало движенія въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ. Но при этомъ сходствѣ очевидно различіе. Средневѣковая драма произошла изъ церковной службы, и потому до самаго конца удержала лирическій характеръ, а пьесы Росвиты житія, переложенныя въ діалоги. Кромѣ того авторы мистерій были люди необразованные и потому у нихъ встрѣчается множество самыхъ смѣшныхъ анахронизмовъ, которыхъ удачно избѣгаетъ умная и начитанная Росвита. За то мистеріи народны; поэтому въ нихъ больше жизни и мѣстами остроумія.

Громкій голосъ Гандерсхейна замолкъ и не нашелъ себѣ отраженія въ послѣдующихъ вѣкахъ. Неизвѣстно писала ли Росвита свои драмы только для чтенія, или ихъ играли на монастырскихъ театрахъ.

ГЛАВА IV.

Латинскіе сборники.

Страсть къ поэтическому вымыслу есть свойство человѣка на всѣхъ ступеняхъ его развитія; она можетъ быть слабѣе или сильнѣе, можетъ развиваться въ ту или другую сторону, можетъ при извѣстныхъ условіяхъ скрыться вглубь народа, но не можетъ исчезнуть окончательно. Въ то время, какъ римскіе аристократы читали и сочиняли поэмы и драмы, простой народъ разсказывалъ разныя чудеса про сивиллъ и колдуній; въ массѣ суевѣрія была своя поэзія, необходимая для человѣка. У практическихъ Римлянъ вымыселъ спустился до чрезвычайно низкой степени, но тѣмъ сильнѣе долженъ онъ былъ оказаться у новыхъ народовъ, которые заняли римскую территорію; они принесли съ собою богатый запасъ миѳологіи, подъ вліяніемъ происшествій историческихъ составили обширный историческій эпосъ, разсказывали сказки и сочиняли легенды; наконецъ у высшаго класса явились романы. Когда простой народъ слушалъ сказочниковъ и бродячихъ пѣвцевъ, и переносился съ ними воображеніемъ въ далекую, героическую старину, когда рыцари и дамы слушали или читали романы и путешествовали въ волшебныхъ странахъ, что же оставалось монахамъ, единственнымъ грамотнымъ людямъ, которые не всегда считали приличнымъ забавляться свѣтскими книга-

ми? Сухіе богословскіе трактаты не могли занимать ихъ постоянно, а житія святыхъ представляли чтеніе слишкомъ однообразное и серьозное. Впрочемъ послѣднія составляли главное и любимое чтеніе, но говорить о нихъ не входитъ въ программу нашей книги.

Для легкаго чтенія монахамъ и всѣмъ образованнымъ, т. е. знающимъ по-латыни людямъ служили латинскіе сборники. Ихъ читали не исключительно для забавы; читатели надѣялись извлечь изъ нихъ или нравственныя правила или любопытныя свѣдѣнія о природѣ. Содержаніе этихъ сборниковъ разнообразно, но они имѣютъ кое что общее между собою: разсказы обыкновенно бываютъ коротки, такъ какъ длинный романъ или повѣсть могли утомить читателя, и нравственная идея, проводимая авторомъ, могла ускользнуть отъ него; разсказы, въ родѣ нашихъ повѣстей, всѣ безъ исключенія имѣли нравоучительный характеръ и походили на библейскія притчи; развившаяся въ концѣ среднихъ вѣковъ страсть къ аллегоріи заставляла даже въ житіяхъ святыхъ и въ исторіи отъискивать нравственный внутренній смыслъ; слѣды схоластическаго воспитанія ихъ составителей видны очень ясно въ искуственности объясненій, во множествѣ подраздѣленій и опредѣленій и въ необыкновенно развитой діалектикѣ. Нѣкоторые изъ этихъ сборниковъ связываютъ всѣ разсказы вмѣстѣ посредствомъ одного большаго, на подобіе арабскихъ сказокъ. Источниками этихъ сборниковъ служили во первыхъ народныя сказки, во вторыхъ историческія преданія, сильно измѣненныя и облеченныя въ поэтическую форму, въ третьихъ разсказы, перешедшіе съ востока, нравившіеся своимъ фантастическимъ элементомъ и аллегоризмомъ.

Масса чтенія, обращающаяся въ извѣстную эпоху въ публикѣ, болѣе, нежели политическія событія и подробности быта, свидѣтельствуетъ о степени развитія общества. Уже одно это обстоятельство могло послужить для насъ достаточной причиной познакомить читателей съ нѣкоторыми изъ этихъ сборниковъ; но они сверхъ того имѣютъ инте-

ресъ въ другомъ отношеніи: когда во Франціи и Италіи стала развиваться отечественная проза, эти сборники послужили богатымъ источникомъ, откуда новеллисты черпали свои сюжеты, и еще прежде сѣверно-французскіе труверы и авторы нѣмецкихъ «Schwänke» (шутливыхъ разказовъ) пользовались ими.

Боккачіо передѣлалъ нѣкоторыя изъ нихъ въ прекрасныя новеллы, которыя вмѣстѣ съ другими итальянскими литературными произведеніями обошли весь свѣтъ, передѣлывались въ повѣсти и драмы (такъ исторія короля Лира и Венеціанскаго жида были, говорятъ, взяты изъ такого сборника). И такъ эти сборники повліяли на развитіе всѣхъ литературъ, даже русской. Чрезвычайно интересно было бы прослѣдить исторію этихъ *бродячихъ повѣстей*, но, къ несчастію, до сихъ поръ съ достовѣрностью можно сказать немногое, такъ какъ часто источники ихъ уже давно исчезли изъ обращенія.

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ и раннихъ по времени сборниковъ есть *disciplina clericalis* (поученіе клерику) составленное въ началѣ XII вѣка въ Испаніи *Петромъ Альфонсомъ*. Петръ, по происхожденію и вѣрѣ Еврей, былъ докторомъ короля Альфонса. Между своими единовѣрцами онъ пользовался большою славою, какъ знатокъ еврейскаго богословія и свободныхъ искусствъ. Въ 1106 году, имѣя 43 года отъ роду, онъ крестился въ день Петра и Павла, въ городѣ Оскѣ въ Аррагоніи, воспріемникомъ его былъ Альфонсъ; отъ дня крещенія онъ получилъ имя Петра, а отъ крестнаго отца фамилію Alfansi. Жиды обвиняли его, что онъ перешелъ въ христіанскую вѣру изъ за выгодъ. Тогда Альфонсъ написалъ книгу «Діалогъ противъ Іудеевъ» (dialogus contra Judeos). Онъ вывелъ разговаривающими двухъ лицъ: Моисея и Петра, т. е. себя до крещенія и себя послѣ крещенія, и за эту книгу пользовался славою богослова и церковнаго писателя. Ему же принадлежитъ сборникъ «disciplina clericalis» написанный въ формѣ поученія отъ отца къ сыну, которую такъ любили во всѣхъ средневѣковыхъ литературахъ. Зная хорошо по арабски, онъ пользовался бо-

гатой арабской литературой; изъ нея онъ заимствовалъ много сказокъ, басенъ и того, что собственно называется повѣстями. Кромѣ того онъ бралъ сюжеты для повѣстей и изреченія изъ всѣхъ книгъ, имъ читанныхъ. Въ 1827 г. въ Берлинѣ вышло прекрасное изданіе этого сборника Шмидта, снабженное обширнымъ комментаріемъ, въ которомъ Шмидтъ указываетъ на нѣкоторые источники и на распространеніе тѣхъ же сюжетовъ въ другихъ литературахъ. Мы ограничимся изложеніемъ содержанія нѣсколькихъ повѣстей. (Въ предисловіи авторъ называетъ себя, благодаритъ Бога, проситъ его помощи и указываетъ на цѣль своей книги (disciplina clericalis reddit clericum disciplinatum). —

Во второй главѣ о дружбѣ есть слѣдующій разсказъ: «Одинъ арабъ, приготовляясь къ смерти, позвавъ своего сына, спросилъ его: скажи мнѣ, сынъ мой, сколько въ продолженіи твоей жизни пріобрѣлъ ты друзей?»—«Я думаю около ста» отвѣтилъ сынъ. Отецъ сказалъ на это: «философъ говоритъ: не хвали друга, не испытавъ его. Я родился прежде тебя и пріобрѣлъ цѣлую сотню, то поди испытай, кто изъ нихъ истинный другъ.»—«Какъ посовѣтуешь ты испытать ихъ?» спросилъ сынъ. «Возьми теленка, убей его и, разрубивъ на куски, положи въ мѣшокъ, такъ чтобы на мѣшкѣ была видна кровь и, когда придешь къ другу, скажи ему: я, милый братъ мой, убилъ человѣка, и домъ мой будутъ обыскивать. Вотъ трупъ, его надо спрятать и зарыть въ землю. Прошу тебя, зарой его тихонько; никто не будетъ подозрѣвать тебя, и такимъ образомъ ты спасешь меня.» Сынъ сдѣлалъ, какъ приказалъ ему отецъ. Первый другъ, къ которому пришелъ онъ, сказалъ ему: «повѣсь себѣ мертвеца своего на шею; совершивши преступленіе, ты долженъ потерпѣть наказаніе; а въ мой домъ ты не войдешь.» Онъ обошелъ всѣхъ своихъ друзей по одиночкѣ и вездѣ получилъ одинакій отвѣтъ. Возвратившись къ отцу, онъ разсказалъ ему, какъ было дѣло. Отецъ сказалъ ему: «надъ тобой сбылось слово философа:

друзьями многіе считаются, а въ нуждѣ остается ихъ мало. Ступай къ моему другу и посмотри, что онъ тебѣ скажетъ.» Онъ пошелъ и сказалъ ему тоже, что и другимъ. «Входи скорѣй въ домъ, говоритъ ему тотъ, это тайна, о которой не должны знать сосѣди.» Потомъ удаливъ жену и семейство, онъ началъ рыть могилу. Увидавъ все готовымъ, сынъ поблагодарилъ его и разсказалъ, какъ было дѣло. Тогда отецъ сказалъ ему: «Вотъ про такого друга говоритъ философъ: тотъ тебѣ истинный другъ, кто помогаетъ тебѣ, когда свѣтъ тебя покинетъ.»

VII глава. Нѣкто, переходя черезъ лѣсъ, нашелъ змѣю, привязанную къ дереву. Онъ отвязалъ ее и согрѣлъ; змѣя, отогрѣвшись укусила его. «Что ты дѣлаешь? спросилъ ее человѣкъ: почему ты за добро платишь зломъ»?—«Я поступаю согласно моей природѣ», сказала змѣя.»—«Я тебѣ сдѣлалъ добро, а ты мнѣ за него платишь зломъ», возражалъ ей человѣкъ. Чтобъ разрѣшить споръ они позвали лисицу и разсказали ей по порядку какъ было дѣло. Тогда лисица сказала: «я не могу судить по вашимъ словамъ; мнѣ надо видѣть, какъ въ началѣ было дѣло»; и такъ змѣю снова привязали. «Ты, змѣя, сказала лисица, если можешь, освободись сама, а ты человѣкъ не трудись отвязывать ее».

XIV глава. Разсказываютъ про одного дворянина, который имѣлъ чрезвычайно нравственную, прекрасную жену; ему понадобилось ѣхать въ Римъ; онъ не приставилъ къ ней сторожа, надѣясь на ея цѣломудріе и честность. Жена вела себя чрезвычайно благоразумно и не подавала никакого повода къ подозрѣнію. Случилось, что она должна была выйти изъ дому, чтобъ посѣтить сосѣдку. Когда она возвращалась домой, ее увидалъ одинъ молодой человѣкъ и страстно влюбился въ нее. Онъ посылалъ къ ней много разъ, но ни въ чемъ не успѣлъ. Отчаявшись въ исполненіи своего желанія, онъ впалъ въ тоску и сдѣлался боленъ. Часто ходилъ онъ по улицѣ, желая ее видѣть, но это ему не удавалось. Однажды его встрѣтила старуха и спросила его о причинѣ его горести. Юноша сперва отка-

зывался отвѣчать ей. «Кто не хочетъ разсказать свою болѣзнь доктору, сказала ему старуха, тотъ заболѣетъ еще больше». Тогда юноша разсказалъ ей по порядку все, что случилось. «Съ помощью Божіею я найду тебѣ лѣкарство», сказала старуха и пошла домой. У ней была собачка, которой она два дня не давала ѣсть, а на третій день дала ей кусочекъ хлѣба, намазаннаго горчицей. Когда собака его съѣла, отъ горечи глаза ея начали плакать. Взявши ее съ собой, старуха пошла къ женщинѣ, въ которую былъ влюбленъ юноша. Та приняла ее съ почетомъ; увидавъ плачущую собаку, женщина спросила отчего это съ ней сдѣлалось? «Другъ мой, отвѣчала старуха, не спрашивай меня; отъ горести я не могу разсказать тебѣ этого». Женщина стала настаивать; тогда старуха объяснила ей. «Эта собачка есть моя дочь, она была очень красива и чрезвычайно нравственна. Ее полюбилъ одинъ юноша, но она изъ цѣломудрія отвергла его любовь. Тогда тотъ съ горя заболѣлъ, а дочь моя за эту вину обратилась въ собаку». Сказавъ это, старуха зарыдала. «Чтоже мнѣ дѣлать? спросила въ испугѣ женщина: я повинна въ такомъ же грѣхѣ; меня полюбилъ одинъ юноша, но я изъ цѣломудрія отвергла его любовь, и онъ теперь боленъ». — «Я совѣтую тебѣ, сказала ей старуха, какъ можно скорѣй сжалиться надъ нимъ, а то и ты обратишся въ собаку»; за тѣмъ она предложила свои услуги, чтобы съискать юношу, за что дама была ей очень благодарна.

Въ средніе вѣка, въ разсказахъ, женщина по большей части выставляется съ дурной стороны. Приведенная нами повѣсть есть одна изъ самыхъ приличныхъ и скромныхъ въ такомъ родѣ.

XX глава. Разсказывается о двухъ горожанахъ и мужикѣ, которые для молитвы ходили въ Мекку. Близъ этого города у нихъ не хватило пищи и осталось только немного муки, изъ которой они сдѣлали маленькій хлѣбъ; видя это, одинъ горожанинъ сказалъ другому: «у насъ мало хлѣба, а нашъ товарищъ ѣстъ много; по этому намъ надо

посовѣтоваться какъ бы воспользоваться его долей». Они рѣшили начать печь хлѣбъ и заснуть, пока онъ будетъ печься; кто изъ нихъ увидитъ лучшій сонъ, тотъ и долженъ одинъ воспользоваться хлѣбомъ. Они надѣялись такимъ образомъ обмануть глупаго крестьянина. Сдѣлали хлѣбъ, положили его на огонь, а сами легли спать. Крестьянинъ, понявъ ихъ хитрость, во время ихъ сна, снялъ полуиспеченный хлѣбъ съ огня и съѣлъ его. Одинъ изъ горожанъ, какъ будто испуганный сномъ, проснулся и позвалъ товарища. «Что съ тобой»? спросилъ тотъ. «Я видѣлъ удивительный сонъ; мнѣ снилось, что два ангела открыли небесныя врата и привели меня къ Богу». Другой сказалъ: «а меня тоже два ангела повлекли въ адъ». Крестьянинъ слышалъ все это, но притворился спящимъ. Они его разбудили, а онъ, какъ будто испуганный, спросилъ. «Кто зоветъ меня»? — «Твои товарищи». — «Развѣ вы уже возвратились»? спросилъ крестьянинъ. «Откуда намъ возвращаться»? — «А я видѣлъ, что одного изъ васъ два ангела повлекли къ Богу, а другаго въ адъ; я думалъ, что никто изъ васъ не возвратится и съѣлъ хлѣбъ».

Этотъ разсказъ пріобрѣлъ большую популярность; онъ сдѣлался русскимъ народнымъ анекдотомъ; арабская обстановка естественно измѣнилась въ русскую, и три Араба превратились въ Русскаго и Татарина.

XXI глава. Мой учитель разсказывалъ мнѣ, что одинъ царь имѣлъ закройщика, которому онъ поручалъ въ различное время дѣлать себѣ платье; а тотъ имѣлъ учениковъ портныхъ, которые искусно шили скроенное имъ. Одинъ изъ нихъ Недуй превосходилъ въ искусствѣ всѣхъ другихъ. Однажды въ праздникъ царь призвалъ закройщика и приказалъ ему приготовить дорогое платье. Чтобъ это дѣлалось скорѣе и безъ помѣхи, онъ приставилъ къ нимъ евнуха, который бы снабжалъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Въ одинъ день слуги принесли портнымъ теплый хлѣбъ съ медомъ, и всѣ, кто былъ тутъ, начали ѣсть. Евнухъ спро-

силъ: «почему же вы ѣдите безъ Недуя и не подождете его?» Хозяинъ отвѣчалъ: «онъ не сталъ бы ѣсть меда, хоть бы и былъ тутъ». Придя домой, Недуй сталъ жаловаться, что все съѣли безъ него и ничего ему не оставили. «Хозяинъ твой сказалъ, что ты не ѣшь меду», замѣтилъ ему евнухъ. Недуй промолчалъ и сталъ думать, какъ бы отплатить своему хозяину. Однажды въ его отсутствіе, онъ сказалъ тихонько евнуху: «мой хозяинъ часто въ припадкѣ бѣлой горячки теряетъ разсудокъ и жестоко бьетъ всѣхъ находящихся съ нимъ».—«Еслибъ я зналъ, сказалъ евнухъ, часъ, въ который съ нимъ это бываетъ, я бы связалъ его, чтобъ онъ не сдѣлалъ никому зла и отколотилъ бы его ремнями». Недуй сказалъ ему: «когда ты увидишь, что онъ будетъ оглядываться въ разныя стороны, бить руками землю, подыматься съ своего мѣста и хватать свою скамейку, знай, что онъ въ безуміи и можетъ разбить кому нибудь голову». Евнухъ поблагодарилъ Недуя и обѣщалъ предотвратить дурныя послѣдствія. На слѣдующій день Недуй утащилъ у своего хозяина ножницы. Тотъ, отъискивая ихъ, началъ бить рукою по землѣ и оглядываться въ разныя стороны, поднялся съ своего мѣста и схватился рукою за скамейку. Видя это, евнухъ позвалъ своихъ слугъ, приказалъ имъ связать его и, чтобъ онъ не прибилъ кого нибудь другаго, началъ его жестоко бить. Закройщикъ кричалъ и спрашивалъ: «за что вы меня такъ колотите?» а они молча еще сильнѣе принялись колотить его. Наконецъ уставши, они кинули его полумертваго. Отдохнувши нѣсколько, онъ спросилъ евнуха, что онъ такое сдѣлалъ. Евнухъ сказалъ ему: «твой ученикъ Недуй предупредилъ меня, что ты часто бываешь въ безуміи, и припадокъ прекращается съ тобой только тогда, когда тебя отколотятъ». Услыхавъ это, хозяинъ позвалъ Недуя и спросилъ его: «другъ мой! когда ты видѣлъ меня безумнымъ»? — Недуй отвѣчалъ ему также вопросомъ: «а когда ты видѣлъ, чтобъ я не ѣлъ меду?» — Евнухъ и другіе, слыша это, громко засмѣялись и разсудили, что тотъ претерпѣлъ наказаніе по правдѣ.

XXII глава. Одинъ жонглеръ (joculator) пришелъ къ королю; тотъ посадилъ его за столъ вмѣстѣ съ другимъ жонглеромъ; прежде пришедшій позавидовалъ своему товарищу, такъ какъ король и придворные полюбили его болѣе. Онъ задумалъ какъ нибудь пристыдить его передъ всѣми; для этого тихонько собралъ всѣ кости и положилъ ихъ передъ своимъ товарищемъ; по окончаніи обѣда, онъ показалъ королю эту кучу костей и съ злобнымъ умысломъ сказалъ ему: «государь, мой товарищъ съѣлъ мясо со всѣхъ костей». Король косо посмотрѣлъ на того; обвиненный отвѣчалъ: «государь, я поступилъ по людски, съѣлъ мясо и оставилъ кости, а товарищъ мой, какъ собака, съѣлъ и мясо и кости».

Этотъ разсказъ представляетъ интересныя подробности для исторіи жонглеровъ XII вѣка.

XXIV. Разсказываютъ, что одинъ крестьянинъ пахалъ на быкахъ; когда тѣ не хотѣли идти по прямой бороздѣ, раздраженный крестьянинъ сказалъ: «пусть съѣдятъ васъ волки». Волкъ, слышавши это, промолчалъ, но когда день склонился къ вечеру, и крестьянинъ возвращался домой, волкъ потребовалъ исполненія обѣщанія. «Я хоть и сказалъ это слово, защищался крестьянинъ, но не подтвердилъ его клятвой». Волкъ же возражалъ ему на то: «ты ихъ уступилъ мнѣ, слѣдовательно быки мои». Наконецъ они рѣшились идти къ судьѣ, и по дорогѣ встрѣтили лисицу. «Куда вы идете?» спросила ихъ та; они разсказали ей все дѣло. «Вамъ не зачѣмъ искать другаго судьи, сказала лисица, я васъ разсужу настоящимъ образомъ; если вы на это согласны, я поговорю сперва съ однимъ, потомъ съ другимъ, если я покончу дѣло мировой, рѣшеніе останется скрытымъ; если же нѣтъ, то будетъ объявлено громко. Они согласились; отозвавши въ сторону крестьянина, лисица сказала: «дай одну курицу мнѣ, а другую женѣ моей, и быки будутъ цѣлы», тотъ согласился; потомъ она отозвала въ сторону волка, и сказала: «послушай, мой другъ! за твои достоинства, я, сколько моихъ силъ есть, должна хлопотать за тебя, я уговорила крестьянина, что, если ты оставишь

въ покоѣ его быковъ, онъ обязуется дать тебѣ сыръ, величиною съ щитъ». Волкъ согласился. «Позволь же, продолжала лисица, увести ему быковъ, а я поведу тебя къ тому мѣсту, гдѣ готовятся сыры, и тамъ ты выберешь, какой хочешь». Волкъ поддался на ея слова и позволилъ крестьянину увести быковъ; лисица же долго плуталась съ нимъ, потомъ, когда совсѣмъ стемнѣло, привела его къ глубокому колодцу, на днѣ котораго отражалась луна и сказала ему: «вотъ тотъ сыръ, который тебѣ обѣщанъ; сойди туда и ѣшь его». Волкъ отвѣчалъ ей: «сойди прежде сама и, если одна не подымешь его, позови меня на помощь». Въ колодкѣ висѣла веревка, на каждомъ концѣ которой было по ведру, и они были такъ устроены, что, когда одно подымалось, другое опускалось. Замѣтивъ это, лисица, какъ бы снисходя къ просьбѣ волка, влѣзла въ ведро и опустилась вглубь. Волкъ закричалъ ей: «чтожъ ты не несешь мнѣ сыръ?» — «онъ очень великъ, отвѣчала лисица: войди въ другое ведро и приди сюда, какъ ты обѣщалъ». Когда волкъ началъ спускаться, лисица, которая была гораздо легче, поднялась кверху и выскочила изъ колодца, оставивъ волка тамъ; а волкъ, отдавшій настоящее за надежду на будущее, съ своими достоинствами потерялъ и быковъ и сыръ.

Этотъ разсказъ очевидно взятъ изъ народной сказки, принадлежащей животному эпосу; отъ сказки онъ отличается во 1) нравоученіемъ и во 2) тѣмъ, что здѣсь не соблюдается нравственный законъ: въ сказкахъ лисица, обманувшая волка, сама бываетъ обманута крестьяниномъ, но Петру Альфонси чтобы доказать, что не надо оставлять настоящаго, надѣясь на будущее, такой конецъ былъ не нуженъ.

Всѣхъ главъ въ этомъ сборникѣ 39; разсказы занимаютъ меньшую часть; остальное составляютъ изреченія философовъ и поэтовъ, приводимыя то въ стихахъ, то въ прозѣ. Disciplina clericalis считалась книгой поучительной и расходилась въ средніе вѣка во многихъ спискахъ. Цѣлая треть повѣстей перешла въ другой позднѣйшій сборникъ, извѣстный подъ именемъ «*Римскихъ Дѣяній*».

Дѣянія Римскія (gesta romanorum) — самый любопытный сборникъ, такъ какъ онъ составлялъ главный запасъ для итальянскихъ новеллистовъ. Въ настоящее время считается доказаннымъ, что подъ этимъ названіемъ существовало 2 сборника; одинъ меньшаго объема составленъ въ Англіи, первоначально на латинскомъ языкѣ и потомъ переведенъ на англійскій. Изъ 102-хъ главъ, составляющихъ этотъ сборникъ, 40 одинаковы съ Гестами континентальными. Они представляли богатый запасъ для поэта, и въ нихъ найдены разсказы о королѣ Лирѣ и Венеціанскомъ жидѣ. На литературу континента несравненно большее вліяніе имѣлъ другой сборникъ, составленный на континентѣ и содержащій въ себѣ около 180 главъ; объ немъ и будемъ мы говорить. Нѣкоторые приписываютъ его Петру Берхорію (Pierre Bercheur) пріору Бенедиктинскаго монастыря въ Парижѣ, умершему въ 1362 году, другіе же—неизвѣстному нѣмцу. Всего вѣроятнѣе, что сборникъ этотъ составился не сразу, а постепенно, такъ какъ и печатное изданіе разнится въ числѣ главъ. Въ 1358 году когда Боккачіо писалъ свой Декамеронъ, «Дѣянія Римскія» были уже въ большомъ ходу; на степень распространенности этой книги указываетъ то обстоятельство, что первое изданіе было сдѣлано въ 1473 году и въ короткій промежутокъ времени выдержали 50 изданій. Кромѣ существовавшихъ въ то время сборниковъ, авторъ пользовался легендами о святыхъ, латинскими хрониками, притчами изъ Варлаама и Іоасафа и т. д. Любопытно то обстоятельство, что онъ самъ часто ссылается на «gesta romanorum», вѣроятно, подразумѣвая подъ этимъ, не какой либо другой сборникъ, а просто всеобщую исторію. Названіе—«Дѣянія Римскія» не обнимаетъ его содержанія: вмѣстѣ съ измѣненными разсказами изъ римской исторіи, здѣсь есть житія святыхъ, народныя сказки, средневѣковыя историческія преданія и т. д. Эти разсказы не связаны между собой и не имѣютъ предисловія, которое бы указывало на цѣль сборника или на автора; порядокъ главъ не обусловленъ ихъ содержаніемъ.

За каждой повѣстью слѣдуетъ ея нравственное толкованіе (moralisatio) чрезвычайно искусственное, въ схоластическомъ духѣ.

Полагаютъ, что эти нравоученія составлены позднѣе, а первоначально сборникъ заключалъ въ себѣ только повѣсти. Вліяніе схоластики замѣтно съ перваго взгляда и въ самыхъ разсказахъ, такъ какъ сказочные герои диспутируютъ и аргументируютъ, какъ студенты на лекціяхъ и въ соборахъ. Основныя черты схоластической науки такъ ясно выразились въ «Римскихъ Дѣяніяхъ», что переводъ нѣсколькихъ отрывковъ изъ нихъ даетъ болѣе осязательное понятіе объ этомъ довольно затруднительномъ предметѣ, чѣмъ всевозможныя общія фразы и толкованія.

Не менѣе интересны тѣ факты, которые даетъ этотъ сборникъ для характеристики *содержанія* средневѣковой науки; особенно странно поражаетъ непривычнаго человѣка сліянія 3-хъ элементовъ: классическаго, изъ котораго остались только имена и факты; рыцарскаго, дающаго обстановку, и религіознаго, пропитывающаго все одной идеей. Это смѣшеніе замѣтно и въ 1-ой главѣ.

1. Царствовалъ Помпей, государь богатый и могущественный; онъ имѣлъ единственную дочь — красавицу, которую онъ такъ любилъ, что приставилъ охранять ее пятерыхъ рыцарей; тѣ, опасаясь наказанія, вооруженные сторожили ее днемъ и ночью, и передъ дверью ея комнаты повѣсили горящую лампу, чтобы кто нибудь не пришелъ къ ней ночью, во время ихъ сна, и держали у себя собачку, чтобъ она, въ случаѣ опасности разбудила ихъ своимъ лаемъ. Эта дѣвушка, нѣжно воспитанная, очень желала видѣть свѣтъ. Когда однажды она выглянула наружу, одинъ герцогъ (dux) влюбился въ нее, такъ какъ она была очень хороша собой и по смерти отца должна была сдѣлаться наслѣдницей престола. Обѣщаніями онъ уговорилъ ее слѣдовать за собой; она убила собачку, потушила лампу и убѣжала съ нимъ. Поутру стали ее искать, не зная, куда она дѣвалась. Въ царскомъ дворцѣ былъ одинъ боецъ; ус-

лыхавъ о бѣгствѣ царевны, онъ пустился за нею въ погоню; догнавъ ихъ, началъ съ герцогомъ поединокъ, убилъ его и отрѣзалъ ему голову, а царевну привелъ назадъ къ отцу. Она долго не показывалась царю, плакала и вздыхала. Услыхавъ объ этомъ, одинъ мудрецъ, жившій во дворцѣ императора и часто исполнявшій роль посредника между императоромъ и другими, движимый жалостью, помирилъ ее съ отцемъ, и тотъ отдалъ ее замужъ за благороднаго человѣка. За тѣмъ описываются подарки, полученные царевной отъ разныхъ лицъ.

Морализація. Любезнѣйшіе! императоръ этотъ есть нашъ Отецъ Небесный, Который страстію Сына избавилъ насъ отъ пасти діавола; Онъ есть Царь царствующихъ и Господь господствующихъ (за тѣмъ текстъ). Единственная дочь Его есть душа, ея охрана поручена 5 рыцарямъ, т. е. 5 чувствамъ, которыя вооружены добродѣтелями, получаемыми человѣкомъ при крещеніи; эти чувства суть: зрѣніе, слухъ и т. д., охраняющіе душу противъ діавола, міра и плоти. Горящая лампа есть воля, подчиненная во всемъ Богу; она вѣчно должно пылать добрыми дѣлами, чтобы душа не впала въ грѣхъ. Маленькая собачка есть совѣсть, возстающая противъ грѣховъ. Но, о горе! душа, желая видѣть прелести міра, выглядываетъ наружу т. е. преступаетъ повелѣніе Божіе, и тотчасъ соблазняется герцогомъ т. е. адскимъ хищникомъ; тогда погасаетъ свѣтильникъ добрыхъ дѣлъ, погибаетъ собачка совѣсти, и душа въ ночи грѣха слѣдуетъ за діаволомъ. Услыхавъ объ этомъ, нашъ поборникъ т. е. Богъ—ибо кто другой за насъ побораетъ, какъ не Ты, Господи?—сражается противъ дьявола, побѣждаетъ его и душу приводитъ ко дворцу небеснаго царства. Мудрый посредникъ есть Христосъ, по словамъ апостола I. Tim. II: единъ посредникъ Бога и человѣковъ Господь I. X. и т. д.

Интересное діалектическое состязаніе представляетъ глава 5.

Одинъ юноша былъ захваченъ въ плѣнъ пиратами и просилъ черезъ письмо отца выкупить его; отецъ не захотѣлъ этого и юноша долго сохъ въ тюрьмѣ. Его владѣлецъ имѣлъ красавицу дочь 20 лѣтъ; она часто посѣщала плѣнника, чтобъ утѣшать его; но горесть его была такъ сильна, что онъ не принималъ никакого утѣшенія, а вѣчно плакалъ и вздыхалъ. Однажды юноша умолялъ ее, говоря: «добрая дѣвушка! освободи меня!» Она согласилась, но съ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ послѣ непремѣнно женился на ней; и они бѣжали вмѣстѣ. Когда отецъ юноши узналъ, какъ было дѣло, онъ запретилъ сыну исполнять обѣщаніе. «Ты не можешь ей довѣрять, говорилъ онъ, и слѣдовательно, не долженъ жениться на ней: она обманула собственнаго отца, выпустивъ тебя безъ его воли; по ея винѣ отецъ потерялъ твой выкупъ, ergo, ты не долженъ жениться на ней. Другое доказательство: она тебя освободила изъ плотской любви, чтобы имѣть тебя своимъ мужемъ; такъ какъ похоть ея служила причиною твоего освобожденія, то я думаю, что она не годится тебѣ въ жены.» Дѣвушка, слыша это, сказала: «ты говоришь, что я обманула своего отца; это неправда: обмануть (decipere) значитъ лишить кого нибудь извѣстнаго блага; но отецъ мой такъ богатъ, что не нуждается ни въ чемъ, еслибъ онъ получилъ отъ тебя выкупъ за сына, онъ не сталъ бы богаче, а ты пришелъ бы въ разореніе. И такъ, освобождая его, тебя я спасла, а отцу не нанесла никакой обиды. На 2-ое твое доказательство, что я освободила его изъ плотской любви, я отвѣчу такъ! Плотская любовь возбуждается или красотой или богатствами, или почестями, или силой. Но сынъ твой не имѣлъ въ себѣ ничего такого, такъ какъ красота его погибла въ тюрьмѣ; онъ не былъ богатъ, потому что не могъ даже за себя дать выкупъ; не былъ силенъ, такъ какъ ослабѣлъ отъ заключенія; и такъ освободить его меня побудила одна доброта.» Слыша это, отецъ не могъ болѣе ничего возразить, и сынъ его торжественно женился на ней и въ мирѣ окончилъ дни свои.

Морализація. Сынъ, плѣненный пиратами, есть весь родъ человѣческій, плѣненный грѣхомъ прародителя и находящійся въ тюрьмѣ т. е. во власти діавола. Отецъ, не желавшій его выкупить, есть міръ, который не только не освобождаетъ человѣка отъ тюрьмы діавола, но еще задерживаетъ его тамъ; Христосъ, движимый жалостію, сошелъ къ намъ съ неба и освободилъ насъ отъ власти діавола и т. д.

Еще болѣе діалектическаго искусства въ случаѣ менѣе возможномъ проявляется въ слѣдующей главѣ.

Глава 6. Одинъ могучій, но жестокій императоръ женился на прекрасной царевнѣ; послѣ свадьбы дали они другъ другу клятву, что если одинъ умретъ прежде, другой изъ любви долженъ самъ лишить себя жизни. Однажды императоръ уѣхалъ въ дальнія страны и пробылъ тамъ очень долго. Желая испытать свою жену, онъ послалъ къ ней вѣстника сказать, что его нѣтъ въ живыхъ; жена, исполняя клятву, бросилась съ высокой горы, но не убилась до смерти, потомъ приготовлялась повторить это. Отецъ ея запретилъ ей исполнять клятву и приказаніе мужа и грозилъ отречься онъ нея; но она говорила: «давшій клятву долженъ исполнить ее; я дала клятву, слѣд. я должна исполнить ее; слѣд. я не погрѣшаю, поступая такъ, и ты не долженъ отрекаться отъ меня. Никого не наказываютъ за хорошій поступокъ; такъ какъ мужъ и жена, по глаголу Божію, составляютъ одну плоть, хорошо поступаетъ жена, умирающая изъ любви къ мужу. Оттого и въ Индіи былъ нѣкогда законъ, по которому по смерти мужа жену сжигали, или живую зарывали въ могилу; и такъ, мнѣ кажется я не погрѣшаю, убивая себя изъ любви къ мужу.» Отецъ возражалъ ей: «ты говоришь, что ты связана клятвою; но такая клятва какъ обязывающая къ смерти, не имѣетъ значенія; клятва должна быть разумна; слѣд. твоя клятва—не клятва. Второе доказательство твое также не дѣйствительно, такъ какъ мужъ и жена есть одно по плоти, но въ духѣ они составляютъ 2-хъ людей.» Выслушавъ это, женщина не могла долѣе спорить и подчинилась волѣ отца.

Черты средневѣковыхъ вѣрованій, приложенныхъ къ именамъ римскимъ, видны напр. въ 10 главѣ.

Императоръ Веспасіанъ долго не имѣлъ потомства; наконецъ, по совѣту мудрецовъ, онъ взялъ въ жены прекрасную дѣвушку изъ далекой страны, поселился съ ней вдали отъ отечества и прижилъ съ ней потомство. Когда онъ хотѣлъ возвратиться въ отечество, она не пускала его, грозя лишить себя жизни по его отъѣздѣ. Тогда императоръ приказалъ сдѣлать 2 кольца и на одномъ символъ памяти, а на другомъ забвенія; кольцо забвенія далъ онъ женѣ своей, а себѣ взялъ кольцо памяти; жена сейчасъ же начала забывать любовь свою къ мужу, и Веспасіанъ могъ спокойно уѣхать домой.

Глава 20 есть обработка очень извѣстнаго сюжета, существующаго между прочимъ въ русской народной поэзіи подъ именемъ сказки «о Маркѣ богатомъ.»

Въ царствованіе Конрада былъ одинъ графъ, по имени Леопольдъ, который, опасаясь королевскаго гнѣва, бѣжалъ съ женою въ лѣсъ и скрывался тамъ въ шалашѣ. Въ этомъ лѣсу однажды охотился Конрадъ, и, застигнутый ночью, принужденъ былъ искать гостепріимства въ томъ же шалашѣ. Хозяйка, бывшая въ послѣдней степени беременности, устроила ему все необходимое, какъ могла лучше. Ночью родила она мальчика, и императоръ услыхалъ внезапно голосъ: возьми, возьми, возьми! Онъ пробудился въ испугѣ и спрашивалъ себя: что значатъ эти слова? что я долженъ взять? и подумавъ такимъ образомъ, онъ заснулъ. Потомъ онъ услыхалъ снова голосъ, говорившій: отдай, отдай, отдай! Опечаленный онъ говорилъ себѣ: что это значитъ? что мнѣ отдать, когда я ничего не бралъ? Въ третій разъ онъ былъ пробужденъ словами: бѣги, бѣги, бѣги! Вставши поутру, онъ сказалъ 2-мъ оруженосцамъ: «Подите отнимите изъ рукъ матери ребенка, разрубите его пополамъ и принесите мнѣ его сердце. Они исполнили первую часть приказанія, но мальчикъ былъ такъ хорошъ, что они пожалѣли убивать его, а положили на дерево, сами же убили зайца и сердце его принесли государю. Въ тотъ же день

мимо того мѣста, гдѣ лежалъ мальчикъ, проходилъ одинъ герцогъ; онъ взялъ мальчика съ собою, принесъ его женѣ и, такъ какъ у нихъ не было дѣтей, они усыновили его и назвали Генрихомъ, а всѣмъ другимъ выдавали его за собственнаго сына. Мальчикъ выросши, былъ очень красивъ собой, краснорѣчивъ и обходителенъ. Тогда императоръ выпросилъ его у отца и оставилъ жить во дворцѣ; но видя, какъ всѣ любили его, онъ сталъ опасаться, чтобы онъ со временемъ, не занялъ его престолъ, и задумалъ убить его. Онъ послалъ его къ своей женѣ съ письмомъ, въ которомъ было написано: «если тебѣ дорога жизнь, сейчасъ же по прочтеніи письма убей этого мальчика.» По дорогѣ, Генрихъ зашелъ въ церковь и заснулъ тамъ на лавкѣ; священникъ изъ любопытства открылъ его сумку и прочелъ письмо. Желая спасти мальчика, онъ вытеръ слова: «убей его,» а вмѣсто того вписалъ: «отдай за него дочь». Царица, прочтя письмо и признавъ печать и руку мужа, созвала бароновъ и отпраздновала сватьбу въ Ахенѣ. Когда Конраду разсказали о торжествѣ, онъ чрезвычайно изумился и, узнавъ истину отъ оруженосцевъ и священника, рѣшился не противиться больше Божьей волѣ и призналъ Генриха своимъ зятемъ и наслѣдникомъ. Латинистъ передѣлывавшій эту легенду, сильно попортилъ ее, желая уничтожитъ, насколько ему было возможно, фантастическій элементъ, и поэтическая сказка обратилась въ какое то нелѣпое и спутанное историческое преданіе. Хотя пишущій вполнѣ вѣрилъ въ истину своего разсказа, онъ все же присоединилъ замысловатое и странное толкованіе притчи.

Морализація. Императоръ этотъ есть Богъ Отецъ, который, будучи разгнѣванъ грѣхомъ прародителя, изгналъ его изъ рая и тотъ бѣжалъ въ лѣсъ этого міра. Богъ желая охотиться за душами, послалъ туда Своего Сына, Который родился въ плоти ночью. (Дальше толкованіе невозможно приложить, но схоластикъ перемѣняетъ позицію). Царь, услыхавшій слова: возьми, возьми, возьми! есть всякій человѣкъ, который долженъ быть царемъ самого себя т. е.

управлять собою. Каждому изъ насъ, сказано: возьми и т. д. т. е. 1-е возьми душу, сотворенную по образу Божію, 2-е, возьми тѣло съ 5-ю чувствами и всѣ стихіи, 3-е—возьми вѣчную жизнь, если будешь вѣрно служить Богу и т. д. Толкованіе очень длинно и если не умно, то остроумно.

Вотъ любопытное объясненіе извѣстнаго анекдота.

Глава 33. Валерій разсказываетъ, что одинъ человѣкъ, по имени Пeратинъ, говорилъ своему сыну и сосѣдямъ: «Увы мнѣ! у меня въ саду есть дерево, на которомъ повѣсилась сперва первая моя жена, потомъ вторая, а теперь и третья». На это ему замѣтилъ нѣкто Аррій: «я удивляюсь, что тебя печалитъ такой успѣхъ. Дай мнѣ пожалуйста, 3 отростка съ этого дерева; я желаю раздѣлить ихъ между сосѣдями, чтобы каждый имѣлъ дерево для повѣшенія жены». Такъ и было сдѣлано.

Кажется трудно найти аллегорическое толкованіе для этого сатирическаго разсказа, но схоластикъ не задумался.

«Друзья мой! это дерево есть Св. крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ; оно должно находиться въ саду человѣка, чтобы душа вѣчно помнила о страсти Спасителя. На этомъ древѣ повѣсились 3 жены человѣка: гордость, похоть плотская и похоть очей, ибо человѣкъ, преданный міру, имѣетъ 3-хъ женъ: одна называется удовольствіе и есть дочь плоти; другая — желаніе, дочь міра и 3-я гордость, дочь діавола» и т. д.

Историческіе разсказы, взятые изъ исторіи римской (gesta romanorum въ собственномъ смыслѣ) подвергались сильнымъ искаженіямъ и, разумѣется, получали аллегорическое значеніе.

Глава 43. Однажды въ Римѣ среди города разверзлась земля и открылась пропасть. Боги объявили, что пропасть закроется только тогда, когда кто нибудь туда бросится добровольно. Никто не соглашался на это; наконецъ Маркъ Аврелій (sic!) сказалъ: «Если мнѣ позволятъ цѣлый годъ дѣлать, что угодно, то я охотно брошусь». Римляне согласились; онъ цѣлый годъ пользовался всякими

благами, и потомъ бросился туда вмѣстѣ съ конемъ; земля тотчасъ закрылась.

Объясненіе. Друзья мой! Римъ есть этотъ міръ, среди котораго есть пропасть ада; она открылась до Р. Х. и множество людей погибли въ ней; боги т. е. пророки объявили, что она закроется, когда Дѣва родитъ Сына и т. д.

Вотъ разсказъ, взятый (посредственно или непосредственно, рѣшить трудно) изъ disciplina clericalis, (изъ II главы см. выше).

129. Нѣкоторый царь имѣлъ единственнаго сына, котораго онъ очень любилъ; сынъ получилъ отъ отца позволеніе поѣздить по свѣту, чтобъ пріобрѣсти себѣ друзей. Послѣ семилѣтняго путешествія онъ возвратился къ отцу. Тотъ обрадовался ему и спросилъ его, сколькихъ друзей пріобрѣлъ онъ. «Трехъ, отвѣчалъ сынъ: одного друга я люблю больше чѣмъ себя самого, другаго столько же, какъ себя, 3-го люблю мало, почти нисколько».—«Надо испытать ихъ прежде, чѣмъ обращаться къ нимъ. Убей свинью, положи ее въ мѣшокъ и поди ночью въ домъ друга, котораго любишь больше себя самого и скажи ему: я случайно убилъ человѣка, и если найдутъ его тѣло, меня постыдно казнятъ. Я прошу тебя, помоги мнѣ въ этомъ горѣ». Такъ и было сдѣлано. Другъ отвѣчалъ ему: «Ты убилъ его, слѣд. ты по справедливости долженъ подвергнуться наказанію, а если тѣло найдутъ у меня, то я буду повѣшенъ. Но такъ какъ ты былъ моимъ другомъ, то я пойду съ тобою до висѣлицы и потомъ позабочусь о твоихъ похоронахъ». Услыхавъ это, юноша пошелъ къ другому и сказалъ ему тоже. «Развѣ ты считаешь меня дуракомъ, чтобъ я подвергъ себя такой опасности? Изволь, я тебя провожу до висѣлицы и буду утѣшать тебя по дорогѣ». Тотъ отправился къ третьему другу, разсказалъ ему тоже и сказалъ: «мнѣ стыдно обратиться къ тебѣ, такъ какъ я ничего не дѣлалъ для тебя». Тотъ отвѣчалъ ему: «я охотно возьму твою вину на себя и если дѣло дойдетъ до висѣлицы, я за тебя умру».

По приложенному объясненію, 1-й другъ есть міръ 2-й семейство, 3-й Христосъ.

Аллегорическому толкованію подвергались даже житія святыхъ. Такъ въ 15-й главѣ разсказывается житіе Алексѣя Божьяго человѣка, столь распространенное въ нашихъ духовныхъ стихахъ: воспитаніе его, женитьба, бѣгство на паромѣ въ Лаодикію, въ Эдессу, раздача имѣнія, его нищенская жизнь, возвращеніе домой, поношеніе отъ слугъ въ домѣ отца, труды его, смерть, плачъ жены и т. д. Морализація объясняетъ, что Евфеміанъ есть человѣкъ отъ міра сего; жена Алексѣя есть суета міра, Алексѣй есть вѣрный сынъ Христовъ, корабль есть св. церковь и т. д.

Надо замѣтить, что названія главъ часто обусловливаются не содержаніемъ повѣсти, а идеей толкованія; слѣд. для составителя и нѣкоторыхъ читателей нравственная часть книги была интереснѣй.

«Дѣянія Римскія», не представляющія ничего цѣльнаго, имѣютъ интересъ при изученіи новеллъ, но для знакомства съ ними, собственно приведенныхъ выше главъ, мы считаемъ достаточно.

Третій сборникъ, съ которымъ мы хотимъ познакомить нашихъ читателей, имѣетъ другой характеръ. Авторы «Дисциплины» и «Дѣяній» смотрѣли на разсказы не какъ на фактъ, дѣйствительно случившійся, или по крайней мѣрѣ не всегда интересовались имъ, какъ фактомъ. Теперь мы будемъ говорить о такомъ сборникѣ, авторъ котораго приводитъ не повѣсти, но разсказываетъ о томъ, что случилось съ его знакомыми, или что передавали ему, и вообще говоритъ о вещахъ, возбуждающихъ въ немъ живой интересъ, не только нравственнымъ выводомъ, но и самымъ дѣломъ.

„*Разговоръ о чудесахъ*“ (dialogus miraculosum) составленъ въ XIII вѣкѣ Цезаріемъ, ученымъ монахомъ монастыря Гейстербаха. Близь Рейна, не далеко отъ Кёльна и Бонны въ 1134 году, одинъ рыцарь, покинувшій міръ, основалъ пустынножительство. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, мѣсто имъ заселенное, было покинуто, но въ 1188 году здѣсь былъ осно-

ванъ Цистерціанскій монастырь; первоначально всѣхъ братій было 12, потомъ монастырь все богатѣлъ, и слава его распространялась; число монаховъ все увеличивалось, и къ концу XII вѣка монастырь считался однимъ изъ лучшихъ въ этой мѣстности. Въ 1195 г. для него наступило тяжелое время: его поля опустошались шайками бродячихъ воиновъ, такъ какъ въ это время бились за императорскій престолъ, бились и за епископскій, но умный аббатъ Гевардъ умѣлъ удержать монастырь отъ паденія, и черезъ 2 года, когда въ окрестной странѣ наступилъ голодъ, монастырь могъ содержать цѣлую толпу бѣдныхъ. Гевардъ имѣлъ хорошее вліяніе на своихъ монаховъ, поучая ихъ своимъ примѣромъ и проповѣдями; но разсказываютъ, что монахи не всегда охотно слушали послѣднія; однажды Гевардъ замѣтилъ, что слушатели его почти всѣ заснули, тогда онъ, возвысивъ голосъ сказалъ (подобно Демосѳену): «я разскажу вамъ вещь новую и любопытную: нѣкогда жилъ король Артуръ»..... монахи сдѣлались внимательны, но Гевардъ не разсказалъ имъ ничего про Артура, а сталъ жестоко упрекать ихъ за приверженность къ свѣтскимъ баснямъ. При Гевардѣ въ монастырь поступилъ и авторъ нашего сборника Цезарій. Неизвѣстно гдѣ онъ родился, но воспитаніе свое получилъ онъ несомнѣнно въ Кёльнѣ; въ то время Кёльнъ былъ городъ богатый и населенный; жители его весело проводили время, поэтому на улицахъ постоянно происходили разныя безобразія; пьянство, игра, развратъ привлекали къ себѣ толпу кёльнской молодежи, но съ другой стороны многихъ привлекало сюда желаніе учиться, такъ какъ кёльнскіе богословы пользовались заслуженной славой. Цезарій не развратился въ развратномъ городѣ; этому онъ отчасти былъ обязанъ своимъ учителямъ, изъ которыхъ особенно одинъ, Енфридъ, заслуживаетъ вниманія; его ученикъ Цезарій разсказываетъ удивительныя вещи про его кротость и доброту. Онъ сердился только тогда, когда видѣлъ жестокое обращеніе съ учениками. «Тиранъ, закричалъ онъ на одного учителя, который имѣлъ при-

вычку бить учениковъ, ты здѣсь для того, чтобъ учить дѣтей, а не для того, чтобъ убивать ихъ». — «Святые, говоритъ про него Цезарій, могутъ дѣлать многое, что недоступно для другихъ людей». Цезарій былъ знакомъ съ Гевардомъ и однажды на дорогѣ, аббатъ сталъ увѣщевать его идти въ монастырь; онъ согласился, сдѣлался монахомъ и скоро сталъ извѣстенъ своею ученостью. Ему было поручено поучать новичковъ (novicios). Его литературные труды пріобрѣли ему большую извѣстность въ окрестности, такъ что отовсюду обращались къ нему съ просьбой составить житіе и службу. «Разговоръ о чудесахъ» написалъ онъ уже въ старости; цѣль его состоитъ въ томъ, чтобы дать молодымъ монахамъ средство по одной книгѣ сдѣлаться истинными служителями Бога. Цезарію, какъ учителю новичковъ, было ясно, что для этого нужно. Сборникъ написанъ въ видѣ діалога между монахомъ и новичкомъ; онъ раздѣляется на 12 отдѣловъ, напр. объ обращеніи, объ исповѣди, объ искушеніи, о чудесахъ, о демонахъ и т. д. Каждое отдѣленіе раздѣлено на главы, отъ 30 до 60. Въ первой главѣ новичекъ разспрашиваетъ своего учителя о предметѣ отдѣла, тотъ дѣлаетъ опредѣленіе, указываетъ на различные виды этого предмета, т. е. дѣлаетъ раздѣленіе и т. д.; потомъ приводитъ различные случаи въ подтвержденіе своихъ словъ, если напр. онъ говоритъ объ исповѣди, то онъ сперва опредѣляетъ, что такое исповѣдь, потомъ указываетъ ея необходимыя качества, говоритъ о ея необыкновенной силѣ, о формѣ, въ которой она должна производиться и т. д. Разсужденія монаха интересны для насъ по тому, что указываютъ на степень развитія того вѣка, на понятія, убѣжденія образованныхъ людей; но еще болѣе интересны разсказы, такъ какъ въ нихъ выступаетъ передъ нами вся обстановка жизни того времени. Въ Цезаріи съ перваго взгляда видѣнъ схоластикъ; вотъ примѣръ схоластическаго разбора текста, который по его мнѣнію, указываетъ на главнѣйшія свойства исповѣди: «ступай, покажи себя священнику, сказалъ Спаситель прокаженному». Въ этихъ 4-хъ

словахъ заключаются 4 необходимыя свойства исповѣди; слово «ступай» указываетъ на то, что она должна скоро слѣдовать за проступкомъ; «покажи» указываетъ на то, что она должна быть откровенна, «себя» указываетъ на необходимо присущую ей полноту; «священнику» — на то, что она должна совершаться въ узаконенной формѣ.

Разсказы представляютъ интересъ повѣстей; для примѣра приведемъ одинъ вполнѣ:

Отдѣлъ V, о демонахъ, гл: 36. Одинъ демонъ облекшись въ форму прекраснаго юноши, пришелъ къ одному рыцарю и предложилъ ему свои услуги; онъ понравился ему и наружностью и разговоромъ, и тотъ съ удовольствіемъ принялъ его къ себѣ; онъ началъ служить рыцарю такъ усердно, покорно, вѣрно и весело, что тотъ удивлялся на него. Всякій разъ, какъ тотъ садился на лошадь или слѣзалъ съ нея, демонъ держалъ ему стремя становясь на колѣна; онъ былъ всегда скроменъ, предупредителенъ и веселъ. Однажды, когда они вмѣстѣ ѣхали, и доѣхали до большой рѣки, рыцарь оглянулся и увидалъ своихъ смертныхъ враговъ. «Мы погибли сказалъ онъ слугѣ, сзади меня враги, передо мною рѣка; убѣжать некуда; они убьютъ меня или захватятъ въ плѣнъ».—«Не бойся, господинъ сказалъ ему слуга; я хорошо знаю бродъ; только слѣдуй за мной; мы избѣжимъ опасности». Рыцарь увѣрялъ, что здѣсь брода нѣтъ, но, побуждаемый надеждой избавленія, онъ послѣдовалъ за слугой и безъ всякой опасности добрался до берега. Въ это время враги доѣхали до рѣки и, остановившись на противуположномъ берегу, въ удивленіи говорили между собою: кто слыхалъ, чтобъ на этой рѣкѣ существовалъ бродъ? только одинъ дьяволъ могъ перевести его, и испугавшись они уѣхали назадъ. Чрезъ нѣсколько времени жена рыцаря впала въ тяжкую болѣзнь, и жизни ея угрожала опасность; когда медики истощили всѣ свои старанія, демонъ сказалъ своему господину: «если госпожа вымажется львинымъ молокомъ, она тотчасъ будетъ здорова.»—«А откуда достать его?» спросилъ рыцарь.—«Я принесу»; отвѣчалъ демонъ.

Онъ отправился и чрезъ часъ возвратился съ полнымъ сосудомъ молока. Когда имъ натерли жену рыцаря, ей тотчасъ стало лучше, а потомъ она и совсѣмъ выздоровѣла: «Откуда ты досталъ такъ скоро это молоко»? спросилъ рыцарь слугу. — «Изъ горъ Аравіи, отвѣчалъ тотъ. Отправившись отсюда, я пришелъ въ Аравію, вошелъ въ пещеру львицы, отнялъ львятъ отъ матки, выдоилъ ее и пришелъ сюда». Рыцарь удивился этимъ словамъ и спросилъ: «кто же наконецъ ты»?—«Не безпокойся объ этомъ, отвѣчалъ демонъ, я твой рабъ»; но рыцарь настаивалъ, и тотъ наконецъ сознался, говоря: «я демонъ, одинъ изъ тѣхъ, которые отпали съ Люциферомъ»; тогда рыцарь удивился еще болѣе и спросилъ: «какъ же ты, будучи діаволомъ по природѣ, такъ вѣрно служишь человѣку»?—«Мнѣ большое утѣшеніе быть съ сынами человѣческими», сказалъ демонъ. «Я не смѣю болѣе пользоваться твоей службой», говорилъ ему рыцарь; демонъ упрашивалъ его: «знай, говорилъ онъ, если ты удержишь меня на службѣ, отъ меня или изъ за меня ты никогда не испытаешь никакого зла».—«Я не смѣю, настаивалъ тотъ, но какой бы награды не портебовалъ ты, хоть половины моего имущества, ты получишь его, потому что никогда человѣкъ не служилъ такъ вѣрно и полезно другому, какъ ты мнѣ». Демонъ попросилъ у него только пять солидовъ и потомъ возвратилъ ихъ рыцарю, сказавъ: «сдѣлай, прошу тебя, на эти деньги колоколъ и повѣсь его надъ крышей этой бѣдной, оставленной церкви, чтобъ онъ по воскресеньямъ сзывалъ вѣрныхъ къ божественной службѣ», послѣ этого онъ исчезъ изъ глазъ.

Этотъ разсказъ, далеко не интереснѣйшій, достаточно указываетъ на характеръ повѣстей Цезарія, а содержаніе сборника исчерпать даже въ главнѣйшихъ чертахъ, не хватитъ у насъ времени, вслѣдствіе его разнообразія и интереса. Всѣ вѣрованія, убѣжденія и суевѣрія монаховъ XIII вѣка вошли сюда и предлагаются здѣсь не въ сухой формѣ разсужденія, а въ интересныхъ и довольно изящныхъ для того времени разсказахъ. Авторъ часто ссылается на очевид-

цевъ событія или на тѣхъ, кто ему передавалъ разсказъ. Множество интересныхъ историческихъ подробностей, которыхъ нѣтъ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, находимъ мы здѣсь, но всего болѣе даетъ этотъ сборникъ для уясненія себѣ быта и нравовъ этой интересной эпохи, такъ что въ числѣ источниковъ для исторіи культуры среднихъ вѣковъ, онъ долженъ быть, по нашему мнѣнію, поставленъ первымъ. Жизнь монастырей съ ихъ аскетизмомъ, умерщвленіемъ плоти и крайнимъ благочестіемъ съ одной стороны и развратомъ съ другой, выступаетъ здѣсь вполнѣ. Внимательный читатель на основаніи Цезарія можетъ прослѣдить за жизнію монастыря изо дня въ день, изъ часу въ часъ. Съ другой стороны жизнь рыцарей, епископовъ и горожанъ также не забыты авторомъ. У Цезарія найдемъ мы разсказы о путешествіи въ адъ, и благочестивыя легенды, и скандальные анекдоты и т. д. однимъ словомъ содержаніе его неисчерпаемо. Самъ авторъ, его взгляды и убѣжденія, высказываемая имъ безъ утайки и всесторонне, представляютъ чрезвычайно любопытный фактъ.—

КОНЕЦЪ.

LB N 18

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Sept. 2007

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 021 160 142 5